Лев ЛУРЬЕ

ОКНО В ИСТОРИЮ

Без Москвы

bhv®

ОКНО в ИСТОРИЮ

Лев Лурье

Без Москвы

Санкт-Петербург
«БХВ-Петербург»
2014

УДК 908
ББК 63.3(2)
Л86

Лурье Л. Я.

Л86 Без Москвы. — СПб.: БХВ-Петербург, 2014. — 416 с.: ил. — (Окно в историю)

ISBN 978-5-9775-0752-3

Петербург и Москва — два российских мегаполиса, бывшая и нынешняя столицы, соревнование между которыми не прекращается никогда. Книга посвящена описанию петербургской «самости», того, что делает жителей города непохожими ни на москвичей, ни на провинциалов. Действия книги охватывают век между 1912-м и 2012-м годами: между городом Александра Блока, Павла Милюкова и Тамары Карсавиной и местом, где живут Василий Кичеджи, Роман Широков и Сергей Шнуров. От акмеистов до хипстеров: обычаи, персонажи, трагедии и комедии города «славы и беды».

Для широкого круга читателей

УДК 908
ББК 63.3(2)

Группа подготовки издания:

Главный редактор	*Екатерина Кондукова*
Зам. главного редактора	*Людмила Еремеевская*
Зав. редакцией	*Екатерина Капалыгина*
Редактор	*Екатерина Трубей*
Компьютерная верстка	*Людмилы Чесноковой*
Корректор	*Зинаида Дмитриева*
Дизайн серии	*Марины Акининой*
Оформление обложки	*Марины Дамбиевой*

Подписано в печать 30.08.13.
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26.
Тираж 3000 (1 — 2000) экз. Заказ №
"БХВ-Петербург", 191036, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 20.

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

ISBN 978-5-9775-0752-3

© Лурье Л. Я., 2014
© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2014

Оглавление

Почему без Москвы? 9

Глава 1. Самость 11

Крона и корни петербургского снобизма 11
Десять отличий третьего города 23
Пролетарская рыбка 36
Рюмочные: уходящая натура 42

Глава 2. От столицы к провинции 50

1912-й: перелом жизни 60
Площадь Восстания. Стихия 69
Династы в феврале 79
Виктор Шкловский — террорист и филолог 91
Николай Гумилев против большевиков 102
Ленька Пантелеев — сыщиков гроза 123
Чубаровцы 148

Глава 3. Жить стало веселее 156

Борис Зон 157
Исаак Бродский 166
Другой Троцкий 176
Советский спец: Евгений Левинсон 187
Вера Панова 197
Ректор 207

Глава 4. Ленинградский холокост 218

Что построил Маннергейм? 219
Блокада: посттравматический синдром 227
Шпана 236

Мальчики из СХШ 251
Поэт, тиран, шпион 259
Зальцман — король танков 270
Разгром филфака 281

Глава 5. Хранители 291

Спасение Павловска 291
Фельдмаршал Эрмитажа 303
Комендантша 314
Ленинградский Д'Артаньян 324
Владимир Малышев 332
Историк Старцев 343

Глава 6. Системообразующий клуб 351

Кировский стадион 352
Бунт на стадионе 356
Артем Фальян 359
ЮАМ 363

Глава 7. Новые питерские 377

Поколение Путина выходит на пенсию 379
Матвиенко: итоги 389
Что делает Георгий Полтавченко на месте Валентины Матвиенко 399

Памяти Евгения Мороза (1950—2011)

Почему без Москвы?

После марта 1918 года, когда большевики перевели столицу из Петрограда в Москву, городу пришлось заново находить свою «самость». В пределах СССР, а потом России Ленинград должен был отстроиться от первопрестольной. Превратившись, как некогда Москва, в «порфироносную вдову», город обрел новую физиономию и репутацию.

В английском языке есть такое словцо «overeducated», что означает — обладающий ненужными и даже обременительными знаниями: конструктор на должности фрезеровщика. Для провинциального города в Петербурге слишком много библиотек, музеев и университетов. Но мало рабочих мест для интеллигенции — ни правительства, ни Думы, ни издательств, ни журналов. Использовать свой интеллектуальный ресурс с марта 1918 года, когда столица переехала в Москву, петербуржцам стало трудно. Поэтому Петербург в России — примерно то же, что Англия в англосаксонском мире — место бедное, стильное, нездоровое, с традициями, иногда бессмысленными.

С 1920-х годов здесь всегда было множество чудаков, знатоков ненужных дисциплин, любителей неизвестных поэтов и знаменитостей для узкого круга.

Обэриуты с их абсурдистскими и не рассчитанными на публикацию текстами; краеведы 1920-х, изучившие каждый квадратный сантиметр бывших императорских дворцов; изобретшие «Космическую академию» сверстники и приятели будущего академика Лихачева — все они представляли, говоря нынешним языком, «контркультурные молодежные движения». С тех пор эта традиция никогда не прерывалась.

Местом сосредоточения таких молодых людей оставался Невский проспект и его окрестности. Здесь встречались

мрачные поэты и художники-экспрессионисты начала 1950-х из группы Арефьева, а в 1956 году прошла демонстрация против искусства социалистического реализма, приуроченная к открытию выставки Пикассо. Здесь торговали записями Дюка Эллингтона, нанесенными на рентгеновские пленки; у витрин Елисеевского магазина кучковались короли Приморской трассы — фарцовщики, атаковавшие финские автобусы на мотоциклах «Ява». В «Кулинарии» на Малой Садовой пили «маленький двойной» поэты (Алексей Хвостенко, Сергей Стратановский, Евгений Вензель), позже перекочевавшие в «Сайгон», на угол Владимирского и Невского. Чуть более денежные сверстники Бродского, включая самого будущего лауреата Нобелевской премии, — Сергей Довлатов, Валерий Попов, Андрей Битов, Евгений Рейн, Анатолий Найман, Глеб Горбовский — предпочитали ресторан «Крыша» в гостинице «Европейская», где по вечерам играл джаз и всегда находился кто-нибудь, кто платил по счету. У подножия памятника Екатерине Великой исторически встречались геи. Из курилки Публичной библиотеки в Александро-Невскую лавру отправлялись знатоки религиозной философии. У Литейного обменивались книгами и информацией подпольные букинисты, антиквары, ценители иконописи, специалисты по поддельному Фаберже. В вестибюле кафе «Север» играли в шмен центровые, кормившиеся от Гостиного Двора. Общероссийским центром встреч хиппи-системщиков был садик на Стремянной, около кафе «Эльф». Гребенщиковское поколение «дворников и сторожей» кочевало от магазина пластинок в доме католической церкви до рок-клуба на улице Рубинштейна. Ближе к Лиговке — подпольные катраны, где лохов разводили по-крупному, курили планчик и нюхали марафет.

Большинство этих людей рано умерли, спились, сошли с ума, просто сгинули, но они-то и создали Ленинграду репутацию слегка безумного, неврастеничного города непризнанных гениев. Кое-кто и вправду был гением.

В этой книге мы надеемся взглянуть на Петербург как некую отдельную общность, почти цивилизацию.

Глава 1
Самость

Вычленение петербургской манеры, стиля, характера поневоле должно ограничиваться некими импрессионистскими зарисовками. В отношении национальных особенностей такие попытки описания всегда оборачиваются либо расизмом, либо идеализацией и разительно неточны. Грузины милы и гостеприимны — скажет любитель пламенной Колхиды, но тут же осечется, подумав о Берии и Сталине. Евреи — маменькины сыночки, книгочеи, идеалисты. Бывает. Но что вы скажете о чудовищных следователях НКВД или о свирепых израильских коммандос? Подобные примеры легко множатся. И тем не менее что-то феноменальное в петербуржцах чувствуется. Попробуем вычленить лежащее на поверхности.

КРОНА И КОРНИ ПЕТЕРБУРГСКОГО СНОБИЗМА

КРОНА

При самом поверхностном взгляде на Петербург обнаруживаем настороженную угрюмость жителей. Сравните московский, не будем говорить уже о киевском, вагон метро с питерским. У них ровный гул голосов, люди не стесня-

ются друг друга, реплика, брошенная в воздух, тут же подхватывается, молодежь балагурит, старушки обсуждают цены и болезни. У нас — настороженное молчание, взгляд избегает взгляда, случайное прикосновение — удар электрического тока. Громкий разговор встречает всеобщее молчаливое осуждение.

Москвичи легко переходят на «ты», при встречах целуются, приветливы к приезжим. В Петербурге поцелуи считаются признаком дурного вкуса, рукопожатия заменяются простым кивком, о человеке, живущем в Питере не один год, а то и десятилетие, говорят: «Эта NN, знаете, из Дубоссар». На «ты» обращаются разве что к одноклассникам, да и то с каким-то внутренним неудобством.

И приязнь, и неприязнь выражаются одинаково: чуть большее внимание к собеседнику, чуть сдержаннее полупоклон. Быть знаменитым — некрасиво, успех ассоциируется с пошлостью, конформизмом, недалекостью. Включенность в «большой» мир — успеха, денег, гастролей, больших тиражей, «Останкино» — с точки зрения петербургского сноба не комильфо. Логика строится на следующем простом силлогизме: Хармса не печатали; «Избранное» Бродского не могло выйти в «Советском писателе»; «Зону» Довлатова трудно было вообразить на страницах «Авроры», — так что же может представлять собой какой-нибудь Евграф Мелитопольский, опубликованный в «супере» тиражом 30 тысяч? Должно быть, пошляк и проходимец.

Норма — телесный изъян или болезнь (но обсуждать немощи, а тем более жаловаться на них — неприлично), честная бедность, совершенное знание чего-либо житейски бесполезного. В нашем климате отсутствие гайморита, ну или уж простого вазомоторного ринита просто подозрительно. Достоевский писал: «Это город полусумасшедших. Если бы у нас были науки, то медики, юристы и философы могли бы сделать над Петербургом драгоценнейшие исследования, каждый по своей специальности. Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге. Чего стоят одни климати-

ческие влияния!» Действительно, число странных, сирых, убогих на улицах Петербурга, особенно где-нибудь у Владимирской церкви или в районе Сенной, превосходит всякое вероятие.

Может быть от того, что петербуржец живет в городе, где здания похожи на декорации пьесы столетней давности, он чувствует себя скорее персонажем литературного произведения, нежели человеком, живущим здесь и сейчас. Довлатов о Бродском: «Он не боролся с режимом. Он его не замечал. И даже нетвердо знал о его существовании. Его неосведомленность в области советской жизни казалась притворной. Например, он был уверен, что Дзержинский — жив. И что "Коминтерн" — название музыкального ансамбля. Он не узнавал членов Политбюро ЦК. Когда на фасаде его дома укрепили шестиметровый портрет Мжаванадзе, Бродский сказал: "Кто это? Похож на Уильяма Блэйка..."». Множество тем в петербургских салонах табуировано для обсуждения: Путин, Навальный, Виктюк, Михалков, эстрада, телевидение, личная жизнь знаменитостей. Почтенным считается нефункциональное знание: древнекоптский язык, обстоятельства биографии писателя Константина Вагинова, история Красненького кладбища.

Всяческая «игра в бисер» приобретает в Петербурге необычайно серьезный характер. Местные образцовые издания последних лет — исторические альманахи «Минувшее» и «Лица», энциклопедические справочники «Храмы Петербурга», «Исторические кладбища Петербурга», «Архитекторы-строители Петербурга» — являют собой образцы долгого, затворнического труда, не подразумевающего громкого внешнего успеха. Они наследники еще более герметичных самиздатских машинописных журналов 1970—1980-х годов. Толстенные тома «Часов», «Метродора», «Обводного канала», «Северной почты», «Митиного журнала», «Сигмы», «Памяти», выходившие тиражом то 6, то 12 экземпляров каждый, напоминали по несуетной тщательности выполнения рукописные своды средневековых монахов. Поэты каждые несколько лет «издавали» свои сборники, перепечатанные поклонни-

цами и переплетенные приятелями, и раздавали немногочисленным почитателям. Рок-музыканты первыми в России начали распространять свои домодельные «альбомы», разрисовывая от руки обложки кассет.

Настоящий петербуржец летом гуляет на Островах, его можно встретить на солнечной стороне Невского, в Эрмитаже, в верховой аллее Летнего сада (до леденящей душу последней «реновации»). У него есть излюбленные кварталы — Коломна, юг Петербургской стороны, Ямские, округа Инженерного замка, — где можно побродить с приятелем, поговорить о кинизме или председателе Третьей Думы Хомякове. Чтобы распить бутылочку с давним знакомцем, он готов совершить длительное путешествие, но место должно быть специальное: спуски к воде у Никольского собора, бастион Петропавловки, двор с брандмауэром на Графском переулке. Ему физически невыносимы улицы Партизана Германа или Белы Куна, уж лучше Обводный канал, Нейшлотский переулок, Малая Охта.

Вообще любовь к городу имеет всеобщий и обязательный характер. Полагается знать не только Росси и Стасова, но и Сюзора, Месмахера, Кричинского. Настоящий знаток укажет вам дореволюционное местоположение всех булочных Филиппова, особенно живописные проходные дворы с Невского на Малую Итальянскую (ныне — улица Жуковского), парадные с сохранившимися витражами на Каменноостровском, перечислит главные постройки епархиального архитектора Никонова и проводит к лестничному пролету, в который бросился Всеволод Гаршин.

Петербургская настороженность к любому утвердительному высказыванию выражается и в электоральном поведении. Москва любит мужчин, лучащихся энергией, обаятельных дядек — Ельцина, Попова, Лужкова, Шойгу. Политики ныряют в проруби, отфыркиваются, бодро принимают рюмаху. Там больше голосов получают партии известные. Питер предпочитает злоречивых, голосует не «за», а «против». Так в свое время проголосовали за следователя Ива-

нова (против Лигачева), потом за Яковлева (против Собчака), за кого угодно, кроме «Единой России».

В петербуржце всегда жива идея правил поведения, не подлежащих нарушению. Даже говорим мы как пишем: «конечно», «булочная». Всякая безвкусица вызывает мощный, часто неадекватный отпор. Вот Пушкин встречает молодого, явно талантливого московского критика Николая Надеждина: «Он показался мне весьма простонародным, vulgar, и безо всякого приличия. Например, он поднял платок мною уроненный».

Ахматовой не нравятся «Записки старого петербуржца» Льва Успенского. Ну, нравится, не нравится. Но как зло она его отчитывает: «Как странно, что уже через 40 лет можно выдумывать такой вздор. Что же будет через 100? Глазам не веришь, когда читаешь, что на петербургских лестницах всегда пахло жареным кофе. Ни в одном респектабельном петербургском доме на лестнице не пахло ничем, кроме духов приходящих дам и сигар проходящих господ. Товарищ, вероятно, имел в виду так называемый "черный ход"... но все же черные лестницы пахли в основном кошками».

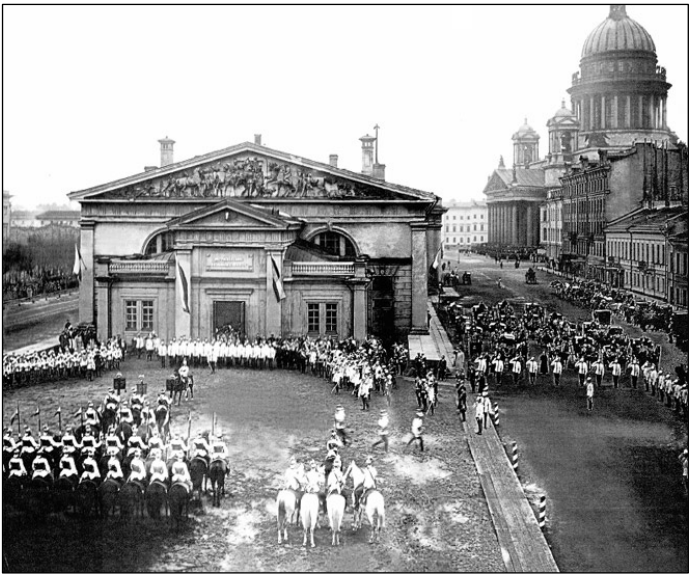
Ученики Ахматовой общались с малознакомыми людьми часто просто бессмысленно дерзко. Бродский впервые представленный Ахматовой Лидии Корнеевне Чуковской: «Ваш отец, Лидия Корнеевна, ваш отец написал в одной из своих статей, что Бальмонт плохо перевел Шелли. На этом основании ваш почтеннейший pere даже обозвал Бальмонта — Шельмонтом. Остроумие, доложу я вам, довольно плоское. Переводы Бальмонта из Шелли подтверждают, что Бальмонт — поэт, а вот переводы Чуковского из Уитмена — доказывают, что Чуковский лишен переводческого дара».

«У меня нет мировоззрения, у меня есть нервы», — словами Акутагавы мог бы сказать о себе настоящий язвительно-вежливый петербуржец. Как заключает Анатолий Найман, человек, воплощающий петербургский снобизм, его поколению было свойственно «сохранение независимости во что бы то ни стало до какой-то даже оголтелости... Пря-

мая шея, прямые плечи, юнкерский взгляд, устремленный в навсегда далекую цель».

Довлатов писал: «Ленинград обладает мучительным комплексом духовного центра, несколько ущемленного в своих административных правах. Сочетание неполноценности и превосходства делает его весьма язвительным господином». Гонор присущ нам, как присущ он в Европе полякам, и по той же причине: мы чувствуем нашу относительную бедность и подчиненность столице. Непонятное высокомерие петербуржцев вызывает оправданное раздражение москвичей. Но без снобизма, отвращения к амикошонству, болезненного чувства собственного достоинства мы не были бы сами собой.

КОРНИ



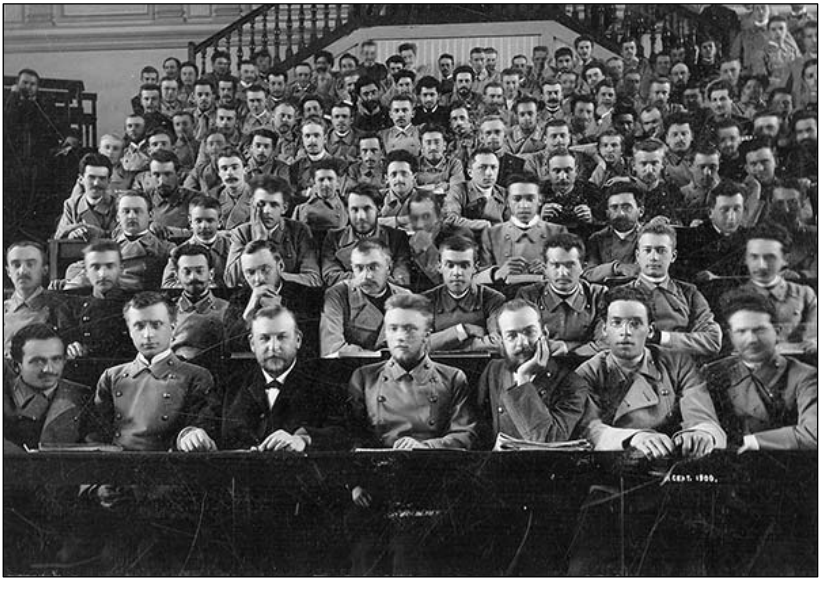
Парад лейб-гвардии Конного полка возле Манежа в день полкового праздника. 1903 год. Фото Карла Буллы

Откуда все это взялось? Петербург императорского периода — гвардия, бюрократия, двор, канцелярии, аудитории, редакции. Наверху, как писал Лев Толстой, «собственно свет — свет балов, обедов, блестящих туалетов, свет, державшийся одной рукой за двор, чтобы не спуститься до полусвета, который члены этого круга думали, что презирали, но с которым вкусы у него были не только сходные, но одни и те же». Сливки петербургского «большого света» — гвардия. Жизнь гвардейского офицера подчинена множеству неписаных правил. Можно сказать, что сословное общество вообще, а гвардия в особенности жили не по законам, а по понятиям, сводящимся в итоге к системе запретов. Гвардеец не может тратить мало, жить в Песках, носить мундир и фуражку не от портного Фокина, допивать в ресторане бутылку шампанского до конца, торговаться, терпеть оскорбление, жениться на купчихе, плохо говорить по-французски.

Светскому человеку противостоит разночинец — студент, литератор, чиновник. Как немыслимо во времена Стасова и Крамского было любить Росси и Кваренги, так и отношение к «свету» у интеллигенции сменяется с восторженно-заискивающего на презрительно-равнодушное. Петербургский разночинец ненавидит гвардейца, он для него, «мыслящего пролетария», не человек, скорее племенной конь. Скажем у Достоевского, писателя вообще антидворянского («помещик» для него почти ругательство), гвардеец всегда фигура сомнительная — «светская, развратная, тупая тварь», на страницах «Дневника писателя» эпизодический «кавалерийский офицер из одного известного кавалерийского полка держит себя в каком-то надменном уединении и молчит свысока».

Но и сам столичный разночинец, как правило, лишенный корней в Петербурге, мучительно борющийся за существование и признание, постепенно приучается жить в мире правил и неформулируемых формальностей. Нельзя читать определенные («рептильные») газеты и печататься в них, подавать руку господам с сомнительной политической ре-

путацией, следует любить Салтыкова, Чернышевского, Некрасова, признавать талант в Толстом (но предпочитать ему Тургенева) и ругать Достоевского за обскурантизм. Нарушение либеральных приличий чревато изоляцией, отказом в литературном заработке, разносными рецензиями, уходом жены или изменой невесты. Отсюда, кстати, страшная раздражительность к любому нарушению приличий у самых разных петербургских писателей — Достоевского, Салтыкова, Михайловского, Лескова.



Студенты Императорского Санкт-Петербургского университета
с профессором Н. А. Меншуткиным в Большой химической аудитории. 1900 год

Петербургских Карениных и Вронских с одной стороны и петербургских Раскольниковых и Ипполитов с другой, и объединяло и разъединяло отсутствие в Петербурге московского всесословного братства, того роевого начала, которое всегда отличало первопрестольную. Столице был чужд московский непрекращающийся банкет, всеобщие гуляния

в Сокольниках, братания Аксаковых с Солдатенковым и Кокоревым, Рябушинского и Андрея Белого, старообрядцев и никониан, князей и актеров. Острое ощущение принадлежности к своему кружку и социальному слою делали всеобщим только формальный язык этикета. Москва и провинция на знаменитый вопрос героя Островского: «Так вот, друзья любезные, как хотите: судить ли мне вас по законам, или по душе, как мне Бог на сердце положит?» — несомненно выбрали бы суд по душе. Петербург не знал этой всепримиряющей душевности и предпочитал закон.

Горожанин живет в среде, где ему поневоле приходится тесно соприкасаться с людьми отличного от него социального происхождения, имущественного положения, культурного уровня, привычек. Более того, вся городская жизнь построена на социально-культурных контрастах. В больших городах, подобных Петербургу, отдельные районы, улицы или даже этажи одного и того же доходного дома отличались социальным статусом, национальным и конфессиональным происхождением своих жильцов.

В этих условиях особенно важен ясно выраженный язык поведения, как сигнал радара, отличающий свой самолет от чужого. Он предопределяет норму поведения собеседника, встречного, делового партнера. Строгие правила, отсутствие амикошонства, нежелание поддерживать разговор на «чужом» языке позволяют сохранить чувство собственного достоинства в любой ситуации. То, что кажется формой привыкшему к бóльшей социальной гомогенности москвичу или одесситу, в Петербурге является нормой существования.

Статья Александра Бенуа «Живописный Петербург» вышла в 1902 году, когда уже близки были Цусима, 9 января. В статье впервые со времен Пушкина утверждалось: Петербург прекрасен. Город становится объектом восхищения в преддверии своего краха как центра петровской государственности, воплощает меркнущее величие этой государственности. Мирискуснический и акмеистический культ города — предчувствие и ознаменование конца России Пуш-

кина. Эта тоска по времени ампира и дуэлей касалась, конечно, и архитектуры и всего городского уклада.

Принадлежность к этой традиции в начале века осознавали не те, кто по праву крови наследовал ее создателям, не люди все менее блестящего «большого света» (они как раз любили теоретически русский стиль и московские святыни). Первое поколение петербуржцев per se — дети разночинцев, служилых дворян, инородцев и иноверцев — Бенуа, Добужинский, Блок, Ахматова, Мандельштам. Они это придумали, создали идеологему. Договорили же все до конца как всегда талантливые адепты.

«О, эти гигантские просторы площадей, где можно делать смотр целым армиям. Тяжелые глыбы дворцов. Каменные всадники на памятниках — императоры и полководцы. Тусклое золото куполов Исаакия над мраморными громадами колонн, разве вся эта пышная красота не говорит о величии власти? "Город казарм", — скажет язвительный враг. Да, казарм. Город гвардии и преторианцев. Но разве власть когда-нибудь опиралась на что-нибудь иное, как на штыки солдат?» — писал близкий к акмеистам прозаик Сергей Ауслендер.

Съезд писателей. Петербург. 1910 год. Фото Карла Буллы

«Петербург воплотил мечты Палладио у полярного круга, замостил болота гранитом, разбросал греческие портики на тысячи верст среди северных берез и елей. К самоедам и чукчам донес отблеск греческого гения, прокаленного в кузнице русского духа», — так в статье «Три столицы» говорил о петербургском ампире философ Георгий Федоров.

Любовь к классическому Петербургу привела к реабилитации гвардейско-светской манеры поведения. «С важностью глупой, насупившись в митре бобровой, я не стоял под египетским портиком банка, и над лимонной Невою под хруст сторублевой мне никогда, никогда не плясала цыганка», — писал Мандельштам. Но это не мешало его «ребяческому империализму» — неожиданному и опасному желанию пить в советском Ленинграде за «военные астры» (гвардейские эполеты). Уход Гумилева добровольцем на войну, а потом участие в белом заговоре, сознательно культивируемый аристократизм Ахматовой, неожиданный для эпикурейца Кузьмина почти некрасовский пафос «Форели» — следствие этого нового культа Петербурга.

До 1917 года в спор о двух столицах вносился некий историософский смысл, связанный с ролью петровского культурного переворота в российской истории. Между 1918 и 1991 годами ущемленные жители невских берегов вкладывали в свои антимосковские инвективы скрытый протест против советской власти и вообще не слишком симпатичной, да еще и лишившей их город столичного статуса. Собственно в это время и возник ленинградский регионализм, имевший в своем основании пассеистский миф. Ленинградский регионализм зародился в 1920-е из тоски по старому миропорядку и утраченному столичному статусу, когда от старого Петербурга остались только архитектурные ансамбли, кировский балет, Эрмитаж, пирожные «Норда» и Анна Ахматова. Важность, ирония и этикет обороняли от новой реальности и помогали «держать тон».

Региональная идея — своеобразный смягченный вариант идеи национальной. На место борьбы с иноземным захватчиком-угнетателем выдвигается противопоставление региональ-

ных интересов государственным, воплощенным в столице. Малороссийский миф создал, в конце концов, независимую Украину. Казацкий — вдохновлял Шкуро и Краснова в Гражданскую и до сих пор заставляет взрослых мужиков носить на праздники штаны с незаслуженными лампасами.

Пик интереса к краеведению, архитектуре модерна, акмеистам и мирискусникам был в Ленинграде 1970—1980-х годов конечно неслучаен, как и культ Шевченко на Украине или национальной певческой традиции в Эстонии в то же время. Борьба за сохранение «Англетера», выведшая в 1987 году на Исаакиевскую площадь тысячи людей, скандал вокруг дамбы, история «Ленинградской свободной экономической зоны», исход референдума о переименовании города, возникновение автономизма, выборы в Ленсовет в 1990-м — все это подпитывалось регионалистской идеей.

Манера поведения, в отсутствие самостоятельного петербургского языка и других признаков этноса, играет в городской субкультуре важнейшую роль. Всякая «самость» холится и лелеется.

Ну а так как в Петербурге рефлексия всегда преобладала над деятельностью, а возможности самореализации в официальной культуре и бизнесе уступали Москве, манеры и вкусы всегда имели огромное значение. Сдержанная ирония, эрудиция, несколько манерная вежливость и неожиданная взбрычливость, наша гвардейско-разночинская кичливость всегда будут радовать или раздражать провинциалов и москвичей. В мире нет людей бесслезней, надменнее и проще нас. Нашему городу свойственна скромность формы. Мы любим рациональных, немногословных, нордически-сдержанных Косыгина, Яковлева, Кудрина, Путина, Полтавченко — почти сливающихся с нашим неброским пейзажем. Если Собчак любил шум, треск, величие замыслов, танец с Лайзой Миннелли, свадьбу Пугачевой, прогулку с Тернером и на самом деле, конечно, лучше бы исполнял обязанности правящего бургомистра веселой Вены; а Валентина Матвиенко тянулась к фонтанам, цветам и яркой одежде фирмы «Прада», то постный, почти вегетарианский Яковлев

всегда лучше смотрелся на строительной планерке, чем на приеме в честь Королевы Британской. Поэтому-то его выбирали и переизбрали.

Однако и это могло быть для нашего города хорошим делом: что Москве — смерть, то для Питера, как известно, — здорово.

ДЕСЯТЬ ОТЛИЧИЙ ТРЕТЬЕГО ГОРОДА

Петербург — особый «предумышленный», как сказал Достоевский, город. Он не похож ни на один другой в мире по вполне объективным историческим и географическим причинам. Вот вам для ровного счета 10 отличий Петербурга от любого, сравнимого по величине.

1. ЧЕТЫРЕЖДЫ ПЕРЕИМЕНОВАННЫЙ

Это город, название которого за 100 лет менялось четырежды: Санкт Петербург — до 1914, Петроград — между 1914 и 1924, Ленинград — до 1991, и снова — Петербург по нынешний день. Каждое имя города вызывало сомнения. Первоначальное «Санкт Петербург» — латинско-голландское словообразование с неясным смыслом. В честь апостола Петра? Тогда почему не Святопетровск? В честь царственного основателя? Но его никто не собирался канонизировать, почему же тогда «Санкт»?

Конъюнктурное «Петроград», появившееся из-за войны с Германией, не прижилось и стало странным исключением из топонимических правил. В сущности почести лишили не императора, а его патримониального святого, к тому же другие звучащие по-немецки названия на карте России остались (Шлиссельбург, Екатеринбург, Ораниенбаум).

То же и «Ленинград»: в январе 1924 года почувствовавший себя наследником большевистского престола красный проконсул северной столицы Григорий Зиновьев поспешил

немедленно после смерти Ленина закрепить этот бренд за своим городом: по его мысли Ленинград должен был стать, ни больше ни меньше, столицей коммунистического мира по окончании ожидаемой мировой пролетарской революции. Не случилось ни революции, ни переноса столицы; сам Зиновьев через год был низвергнут из Смольного.

Наконец, последнее переименование, хотя и было одобрено горожанами на референдуме, не прижилось в языке. Горожане последние десятилетия называли свою родину «Питером», как бы официально город не именовался.

2. САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ МЕГАПОЛИС

Петербург — самый северный из крупных городов и самый крупный из северных. Шестидесятая параллель, на которой стоит Петербург, проходит через Магадан, Чукотку, Аляску и Гренландию, столицу Норвегии Осло. Севернее Петербурга из более-менее крупных городов расположены Рейкьявик, Мурманск, Петрозаводск, Архангельск, Воркута, Норильск, Якутск, Анкоридж, Хельсинки. Впрочем, хотя погода в городе ужасна, особых холодов не бывает: чувствуется смягчающее присутствие Балтики. В Якутии на той же широте средняя температура января −40 °С, в устье Невы −7,7°. Колебания средней за месяц температуры в Петербурге очень велики, поэтому в особо холодные зимы мы как бы попадаем в климатические условия Новой Земли (так было в блокадном январе 1942 года и в страшные зимы 2010 и 2011 годов), а в теплые зимы смещаемся к берегам Азовского моря или в область теплого морского климата западной Балтики (январь 1925 года). В Петербурге в течение всего года обычно пасмурно. Дней без солнца в холодный период 75−85%, а в теплый 50−60%. Ясная погода осенью и зимой в Петербурге — явление редкое, за месяц бывает обычно только один-два ясных дня. Туманы в Петербурге наблюдаются в среднем 32 раза в течение года. Зато Петербург присвоил себе Белые ночи как собственную

уникальную особенность, туристический аттракцион (во многом благодаря одноименной повести Федора Достоевского).

3. ГОРОД-ФЕНИКС

В 1727 году Петр II, сын несчастного царевича Алексея, решил вернуть столицу и двор обратно в Москву, порвав с наследием своего отцеубийцы-деда. За четыре года Петербург превратился в город-призрак: недостроенные каналы зарастали ряской, брошенные дома разрушались, горожане разбегались. Но вступила на престол Анна Иоанновна, вернула Петербургу столичный статус и довела до завершения постройки своего царственного дяди.

За последние 100 лет дважды — в блокаду и в Гражданскую войну — над Петербургом как бы взрывалась нейтронная бомба: население вымирало, здания оставались практически нетронутыми. К 1917 году в Петрограде жило 2,5 миллиона человек, после страшного голода 1918—1920 годов в опустевшем городе осталось 600 тысяч. Кто-то погиб на фронтах Гражданской, кто-то — от пуль чекистов на полигоне под Ржевкой или в Петропавловской крепости. Многие умерли от холода и голода. Эмигрировала бóльшая часть чиновной, военной и интеллектуальной элиты. Рабочие, прислуга, приказчики, потерявшие работу, вернулись на свою малую родину — в деревню. И опять город напоминал призрак, и был, как вспоминают современники, необычайно красив и величественен: без людей он выглядит намного лучше. Но начался НЭП и население снова стало расти с необычайной скоростью. А оставшиеся в городе «славы и беды́» Анна Ахматова, Михаил Кузьмин, Иван Павлов и проявившие себя в 1920-е Павел Филонов, Казимир Малевич, Михаил Зощенко, Дмитрий Шостакович, Даниил Хармс сумели сохранить авангардный культурный мегаполис мирового значения.

Перед началом блокады Ленинград насчитывал 3,4 миллиона жителей, в 1943 году — 600 тысяч. На этот раз, главной причиной исчезновения людей стала смерть. Число

умерших значительно превысило число сумевших выбраться из блокадного города по «Дороге жизни». По крайней мере, миллион человек умерло от голода. Зафиксированы тысячи случаев людоедства. Линия фронта шла по жилым районам, по летним резиденциям российских императоров. Ни один город Европы не испытывал в годы Второй мировой таких трагических опустошений.

Только к концу 1960-х численность населения в городе достигла довоенного уровня. Но главное, оставались Ахматова, Зощенко, Акимов, появились Довлатов, Барышников, Нуриев, Бродский. Иосиф Бродский писал: «В этом городе примерно каждые двадцать-тридцать лет происходит какой-то творческий всплеск. Он должен повториться — хотя бы потому, что петербургский пейзаж не изменился. Поскольку Петербург — это город у моря. И, как следствие этого, в сознании человека, там живущего, начинает возникать — быть может, фантасмагорическое, но чрезвычайно сильное — представление о свободе».

Как саламандра, сбрасывая хвост, снова обретает его, Петербург каждый раз после опустошения восстанавливал численность населения, дух и характер.

4. ЮНЫЙ

Петербург — самый молодой большой европейский город. Даже местность, на которой находится город, возникла сравнительно недавно. К тому времени, когда Нева прорвала Карельский перешеек и потекла из Ладоги в Балтику, Конфуций уже создал свои основные сочинения, прошел свой земной путь Будда, были написаны Одиссея и Илиада, а Египет завоевали персы.

5. ЗАЛИВАЕМЫЙ

Дельта Невы стала русской еще в IX веке, при Рюрике. Но ни варяги, ни новгородцы, ни московские воеводы (с 1478 года Нева стала частью Московской Руси) и не ду-

мали строить на этих топких островах город. И шведы, аннексировавшие невское устье в 1617 году, построили свой городок — Ниеншанц выше по течению реки, там сейчас окраины Петербурга. Гиблое место: возводить здесь что-нибудь капитальное может только безумец.

Почти каждую осень мощный циклон, пройдя через Скандинавию, гонит воду Балтики в Ботнический залив. Длинная волна, дойдя до горловины залива, утыкается в Аландские острова и при сильном западном ветре поворачивает на Петербург. По мере приближения к городу набегающий вал становится все выше, образуя настоящее цунами.

Рыбаки, жившие в устье Невы еще в шведские времена, предупреждали Петра и его царедворцев: каждые пять лет эти места заливает потоп. Здесь и строили не избы, а рыбацкие хижины. При подъеме воды их разбирали, бревна связывали в плоты, привязывали к деревьям. Сами же спасались на Дудоровой горе, что в десятках верстах к югу от реки.

Через три года после основания Петербурга царь лично лицезрел наводнение, и оно его только развеселило. Из письма Меншикову: «У меня в хоромах было сверх полу 21 дюйм; а по городу и на другой стороне по улице свободно ездили в лодках. (Петр писал это в своем знаменитом “домике”, городом он называл нынешнюю Петроградскую сторону, другой стороной — теперешний центр города. — *Л. Л.*) И зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и деревьям, будто во время потопа сидели, не только мужики, но и бабы». Столицу решено было строить на местности, готовой в любой момент оказаться под многометровым слоем воды.

10 вечера 6 ноября 1824 года — на башне Адмиралтейства вывешены сигнальные фонари, предупреждавшие о подъеме воды в реке. 7 утра 7 ноября — пушки Петропавловской крепости стреляют каждые четверть часа: уровень воды повысился на 180 сантиметров по отношению к ординару. Температура воздуха +7. 10 утра — по Дворцовой и Анг-

лийской набережным фланируют гуляющие. От залива идут волны. Вода бьет фонтаном из подвалов. 11 часов утра — вода неожиданно начала резко подниматься. 12 дня — Нева хлынула на набережные и затопила весь город, кроме Литейной и Рождественской частей. Река не поднималась так высоко никогда прежде — уровень воды был в этот день на 412 сантиметров выше ординара.

Площади превратились в озера, улицы — в реки. По ним носились корабли и баржи, сорванные с якорей. Они ударялись всей своей массой в стены домов, разрушая их. Люди карабкались на крыши, барахтались в воде, цепляясь за доски, могильные кресты, обломки зданий. В подвалах Императорской Публичной библиотеки плавали сомы. Одно семейство оказалось на дне огромного пустого металлического котла. Лошади и коровы почти все погибли в стойлах и каретных сараях, и вода носила их раздувшиеся трупы.

Большая Подъяческая улица во время наводнения 25 ноября 1903 года

В три часа дня вода неожиданно и быстро стала спадать. Утром ударил мороз, многие спасшиеся от наводнения стали

жертвой холода. Всего погибло 569 человек, 462 дома было уничтожено. Стихия напомнила о себе потомкам Петра.

В 1833 году Пушкин напишет «Медный всадник». «Кумир на бронзовом коне», «чьей волей роковой над морем город основался», и построенный им Петербург — главные герои поэмы. Рок, тяготеющий над Петербургом, отныне в русской культуре будет символически связан с памятником Петру на Сенатской площади. Государственная воля Петра и судьба маленького человека Евгения. Природа и цивилизация. Россия, поднятая на дыбы. «То о трупы, трупы, трупы спотыкаются копыта» всадника у Блока. «В темных лаврах гигант на скале, — завтра станет ребячьей забавой. Уж на что он был грозен и смел, да скакун его бешенный выдал. Царь змеи раздавить не сумел, и прижатая стала наш идол», — писал Анненский.

Наводнение в Ленинграде 1924 года. Театральная площадь

С тех пор Нева еще сотни раз выходила из берегов. Но город подрос, появилась Дамба, и его не так просто залить.

Те подъемы, которые в позапрошлом веке приводили к катастрофе, ныне способны разве что промочить ноги гуляющим по набережной. Но ощущение искусственности и рискованности города от этого не уменьшилось.

6. ОПАСНЫЙ

Питер — город опасный, особенно для начальства. Здесь был убит наследник престола — царевич Алексей Петрович, три императора — Петр III, Павел I и Александр II, взорван эсерами министр внутренних дел Плеве, застрелены террористами еще один министр внутренних дел Сипягин и министр народного просвещения Боголеплов, взлетела на воздух дача премьер-министра Столыпина, убиты генерал-губернатор Милорадович и градоначальник Фон Лауниц, а градоначальник Трепов тяжело ранен Верой Засулич. Умер в сибирской ссылке первый генерал-губернатор Александр Меншиков, 20 лет провел в Сибири генерал-губернатор Бурхард Миних, 13 лет — генерал-полицмейстер Антон Девиер. С момента основания в городе произошло 5 дворцовых переворотов и 5 революций (считая Кронштадтское восстание и восстание декабристов). Большевики в 1918 казнили в Петропавловской крепости троих великих князей. Из руководителей коммунистической организации города расстреляно девять и один — Киров убит. Советскую городскую элиту уничтожали под корень трижды: в 1926-м после падения Григория Зиновьева, в 1934-м после убийства Кирова и в 1949-м во время «Ленинградского дела». Первый мэр Петербурга — Собчак вынужден был полтора года скрываться в Париже и загадочно умер вскоре после возвращения на родину. В самом центре города, на Невском проспекте, в 1997 году застрелили вице-губернатора Маневича. В Питере всегда был силен дух оппозиции. В 1989 году ленинградцы прокатили на выборах всю местную номенклатуру, в 1996-м скинули Собчака, а в 2011-м фактически «ушли» Валентину Матвиенко и все ее окружение.

Взрыв на даче премьер-министра П. А. Столыпина 12 (25) августа 1906 года. Фото Карла Буллы

Остатки экипажа после взрыва на даче П. А. Столыпина. Фото Карла Буллы

7. ТРЕТИЙ

Петербург — самый большой нестоличный город Европы. С начала XIX века Петербург оставался третьим по населению городом Европы (он то догонял, то превосходил Берлин, Париж, Вену, Неаполь, Москву и всегда уступал Парижу и Лондону). Третий он и теперь: Москва — 9,3, Лондон — 7,6, Петербург — 5 миллионов человек. От бывшего столичного статуса — императорские и великокняжеские дворцы, Эрмитаж, Мариинский театр, обилие казарм, триумфальных арок, правительственных зданий.

8. МУЗЕЙ АРХИТЕКТУРЫ

Нет места в мире, где было бы столько сохранившейся архитектуры неоклассики, эклектики, модерна, ретроспективизма. Молодой Петербург — в этом смысле самый большой старый город Европы. В войну его бомбили, но гораздо меньше, чем Лондон, Сталинград, Берлин или Роттердам. С другой стороны, Ленинград в годы советской власти считался городом провинциальным, и на шедевры социалистического зодчества денег местной власти не хватало. Не было даже достаточно динамита для сноса церквей. Жилищное строительство велось на окраинах. В результате в Петербурге почти полностью сохранились жилые каменные дома предреволюционного города — примерно пятнадцать тысяч зданий. От Обводного канала до Большой Невки и от Александро-Невской лавры до торгового порта город остался почти таким, каким он был в 1917 году. Поэтому сколько бы времени вы не провели в Петербурге, если вы зевака, если вам нравится живая жизнь и разнообразие городского ландшафта, то Петербург идеальное место, чтобы напитать взор и потешить воображение.

9. БОЛЬШЕ ЧЕМ ВЕНЕЦИЯ

Петербург — чемпион Европы по количеству мостов, вице-чемпион по количеству каналов и островов. В Петербурге 48 рек и каналов, 160 километров набережных, 800 мостов (в Венеции больше каналов — 157 и островов — 118, но меньше мостов — 378). Сейчас, когда количество прогулочных катеров, моторных лодок, теплоходов растет экспоненциально каждое лето, не воспользоваться возможностью осмотреть город с воды — преступление.

10. МИФЫ

Петербург — город, смысл и назначение которого менялись от поколения к поколению.

От Петра до Николая I Петербург в общественном сознании воплощал идеи величия Российской империи — прогресса, порядка, закона, разрыва со старомосковской «дикостью», от Прокоповича до Батюшкова и знаменитого вступления к «Медному всаднику» российская столица воспринималась как город, построенный с чистого листа, олицетворение будущности России. Петр оптимистически попирал змею и оправданно поднимал Россию на дыбы.

Со времен «Медного всадника» и вплоть до начала XX века отношение к императорской России и к ее державному основателю резко меняется. Петр и Евгений, государство и «маленький человек». Петербург — воплощение строя, основанного на произволе над человеческой личностью. Классический Петербург воспринимается отныне как бездушное скопище «языческих храмов в чухонских болотах», казарм и дворцов — нечто глубоко формальное, неоригинальное, второсортное. Это ощущение города пропагандируется «властителями дум» от Гоголя и Лермонтова до Достоевского и Салтыкова-Щедрина. Оно продолжается в XX веке у Блока и у Анненского («потопить ли нас шведы

забыли»). В творчестве архитекторов, начиная с Тона, чувствуется желание как можно дальше уйти от традиций классицизма и ампира, они как бы стесняются петербургского «золотого века».

Пассеизм круга «Мира искусства» насытил 1900—1910-е годы мазохистическим предчувствием прихода «грядущего хама» и гибели русской государственности. Серебряный век помнит, что был еще и золотой — от Петра Великого до автора «Медного всадника».

В советское время изучение классического Петербурга становится на некоторое время одной из немногих легально возможных в Ленинграде форм ностальгии по старому Петербургу. Летний сад, Царское село, Мойка, 12, становятся понятиями-символами. Книги местных краеведов и историков архитектуры, поэзия от Ахматовой до Бродского несут послание об имперском, столичном прошлом. С другой стороны, официальная позднесталинская Россия черпает в классицистическом Петербурге некую модель для заимствования этикета, архитектурных форм, геополитических идей.

С 1950-х годов интерес к классическому Петербургу вытесняется двумя другими мифами: о Петербурге Серебряного века и о Петербурге Достоевского. Своеобразную красоту брандмауэров и дворов-колодцев первым почувствовал Добужинский. Переоценке города середины XIX века способствовали «Петербург Достоевского» Анциферова и «Северная элегия» Анны Ахматовой. С конца 1950-х годов интерес к творчеству Достоевского приобретает все более широкий характер («Идиот» со Смоктуновским в БДТ; сенсационный успех иллюстраций Ильи Глазунова). К тому же при всей незамысловатости рядовой «штукатурной» архитектуры эклектики она выглядела человечной и разнообразной на фоне архитектуры хрущевско-брежневской. Петербург Достоевского предстает как бы Петербургом *par excellence*.

Восхищение «новой Америкой», редкое для русской культуры удовлетворение настоящим, было свойственно и первому ядру петербургских пассеистов — мирискусникам

и акмеистам. Но настоящий миф о 1913 годе был создан в постреволюционное время реальными и внутренними эмигрантами. «Блистательный Сант-Петербург» становится своеобразным градом Китежем, воплощением потерянной России. Именно полузапретная информация о предреволюционной столице — ее рынках, журналах, архитекторах, храмах, обычаях становится онтологической основой позднепетербургского мифа 1920—1990-х годов. Своего апогея любовь к акмеизму, модерну, неоклассике достигает в 1970—1980 годы.

У большевиков цельного мифа о Ленинграде не было. Ранняя версия (до середины 1920-х) исходила из идеи Петрограда как четвертого Рима, города, в котором началась мировая революция. Ленин становился в ряд с Константином и Петром. Москва в будущем должна была оставаться столицей РСФСР, Петроград-Ленинград — столицей всемирного СССР, местоположением Коминтерна, председатель которого Григорий Зиновьев именно здесь имел свою ставку.

В послевоенное время появляется «блокадный миф», дополняющий кировско-ждановский (Киров после гибели становится местночтимым коммунистическим святым, потеснив Урицкого, Володарского и прочих Крунштернов, Восковых, Толмачевых, Скороходовых). И Киров и в особенности блокада становятся частью и народного ленинградского мифа. «Город славы и беды» словами Ахматовой. Возможно репрессии 1947—1949 годов против выходцев из Смольного, с одной стороны, и писателей, с другой, связаны с потенциальными опасностями, которые ощущало в этом мифе высшее руководство страны.

В последние десятилетие Ленинград воспринимается городом Бродского, Довлатова, «Сайгона», Гребенщикова, Науменко, Цоя, «Митьков», хипповской «системы», Масяни, группы «Ленинград» — столицей неофициальной России.

Все петербургские мифы имеют свойства порождать актуальную культуру, в том числе и архитектуру. Петербург еще преподнесет немало сюрпризов.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЫБКА

Исторически петербургский стол отличался от московского разве что большей ориентацией на импорт и европейские (прежде всего немецкие) вкусы. У нас употребляли кофе, Москва считалась чаевницей. Виссарион Белинский писал: «Петербургский простой народ несколько разнится от московского: кроме полугара (водки. — *Л. Л.*) и чая он любит еще и кофе, и сигары, которыми даже лакомятся подгородные мужики; а прекрасный пол петербургского простонародья, в лице кухарок и разного рода служанок, чай и водку отнюдь не считает необходимостью, а без кофею решительно не может жить».

Стопку водки все социальные классы закусывали бутербродом с ломтиком шотландской или голландской сельди. Селедка и соленая треска с картошкой сначала завоевали петербургское простонародье, а уже потом стала пищей пролетарских кварталов других промышленных городов.

Весной, с открытием навигации, люди светские объедались привезенными из Франции устрицами. Москва ориентировалась больше на свежую рыбу с Волги, Питер — на Неву и Балтику. В ресторанное и великосветское меню входили балтийский лосось и ладожский сом, жареные и маринованные миноги, консервированные рижские шпроты, ревельские кильки. Сейчас многие особенности петербургской кухни исчезли, нивелировались. Осталась корюшка.

У каждого американского штата помимо флага, герба и гимна имеются официальное прозвище, девиз, тотемные дерево, цветок, животное. Скажем, штат Нью-Йорк — имперский штат, девиз — «всегда вперед!», цветок — роза, дерево — сахарный клен, животное — синяя птица (есть у них такая), официальная песня — «Я люблю Нью-Йорк».

В субъекте федерации Санкт-Петербург есть герб и флаг, позаимствованные у дореволюционной Петербургской губернии, полуофициальный «Гимн великому городу». Ни цветка (одуванчик? настурция? кактус «Царица ночи» из

Ботанического сада?) ни дерева (липа? тополь? дуб Петра Великого?). С девизом тоже непонятно (варианты — «Питер бока повытер», «Город над вольной Невой», «Зенит — чемпион!»). Но вот на роль питерского символа в животном мире претендент один — Osmerus eperlanus — корюшка обыкновенная.

Впрочем, как и Белые ночи, которые празднуют только в Петербурге (а могли бы — в Мурманске, Осло, Рейкьявике), корюшка — бренд присвоенный. Водится она и на Дальнем Востоке, и на Онеге, и в Белом море. Но сверхценность приобрела именно в Питере.

Мы любим наш тотем, каждую весну его ловим и едим. Вдумываясь в историческую символику небольшой рыбки из семейства лососевых приходишь к выводу: это божье создание символизирует не исторический Петербург, скорее — Ленинград. Довольно пролетарская рыбка.

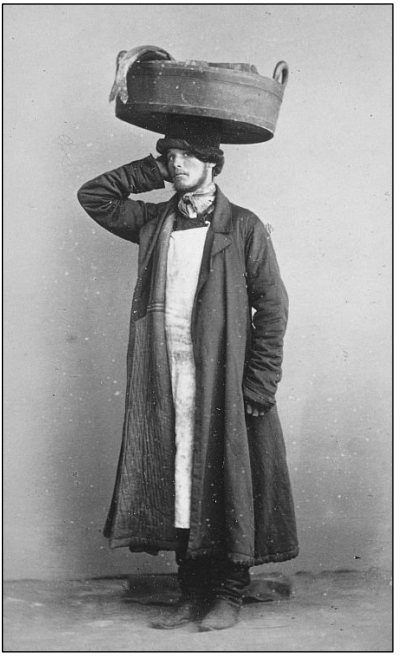
Только наивный провинциальный городничий из «Ревизора» представляет себе столицу как город, где он, будучи большим начальником, станет есть эту рыбу: «Да, там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечет, когда начнешь есть». Не знали эту рыбицу ни в свете, ни в гвардии. Севрюга, стерлядь, в крайнем случае, налим или карп — вот рыбная перемена за столом аристократа.

Корюшку, ряпушку и миногу ловили на невском взморье рыбаки-отходники, приходившие в Петербург из Осташковского уезда Тверской губернии, с озера Селигер. В Петербурге их кликали «осташами». Как правило, осташи делили занятие рыбацким промыслом между Селигером и Невой: лето проводили в родных местах, а с конца октября до начала весны (а иногда и вплоть до июня) промышляли в Петербурге или Кронштадте. Зимой рыбу ловили из подо льда на Финском заливе.

Когда река вскрывалась, осташи работали на тонях. Рыбацкая тоня представляет собой избушку, воздвигнутую на отмели: во избежание наводнения она высоко подымается на столбах над поверхностью воды. Рыба ловится «мот-

нею» сажен 300 длины и 3—4 ширины, смотря по глубине моря. Закинутая мотня опускается в море стеною от поверхности воды вплоть до дна. Мотню с обеих сторон тянут на берег при помощи ворота, который приводится в движение поденщиками. Когда закинут невод, поденщики медленно вертят ворот, ходя по кругу «в ногу» и понурив головы. За раз вытягивали по 50 пудов рыбы (800 килограмм). Всего же за путину невские рыбаки добывали примерно 200 тысяч пудов корюшки.

Корюшкой и ряпушкой торговали с лотков разносчики, покупавшие ее рано утром у оптовиков на рыбной бирже, что существовала на Фонтанке у Семеновского моста. Десяток рыбок продавался с лотка за 3—8 копеек. Цена смехотворная, любой жалкий поденщик зарабатывал в столице за день минимум полтинник.



Торговец рыбой. 1860-е годы

Ближайший родственник корюшки — снеток ловился на Псковском и Чудском озере и на Ильмене. Снетков сушили, грузили в корзины и доставляли на санях в Петербург. Особый спрос на снетков был в Великий пост. Вообще же эта микроскопическая рыбка заменяла петербургскому простонародью семечки, которых столица не знала до февраля 1917 года, когда призванные из Малороссии и с Кубани солдаты Петроградского гарнизона усеяли лузгой тротуары Невского проспекта.

Корюшка и снеток — рыбки петербургских окраин. Их не знали французы-повара «Кюба», «Донона», «Бореля», «Констана» и других «гвардейских» ресторанов. Корюшка — для тех, кто ходит не с парадного, а с черного хода: горничных, кухарок, дворовых мужиков. Как вспоминала Ахматова, «на черной лестнице пахло жженым кофе, постным маслом на масленицу, корюшкой весной и всегда кошками».

Снеток и корюшка — Пески, Выборгская сторона, трущобы у Сенной площади: там ее вкус знали хорошо.

Золотое время корюшки пришло с военным коммунизмом, когда Петроград натурально вымирал от голода, в отличие от окруженной сельщиной Москвы или провинциальных городов, где свинки и коровки на подворьях не переводились никогда.

Выяснилось — рыбка естественное богатство столицы, ставшей провинцией. Ежегодно возобновляющийся пищевой ресурс. В суровые времена фабрик-кухонь, заводских столовых, карточек и дефицита, эта рыбка вносила в ленинградский стол неожиданное разнообразие, а ее не зависящий от идеологии ежегодный нерест свидетельствовал о том, что не вся природа еще покорена плановыми органами.

Сложность заключалась в том, что до 1940 года граница с Финляндией проходила рядом с Сестрорецком, да и Ладога считалась пограничной зоной. Появление здесь рыбака на ялике, или передвижение по льду категорически запрещалось. На удочку корюшку ловили только в Неве.

В блокаду корюшка не могла спасти горожан. Люди ослабли настолько, что им не хватало сил на подледный лов. А ту, что ловили специальные артели, шла на питание «трудящихся Смольного». Весной 1942 года (в городе в день умирает по 7 тысяч человек) партийный работник Николай Рабковский отдыхает на Карельском перешейке в Мельничном Ручье, рядом с дачей Жданова: «Питание здесь, словно в мирное время: разнообразное, вкусное, высококачественное. Каждый день мясное — баранина, ветчина, кура, гусь, индюшка, колбаса; рыбное — лещ, салака, корюшка, и жареная, и отварная, и заливная».

Только после войны в 1950-е ежегодное появление лотков с корюшкой стало местным календарным праздником (как Седьмое ноября, Белые ночи и отправка детей в пионерские лагеря). Появление корюшки — приход весны.

Корюшка становится фирменной маркой Ленинграда, как в других местах — торт «Киевский», грузинские вина или куйбышевские шоколадные конфеты. Банку маринованной корюшки, наряду с тортом «Невский сувенир» из домовой кухни «Метрополя», «Ленинградским набором» птифуров из кулинарии «Севера», «Беломором» фабрики Урицкого везли с собою из Ленинграда командировочные.

С послевоенного времени, рыболов-любитель с коробом для подводного лова становится важным городским персонажем. Эти люди заполняют электрички на Зеленогорск и Петрокрепость, а в последнее время выезжают на машинах на лед. Рыба — глубоководная, ловится лучше всего на глубине 30—40 метров, далеко от берега. Главные места лова — район бывших фортов Красная Горка и Серая лошадь на южном побережье Финского залива, и от кронштадтской дамбы до Приморска — на северном. Корюшку ловят и на Ладоге, особенно в устьях Волхова и Свири.

Городок Сестрорецк на время нереста вымирает. По словам тамошнего уроженца телеведущего Павла Лобкова, «с 20 апреля школьные классы пустели. Город вонял рыбой. Учителя даже забывали про уроки, потому что все равно никто не ходил. Все заболевали, были эпидемии

ветрянки, кори, чумы. И всю эту ветрянку можно было видеть на вот этой плотине, которую Петр построил, чтобы удержать озеро Разлив. Но корюшка-то об этом не знала и плыла против течения. Корюшка была еще одной нашей отличительной особенностью от города, потому что презренные петербуржцы даже не знали, что такое «паук», что такое «телевизор» (местные разновидности сачков). Как с этим человеком можно было разговаривать?!..»

«Корюшатники» делятся на утренних и вечерних — рыба ловится лучше всего на рассвете и на закате. Когда с рыбалки возвращаются с пятью килограммами корюшки, считают, повезло.

Охота на корюшку — занятие небезопасное. По льду уходят далеко, иногда километров на пять от берега. Лучший лов — в марте, апреле, когда ледовый покров начинает таять. Знаком весны в Петербурге становятся сообщения о том, как МЧС спасло рыбаков с очередной оторвавшейся льдины. И на этой льдине — сантехники, банкиры, искусствоведы из «Эрмитажа». Здесь становятся друзьями на всю жизнь.

В начале 1990-х мои приятели долго не могли «решить вопрос» по обустройству своего участка на Карельском перешейке. В конце концов, разузнали: помочь им может только вдова недавно убитого известного всему городу бандита. Нашли общие связи, созвонились с помощником вдовы, рандеву назначили на 21 километре Приморского шоссе. В назначенном месте их встретили люди крепкого сложения, повели по льду. Шли, и шли, и шли так, что, в конце концов, стало приятелям не по себе. Наконец увидели становище: четыре джипа своими багажниками окружили маленький пяточек. Перед лункой сидела матрона с удочкой, рядом короб — со свежей корюшкой. Бандитская вдова недовольно оторвалась от лунки, ей подали телефон: вопрос решился в районной администрации, и рыбачка, быстро распрощавшись, стала снова следить за поклевкой.

В подледной ловле есть несколько специфических прелестей, идеально ложащихся на местный петербургский нрав. Здесь громкий разговор встречает всеобщее молчаливое осуждение. Даже главные местные питейные заведения — рюмочные наполнены одиночками, не вступающими в контакт с собутыльниками. Подледный лов — человек на льду, наедине с лункой под хмурым балтийским небом. Пример отчуждения и экзистенциального одиночества.

Петербуржец с риском для жизни рыбачит где-нибудь на Ладоге или в Комарово, зная — любой риск и похмелье будут оправданы в глазах жены и детей сковородой с тесно уложенными спинкой друг к другу рыбешками.

Этот симбиоз рыбы и города — лучшая память о Ленинграде. За 65 лет существования он оставил не так уж много достойных материальных памятников. Но Ленинград был, мы в нем выросли и прожили более ли менее счастливые годы. И каждая весна отмечена в памяти запахом свежего огурца от лотков со свежей рыбой.

РЮМОЧНЫЕ: УХОДЯЩАЯ НАТУРА

Рюмочная — чисто советское учреждение. Даже не просто советское, а именно ленинградское. В Тбилиси — хинкальные, в Одессе — бодеги, в Москве — пивные. Хмурые ленинградские мужчины всегда выпивали в рюмочных.

Зима начинается у нас в ноябре, заканчивается в конце апреля. Пронизывающий ветер с залива, слякоть; на тротуарах — смесь грязи, соли и снега. Огромные продуваемые площади, прямые проспекты: от метели не спрятаться. Чтобы уцелеть, надо или толкаться в общественном транспорте, или стоять в пробках у мостов через многочисленные водные протоки — от Большой Невы до Черной речки.

По улице можно двигаться только перебежками — от теплого вестибюля метро до книжной лавки или магазина оловянных солдатиков.

Рюмочная, где можно хлопнуть, заесть горячим и ни с кем из присутствующих не вступать в обременительный контакт, как колодец в пустыне, почтовая станция на тракте.

Цены копеечные, тишина, порядок. Всё молча, с чувством собственного достоинства. Махнул — побежал дальше, к дому, в гости, в филармонию.

Старая Россия рюмочных не знала. Их функции отчасти выполняли трактиры с горячительными напитками, пивные, ренсковые погреба. В Петербурге пропустить наскоро рюмку под пирожок можно было в ресторане «Доминик» и кондитерской Федорова.

В очереди за водкой. Петроград. 1920-е годы

Но всяк сверчок знал свой шесток. Выпивать из горлышка «сороковку» у выхода из ренсковых погребков, отбивая на ходу сургучную пробку, могли крестьяне — сезонники; в пивных сиживали станочники с Выборгской

стороны; в «чистой половине» трактиров под графинчик и селянку слушали «музыкальную машину» торговцы Апраксина рынка. «Пролетарии умственного труда» — репортеры, студенты-репетиторы, мелкие чиновники трактирами пренебрегали: пусть плохонький, но ресторан.

Все это многообразие исчезло в 1914 году с введением сухого закона и вновь появилось только в 1925-м, когда уже советским людям разрешили потреблять алкоголь невозбранно и открыто.

Ленинградские питейные заведения эпохи НЭПа выглядели пародией на своих дореволюционных предшественников. Здесь кутили как в последний раз растратчики, мелкие торговцы, налетчики вперемежку с инженерами из «бывших».

Вспоминал Вадим Шефнер: «А рабочий класс сиживал в пивных (впрочем, водку там тоже наливали). Пивных самого разного разбора в городе хватало с избытком; в частушке нэповских лет горделиво сообщалось: “Петроград теперь иной, в каждом доме по пивной!"».

Рабочие Обуховского района в трактире. 1920-е годы

Пивные делились на обычные и «культурные». Как пелось в тогдашней назидательной песне:

«Слышен звон серебра из кармана,
Это деньги на пьянство пойдут,
А вдали показалась пивная,
Гражданин, не причаливай тут!
Слышно хлопанье пробок от пива,
От табачного дыма туман,
А в культурной пивной так красиво:
С бубенцами играет баян!»

Сталинские пятилетки, казалось, вообще похоронили идею выпивки и закуски. Создавалась пищевая индустрия, хорошая или плохая — другой вопрос, но общественное питание отрицает избранность.

Правда в 1930 годы Сталин изрек две ма́ксимы, оставившие и ресторанам, и разливухам лазейки: «жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее» и «кадры решают всё».

Высшим кастам советского общества полагалось нечто недоступное простым смертным: «Форд» или «Победа», квартира-«сталинка», Сочи и ресторан. Здесь орденоносцы, командармы, летчики, академики, народные артисты потребляли блюда из знаменитой микояновской «Книги о вкусной и здоровой пище».

Но рабочий класс, как писал Владимир Маяковский, «жажду заливал не квасом», и в его жизни помимо социалистического соревнования должны были быть какие-то удовольствия. К концу 1930-х стали появляться буфеты, закусочные, заведения «Советское шампанское», павильоны «Пиво. Воды» и, наконец, рюмочные. Цель всего этого многообразия была одна — приучить население выпивать «культурно», под закуску и под начальственным приглядом.

Расцвет жанра пришелся в Ленинграде на послевоенное время.

Как писал великий драматург и автор «Записок нетрезвого человека» Александр Володин:

«Убитые остались там,
А мы, пока еще живые,
Все допиваем фронтовые,
Навек законные сто грамм».

К 100 граммам полагался бутерброд — четыре кильки на куске хлеба, столько же исполнительниц было в модном тогда вокальном квартете: поэтому называлась эта традиционная закуска «сестры Федоровы».

В первой половине 1950-х чуть ли не половина всех политических дел возбуждалась из-за вольномыслия в рюмочных — посетители отогревались, выпивали, языки развязывались.

Важная характеристика послевоенных рюмочных — всесословность. Рестораны для подавляющего большинства населения были все еще недоступны. И все — от офицеров до студентов, от «ототкинувшихся со шконки» уголовников до фрезеровщиков 6-го разряда — стояли за круглыми столиками со столешницами из искусственного мрамора.

Пейзаж начал меняться где-то к середине хрущевского царствования. Поколение Бродского и Довлатова открыло для себя ресторанные возможности: оказалось, цены на «Крыше» в «Европейской» или в «Кавказском» не так уж сокрушительны. Главное — не бояться грозного швейцара.

Стали появляться аналоги рюмочных для ленинградского среднего класса. Это были заведения с буфетной стойкой, без официантов, где не заставляли снимать пальто (такие как «Щель» в гостинице «Астория»). Здесь всегда было черно от шинелей морских офицеров и каракулевых шубок их прелестных дам. Как вспоминает завсегдатай: «На прилавке всегда 3—5 сортов лучшего коньяка, шампанское всех видов и даже “Мускатное”, красная и черная икра, рыбка красная и белая: белуга, севрюга, кета, лосось — и выпить там 100х100 (коньяк + шампанское —

в просторечии "Бурый медведь") или 150 коньяка перед обедом было блаженством».

Рюмочная оставалась прибежищем квалифицированных, «умственных» рабочих, определявших социальное лицо города: серьезные, зарабатывающие мужчины — рыбалка, походы на стадион Кирова, отпуск в заводском профилактории или на садовом участке. Эти заведения для посетителей, окончивших рабочую смену, играли ту же роль, что в Англии — пабы. Благо на каждый из 15 районов города в среднем имелось 103 заведения, где наливали спиртное (они могли называться бутербродными, закусочными, буфетами). Ну а молчаливое большинство, презираемое посетителями рюмочных, норовило «сообразить на троих» и выпить в парадняке из граненого стакана, украденного в автомате «Газированная вода». На севере всегда много и тяжело пьют. Недаром Достоевский думал написать роман о Петербурге под названием «Пьяненькие».

В 1990-е годы советские обыкновения много и чаще всего не смешно пародировали. Ностальгия укутывалась иронией. Все эти петербургские псевдосоветские рестораны «Зов Ильича», «На здоровье» радовали разве что скупавших военные ушанки и матрешки с Горбачевым—Ельциным—Путиным иностранцев. Ближе к сути подошла сеть пивных «Толстый фрайер», основанная Александром Розенбаумом, здесь и еда доступная студентам, и музыка ностальгическая, и скумбрию к водке подают.

Рюмочные не перестраивались, они никуда не исчезали. Они остались, как Ростральные колонны, «Зенит» и Белые ночи, не меняя функции.

Давно замечено — все дорогое лучше в Москве, дешевое — в Петербурге. У нас нет изысков Аркадия Новикова, зато душевно посидеть за пару сотен рублей, не отравившись, можно на каждом углу. В первопрестольной общепит какой-то континентальный, как климат, — или очень хорошо, или опасно, неопрятно, гнусно. А Питере за свои 100—200 не отравишься и не получишь по морде.

Рюмочных, в отличие от Москвы, в Петербурге много — штук 50. Дело и в традициях, и в покупательной способности — 100 грамм с бутербродом стоят 100 рублей.

Классические рюмочные — заведения, где пьют стоя, поставив стакан и закуску на полочки, идущую вдоль стен или круглые, высокие столики. Пьют водку, коньяком и портвейном пренебрегают. Закусывают бутербродами.

Строгая женщина, часто татарка, знающая завсегдатаев и их обыкновения наизусть, быстро пресекает всякое поползновение на нарушение порядка. Да и сами посетители встречают любое повышение голоса со стороны подвыпивших клиентов недовольными взглядами, а могут и выкинуть на улицу. Впрочем, если постоянный посетитель заслужил своим поведением одобрение — ему будет открыт кредит. И можно будет заплатить «хозяйке» и товаром: рыбой, грибами.

Единственное усовершенствование, произошедшее в последние годы в рюмочных, — появление горячих закусок — яичницы, сосисок, иногда супа. Но сути это не меняет. Расчет на быструю сменяемость контингента. Засиживаться не принято. Если приятели не хотят расставаться, идут в соседнее заведение, благо оно, как правило, недалеко.

Средний возраст посетителей близок к пенсионному, почти все эти люди воспитаны на простом и суровом жанре рюмочной сызмальства. Все, кто пил много, вымерли, не пережили 1990-е. Остались закаленные ветераны, знающие свою норму и привыкшие к «культурной» выпивке.

В деревне всякий человек — знакомый или знакомый знакомого. Городская жизнь безлична: персонаж из толпы — не сосед и не Ванин шурин, просто какой-то прохожий. «Человек человеку — бревно», — писал Алексей Ремизов. Рюмочное — заведение для одиночек, здесь царствует отчуждение. Здесь человек чувствует себя спокойно, тут рефлексируют. Это касается, прежде всего, заведений центральных, проходных, где постоянные посетители — редкость.

Другое дело — распивочные, спрятанные в глубине старых кварталов. Постиндустриальная экономика оторвала рюмочную от завода и привязала к местности. Не случайно самые известные рюмочные расположены в старых районах — в Коломне, на Лиговке, в Песках, у Сенной площади. Тут, кроме рюмочных, существуют и другие традиционные заведения, кафе и закусочные, где можно выпить коньячка, закусить миногами, съесть солянку и домашнюю котлету, и все это максимум рублей за 500, не выходя из бюджета.

Теперь здесь ежедневно встречаются не приятели по цеху, а те, кто ходил в одну школу, жил в одном дворе, и лечится в одной поликлинике. Пенсионеры, инженеры, доценты, водители, кузовщики, учителя физики и физкультуры. Люди не слишком довольные окружающей жизнью. По политическим убеждениям в основном коммунисты, встречаются яблочники.

Есть даже одна рюмочная (адрес по понятным причинам не называю), где во время «снежной революции» участникам митингов накатывали со скидкой, а ораторам хозяева проставлялись за счет заведения.

Рюмочные не поддаются стилизации. Было несколько попыток создать нечто в этом жанре для более молодой и платежеспособной публики. Все они провалились. Молодежь пьет значительно меньше отцов и дедов, к водке душой не прикипела. Местные хипстеры предпочитают накатить «шот» в модном баре, где-нибудь на Думской или на Фонтанке. А настоящие ценители жанра в новые заведения не потянулись — дорого.

Рюмочные пока живы, но медленно вымирают вместе со своими клиентами, как толстые журналы или игра в домино во дворе.

Глава 2
От столицы к провинции

Могут ли в стране сосуществовать две столицы? Русский опыт показывает — нет. Москва не дает конкурентам развернуться, уничтожая или присваивая местные элиты.

«Вертикаль власти», по мнению большинства серьезных историков, привнесли в русскую жизнь монголы. Александр Невский и его московское потомство верно служили ханам, а за это получали ярлыки на великое княжение (то есть право самим собирать дань). Московские князья служили татарам «паханами». Поставленные «смотрящими» над Русской землей Иван Калита и его брат Юрий навели ханов на главного своего соперника — Тверское княжество и убили ордынскими руками тверских князей Михаила Александровича и его сына Александра.

Дмитрий Донской прекратил платить дань Мамаю, чтобы сменить бывшего сюзерена на Тохтамыша. Не единожды прибегал к татарской помощи Василий Темный, именно благодаря ордынцам он победил Юрия Звенигородского и Дмитрия Шемяку.

Но московско-татарский путь развития Руси не был единственным. Другой тип цивилизации представляли собой «северорусские народоправства» — вечевые Псков, Вятка, Новгород. С XI по XV век Новгород — центр могу-

чей демократической республики, своеобразного моста между Западом и Востоком. Город, не уступающий численностью населения Парижу и Лондону, почти поголовно грамотный. И хотя непокорный Новгород и вынужден был платить дань татарам (ставленником которых был их князь Александр Невский), ордынское влияние здесь было минимально. Член Ганзейского союза Новгород тяготел к Европе.

Орда рухнула, как позже СССР, — бескровно. Вассальные провинции стали независимыми государствами, одним из таких — Великое княжество Московское. Ордынская вертикаль сохранилась с единственным изменением: вместо Сарая — Москва.

Иван III стал новым ханом. Присоединил к Москве Тверь и Ярославль. Под надуманным предлогом в 1471 году он пошел походом на Новгород. С ним вассальные касимовские татары во главе с царевичем Данияром. С их помощью москвичи победили новгородцев на реке Шелони, казнили новгородских посадников и добились от Новгорода сначала вассальной зависимости, а потом, в 1478 году, полностью аннексировали земли республики.

В 1510 году Василий III требует, чтобы «жалобные люди» из Пскова, недовольные московским воеводой, «копились» в Новгороде. И когда все недовольные оказались вначале под присмотром, а потом по темницам, москвичи сняли вечевой колокол с псковской Святой Троицы и присоединили к себе город святого Довмонта.

Понятно, что какие-то воспоминания о независимости в Новгороде, Пскове и Твери оставались. Как сказали бы коммунисты, «родимые пятна прошлого».

Иван Грозный решал проблемы радикально. Поход опричного войска на Новгород состоялся в 1569—1970 годах под личным руководством царя. Нападение русского войска на русский город, не дававший для этого повода, следовало как-то объяснить. Обоснования напоминали обвинительные акты по будущим сталинским «Большим процессам»: соучастие в «заговоре» недавно убитого по приказу Ивана князя Владимира Андреевича Старицкого и намерение

передаться польскому королю. Поводом послужил донос, поданный неким бродягой, Петром, за что-то наказанным в Новгороде.

По пути в Новгород осенью 1569 года опричники устроили массовые убийства и грабежи в Твери, Клину, Торжке и других городах. В Тверском Отроче монастыре в декабре 1569 года Малюта Скуратов собственноручно задушил митрополита Филиппа, отказавшегося благословить поход.

С 8 января по 13 февраля 1570 года продолжался геноцид в Новгороде. Иван велел обливать новгородцев зажигательной смесью и затем, обгорелых и еще живых, сбрасывать в Волхов; иных перед утоплением волочили за санями; детей привязывали к матерям и метали их вместе в реку. Священники и монахи после различных издевательств были забиты дубинами и сброшены туда же. Современники сообщали, что Волхов был запружен трупами. Людей забивали до смерти палками, ставили на правёж[1], чтобы принудить их к отдаче всего своего имущества, жарили в раскаленной муке. В иные дни число убитых достигало полутора тысяч. Были разграблены монастыри, сожжены скирды хлеба, избит скот. Наступил голод, сопровождавшийся людоедством.

Во вскрытой в сентябре 1570 года общей могиле, где погребали всплывших жертв Ивана Грозного, а также умерших от голода и болезней, насчитали 10 000 трупов.

Из Новгорода Грозный отправился к Пскову. Там царь своими руками убил игумена Псково-Печорского монастыря Корнилия, ограбил и казнил нескольких псковичей.

Любопытно, что позже именно героизм псковичей при обороне Пскова от поляков Стефана Батория спас и Россию, и Ивана Грозного от окончательного разгрома в Ливонской войне.

После похода Ивана Грозного никакой город не мог больше бросить вызов Москве. Вертикаль установили всерьез и надолго.

---

[1] Ставили перед судом или приказом, где человек был обвинен, и в продолжение нескольких часов били батогами по ногам. — *Прим. ред.*

Петр Великий не любил Москву. В 1712 году двор переехал в построенный Петербург. По словам Виссариона Белинского: «Таким образом, Россия явилась вдруг с двумя столицами — старою и новою, Москвою и Петербургом. Исключительность этого обстоятельства не осталась без последствий, более или менее важных. В то время как рос и украшался Петербург, по-своему изменялась и Москва».

Петербургский период русской истории много уступал в жестокости московскому. Да, Москва чувствовала себя слегка обиженной; скорее курортом, чем деловым или интеллектуальным центром. Как писал Николай Гоголь: «В Москву тащится Русь с деньгами в кармане и возвращается налегке; в Петербург едут люди безденежные и разъезжаются во все стороны света с изрядным капиталом».

Однако у Москвы были плюсы, с лихвой возмещавшие потерю столичного статуса. Петербург — город искусственный, на периферии России. Москва — в центре естественной экономической активности, на скрещении речных, а позже и железнодорожных путей. Петербург — город чиновничий, военный, позже — пролетарский. Москва — купеческий и дворянский. Темп жизни в Москве не так интенсивен, зато частных капиталов и мудрых голов в избытке.

Москва — это Петр Чаадаев, Александр Островский, Лев Толстой, Антон Чехов, Андрей Белый, Марина Цветаева, Борис Пастернак. Это Художественный театр, Третьяковская галерея, «Голубая роза» и «Бубновый валет». К 1914 году разрыв между Москвой и Петербургом не очевиден. Страна в 1913-м действительно летит на двух крыльях — петербургском и московском.

Но Петроград искусственнее, неожиданнее. Баланс классовых сил неочевиден. Социальный состав населения способствует бунтам. Именно в столице императорская Россия найдет свой бесславный конец.

Большевиками была установлена новая иерархия: Петроград — четвертый Рим, столица мировой пролетарской революции (а значит, в перспективе — всего земного шара), Москва — главный город Советской России. Глава

Петрограда Григорий Зиновьев по совместительству занимал пост Председателя Коммунистического интернационала. Именно он переименовал сразу после смерти вождя Петроград в Ленинград — особую пролетарскую столицу, где свой пантеон (Марсово поле) и свои новомученики (Урицкий и Володарский).

Именно Зиновьев начал беспощадную чистку Петрограда от Петербурга. Город лишился (умерли от голода, убиты, эмигрировали, переехали в Москву) Ильи Репина, Александра Блока, Николая Гумилева, Владимира Маяковского, Сергея Есенина, Дмитрия Мережковского, Зинаиды Гиппиус, Аркадия Аверченко, Осипа Мандельштама, Тамары Карсавиной, Анны Павловой, Федора Шаляпина, Александра Куприна, Ивана Бунина.

Исчезли журналисты, бизнесмены, инженеры и профессора, биржевые деятели, модистки, присяжные поверенные, рестораторы, депутаты думы, офицеры гвардии, дипломаты, чиновники: в новом Петрограде они были решительно никому не нужны. Как писал Николай Тихонов:

«Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз проносят по привычке;
Пересчитай людей моей земли —
И сколько мертвых станет в перекличке».

Героев Блока сменяли герои Зощенко. Уже в начале 1920-х Москва была культурно и финансово привлекательней, да и либеральней Северной столицы.

Именно в Петрограде в августе-октябре 1918 года чекисты расстреляли 800 «заложников», в огромном большинстве абсолютно аполитичных граждан дворянского и буржуазного происхождения. Казни происходили в самом центре города у стен Петропавловской крепости.

В августе 1921 года ЧК нанесло сокрушительный удар по петроградской интеллигенции — так называемое «Таганцевское дело», по которому расстреляли более 60 человек, в том числе и Николая Гумилева (подробнее — далее, в отдельном очерке).

5 июля 1922 года присудили к расстрелу руководство православной общины: митрополита Вениамина, архимандрита Сергия, профессора юриспруденции Ю. П. Новицкого, адвоката И. М. Ковшарова, епископа Венедикта, протоиреев Н. К. Чукова, Л. К. Богоявленского, М. П. Чельцова, Н. Ф. Огнева и Н. А. Елачича. После ходатайств перед ВЦИК о помиловании, последним шести подсудимым расстрел заменили долгосрочными тюремными сроками.

16 ноября 1922 года из Петрограда в Германию отправился пароход «Пруссия», на котором выслали 17 петроградских интеллектуалов — философов, социологов, юристов, искусствоведов (среди которых две, в будущем, знаменитости Гарварда — социолог Питирим Сорокин и специалист по античности Федор Ростовцев).

Кажется, что проиграли только «бывшие люди». На самом деле еще страшнее оказалась судьба победителей. За что боролись, на то и напоролись. Кадровые рабочие, балтийские матросы вскоре ощутили — их обманули. Для большевиков именно они оказались пушечным мясом. В них больше не нуждались. Встал порт и большинство промышленных предприятий, началась безработица. Меж тем забастовки и свободные профсоюзы запретили. Выборы в Советы стали чистой формальностью, все решала коммунистическая номенклатура.

Рабочую аристократию — тех, кто выходил на улицы в январе 1905-го, феврале, июле и октябре 1917-го, брал Зимний, сражался с Юденичем — большевики преследовали так же свирепо, как аристократию крови.

С конца 1924 года началась борьба за власть между Сталиным и его группировкой и зиновьевцами. Противники Сталина — это ленинградская партийная организация + Надежда Крупская + Лев Каменев + нарком финансов Георгий Сокольников. В первый раз после революции борьба двух столиц стала явной. «Ленинградская правда», «Смена», «Красная газета» и другие печатные органы ленинградской оппозиции обосновывали правоту зиновьевцев избранностью ленинградского пролетариата, тем, что именно

он инициировал большевистскую революцию. И, вероятно, несмотря на личную омерзительность Зиновьева, ленинградские партийцы были на стороне Смольного. Речь ведь шла о престиже и положении их родного города.

Разгром «ленинградской оппозиции» стал рубежом для Иосифа Сталина. Отныне город воспринимался вождем как потенциально опасный. Иосиф Виссарионович, как известно, величайшим героем русской истории считал Ивана Грозного. В беседе с Николаем Черкасовым (исполнявшим роль царя в фильме Сергея Эйзенштейна) он называл опричное войско прогрессивным, а своего исторического предшественника корил только за то, что «Ивашка недорубал» своих возможных противников. Зато генсек «рубал» от души. Ленинград срифмовался с Новгородом. Политические дела стали повседневностью.

После изгнания Зиновьева московским наместником, воеводой Ленинграда, назначили верного сталинца Сергея Кирова. И при всем том, что парень он был довольно обаятельный, Москве не перечил и что приказали — исполнял, процессы в Ленинграде продолжались.

1925 год — «Дело Лицеистов». По обвинению в организации встречи выпускников в Лицейский день (19 октября), существовании кассы взаимопомощи и проведении панихиды по погибшим лицеистам арестованы 150 человек, 26 расстреляны.

1928 год — «Семеновское дело». Боевое знамя старейшего гвардейского полка спрятано под алтарем полкового храма. Коллегия ОГПУ приговорила 11 офицеров к расстрелу, четверых — к десятилетнему, а пятерых — к пятилетнему сроку в концлагере.

В феврале 1928 года Д. С. Лихачев и 8 его товарищей были арестованы за принадлежность к студенческой «Космической академии наук».

1929 год — «Академическое дело». Арестованы крупнейшие петербургские историки — Сергей Платонов, Евгений Тарле, Борис Романов. Обвинения — заговор с целью свержения советской власти и восстановление монархиче-

ского строя путем интервенции и вооруженных выступлений внутри страны — целиком вымышлены ОГПУ.

В 1930-м по «Делу о контрреволюционной группировке в Центральном бюро краеведения» арестованы и осуждены несколько известных специалистов по истории города.

В 1931 году начинается чистка Ленинграда от бывших царских офицеров. 373 из них арестовали. Несколько десятков расстреляли, остальные оказались на Соловках и Беломорканале.

В августе 1931 года 25 человек осуждены по сфабрикованному ОГПУ делу о «контрреволюционной группировке в экскурсионной базе». Продолжились чистки среди интеллигенции. В Академии наук, Центрархиве, издательствах арестовали несколько десятков ученых. В декабре были арестованы, а затем приговорены к ссылке обэриуты Хармс, Введенский, Бахтерев.

7 ноября 1932 года открылось новое здание ОГПУ, знаменитый «Большой дом».

В апреле 1933 года Политбюро приняло решение об организации в дополнение к многочисленным лагерям, колониям и спецпоселкам, так называемых, трудовых поселений, куда, помимо крестьян, обвиненных в саботаже хлебозаготовок, предполагалось направлять «городской элемент, отказавшийся в связи с паспортизацией выезжать из Москвы и Ленинграда», а также «бежавших из деревень кулаков, снимаемых с промышленного производства». В конце 1932 — начале 1933 годов ленинградское руководство, занималось чисткой города от «чуждых элементов» в связи с введением паспортов. 57-летний инженер И. Д. Смирницкий, например, получивший приказ о выселении из Ленинграда, пытался найти правду у городских властей: «...Я сделал попытку добиться толку в райсовете, но там я оказался в очереди свыше шестисот человек и ушел без всяких результатов».

1 декабря 1934 года в Смольном Леонид Николаев застрелил Сергея Кирова. С этого события начинается «Большой террор». В убийстве были обвинены зиновьевцы, то

есть фактически все ленинградцы — члены ВКП(б), голосовавшие в 1925 году за «ленинградскую оппозицию».

9 января 1935 года состоялось Особое совещание при НКВД СССР по уголовному делу «ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других». На этом заседании были осуждены 77 человек.

26 января 1935 года Сталин подписал постановление Политбюро о высылке из Ленинграда на север Сибири и в Якутию 663 бывших сторонников Зиновьева. В 1935 году были арестованы 843 зиновьевца. 325 бывших оппозиционеров были переведены из Ленинграда на партийную работу в другие районы.

Сталин у гроба Кирова — в почетном карауле. 1934 год

Одновременно с этим начинается операция «Бывшие люди». Так как «лишенцы» — «представители бывших эксплуататорских классов» с зиновьевцами не имели ничего общего, понятно, что под шумок решено было нанести удар по Ленинграду в целом.

Сигнал к массовому выселению «бывших» был дан закрытым письмом ЦК от 18 января, в котором утвержда-

лось: «Ленинград является единственным в своем роде городом, где больше всего осталось бывших царских чиновников и их челяди, бывших жандармов и полицейских... Эти господа, расползаясь во все стороны, разлагают и портят наши аппараты».

Спустя два месяца в «Правде» было помещено сообщение о высылке из Ленинграда «за нарушение правил проживания и закона о паспортной системе 1074 граждан из бывшей аристократии, царских сановников, крупных капиталистов и помещиков, жандармов, полицейских и др.». На самом деле в 1935 году из Ленинграда выселили 39 660 человек (два заполненных стадиона «Петровский»); 24 374 человека были приговорены к расстрелу, заключению в лагерь или ссылке.

1937—1938 годы были в Ленинграде особенно жестокими. Как известно, «Большой террор» в его зените включал несколько «операций», планы которых давала Москва. Для Петербурга эти «операции» были особенно значимы потому, что касались важных для города меньшинств. Удар наносился по представителям национальных групп, а значит, многочисленных в Ленинграде поляков, немцев, финнов, эстонцев, латышей и литовцев. В ходе «финской» операции расстреляли 739 человек, немцев было арестовано 2919, расстреляно 2014, поляков было арестовано 2039, расстреляли 1022.

Еще один удар был нанесен по верующим всех конфессий. Из 107 управляющих Санкт-Петербургской епархией репрессировали 82 человека, всего активных православных — 1017, активных католиков репрессировано 365 человек, 80 — обновленцев, 19 — чуриковцев, 28 — старообрядцев, 293 — евангелических христиан, 41 — древно-евангельских христианина, 10 — адвентистов, 109 — иудеев, 17 — мусульман, 27 — буддистов.

Репрессии коснулись 1047 железнодорожников, 170 литераторов, 127 инженеров Особого технического бюро, 71 судостроителя, была разгромлена Пулковская обсерватория, расстреляли и отправили в лагеря 970 геологов.

Всего в Ленинграде в 1937—1938 годах было расстреляно 39 488 человек, в том числе в 1937-м — 18 719, а в 1938-м — 20 769.

Может быть не по масштабам, но по значению сталинский террор в Ленинграде напоминал то, что сделал Иван Грозный с Новгородом. «Ровные полешки лучше горят»: из города постарались убрать всех, кто как-то отличался.

От Леньки Пантелеева и Леонида Николаева до Николая Заболоцкого и Бенедикта Лившица.

1912-Й: ПЕРЕЛОМ ЖИЗНИ

Как и почему 100 лет назад благополучная, набирающая силы и ресурсы Россия достигла точки кипения, приведшей к революции с обнищанием и братоубийством?

В 1912 году Россия жила лучше, чем когда-либо раньше. Позади были страшные годы «русской смуты» — 1905—1907: солдатские бунты, погромы имений, перестрелки в центре столиц. «Смута», в конце концов, привела к Конституции, премьер-министру Столыпину и позволила интеллигентам безнаказанно рассуждать в печати о судьбах России. Революция осталась позади и воспринималась, как сегодня «лихие 1990-е».

В 1912-м темпы роста ВВП поражали воображение, зримо росло не только благосостояние городов, но и села. За всю историю нашей страны ее экономика не развивалась так тотально и ошеломительно. Выплавка чугуна в 1910 году составляла 186 млн пудов, а в 1912 году — 256 млн. Добыча каменного угля в 1910 году равнялась 1,522 млн пудов, а в 1913 году — уже 2,214 млн. За три года (1911—1914) со 120 до 220 млрд рублей вырос основной капитал русских машиностроительных заводов. За 12 лет с 1900 года выплавка меди и добыча марганца выросли в пять раз.

«Золотой дождь» пролился буквально на все слои населения. Мужик впервые стал важным покупателем кероси-

новых ламп, швейных машин, сепараторов, жести, калош, зонтиков, черепаховых гребешков, ситца.

Гулянье в Летнем саду. 1 мая 1911 года

За несколько лет 4 млн крестьян перебрались из Европейской России в Сибирь. Алтай превратился в важнейший зерновой район, там же производили масло на экспорт. За 5 лет количество крестьян — пайщиков кооперативных обществ увеличилось в 12 раз.

Петербургские рабочие выписывали газеты, жили в отдельных квартирах (сдавая жильцам часть комнат внаем), ходили с женами в шляпках в «Народный дом» на Шаляпина. Средний годовой заработок рабочего на электростанции составлял 447 рублей (для сравнения: простой техник получал 1500 рублей в год, а специалист-инженер — 2400), на машиностроительных заводах — 425 (в 1901 году средний рабочий получал в год 201 рубль). Электрик на шахте «Никита Хрущев» имел костюм-тройку, мягкую велюровую шляпу, на работу добирался из собственного домика на велосипеде.

Федор Шаляпин с поклонниками у служебного входа
театра Народного дома. Фото Карла Буллы

В стране ежегодно издавался 71 млн книг, выходило 440 ежедневных газет. Модные авторы, не в пример Дос-

тоевскому или Чехову, становились миллионерами: не только Горький, Андреев, Куприн, но и Бунин, Мережковский, Арцыбашев считались людьми с достатком. Но это кумиры прошлых поколений.

В марте 1912 года вышла первая книга Анны Ахматовой «Вечер», чуть позже — второй сборник Марины Цветаевой «Волшебный фонарь» и четвертый сборник Николая Гумилева «Чужое небо». Сенсация сезона 1912—1913 годов — футуристы. Они воспринимаются одними как клоуны, другими — как наглые хамы, для которых ничего не свято, эдакие панки 1912 года, и только немногими — как серьезные художники и поэты, которые прославят русское искусство в мире.

Сенсация сезона 1912–1913 годов — футуристы. Владимир Маяковский (второй ряд, в центре) в студии художника Николая Кульбина. 1912 год

Помимо высокого искусства — Московского художественного театра, императорского балета, художников «Мира искусства», «Бубнового валета» и «Голубой розы», — бурно развивалось массовое: детективы с Натом Пинкертоном и Антоном Кречетом, кинематограф, цирк.

В Петербурге, Москве, Ярославской губернии начальное образование фактически стало всеобщим. Всего в России из 14 млн детей школьного возраста училось 8 млн. При тогдашних темпах развития образования к середине 1920-х годов четыре года школы должны были стать обязательными.

Студенты хоть разок да наведывались в Венецию и Рим. Восстанавливались после поражения с Японией армия и флот. «Русские сезоны» Сергея Дягилева завоевывали Европу. Шаляпин исполнял «Боже, Царя храни!» в высочайшем присутствии.

Страной управляло правительство во главе с компетентным и экономным Владимиром Коковцовым. Дума была местом для дискуссий, но голосовала за правительственные законопроекты. Партия власти — октябристы — почти гарантированно обеспечивала правительственным проектам законов квалифицированное большинство голосов.

Крупнейший французский экономист Эдмон Тэри писал: «Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 год идти так же, как они шли с 1900 по 1912 год, Россия в середине текущего века будет господствовать над Европой, как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении».

Революционные партии сникли. Эсеры пребывали в шоке, после того как выяснилось: руководитель их Боевой организации Евно Азеф — агент полиции. Социал-демократы грызлись друг с другом в эмиграции. Учебник по антиправительственным организациям для офицеров жандармского корпуса упоминает Ленина дважды («брат повешенного Александра Ульянова, лидер большевиков совместно с Александром Богдановым»). Интерес к политике в обществе минимальный.

Большинство интеллигенции вняло словам Михаила Гершензона, опубликованным в знаменитом сборнике «Вехи»: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Российское государство впервые за полвека обладало мощными союзниками, среди которых Англия и Франция. Армия была полностью восстановлена и перевооружена, на Балтике и Черном море строились линкорные эскадры.

И именно в 1912 году стабильность закончилась. Недовольство возникает не тогда, когда угрожают настоящие голод, смута, война. Наоборот, протест — некий дополнительный бонус. Возникает ощущение, что твой успех упирается в потолок, обстоятельства мешают, надо что-то делать. Сытый человек больше голодного озабочен и планированием жизни, и чувством собственного достоинства.

Казалось бы, в 1912-м покупай сайки от Филиппова, обедай в «Вене», сходи послушай модного поэта Блока. Ан нет, всех интересует Григорий Распутин, непомерные расходы великих князей и казнокрадство. Так и дожили до февраля 1917-го. Власть, чувствуя отсутствие давления снизу, начинает распоясываться, что немедленно вызывает ответное брожение.

Прошедшие осенью 1912-го выборы в IV Думу общественность считала фальсифицированными. Из списков вычеркивали либеральных кандидатов, с тем чтобы их жалобы на нарушение избирательных прав рассматривались уже после выборов. И все равно новая Дума оказалась гораздо более оппозиционной, чем предыдущая. Уже через 3 года, в 1915-м, там образуется антиправительственное большинство — «Прогрессивный блок».

Для левых гораздо важнее выборов стали события в Бодайбо на притоке Лены. Там несколько тысяч рабочих занимались добычей золота. В 20—60-метровые шахты спускались по вертикальным обледенелым лестницам, работали

по колено в воде. После смены в сырых робах шли по лютому холоду несколько верст до бараков. За год на каждую тысячу человек приходилось 700 травм.

29 февраля 1912 года началась стачка; к середине марта бастовало 6 тысяч человек. Требования экономические: семейным — отдельная комната; не увольнять зимой; ввести выходные по воскресеньям и в двунадесятые праздники[1]; к рабочим обращаться не на «ты», а на «вы» и т. д. После того, как стачечный комитет был арестован, 3 тысячи человек отправились на прииск Преображенский, чтобы пожаловаться на владельцев и полицию находившемуся там товарищу прокурора. Войска, вызванные хозяевами, расстреляли шествие, результат — 500 убитых и раненых.

Жертвы Ленского расстрела рабочих 17 апреля 1912 года

[1] Каждый из двенадцати наиболее значительных праздников православной церкви (Рождество, Крещение, Сретение, Благовещение, Вход Господень в Иерусалим, Вознесение, Троица, Преображение, Успение Богородицы, Рождество Богородицы, Воздвижение Креста Господня, Введение во храм Богородицы). — *Прим. ред.*

Дума подала депутатский запрос. Отвечая на него, министр внутренних дел Александр Макаров сообщал: «Когда, потерявши рассудок, под влиянием злостной агитации, толпа набрасывается на войска, тогда войску не остается ничего делать, как стрелять. Так было и так будет впредь...» Как это часто бывает, запомнилась последняя фраза.

В вопросе о виновниках Ленского расстрела неожиданно сошлись правые и левые. Компания, владевшая приисками, принадлежала англичанам, а управлялась евреями: две нации равно враждебные черносотенцам. Поэтому за создание специальной думской комиссии высказался знаменитый «жидоед» депутат Николай Марков 2-й. А возглавил расследование депутат Александр Керенский, добившийся оправдания стачечников и наказания виновников расстрела. Ленские события сделали Керенскому имя.

С 1912 года пресса начинает обсуждать две темы, которые, в конце концов, станут для самодержавия роковыми. 9 марта в Думе выступает харизматик и дуэлянт, лидер октябристов Александр Гучков: «Вы все знаете, какую тяжелую драму переживает Россия. В центре этой драмы — загадочная трагикомическая фигура, точно выходец с того света или пережиток темноты веков. Какими путями этот человек достиг центральной позиции, захватив такое влияние, перед которым склоняются высшие носители государственной и церковной власти». Отныне имя Григория Распутина в центре общественного внимания. В том же году появился сенсационный компрометирующий самиздат — переписка Распутина с государыней и великими княжнами.

Второй персонаж, ставший тяжелой гирей для судьбы самодержавия, — военный министр Владимир Сухомлинов. Все тот же Гучков обвиняет его в покровительстве некоему полковнику Мясоедову — темному дельцу, связанному с Германией. Через 3 года Мясоедова расстреляют за шпионаж, а Сухомлинова посадят в Петропавловскую крепость.

Наконец, 1912 год ознаменован массовыми стачками на столичных заводах. В 1911-м политических стачек в стране правительство насчитало 24, а в 1912-м — уже 1300.

«Так было и так будет впредь»? Нет уж, будет не по-вашему. Главными требованиями забастовщиков стали не повышение зарплат, а вежливое обращение. Бастовали против произвола, тыканья, хамства. «У нас в отделе начальство не стесняется в выражениях, и в обращении с рабочими трехэтажная ругань — постоянное явление. Мастер Арсеньев, как передают, не считает нужным называть рабочих по фамилии или имени, а просто свистит, и, если тот, к кому относился этот свист, не является своевременно, ему пишется штраф. Нечего сказать — вежливое обращение!» — из заметки рабочего Патронного завода.

Слова петиции рабочих Николаю II 9 января 1905 года (события эти, как известно, были спровоцированы произволом мастера патронной мастерской Путиловского завода): «Над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою участь и молчать», — относятся, несомненно, прежде всего, к мастерам, столкновения которых с рабочими были повседневными.

Большевики не врут: их «Правда», которая начала выходить 5 мая 1912 года, действительно сразу же стала популярна на заводах. Газета напоминала группу в социальной сети — она была заполнена рассказами о грубости конкретных мастеров. Такая «хроника текущих событий» на промышленных предприятиях столицы.

В 1909 году Столыпин говорил: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». В 1929 году начались коллективизация, индустриализация, культурная революция.

1912-й — точка перелома — первый год настоящего кризиса столыпинской благополучной России. Относительный достаток позволил думать не только о куске хлеба и личной безопасности, но и о своей единственной жизни, о возможности самовыражения. Заскорузлый режим не позво-

лял активному меньшинству проявить себя внутри сложившейся системы.

И фельдшеры, рабочие, унтер-офицеры, которые через 10 лет будут командармами, наркомами, красными директорами, становились активными и непримиримыми врагами императорской России.

Вплоть до 1914 года обстановка накалялась, но путь к компромиссу еще был открыт. Однако с началом войны страна вошла в штопор. То, чего боялись в 1912-м и кадеты, и октябристы, и авторы сборника «Вехи», совершилось.

ПЛОЩАДЬ ВОССТАНИЯ. СТИХИЯ

Как известно, 1917 год принес Петрограду две революции. И Февральская, в отличие от Октябрьской, была зрелищной, романтической и стихийной. Долгое время февральские события были в тени, и уделять им особое внимание в исторической среде считалось моветоном.

Россия, февраль 1917 года. Уже 304 года правит династия Романовых, а Российской империи 196 лет. У страны огромная армия, десятки тысяч дисциплинированных чиновников, флот, жандармы. Одна неделя изменила всё: в это время начали сбивать короны с двуглавых орлов, а еще через несколько месяцев вместо двуглавого орла появился серп и молот. Это была роковая неделя в истории России.

В феврале 1917 года стоял страшный мороз, температура ниже минус 20 градусов. На черном рынке пуд ржаной муки подорожал в пять раз. Газеты писали о составах с хлебом, брошенных в Южной Сибири. С 1 марта должны были ввести систему хлебных карточек. Поэтому люди стремились во что бы то ни стало запастись хлебом до этого момента. Интересно, что продавали только белый. Бунтовали для того, чтобы привезли дешевый черный, который был бы рабочим по средствам. Каждый день у булочных выстраиваются огромные очереди. Первые очереди

были на Садовой улице, потом они распространились на Петроградскую сторону, затем — на рабочие кварталы Выборгской стороны, Нарвской заставы. Постепенно настроение в очередях становится все более агрессивным. Февральская революция началась с разгрома булочной на углу Ординарной улицы и Большого проспекта Петроградской стороны. Никто еще не понимал, что такое скромное событие приведет к тому, что в России изменится весь политический строй.

Очередь в булочную. Петроград

Вокруг — голод, холод, война, и с каждым днем на заводах становилось все беспокойнее. Настроение у рабочих было стачечное, вот-вот полыхнет. Забастовки начинались стихийно.

В середине февраля встал весь Ижорский завод: администрация объявила недовольным локаут — увольнение без выходного пособия. Через несколько дней то же самое произошло на Путиловском. Но фактически забастовку,

приведшую к Февральской революции, начали не опытные стачечники с металлургических предприятий, а женщины — текстильщицы с Выборгской стороны.

Невская ниточная мануфактура — замок на Выборгской стороне. Тут трудилось около 2000 работниц. Платили им плохо, хлеба не хватало, у многих мужья были на фронте. В день международной солидарности работниц они решили провести стачку. Пришли на завод, потом дружно его покинули, шли по большому Сампсониевскому и, как тогда говорили, «снимали» соседние заводы. Остановился вначале «Лесснер», потом — русский «Рено». Стачка постепенно охватила всю Выборгскую сторону. Действовал принцип катящегося снежного кома.

Утром 23 февраля в городе открыто вспыхнул мятеж. К середине дня забастовку, охватившую Выборгскую сторону, уже было не остановить: только в этой части Петрограда днем 23 февраля бастовали 80 тысяч человек. Остановились десятки фабрик: рабочие митинговали, группами пытались прорваться в центр города, громили булочные. Соединились два потока — бастующие рабочие и люди из очередей.

Государя в городе не было, накануне он уехал в ставку. Но власти имели на случай волнений специальный план. Согласно ему, главная задача — не пустить мятежников на Невский проспект. Сначала на улицах города появились усиленные полицейские наряды, затем — войска регулярной армии. В распоряжении властей города имелся Петроградский гарнизон: это 180 тысяч солдат, 80 тысяч полицейских и еще 5 тысяч городовых, плюс 23 казачьих сотни, то есть примерно 2 полка.

Толпа в день 23 февраля побаивалась встречи с этим свирепым воинством, но все случилось не так, как предполагали. Казаки были внешне дисциплинированные, но выполняли приказы очень формально, без энтузиазма.

С 23 февраля на Литейном мосту, который соединяет промышленную Выборгскую сторону с центром города, стояли заставы — сначала полицейские, а потом и воен-

ные. Они должны были предотвратить переход рабочих Выборгской стороны в центр. Но Нева замерзла, и рабочие переходили реку прямо по льду. По ним стреляли, но все это огромное пространство было не перекрыть. Люди в огромном количестве направлялись в сторону Невского проспекта.

В советское время улицы Петербурга переименовывали кое-как. Почему, например, улица Марата? Там Марат никогда не был. Или почему площадь Мужества? Мужество проявляли на разных площадях. Но площадь Восстания названа правильно, потому что реально именно здесь в феврале 1917 года произошло восстание, которое, в конце концов, превратилось в Февральскую революцию. Декорация мало изменилась, только на месте метро стояла Знаменская церковь. С 24 по 26 февраля главные события происходили именно здесь. Четыре стороны — демонстранты, казаки, полицейские и гвардейские полки, находившиеся в сложном взаимодействии, в борьбе, в сотрудничестве, в нейтралитете.

24 февраля. Пятница. Ровно полдень. Трамвайное движение по Лиговскому остановлено. Пути забиты вагонами. Главная точка на площади — массивный постамент памятника Александру III[1], именно с него выступали ораторы. Здесь флаги и транспаранты, группы конных казаков и немногочисленные полицейские. В арках по Лиговскому, на Гончарной и слева от памятника стояли солдаты запасных рот лейб-гвардии Волынского полка. Волынцев привели помогать полиции и казакам в оцеплении. Среди гвардейцев и фельдфебель Кирпичников. Унтер-офицер с довоенным стажем, бывший железнодорожник, Кирпичников попал в запасную роту после ранения. Среди солдат он был признанный лидер.

[1] В 1937 году памятник был демонтирован и убран в запасники Русского музея. Ныне статуя находится перед входом в Мраморный дворец, филиал Русского музея. — *Прим. ред.*

Тимофей Иванович Кирпичников служил в так называемой учебной команде. Учебные команды — это не совсем строевые части, они предусматривали ускоренную подготовку рядовых в тылу, во время войны.

Волынский полк — это 6 тысяч человек, 150 винтовок на полторы тысячи новобранцев. Чем воевать?

Гвардейцы были растеряны. Митинг на Знаменской площади (ныне — Восстания) шел весь световой день, и солдаты из оцепления могли переговариваться с рабочими. Унтер Кирпичников их успокаивал. Говорил, что полк в демонстрантов стрелять не будет. Но в полдень 25 февраля ситуация радикально изменилась. Причиной тому стало решение полицейского ротмистра отдавать приказы казачьей сотне через голову есаула. Казаки считали зазорным подчиняться полиции. Жандармский офицер допустил грубейшую ошибку — ударил левофлангового казака. Конечно, тот не мог позволить, чтобы его, казака, кто-то, а тем более полицейский, ударил по лицу. Развернувшись, он на полном скаку рубанул пристава Крылова шашкой.

После убийства полицейского казаки фактически объявили о своем дружеском нейтралитете восставшим.

Митинг на Знаменской площади. 1917 год

Самая широкая часть Невского — то ли проспект, то ли площадь — тянется от Екатерининского канала (ныне — Грибоедова) до Садовой улицы. Начиная с 24 числа, здесь происходил карнавал. Если на Знаменской площади были рабочие, то здесь действовали совершенно разные люди: и дамы, и студенты, и уголовники, и гимназистки. Здесь солдаты впервые почувствовали полную растерянность властей. Казаки вдруг заявили, что они охраняют Гостиный двор, но разгонять никого не собираются. К 25 февраля было уже совершенно непонятно, кто кого разгоняет, кто с кем борется.

Тем временем на Знаменской площади все было попрежнему. После казачьего бунта командир наряда волынцев штабс-капитан Лашкевич несколько раз отдавал приказ стрелять. Солдатами он недоволен: не проявляли должного рвения. И гвардейцы действительно роптали: на площади стояли с семи утра и до первого часа ночи почти без еды, они чувствовали растерянность и смятение офицеров.

Днем к солдатам подходили юнкера и с одобрением рассказывали о бунте на Екатерининском канале: там солдаты лейб-гвардии Павловского полка отказались стрелять в народ. На Знаменской был и унтер Кирпичников. В эти несколько дней он даже успел отличиться. 26 февраля он задержал на углу Невского неизвестного с бомбой и передал его офицерам полиции. В то же время он постоянно твердил своим солдатам, чтобы они стреляли поверх голов, по стенам, но только не в людей. Он не хотел, чтобы были жертвы.

«Большая Северная гостиница» (ныне — «Октябрьская») — самое большое здание на Знаменской площади. Офицеры, которые в тот день были вместе с ротой на площади, время от времени уходили туда, чтобы «выпить чаю». Кроме того, здесь находилась телефонная станция, с помощью которой они связывались с властями. Солдаты видели, что каждый раз, когда офицеры выходили из гостиницы, они становились все веселее и веселее. Хотя в стране царил сухой закон, достать спиртное было просто. Вместо чая пили ханжу — разбавленную водку. Офи-

церы-волынцы Лашкевич, Воронцов и Ткачура постепенно становились все более развязными и мерзкими и все больше действовали на нервы своим солдатам. Один из офицеров Волынского полка просто развлекался, стреляя из винтовки по случайным прохожим. Попал в девочку лет 12, пытался убить старуху.

«Завтра снова идем на Знаменскую. Всех поднять ровно в шесть», — сказал штабс-капитан Лашкевич Кирпичникову. Но его приказ исполнен не был. Ночью в казарме унтер Кирпичников собрал солдат. Они провели очень тяжелый день на площади, к ним подходили люди и ругали их, объясняя, что они стреляют по своим. Волынцы постановили: хватит, надоело, на площадь больше не выйдем. Капитана Лашкевича, если тот будет сопротивляться, сговорились убить.

Так начался «бессмысленный и беспощадный» русский бунт.

Солдаты Волынского полка на Литейном проспекте. Февраль 1917 года

Литейная часть, спокойный гвардейский район. Население состоит из офицеров и чиновников. В девять утра 27 февраля из здания казарм в Виленском переулке выплеснулась огромная толпа солдат. Это Волынский полк. Они убили штабс-капитана Лашкевича и полкового командира. Часть солдат в шинелях, часть без, часть с ружьями, часть без ружей. Впереди — унтер Кирпичников. Вышли из казарм и двинулись по Спасской улице (ныне — Рылеева) в сторону Кирочной.

Взбунтовавшиеся полки шли смешанным строем и вместе с рабочими. Впереди — полковой оркестр саперов, гремит «Марсельеза». Войска рассредоточились. Кто-то пошел к Государственной думе. Другие остались в центре города. Но главный поток во главе с Кирпичниковым рвался к мосту, на Выборгскую. К середине дня эти солдаты постучали в ворота «Крестов». Сначала освободили политических, а потом и уголовников.

Бунт частей гарнизона оказался полной неожиданностью для командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова. Он находился почти что в прострации. Наконец, решено сделать ставку на проверенные офицерские кадры. В полицейское управление на Гороховую был вызван полковник Преображенского полка Александр Кутепов. Боевой офицер, герой двух войн, монархист Кутепов должен пойти против бунта во главе сводного отряда карателей. Кутепов в своих воспоминаниях отмечал: Хабалов, когда давал ему полномочия, был настроен весьма решительно, хотя у него тряслась нижняя челюсть. Во всяком случае, дело еще не казалось проигранным.

К середине дня 27 февраля главной стратегической коммуникацией в городе стал Литейный проспект. Свернув с Кирочной, восставшие полки двинулись в сторону Выборгской стороны. Им в след по Пантелеймоновской (ныне — Пестеля) шел отряд Кутепова. Он не догнал восставших, а дошел до нынешнего Дома офицеров, а тогда Дома армии и флота. В этой огромной толпе, ликующей, потому что восстание полка вызвало восторг у населения,

отряд Кутепова рассеялся. Полковник Кутепов остался один — последний гвардеец самодержавия, последний его защитник, у которого уже не было войск.

Баррикады на Литейном проспекте. Февраль 1917 года

27 февраля Петроград был почти полностью в руках восставших. Взяты «Кресты». Пылал Окружной суд. Захвачен Главный арсенал и тюрьма Литовского замка, а в здание Государственной Думы — Таврический дворец — уже доставляли первых арестованных царских чиновников.

Руководители гарнизона, руководители округа, военный министр Беляев провели ночь на 28 февраля в Адмиралтействе. Но утром адъютант морского министра сказал им, что восставшие заняли Петропавловскую крепость и могут начать обстреливать Адмиралтейство. От греха подальше в 12 часов дня руководители гарнизона перешли в Главный штаб. Здесь они сидели до трех часов дня, не отдавая никаких приказаний. По улицам гулял революционный народ. Срывали с военных погоны, надевали красные лен-

точки. В 3 часа дня руководители города, последний оплот монархии, решили тихо разойтись по домам.

27 февраля Кутепову и Кирпичникову встретиться не довелось. После свержения монархии Тимофей Кирпичников стал героем февраля — был произведен в офицеры и получил Георгиевский крест. Кутепов же примкнул к Корнилову и позже стал одним из организаторов Белого движения. В 1918 году Кирпичников перебрался на Дон. Там и произошла встреча. Кутепов узнал человека, за которым он охотился 27 февраля, и приказал его расстрелять.

Тимофей Иванович Кирпичников. Вырезка из петроградской газеты, март 1917 года

Александр Павлович Кутепов

ДИНАСТЫ В ФЕВРАЛЕ

Февральская революция победила в несколько дней, но вызревала годами и началась еще до февраля. 1916 год — в Российской империи кризис. Народ устал от войны. Общество ропщет и недовольно. Вовсю шумит Дума. Царь раздражен и с каждым днем все больше оказывается в изоляции. При этом проблемы — неудачи на фронте, Распутин, дискредитация высшей власти, министерская чехарда, дороговизна и растущий продовольственный кризис — почти не решаются. Что это — глупость или измена?

Выступление Милюкова 1 ноября в Думе — штурмовой сигнал, своего рода предупреждение власти, попытка еще раз надавить на Николая и его окружение, чтобы добиться немедленных изменений в правительстве. Происходящее в Думе отражало настроение страны, которое становилось все более и более негативным по отношению к власти.

В Совете министров, в министерстве внутренних дел, в МИДе премьеры менялись как перчатки. Один из современников даже назвал Совет министров кувырк-коллегией.

В начале 1917 года в Думе наступило затишье. Она уже не напоминала бурлящий котел 1916-го. Власть надеялась, что это хороший знак.

22 февраля около двух часов дня Николай II покинул свою главную резиденцию в Петербурге — Александровский дворец Царского Села, чтобы отправиться на фронт в Могилев. Он уезжал со спокойной душой. Только что были назначены новые руководители — военный министр Беляев, квалифицированный генерал; премьер-министр Голицын, опытнейший сановник; и, наконец, министр внутренних дел Протопопов, рекомендованный покойным Распутиным. Протопопов вызывал чувство доверия и расположенности и у государя, и у государыни.

Император ехал в Ставку готовить важнейшее дело: русские войска должны были перейти через несколько месяцев в наступление по всему фронту. Прекрасный солнечный день — 22 февраля 1917 года.

Единственный из сохранившихся императорских составов находится в железнодорожном музее в Финляндии, в городе Хювинкяа. Там можно увидеть вагон, похожий на тот, в котором провел вечер 22 февраля и ночь на 23 февраля Николай II. Император ехал в Могилев, в Ставку, был абсолютно спокоен. Он знал, что в Петрограде все тихо. Читал «Записки о Галльской войне» Цезаря и думал о том, как он встретится с главой штаба Алексеевым и как обстоят дела на фронте.

Дума вроде была спокойна, в стране новое правительство, но именно в момент отъезда императора в Ставку, в столице назрел новый кризис. Как уже говорилось выше, Петрограду не хватало дешевого хлеба — началась спекуляция, на морозе стояли очереди, пошли слухи о карточках. Ситуация усугубилась тем, что городские власти считали — никакого хлебного кризиса в городе нет. Есть временные перебои.

Кризис возник по одной главной причине: в городе оказалось большое число неучтенных людей — около полумиллиона. Это были беженцы — люди, которые из прифронтовых губерний переместились вглубь империи. Они считали, что в Петрограде найдут для себя более приемлемые условия, чем в Тамбовской, Тверской губерниях или на Псковщине. Но с каждым днем продовольственный кризис становился все серьезнее.

На протяжении января-февраля власти постоянно докладывали императору о положении дел в столице, о слухах и недовольстве. В январе они даже специально разработали план подавления возможных волнений. Министр внутренних дел Протопопов был уверен, что государь может спокойно работать в Ставке.

Николай сознательно уехал, ему не очень хотелось перегружать себя неприятными государственными делами. Он с удовольствием пребывал в Могилеве, где слушал доклады Алексеева, участвовал в совещаниях. Ему казалось, что в это время гораздо важнее находиться в Ставке, нежели в столице. Николай надеялся, что чиновники, кото-

рые составляли его правительственный кабинет, способны предпринять какие-то решительные меры.

Государь Николай II (в центре) и генерал Алексеев (справа) в Ставке

23 февраля, Петроград. К хлебному кризису прибавилась новая напасть — на Выборгской стороне начались стихийные стачки. Почти сразу же они привели к дракам с жандармами и полицией. Но власти — министр внутренних дел Протопопов и городской голова Балк — спокойны. Рабочие бастовали всегда. Кроме того, чиновники не сомневались: все выступления будут оперативно пресечены полицией и военными.

Гороховая улица, дом 2 — место, откуда командовали всей петроградской полицией. Здесь размещались 85 тысяч полицейских, 5 тысяч жандармов. Градоначальником в феврале 1917 года был генерал-майор А. П. Балк. В Петрограде он человек новый, до этого служил в Варшаве. Его однокашник Протопопов стал министром внутренних дел.

Он и пристроил «родного человечка» на эту важную должность градоначальника. Именно Балку 23 февраля 1917 года пришлось вводить в городе особое положение в связи с беспорядками. Именно отсюда, из кабинета на Гороховой, 2, Балк обзванивал приставов и приводил полицейские силы в состояние полной боевой готовности.

Александр Павлович Балк, градоначальник Петрограда с ноября 1916 по февраль 1917 года. Фото Карла Буллы. 1916 год

С каждым часом настроение в градоначальстве становилось все тревожнее. План был, но полиция не справлялась. К концу дня стало ясно, что без поддержки военных частей не обойтись. К вечеру 23 февраля было решено: с завтрашнего утра все функции по пресечению беспорядков переходят к начальнику петроградского военного округа генералу Хабалову.

Сергей Сергеевич Хабалов — отличный военный администратор, но ему не хватало одного — командного опыта. Он никогда не руководил даже полком, а сил в его распоряжении оказалось много — 500 тысяч солдат и офицеров округа, 200 тысяч из них — в столице. В случае особого положения под командование Хабалова поступали и 80 тысяч полицейских. Генерал-лейтенантом, как и многими другими, не сразу был осознан масштаб движения. Он считал, что и полицейскими мерами происходящее будет урегулировано, введено в рамки.

Сергей Сергеевич Хабалов, генерал,
начальник петроградского военного округа в феврале 1917 года

24 февраля, полдень. Положение в городе стало еще хуже: бастовали уже 200 тысяч рабочих. С Выборгской стороны они толпами прорывались в центр города. Но власть запаздывала. В момент, когда уже началось восстание, министры были заняты главной проблемой вчерашнего дня — решали вопрос продовольствия.

24 февраля, как всегда по пятницам, в Мариинском дворце состоялось заседание Совета министров, которое на этот раз было расширенным. Присутствовали члены Государственного совета, председатель Государственной думы Родзянко. Председатель Совета министров Голицын приехал в Мариинский дворец в час дня в отличном настроении — на улице он демонстрантов не заметил. Решался вопрос о том, кто будет заниматься продовольствием города. Совет министров решил скинуть это чрезвычайно хлопотное дело на городское самоуправление — на городского голову Лелянова и его заместителя Демкина.

Тем временем мятеж продолжался. С каждым часом становилось все яснее, что главная надежда властей, гарнизон города, совсем ненадежен. Запасные части гвардейских полков действовали вяло.

В середине дня 24 февраля у Хабалова, в здании Главного штаба на Дворцовой, собрались почти все министры. Они были взволнованы беспорядками, происходящими на улицах Петрограда, и дали Хабалову совет: первое — применять оружие и стрелять поверх голов, чтобы не давать людям переходить на другой берег Невы по льду; второе — казаки должны действовать нагайками. Но Хабалов колебался, он не решился применить силу. Солдаты не получили патронов, а казаки — нагаек.

Что значит применить оружие? Это опять 9 января, опять Кровавое воскресенье. В странах Антанты решат, что русский царь устроил в стране резню. Власти очень хотели этого избежать.

25 февраля беспорядки только усилились. Газеты не вышли. На Знаменской площади (ныне — Восстания) был убит пристав. На Невском — стрельба, демонстранты ки-

дали гранаты в полицию. Но генерал Хабалов по-прежнему отказывался применять жесткую силу: у него не было четких указаний от императора. Начальник военного округа пытался действовать угрозами и полицейскими методами. В случае продолжения бунта он угрожал отменить воинские отсрочки и отправить на фронт рабочих с петроградских заводов, а также приказал полиции арестовать более сотни активных социалистов. Именно их пропаганда, считали Хабалов и Балк, — главная причина восстания.

В ночь с 25 на 26 февраля в градоначальство, на Гороховую, 2, пришел сам министр внутренних дел Протопопов. Он хотел поздравить Балка и всю петроградскую полицию с хватким, молодецким выполнением специального задания: было арестовано 170 руководителей бунта. Можно считать, что достигнут перелом. На следующий день ясно — волнения пойдут на спад. Но Протопопов боролся не с революцией, а с руководителями революции. Арест рабочей организации, на самом деле, сыграл скорее негативную роль.

Александр Протопопов, министр внутренних дел
(20 декабря 1916 — 28 февраля 1917). Фото Карла Буллы. 1916 год

Еще накануне вечером в Главный штаб пришла телеграмма от императора: «Повелеваю завтра же прекратить беспорядки, недопустимые во время войны с Германией». 26 февраля петроградские власти решились применить оружие, солдаты должны были стрелять после троекратного предупреждения. К ночи властям показалось, что бунт идет на убыль. Тем более что вечером была успешно пресечена попытка солдатского мятежа — взят в тиски и загнан в казармы лейб-гвардии Павловский полк, не желавший стрелять по восставшим. Часть зачинщиков арестована. Теперь главный вопрос — что будет в городе завтра.

Сожжение царских эмблем у Аничкова дворца в Петрограде.
Февраль 1917 год

Казенная квартира председателя Совета министров Российской империи князя Николая Голицына находилась на Моховой, 34. Сейчас тут Театральная академия. 26 февраля в 12 ночи здесь собрался Совет министров, чтобы принять заранее разработанное и обдуманное решение — распустить Государственную думу. В понедельник 27 февраля Дума должна была быть распущена. Это решение было

принято быстро, а потом начали обсуждать, а что делать вообще. Глава военного округа Хабалов явно был растерян. Военный министр Беляев тоже никаких особых советов не давал. Министр внутренних дел Протопопов говорил не по существу. Просидели до четырех утра, ничего не решили и договорились собраться в 8.30.

27 февраля, 8.30 утра — в этот час в городе начался массовый бунт запасных гвардейских частей. Первыми восстали Волынцы. Следом поднялись саперы, кексгольмцы, преображенцы — восстание нарастало как снежный ком.

«Погасить бунт не можем, ситуация в столице критическая», — все последние сутки Ставка императора в Могилеве получала тревожную информацию о событиях в Петрограде. Государю писали и Протопопов, и генерал Хабалов, и премьер-министр Голицын, и глава Думы Родзянко. Но в то, что в столице уже идет революция, царь верить долго отказывался. Ведь Николай получал также письма и из Царского, от Александры Федоровны. Императрица считала, что народный бунт — дело временное и не очень опасное, а корень всех зол — теплая погода и мятежная Дума.

Государыня привыкла, что в семье она старшая и что когда Николай II уезжает в Ставку, именно она является оком государевым в столице. Но в эти дни ее внимание было рассеяно: заболели дети. Сначала Алексей и Ольга, а потом Татьяна слегли с корью. Александра Федоровна как заботливая мать занималась почти исключительно их здоровьем. Тем более что и премьер-министр Голицын, и министр внутренних дел Протопопов сообщали вести не слишком тревожные. Они говорили, что есть беспорядки, но полиция действует, к вечеру будет наведен порядок. Только 26 февраля, вечером, Александра Федоровна поняла: ее обманывают. Ситуация в Петрограде чревата бунтом. Она дала тревожную, даже паническую телеграмму в Могилев.

Днем 27 февраля и властям стало ясно: восстание необратимо. Город стремительно занимали взбунтовавшиеся части. Они уже взяли «Кресты» и разграбили арсенал, убили

Александра Федоровна в своем кабинете, в Царском Селе

нескольких офицеров. Попытки послать против них верные части проваливались. Ситуация усугублялась тем, что министры были расколоты — одни требовали отставки Протопопова, другие предлагали начать переговоры с Думой. Верных частей нет, настроение офицеров совсем ненадежное. Впрочем, в столице было несколько десятков военных училищ. Но власти не использовали этот резерв.

Власть оказалась безынициативна, она не сделала ни одного шага, чтобы предотвратить события.

27 февраля в 17 часов в Мариинском дворце снова собрался Совет министров. Позже оказалось, что это было последнее заседание в истории Российской империи. Голицын, Беляев, председатель Думы Родзянко, Протопопов, великий князь Михаил Александрович (брат Николая II) — они хотели принять какие-то решения. Протопопова убеждали уйти в отставку, и он, наконец, согласился, сказав «теперь мне остается только застрелиться». Послали телеграмму в Могилев — предложили создать новое правительство во главе с князем Львовым, а Михаила Александровича назначить регентом. В общем, это предложение о том, чтобы Николай II отрекся от престола. В 8 вечера получили окорачивающую телеграмму от Николая II: «28 февраля буду в Петрограде, никаких решений без меня не принимать».

Но Николай опоздал. 28 февраля восстание победило. Теперь поворот назад был почти невозможен. К полудню мятежники взяли Петропавловку. У Думы Родзянко и Керенский принимали присягу у восставших полков. Полицейские в панике прятались. Власть в свои руки взял думский временный комитет, уже был создан Петроградский Совет. Царские сановники остались одни. В середине дня солдаты арестовали генерала Хабалова; Протопопов, по слухам, скрылся. Последним прибежищем защитников прежней власти стал Главный штаб. Оттуда министры и генералы Российской империи разбрелись кто куда.

Последнюю ошибку царь совершил, выехав в Петроград 28 февраля и изолировав себя от Ставки, где он мог рассчитывать на поддержку.

Судьба России решилась в вагоне императорского поезда. Поздно вечером 28 февраля император выехал из Могилева в Царское село, но путь был закрыт. Революция уже охватила железные дороги, и императору пришлось через станцию Дно свернуть в Псков. Весь день 2 марта был посвящен раздумьям о том, сложить ему свои полно-

мочия или нет. Все командующие фронтами советовали подать в отставку. Только командующий Черноморским флотом адмирал Колчак предпочитал не отвечать вообще. 2 марта в 3 часа дня император сложил свои полномочия. Еще за неделю до этого ничто не предвещало такого исхода.

Вагон-салон поезда, где 2 марта 1917 года Николая II отрекся от престола

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ — ТЕРРОРИСТ И ФИЛОЛОГ

Я был завучем и методистом по истории в Классической гимназии[1]. Год, по-моему, 1994-й. Пришел в 10-й класс новый учитель, надо его прослушать. Сижу на задней парте, все вижу: дети списывают друг у друга: кто греческий, кто алгебру, кто латынь. Так было, так будет.

Педагог неплохой: внятно так рассказывает про «Великие реформы». Земская, городская, освобождение крестьян, амнистия, смягчение цензуры.

А между тем, учитель переходит к обучению в диалоге, закрепляет пройденный материал: «Скажите ребята, а кто проиграл в результате Великих реформ?» Лес рук (левых, правые продолжают списывать греческий) — крестьяне проиграли, дворяне проиграли, революционеры проиграли и реакционеры тоже проиграли. «Хорошо, ребята, молодцы, а кто выиграл от Великих реформ?» Молчание, никто не знает. Надо выручать класс, и руку поднимает Даня Дугаев, тогда десятиклассник, нынче — заметный московский журналист, главный редактор «Афиши — Мир».

«Кто же выиграл, Данечка?» — «Богема, Борис Григорьевич?» И я, и Борис Григорьевич, и класс обалдели. Под таким ракурсом реформы Александра II никто не рассматривал. И правда, кто выиграл?

А самое интересное — кто выиграл в 1917-м?

13 декабря 1913 года в знаменитом артистическом подвале «Бродячая собака» должен был состояться доклад 20-летнего студента историко-филологического факультета Петербургского университета Виктора Шкловского «Место футуризма в истории языка». Зал заполняли знаменитейшие поэты, балерины, богатые люди. Они привыкли слушать пианиста Артура Лурье, поэта Анну Ахматову, наслаждаться танцами Тамары Карсавиной. Теперь их неожидан-

[1] Санкт-Петербургская классическая гимназия № 610. — *Прим. ред.*

но занимал какой-то студент, который пытался опровергнуть существующую филологическую науку. С этого момента имя Шкловского стало известно всякому образованному студенту в России, сегодня оно известно во всем мире.

Чествование Бальмонта в «Бродячей собаке». 8 ноября 1913 года

Наука вне политики. Место ученого — в лаборатории или за письменным столом. Для расшифровки генома или изучения рифмы политика не нужна. Но Марат был доктором медицины, а Бенджамин Франклин — физиком. Русский филолог Виктор Шкловский поставил на дыбы науку о литературе, как Эйнштейн физику. Но Шкловскому было мало науки. Он писал романы, сценарии, играл в кино и, что мало кому известно, был героем войн, революций и эсеровским боевиком.

Он занимался совершенно противоположными вещами — не просто разными, а, казалось бы, совершенно не-

совместимыми. Шкловский служил в чине унтер-офицера, имел дело с броневиками, с авиацией и в то же время издавал сборники по поэтическому языку, которые впоследствии легли в основу филологических теорий 1920-х годов.

Виктор Шкловский

Это новое научное направление развивал человек, который очень плохо учился в гимназии, с трудом ее окончил. Он так и не завершил обучения в университете, проучившись в нем один или полтора курса от силы. Шкловский не знал иностранных языков, с трудами зарубежных ученых, с которыми он полемизировал и на которых ссылался, был знаком только по переводам.

Наука изучает природу вещей. Чтобы построить электромотор, надо понять природу электротока, а чтобы узнать, что такое стихи, необходимо выяснить, из чего они состоят.

Когда этот простой вопрос поставил в предреволюционном Петрограде Виктор Шкловский, а за ним — Юрий Тынянов и Борис Эйхенбаум, тоже совсем молодые филологи, разразился скандал. Это было, как пощечина общественному вкусу, как поэзия друзей Шкловского — футуристов Владимира Маяковского и Велимира Хлебникова. Шкловский не походил на филолога, они — на поэтов. Какая-то шпана, люди улицы. Даже не удивляет, что филолог-Шкловский в 1917 году на броневике мчался арестовывать царское правительство.

Виктор Шкловский, его сверстники и товарищи, разночинцы с Васильевского острова и Петроградской стороны, выбрали революцию сознательно. И потому что действительно верили: политическая свобода способна творить чудеса, — и из своих узкоклассовых интересов. А главное — в науке при устоявшемся режиме (все равно каком) социальные лифты движутся со скрипом, медленно. Кафедрами начинают заведовать, когда лучшие книги уже написаны. Революция заставила бóльшую часть русской профессуры эмигрировать, но она же расчистила путь для молодых и тщеславных. То же произошло в искусстве и литературе. 1920-е годы — время великой прозы, поэзии, живописи. Это великая эпоха и в истории русской филологии.

Возглавив одно из отделений своего огневого дивизиона, Шкловский принял непосредственное участие в вооруженном восстании 1917 года. По некоторым сведениям, один из защитников царского режима генерал Хабалов послал в критической ситуации телеграмму в Ставку о том, что он окружен боевиками Шкловского и делать ему больше уже нечего.

Человек с талантами Шкловского в это смутное время мог бы сделать карьеру публичного политика. Он депутат Петроградского совета. Но Шкловский не демагог, а боец. Из Петрограда он отправился комиссаром Временного правительства на Юго-Западный фронт, где агитировал за наступление на австрийцев. Убеждать он умел, и вот лидер формалистов — в бою впереди пехотной цепи.

Шкловский обладал биологической храбростью. 3 июля 1917 года, раненный австрийской пулей в живот навылет, Шкловский сумел подняться и отдал приказ продолжать наступление, в то время как позорное бегство казалось неизбежным. Из рук Лавра Корнилова Шкловский получил Георгиевский крест.

Жизнь Шкловского — приключенческий роман. Из Персии он выводил совершенно разложившиеся части русской армии. Попал в Кавказский круговорот, где все воевали со всеми. Пытался защищать беззащитных и в страну возвратился только вместе со своими солдатами.

В начале 1918 года Виктор Шкловский вновь оказался в Петрограде. Он сразу попал на Манежную площадь. Здесь, в нынешнем Зимнем стадионе, а тогда Михайловском манеже, располагалась его родная часть — запасной бронедивизион. Шкловский — эсер, участник антибольшевистской организации. Он хотел использовать силу бронедивизиона, чтобы свергнуть диктатуру Ленина и Троцкого.

Шкловский вступил в боевую группу, возглавляемую Григорием Семеновым; она готовила террористические акты против большевистских вождей. День — в казарме или в динамитной лаборатории, вечер посвящен науке. Вместе с Тыняновым и Эйхенбаумом пытался понять, как сделана литература, из чего состоит ее механизм. Тынянов анализировал Пушкина. Эйхенбаум писал «Как сделана "Шинель" Гоголя», а Шкловский штудировал английского классика XVIII века Лоренса Стерна. Все это называлось «Общество по изучению поэтического языка» — ОПОЯЗ. Террор отдельно, филология отдельно.

Коллеги по филологии относились к политической деятельности Шкловского с некоторым недоумением и осуждением. Политических единомышленников среди членов ОПОЯЗа у Шкловского не было. Он предлагал захват тюрьмы, куда после арестов 1918 года попали участники военной организации эсеров, в том числе и брат Шкловского Николай, в феврале — комендант Петроградского района.

Операция не удалась. Шкловский стал профессиональным подпольщиком. Из Петрограда его перебросили в Саратов. Там не было ОПОЯЗа, и не с кем было поговорить о теории прозы, но для эсеровского боевика работы хватало.

20 июня 1918 года нарком пропаганды Моисей Володарский, человек, который закрывал оппозиционные большевикам газеты, на своем автомобиле «Бенц» ехал на Обуховский завод. Его автомобиль заглох. Володарский вышел из машины, начал искать телефон, чтобы позвонить и сообщить, что ему необходим бензин. Пока он бегал в поисках телефона, к нему подошел некий господин и разрядил в него обойму браунинга. Володарский был смертельно ранен. Убили его боевики Семенова. Это событие сыграло роковую роль в жизни участника семеновской организации Виктора Шкловского.

Памятник на месте убийства В. Володарского на Фарфоровом заводе

Именно убийство Володарского открыло новую страницу в отношениях правых эсеров и большевиков. Похороны наркома на Марсовом поле превратились в мощный митинг, ставший идеологической прелюдией к началу Красного террора. Уже после убийства главы Петроградской ЧК Урицкого большевики ответили сотнями казней. Расстрелян был и родной брат Шкловского, Николай. Сам Виктор Борисович в это время постоянно перемещался по стране и уходил от ареста. В ноябре 1918 года политический пейзаж в стране резко изменился. Эсеры прекратили террор, и Шкловский решил выйти из игры.

Митинг на месте похорон В. Володарского на площади Жертв Революции

Виктор Борисович пришел к симпатизировавшему ему Максиму Горькому, рассказал свою историю. Говорил, что не собирается больше заниматься политикой и просит помочь. Горький басил: «Ничего, мы сейчас это поправим. Я сейчас позвоню Якову, и Яков тебя простит». Горький

позвонил Якову Михайловичу Свердлову и сказал: «Яков, сейчас к тебе придет Шкловский, так ты его прости. Он больше не будет».

Свердлов амнистировал Шкловского. Тот отправился в Петроград и решил покончить с политикой. Петроград 1918 года — Афины военного коммунизма. Шкловский продолжал реформировать филологию и пытался создать новую литературу. Молодые Зощенко и Каверин смотрели на него как на гуру. Студенты-филологи ходили по пятам и внимали каждому слову. Это был счастливейший период в жизни Шкловского.

Шкловскому не было тридцати, но никто не сомневался, что он гений. Проиграв как политик, он выиграл как ученый. Кажется, такое положение его вполне устраивало. Но длилось оно недолго. Политика вновь вмешалась в его жизнь. Все коренным образом изменилось весной 1922 года.

Он пришел к себе домой в Петрограде и со двора увидел, что в его комнате горит свет. Шкловский сообразил: никакому приятелю с дамой он ключей не давал, и, будучи человеком опытным, развернулся и ушел. Потом он узнал, что приходили из ЧК. Тогда, даже не заходя домой, собрав вещи и деньги у знакомых, Шкловский по тонкому льду залива ушел в Финляндию.

В 1922 году в стране готовился первый громкий открытый политический процесс, направленный против правых эсеров. Несмотря на большевистскую амнистию 1919 года, повсеместно шли аресты. Шкловский понимал, ему несдобровать, и из Финляндии перебрался в Германию. Из заполненного эмигрантами Берлина он следил за судом над эсерами. На скамье подсудимых были его недавние братья по оружию.

Шкловский проходил по трем важным эпизодам, которые фигурировали на процессе. Во-первых, подготовка к вооруженному восстанию весной 1918 года в Петрограде. Во-вторых, руководство броневым дивизионом и участие, вольное или невольное, в слиянии эсеровской военной организации и военной организации белогвардейского «Союза

Возрождения». В-третьих, руководство подрывной группой, разработка планов диверсионной деятельности на железной дороге.

Окажись Шкловский на скамье подсудимых, его бы ждал лагерь и, в конце концов, расстрел. Но Шкловский был в Берлине. Это столица русской эмиграции, здесь выходили русскоязычные книги и газеты, где работали знакомые литераторы. Тем не менее, Шкловский чувствовал себя неуютно. Он так и не выучил немецкий, а здешние русские в его глазах по всем статьям уступали тем, что остались на Родине. Наконец, он пережил личную трагедию — несчастливую любовь к Эльзе Триоле, сестре Лили Брик, впоследствии известной писательнице и жене Луи Арагона. Он писал книгу о своей несчастной любви и закончил ее письмом во ВЦИК с просьбой разрешить вернуться домой. Такой любовной прозы русская литература еще не знала. Удивительно, но Шкловскому — боевику, участнику подготовки убийства Володарского — разрешили вернуться.

Он вернулся с покаянием и был с благодарностью принят. Это не тот случай, когда слово дал, слово взял. Люди, которые писали подобные письма, выступали с подобными прошениями, вернуться в лагерь политической оппозиции уже не могли. Товарищеская среда их не принимала. Это всегда был билет в одну сторону.

Возвращаясь из Берлина, он надеялся, что ему удастся заниматься чистым искусством, а советская власть не будет его трогать. Как мог, он пытался балансировать на этом лезвии бритвы в течение многих лет.

Вернувшись в Россию в 1925 году, Шкловский постоянно жил в Москве — это было одно из непременных условий власти. Здесь не было ОПОЯЗа, но был ЛЕФ, близкая по духу группа литераторов, возглавляемая бывшим опоязовцем Осипом Бриком и старым другом Шкловского Владимиром Маяковским. Он старался остаться прежним — Шкловским-формалистом, Шкловским-теоретиком литературы. Но это не кормило. Зарабатывать приходилось в ки-

но — писал сценарии, работал на Третьей кинофабрике. Мечтал о возрождении ОПОЯЗа — тщетно. Дни русского формализма были сочтены. Дни Шкловского-формалиста — тоже.

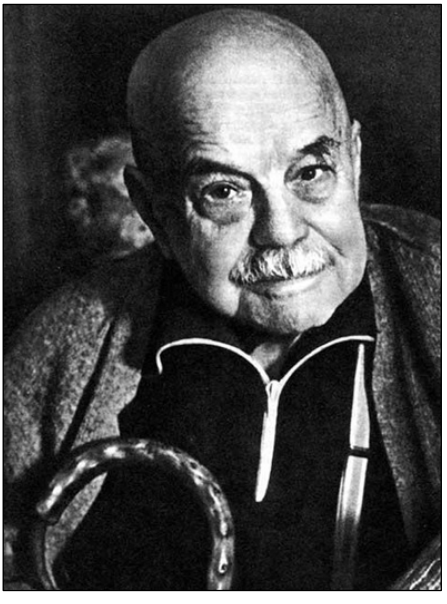
Молодой Вениамин Каверин назвал свой роман о Викторе Шкловском «Скандалист, или вечера на Васильевском острове». Не просто ученый, а скандалист, человек, способный перетащить на свою сторону любую аудиторию. В последний раз Шкловский доказал это 6 марта 1927 года, на Моховой улице, на нынешней учебной сцене Театральной академии. Состоялся диспут, который назывался «Марксизм и формальный метод». С одной стороны — Шкловский, Тынянов и Эйхенбаум, а с другой — подготовленные марксисты. Шкловский говорил: «Нас три человека, а на вашей стороне армия и флот». Блестящими аргументами он разбил своих противников. Зал рукоплескал. Через 2 года наступил знаменитый 1929-й, год великого перелома. Через 3 года покончил с собой Маяковский. Диспутов больше не было. Искусство Шкловского, искусство публичного ученого, потеряло всякий смысл.

После диспута Тынянов с Эйхенбаумом были уволены из Ленинградского университета, вскоре прикрыли формалистскую вольницу и в Институте истории искусств. ОПОЯЗ стал историей. А жить надо было продолжать. Труднее всего пришлось Шкловскому — за ним было слишком много грехов. Он максимально ограничивал себя. Оставил науку. Теперь он был только киносценарист и советский писатель. Однажды даже снялся в кино. Играл Петрашевского в фильме «Мертвый дом». В августе 1933 года Шкловский участвовал в поездке писателей на Беломорканал — пропагандистской акции, должной прославить передовую стройку, где в чудовищных условиях работали и умирали тысячи заключенных. Затем Шкловский принял участие в составлении и издании печально известной книги о посещении писателями ударной стройки. Его участие в этой поездке можно интерпретировать как плату за воз-

можность повидаться со старшим братом Владимиром, который был в это время в лагере на Беломорканале.

Шкловский пытался вжиться в новую действительность, не выпасть из времени и сохранить человеческое достоинство, помочь брату, друзьям. Его дом в Москве — чуть ли не единственный, где находил прибежище ждавший ареста Мандельштам.

При этом он безжалостно клеймил собственное формалистское прошлое, вместе с Горьким с трибуны Первого съезда Союза писателей осуждал за несоответствие времени давно умершего Достоевского — покойнику-то что. Человек-парадокс, он вписался в страшное время сталинского террора и остался цел. Он сам писал о себе, что может вноситься в любую обувь и приспособиться к любым условиям. Условия, которые представляла советская действительность, были довольно жесткими, Шкловский вынужден был к ним приспособиться. Он адаптировался.



Виктор Шкловский

Виктор Шкловский ушел из жизни в самом конце 1984 года, не дожив несколько месяцев до начала Перестройки и несколько лет до времени, когда вновь мог бы вспомнить о своей бурной молодости, о которой молчал на протяжении почти всей жизни. Его уход был уходом патриарха: официально признанный классик советской литературы и крупный деятель кино, лауреат Госпремии, автор многих десятков книг и при этом один из отцов современной науки о литературе, определивший все развитие гуманитарных наук в XX веке. С середины 1950-х его жизнь была исключительно благополучна, а прошлое — в тени.

Однажды, будучи уже пожилым человеком, он вызвал такси. Спустился, попросил его отвезти туда-то и туда-то. Таксист не скоро оторвался от своей книги. Виктор Борисович спросил: «Что вы читаете?» Тот ответил: «Вы не поймете — это ранний Шкловский».

Шкловский принадлежал к поколению Владимира Маяковского, поколению, которое появилось на свет в 1890-е годы, поколению, которое очень многое обещало и сделало, но жизнь которого перерезал 1929 год — сталинская революция. Кто-то выбрал эмиграцию, кто-то — внутреннюю эмиграцию, как Пастернак и Ахматова, кто-то погиб, как Мандельштам и Гумилев, кто-то покончил с собой, как Маяковский, но большинство, как Виктор Борисович, выбрало жизнь. Как говорил Шкловский, время всегда право. Лучше быть красным, чем мертвым.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ

В ночь на 25 августа 1921 года по приговору петроградской ЧК был расстрелян русский поэт Николай Степанович Гумилев.

Почти через 70 лет, в мае 1992 года, Н. С. Гумилев, как и все репрессированные по делу Петроградской боевой организации, был реабилитирован решением генпрокуратуры Российской Федерации «за отсутствием состава пре-

ступления». Но прокуроры ошиблись — Николай Степанович Гумилев невинно пострадавшим не был.

31 мая 1921 года в Тверской губернии, в своем бывшем имении, по доносу был задержан профессор петербургского университета географ Владимир Николаевич Таганцев 1889 года рождения, сын выдающегося юриста Николая Степановича Таганцева — одного из авторов уголовного кодекса России. К этому времени жену младшего Таганцева Надежду задержали в Петрограде. К концу лета по так называемому «Делу Таганцева» арестовали более 300 человек. Среди них — и поэта Николая Гумилева.

Николай Степанович Гумилев родился 3 апреля 1886 года в Кронштадте в семье судового врача. Едва выучившись читать, он уже сочинял стихи. Первый поэтический сборник Гумилева вышел в 1905 году и назывался «Путь конквистадора». Темой его стихов всегда были экзотические страны, опасные приключения и бесстрашные мужчины, преодолевающие все препятствия.

Гумилев далеко не сразу стал большим поэтом. И на литературном поприще, и в личной жизни у него часто случались неудачи, даже провалы. Сестра его друга Андрея, Анна Горенко пять лет отвечала категорическим отказом на его настойчивые предложения руки и сердца. Первые два затеянные им литературных журнала не протянули дольше трех номеров. От неудач Гумилев спасался путешествиями в Африку.

Из письма Гумилева Михаилу Кузьмину: «Вчера сделал двенадцать часов (70 километров) на муле, сегодня предстоит ехать еще 8 часов, чтобы найти леопардов ... ночью предстоит спать на воздухе, если вообще придется спать, потому что леопарды показываются обыкновенно ночью».

К 1914 году Гумилев становится признанным в столице поэтическим мэтром. Неприступная возлюбленная Анна Горенко, будущая Ахматова, наконец стала его женой. У них родился сын — Лев Гумилев. Николай Степанович — путешественник близкий к академическим кругам и русской внешней разведке, влиятельный литератор, лидер нового

поэтического направления — акмеизма, к которому принадлежат будущие общепризнанные гении поэзии: Осип Мандельштам и Анна Ахматова.

Николай Гумилев

Николай Гумилев во время поездки по Африке, 1913 год

Но когда 1 августа 1914 года начинается война, освобожденный от воинской повинности по астигматизму, Гумилев идет на фронт добровольцем. Большинство молодых поэтов войну проигнорировало: Маяковский, Есенин, Мандельштам отсиживались в тылу. На войну пошли только Блок и Гумилев. И когда провожали на фронт больного и немолодого Александра Блока, Гумилев сказал: «Это все равно, что жарить соловьев». Но он сам пошел добровольцем, не офицером — солдатом. Видимо, это тот соловей, который считал для себя принципиальным быть зажаренным.

Гумилев служил в полковой разведке, ходил за линию фронта добывать вражеских языков. За 15 месяцев службы Гумилев из рядового стал офицером и получил два Георгиевских креста — высшие солдатские награды России.

На фронте он продолжал писать и печататься. В 1916 году вышел сборник «Костер»; в петроградских газетах публиковались его военные репортажи — «Заметки кавалериста».

Из «Костра»:

«Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки.
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрей взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий.
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые,
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага».

Из «Записок кавалериста»: «Во мне лишь одна мысль живая и могучая, как страсть, как бешенство, как экстаз: я его или он меня! Он нерешительно поднимает винтовку, я знаю, что мне стрелять нельзя, врагов много поблизости, и бросаюсь вперед с опущенным штыком».

С юности Гумилева считали некрасивым и инфантильным: косой, череп, словно вытянутый щипцами. Нелепый подросток, так и не ставший мужчиной. Но военная форма и военная жизнь преобразили Николая Степановича. Он из поэта окончательно превратился в жизнетворца.

В мае 1917 года, по заданию Временного правительства, Гумилева командировали в Экспедиционный корпус российской армии в Париже, где в военном представительстве он выполнял сложные военно-дипломатические задания. Гумилев предлагал союзникам набрать экспедиционный корпус из воинственных и свободолюбивых абиссинцев. Там, в Абиссинии (нынешней Эфиопии), у него остались влиятельные знакомые, в частности рас Тафари — победитель итальянцев, будущий пророк новой религии — растафарианства.

Осенью 1917 года Временное правительство пало. Большевистская Россия фактически разорвала союзнические отношения с Францией и с Англией, вышла из войны. И Гумилев оказался не у дел.

Он решил вернуться в Советскую Россию через Лондон и Мурманск. В Лондоне познакомился со знаменитым английским писателем Гилбертом Честертоном. Встреча эта произвела на англичанина сильнейшее впечатление, и он

оставил о ней воспоминания. Гумилев утверждал: война показала, что доверять политикам нельзя. Государствами в XX веке должны руководить мыслители и поэты. Поэт должен каким-то образом свою жизнь и творчество переносить в политику. Политика делается в России, именно там и должен находиться русский поэт. В период политических потрясений поэт должен находиться на родине и духовно окормлять свою паству.

Весной 1918 года из Петрограда вместе с первыми беженцами стали поступать вести о диктатуре большевиков. Но Гумилева не пугали эти известия. В противоход набирающему силу потоку эмиграции Гумилев добрался до Петрограда.

В 1918 году большевикам еще было не до литераторов. Они занимались установлением своей власти повсеместно — национализацией фабрик и заводов, закрытием оппозиционных газет, уничтожением политических противников.

Но первыми в бой с тиранией вступили именно поэты. В 1918 году в здании Главного штаба находился Наркомат внутренних дел Петрокоммуны. Наркомом внутренних дел был Моисей Урицкий. 30 августа в Петрокоммуну на велосипеде приехал молодой человек и спросил, когда будет принимать нарком. Нарком задерживался, молодой человек подождал его, а когда Моисей Урицкий вошел в здание, молодой человек выхватил револьвер и выстрелом с шести шагов уложил Урицкого на землю. Убийцей наркома оказался 22-летний поэт Леонид Каннегисер. Николай Гумилев Каннегисера хорошо знал и поступком его был глубоко впечатлен.

На убийство Урицкого большевики ответили лозунгом: «Они убивают личности, мы уничтожим классы».

В сентябре 1918 года большевики издали указ «О красном терроре». Отныне все буржуазно-помещичьи элементы страны объявлялись заложниками. За смерть любого красного начальника или комиссара расстреливали десятки людей, виноватых только в том, что их родители были помещиками или капиталистами. В Петрограде расстрелы

шли у стены Петропавловской крепости на глазах горожан. По официальному указу нового руководства Петроградской ЧК во главе с Глебом Иванович Бокием, в ответ на убийство Урицкого расстреляли 513 человек.

В условиях Красного террора, ввиду всеобщего одичания, перед Гумилевым встал выбор — уйти на Дон или в Финляндию, сражаться с красными с оружием в руках. Но он — поэт и для него важнее было остаться в Петрограде просвещать, не давать умереть от голода, безнадежности и тоски. И, находясь над схваткой, надеяться на провидение. Он излагал своим друзьям некий договор, который существует якобы между ним и большевиками: они не мешают друг другу, ведут себя как взаимоуважающие враги.

Как поэт он видел свою задачу в проведении культурной работы в стране, где этим уже никто не занимался. Он выступал с лекциями перед студентами, начинающими поэтами, рабочими, военморами Кронштадта. При этом Николай Гумилев открыто демонстрировал свои антибольшевистские настроения. Известно, что после злодейской казни императорской семьи он читал в Кронштадте:

«Я склонился, он мне улыбнулся в ответ,
По плечу меня с лаской ударя,
Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего государя».

Петроград 1917—1921-х годов — это вымирающий мегаполис. Что-то вроде Ленинграда во время блокады. Военный коммунизм. На мостовой лежат трупы лошадей, их некому убирать. Представьте себе, в 1917-м здесь жило 2,5 миллиона человек, а к 1921-му осталось 500 тысяч. Остальные умерли или разъехались. И больше всего смерть косила литераторов. Потому что закрылись издательства, газеты, журналы, и писатели не получили даже пайка, до тех пор пока не был открыт Дом литераторов. Здесь давали воблу, пшено, жидкий суп. Можно было согреться

в вымерзающем городе. Здесь писатели выбирали себе правление, это по существу первый союз писателей, еще никак не связанный с властью. Выбирали тех, кому доверяли, кого уважали. Среди членов правления — Николай Гумилев.

Жизнь была суровой, скудной, но именно в это время люди из самых разных уголков России сообщали об открытии клубов, о создании самодеятельных театров.

Максим Горький основал «Всемирную литературу», издательство с колоссальным планом — перевести на русский язык все важнейшие произведения мировой литературы. Главная цель — дать работу и паек умирающим от голода и тоски интеллигентам.

Гумилев — второй после Горького человек в издательстве. Он отвечал за переводы всех западных книг. Результат: 80 профессиональных литераторов спасены от голодной смерти; начался подъем знаменитой русской переводческой школы, которую Николай Гумилев, в сущности, и создал в голодном Петрограде.

Гумилев мечтал еще до революции учить поэзии, готовить поэтов или как минимум — хороших читателей. Поэтому он вновь начал работать как педагог, как просветитель.

В известном каждому просвещенному петербуржцу доме Мурузи, выстроенном в мавританском стиле, на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы (ныне — Пестеля), была создана одна из лучших в истории России литературных студий. Пустующую квартиру князя Мурузи захватили в 1919 году петроградские литераторы и основали «Звучащую раковину», которой руководил Николай Гумилев. Николай Степанович утверждал, что при помощи разработанного им научного метода он может научить каждого разумного молодого человека писать стихи. И к нему повалила талантливая молодежь. Самое удивительное то, что они, действительно, становились поэтами, иногда большими, и относились к своему учителю как к магу, волшебнику и вождю.

В Петрограде было множество людей, сочувствовавших белым. В 1919 году готовилось антибольшевистское восстание. Оно должно было поддержать наступающие на Петроград войска генерала Юденича. Организация подпольщиков называлась «Национальный центр» и была связана и с белыми, и с разведками стран Антанты. Наступление Юденича захлебнулось, восстание не вспыхнуло, «Национальный центр» был разгромлен. Многие в России надеялись — спастись от большевиков помогут бывшие союзники по Антанте — Англия и Франция. Но вмешиваться в гражданскую войну серьезно эти державы не спешили. Петроград был предоставлен сам себе.

Осенью 1920 года исход Гражданской войны, казалось, очевиден. В ноябре был взят Перекоп, остатки врангелевской армии бежали в Турцию, война окончена, красные победили. Никакой надежды на помощь извне у оставшихся в России не было. И чтобы вырваться из рабства, нужно «бунтовать Россию изнутри». Прежде Россия, как показала Гражданская война, выбирая из «красных» и «белых», скорее была готова принять Троцкого, а не Врангеля.

К концу 1920-го ситуация поменялась. Миллионы людей, кто прежде сочувствовал большевикам — матросы, крестьяне, рабочие — восстали. Победа над помещиками и капиталистами одержана, но не было ни хлеба, ни работы на заводах, ни политических прав. Впервые появилась возможность бороться не против большевиков и народа, а вместе с народом против большевиков.

Этот выбор сделал и Николай Степанович Гумилев. Первые политические мотивы в его стихах появились как раз в 1919—1920 годах:

«Прежний ад нам показался раем,
Дьяволу мы в слуги нанялись,
Оттого что мы не отличаем
Зла от блага и от бездны высь».

Еще осенью 1920 года Гумилев попросил своего ученика, поэта Георгия Ива́нова познакомить его с «дельным

человеком». Им был однокашник Ива́нова — Юрий Герман. Юрий Павлович Герман, 1896 года рождения, окончил (как и Ива́нов) Второй кадетский корпус, а потом — Михайловское артиллерийское училище. Первую мировую провел на Северном фронте (там же воевал с немцами Николай Гумилев), несколько раз был ранен, контужен. Член Петербургской боевой организации, где направлял работу военного отдела, в который входили подполковники Георгий Лебедев и Евгений Шведов. В Белом движении с 1918 года, совершил 54 перехода через линию фронта. Подпольная кличка — «Голубь».

Петербургскую боевую организацию создал профессор Петроградского университета, географ Владимир Таганцев, участник разгромленного большевиками «Тактического центра». Еще осенью 1919 года через Юрия Германа, курьера Юденича, ходившего из Финляндии в Петроград, он установил связь с другой белогвардейской организацией — «Национальный центр».

Владимир Николаевич Таганцев

Встретились два боевых офицера, два георгиевских кавалера. Гумилев поверил Герману, Герман — Гумилеву. В антибольшевистском заговоре поэту отводилась существенная роль. Николай Гумилев — объединяющая фигура, человек, которого многие знали, ему доверяли. Он давно чувствовал фальшь и официальной, и «белой» риторики («И как пчелы в улье опустелом дурно пахнут мертвые слова»). Поэт Гумилев должен был найти «живые» слова, которые объединят нацию: белых и красных, помещиков и крестьян, солдат и офицеров, капиталистов и рабочих.

«В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо своё, тогда,
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города».

Юрию Герману Гумилев сказал сразу: «В моем распоряжении есть группа интеллигентов, которая в случае выступления согласна выйти на улицу».

Таганцевская организация к концу 1920 года сумела объединить против большевиков силы, еще недавно находившиеся в смертельной вражде: «белых», «зеленых», «красных».

Анна Ахматова много позже напишет:

«Нет! и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был».

Вероятно, и для Николая Гумилева важно было, что за Таганцевым не только монархисты, но и люди разных убеждений и классовой принадлежности. Народ, к несчастью оказавшийся в большевистской России. Он присоединился к организации без выявленной политической программы: эдакий «Народный фронт — 1920».

С 1918-го по 1921-й Николай Степанович Гумилев жил на углу Преображенской улицы (ныне — Радищева) и Сол-

датского переулка. На втором этаже. Входили к нему посетители через подворотню, потому что в те времена парадные двери забивали. Таким образом в 1921 году, где-то в феврале, к нему явился подполковник Евгений Шведов, гость из Финляндии, посланник белого подполья. С этого момента Николай Степанович реально участвовал в антисоветском заговоре.

От Шведова Гумилев получил деньги — 200 000 и ленту для печатной машинки. Обещал написать листовки.

В это же время, зимой 1921 года, Гумилев произвел свой небольшой переворот в российской поэзии. Сразу по истечении полномочий председателя Петроградского союза поэтов — Александра Блока на этот пост избрали Гумилева. Союз поэтов — самая авторитетная легальная организация русских писателей. Теперь участник антибольшевистского подполья — официальный вождь петроградской интеллектуальной элиты.

К маю лед на Финском заливе растает, Кронштадт с его кораблями и фортами станет неприступен; к острову Котлин подойдут находившиеся недалеко от Риги и Ревеля иностранные корабли — английские, французские. Освобождение России начнется из прежней столицы. Антибольшевистское восстание должно было произойти одновременно в Петрограде и в Кронштадте поздней весной 1921 года, после начала навигации, когда штурм островной крепости Кронштадт был бы весьма затруднен.

В начале 1921-го у таганцевской организации были все шансы возглавить восстание и выиграть его. Россия бунтовала — крестьянские восстания в Сибири и в Тамбовской губернии. Конница Махно совершала беспрепятственные рейды от Донбасса до Бессарабии. В Белоруссии город за городом занимали отряды Бориса Савинкова. Компартия была расколота дискуссиями. В Кронштадте на линкоре «Петропавловск» действовал антибольшевистский подпольный комитет во главе с матросом Петриченко. Комитет готовил восстание на Балтийском флоте.

Кронштадт, родной город Гумилева, должен стать непотопляемым линкором новой революции. В кубриках впервые сошлись матросы, которые три года тому назад проламывали головы «контре», и офицеры, которые чудом избежали этой участи. Здесь возник лозунг — «Вся власть советам, а не партиям». О том, что восстание должно произойти в мае, в Кронштадте знали немногие.

Волнения, однако, начинались гораздо раньше срока, на который рассчитывали заговорщики. Уже в двадцатых числах февраля 1921 года в Петрограде, особенно на Васильевском острове, бастовали почти все. Требования политические: отмена однопартийной системы, роспуск ЧК, свободные выборы в Советы, разрешение свободной торговли. Чекисты стреляли по рабочим. В толпе митингующих на линиях Васильевского видели странного, нелепо одетого человека в поношенном пальто и рабочей кепке. Он, среди других ораторов, призывал к свержению советской власти. Это — Николай Гумилев.

Если бы Кронштадт восстал на несколько месяцев позже, летом, взять его было бы невозможно. Линкоры. Остров. Вокруг вода. Но все случилось уже 1 марта 1921 года. В этот день 15 000 кронштадцев, возмущенных событиями в Петрограде, собрались на Якорной площади. Они согнали с трибуны «всесоюзного старосту», коммуниста Калинина, и провозгласили свои лозунги: «Советы без большевиков. Власть — флоту». Все началось не так, как планировали заговорщики.

Большевистское руководство со всей ясностью понимало, восстание в Кронштадте — новая война, но уже не с белыми офицерами, а с многомиллионным народом.

В Петроград перебросили лучшие части Красной армии. Командующим назначили Михаила Тухачевского. Политически подавление восстания обеспечивал прибывший из Москвы Лев Троцкий. Когда два полка 27-й дивизии красных отказались идти на лед, 60 красноармейцев расстреляли перед строем. Остальным было предложено искупить

вину кровью. После тяжелых боев, утром 18-го марта, Кронштадт был взят.

Кронштадцы хорошо понимали логику большевиков. Им было ясно: тех, кто сдастся — расстреляют. 3000 краснофлотцев стали смертниками — их оставили прикрывать отход. А 8000 жителей города и моряков по льду ушли в Финляндию. Действительно, те, кто попал в плен, были почти поголовно уничтожены. А вот многие из тех, кто ушел в Финляндию, хотели мстить красным, сражаться с ними и продолжать восстание, но уже как-то по-другому.

После Кронштадта большевики изменили экономический курс и ввели свободную торговлю. Была объявлена новая экономическая политика (НЭП). Крестьяне начали везти продукты в город, открылись рынки, частные лавки, кафе, рестораны.

В политической жизни, однако, закручивание гаек продолжалось. По городу ехали грузовики, набитые матросами, из них доносились крики: «Спасите, братцы, расстреливать везут!»

У подполья не было выбора: надо готовить новое восстание. Герман и Шведов набрали в Финляндии из ушедших туда кронштадцев будущих боевиков

13 апреля 1921 года на Финском заливе сошел лед. Из Териок, на финском побережье, в Петроград на катере были отправлены бывшие участники Кронштадтского восстания. Ими командовал боцман с линкора «Петропавловск» Паськов и член кронштадтского ревкома Комаров. Они составили ядро группы, которое немедленно приступило к организации террористических актов.

В мае 1921-го, во время празднования Дня Красного флота, в центре города раздался взрыв. Колонна демонстрантов проходила мимо Медного всадника, Манежа, далее — по бульвару Профсоюзов (Конногвардейскому). В самом начале бульвара стоял гипсовый памятник Володарскому. Боевики положили букет сирени к ногам Володарского. И когда колонна уже отошла, этот букет сирени взорвался.

Одновременно была подожжена трибуна на площади Урицкого (Дворцовой).

Поджог трибун и взрыв памятника — только своеобразное заявление о намерениях. Подполье готовило серьезные теракты — в гостиницу «Астория», где жил диктатор Петрограда Григорий Зиновьев, внедрился таганцевский боевик. Планировалось нападение на поезд наркома Льва Красина. Заговорщики приобрели типографию и динамит. Установили постоянные связи с полковником Эльвенгреном, руководителем финских антибольшевистских добровольцев, и главой Русского политического комитета в Варшаве Борисом Савинковым.

К 28 августа террористы — савинковцы готовили покушение на Ленина и Троцкого. Это должно было стать сигналом к всеобщему восстанию в Петрограде.

Но боцман Паськов был схвачен чекистами и согласился с ними сотрудничать. Он сыграл роль провокатора. Согласие сотрудничать с ВЧК дал и другой кронштадтец — Комаров.

Владимира Таганцева арестовали 31 мая 1921 года. В этот же день организация потеряла своего боевого командира — Юрия Германа. Он и офицер Евгений Болотов были убиты на российско-финской границе, в районе реки Сестры. Они были курьерами, которые ходили из Петрограда в Гельсингфорс (Хельсинки) по заданию Петроградской боевой организации. После убийства Германа чекисты заявили, что именно у Юрия Павловича нашли документы, изобличающие Таганцева. Хотя, на самом деле, это было не так: об организации знали от кронштадцев — агентов ВЧК. А такое заявление сделали, чтобы их не раскрывать. Начались массовые аресты.

Вслед за Таганцевым арестовали еще 180 человек, Гумилева среди них не было. За день до убийства Германа и ареста Таганцева он уехал в Крым.

Уже 5 июня петроградские чекисты рапортовали: никакого заговора нет, все арестованные — брюзжащая интеллигенция, знакомые Таганцева. Его, как не первый раз за-

меченного, расстрелять, остальных отпустить. Но у иностранного отдела ЧК в Москве была секретная, не вызывающая сомнений информация — в Париже, Берлине, Гельсингфорсе эмиграция в августе ждала восстания в Петрограде.

Самым талантливым из своих следователей Феликс Дзержинский считал Якова Агранова. Ему было всего 28 лет. Он считался «специалистом по интеллигенции». Агранов прибыл в Петроград, изучил протоколы допросов, донесения попавших в сети ЧК бывших кронштадтских бунтовщиков, сообщения заграничных резидентов, материалы обысков. Ему стало очевидно, что перед ним не просто группа террористов, а люди из законспирированной тайной антисоветской организации. В их числе и председатель петроградского Союза поэтов Николай Гумилев.

Яков Агранов

Дзержинский писал начальнику Секретного отдела ВЧК Самсонову: «За делом Таганцева надо наблюдать. Имеет огромное значение. Можно разгромить все очаги правых белогвардейцев. Не стоит ли важнейших перевести в Москву в нашу одиночку? Это дело может нам раскрыть пружины Кронштадтского восстания».

6 июля 1921 года Гумилев возвратился из Крыма с напечатанной новой книгой «Шатер» и узнал, что Таганцева взяли, Герман убит. По городу ползли слухи о повальных арестах, но в поведении Николая Гумилева ничего не изменилось. Более того, он не прекратил подпольную деятельность.

Есть воспоминания литератора Сильверсвана, которому Гумилев в июле 1921 года рассказывал, что существует большая разветвленная подпольная организация, разделенная на пятерки: одну из пятерок возглавляет он, Гумилев; у них есть связи и в Красной армии, и среди советских чиновников; арестована только небольшая часть участников этой организации, Таганцев, конечно, никого не выдаст, он человек надежный.

Агранов во что бы то ни стало должен был заставить арестованных говорить. Ведь все, чем пока располагало следствие, — агентурные сведения. Агранов начал практиковать ночные допросы, подсаживал в камеры провокаторов, сообщал арестованным, что Петроград на военном положении, поэтому их расстреляют без суда. Он работал неформально, что называется, с огоньком.

Во время допросов, которые Агранов любил проводить в реквизированных барских квартирах, неожиданно доставал из-под стола банку с заспиртованной человеческой головой и спрашивал: «Вам этот человек знаком?» Голова была Юрия Германа. Действовало безошибочно: слабонервные подследственные немедленно начинали давать показания.

И вот в течение месяца он сумел сломить Таганцева, не прибегая к пыткам. Чекист внушил бедному географу: партия хочет прекратить Гражданскую войну, договорить-

ся с бывшими политическими противниками, но для этого Таганцев должен рассказать всю правду об организации. Тот дрогнул, потом одумался.

В ночь с 21 на 22 июля в камере № 87 на Гороховой, 2, Владимир Таганцев попытался покончить жизнь самоубийством — повеситься на скрученном полотенце. Он знал, что в тюрьме его жена, у престарелых родителей ютятся его маленькие дети двух и пяти лет — он не мог противостоять психологическому давлению Агранова. Вынутый из петли, он подписал договор со следователем. Яков Агранов от имени ВЧК гарантировал Таганцеву открытый процесс и то, что ни он, ни арестованные по его делу не будут расстреляны. Таганцев дал откровенные показания.

Целый день Агранов с Таганцевым ездили по Петрограду и Таганцев показывал квартиры, называл фамилии. В результате было арестовано около 300 человек.

Ленин был необычайно доволен работой чекистов. Он считал, что раскрытие петроградской боевой организации — прекрасный повод для того, чтобы показать всем: экономические уступки абсолютно не означают уступок политических. В то же время, когда решалась судьба Гумилева, в секретной записке членам Политбюро Ленин писал: «Чем большее число представителей реакционной буржуазии, реакционного духовенства удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше».

24 июля 1921 года газета «Известия» (официальный орган ВЦИК) опубликовала большой материал, доклад ВЧК о раскрытии опасных заговоров в разных районах страны — Поволжье, Сибири и Петрограде. Была разоблачена организация, включавшая боевой комитет, захвачены склады динамита, конспиративные квартиры, оружие, арестованы сотни людей. Естественно, эту статью тут же перепечатала «Петроградская правда», по городу шли слухи о массовых арестах.

Теплой ночью 2 августа Гумилев возвращался с Литейного проспекта в Дом искусств. Его сопровождала стайка учеников, и он читал им только что написанное стихотво-

рение, и там были такие строчки: «После стольких лет я пришел назад, но изгнанник я, и за мной следят». На углу Невского и Мойки стояла большая машина, в ней — четверо. Еще никто не понимал, что это — чекисты. Машин в городе было относительно много, начался НЭП.

В эту ночь в Петрограде арестовали сотни человек. В квартирах ждали засады, в одну из них попал последний из оставшихся руководителей организации — подполковник Евгений Шведов. При аресте Шведов застрелил двух чекистов и сам погиб в перестрелке.

Поздно вечером 2 августа 1921 года в комнату Гумилева в Доме искусств зашел московский поэт Владислав Ходасевич. Гумилев был настроен шутливо, доброжелательно и сказал Ходасевичу: «Смотрите, мы сверстники: мне 35 и вам 35, а я выгляжу вас гораздо моложе, потому что я все время окружен молодежью, и сегодня вечером, например, я играл со своими учениками — молодыми поэтами в жмурки, и доживу я до девяноста лет». Веселым, молодым и запомнил Ходасевич Гумилева. Он был последним, кто видел Николая Степановича на свободе.

Обыск в комнате Гумилева, в общежитии Дома искусств: ничего не нашли, даже деньги он успел перед арестом раздать знакомым. Его отправили сначала на Гороховую, 2, в главное здание ВЧК. Потом — на Шпалерную, в камеру № 77, где он провел свои последние дни.

Николай Гумилев после ареста

Из тюрьмы Гумилев отправил в Дом литераторов открытку с известием об аресте. Затем еще одну — жене с просьбой передать шерстяные носки и оригинал Платона и с уверениями, что беспокоиться за него не стоит: «Я играю в шахматы много и немного пишу для себя и тебя».

Гумилев не знал, какие улики против него есть. Никто из членов его пятерки не был арестован, Герман убит. В течение трех дней его не допрашивали.

10 августа 1921 года на Смоленском православном кладбище хоронили Александра Блока. В этот же день был храмовый праздник кладбищенской церкви и иконы Смоленской божьей матери, и Анна Андреевна Ахматова написала: «А Смоленская нынче именинница». Она присутствовала на похоронах Блока, и вот в этой толпе провожавших поэта впервые узнали: арестован Николай Гумилев, он содержится в тюрьме на Шпалерной улице, и надо хлопотать о его освобождении.

6 августа Таганцеву впервые задали прямой вопрос о Гумилеве. Тот дал показания, что Николай Степанович был в резерве организации. Таганцев говорил: связь с Гумилевым поддерживали Шведов и Герман. 8 августа Гумилева вызвали на допрос.

Про убийство Германа Гумилев знал из советских газет, поэтому спокойно назвал эту фамилию, и говорил, что не уверен, был ли это именно Герман. Шведова Гумилев упорно не хотел называть по фамилии. Хотя Таганцев подтвердил, что именно Шведова он посылал к Гумилеву.

Для большинства Гумилев — знаменитый поэт. Агранову важнее другое — офицер, военный разведчик, георгиевский кавалер. Имеет связи в правительственных кругах Англии и Франции. Возглавлял пятерку. Брал деньги от Шведова. Встречался с Германом и Таганцевым.

За арестованных по таганцевскому делу, и прежде всего за Гумилева, многие просили. Просило помиловать его издательство «Всемирная литература». Просил Союз поэтов, председателем которого он был. Дважды в Кремль к Ленину приезжал А. М. Горький, пытался выторговать жизнь

Гумилева. Но Ленин был непримирим. Контрреволюционеры должны быть расстреляны. Поэты для советской России ценности не представляют.

К середине августа подследственные по таганцевскому делу еще не знали, что многих из них ждет смертная казнь. Таганцев верил, что чекисты будут соблюдать заключенный с ним договор, а Гумилев видел, что кроме показаний Таганцева следствие ничем против него не располагает. Единственная улика — найденные при обыске на Преображенской деньги, переданные Гумилеву полковником Шведовым.

Агранову решать, по какой статье пойдет его подопечный: либо по прикосновенности к боевой организации — два года условно, либо по соучастию — расстрел. Фактом, который перевел дело Гумилева из прикосновения в соучастие, стали взятые у Шведова деньги.

24 августа коллегия ПетргубЧК приняла решение о расстреле первой группы соучастников по таганцевскому делу. Это 61 человек. Среди них — 16 женщин. На расстрел везли людей разной степени вовлеченности: среди них и кронштадтские боевики, и случайные знакомые Таганцева.

В ночь с 24 на 25 августа 1921 года по лесной дороге четыре грузовика привезли приговоренных на Ржевский пороховой полигон. Их завели в здание порохового погреба и раздели до белья. А потом по 15 человек начали выводить в лес на казнь. В их числе был и поэт Николай Степанович Гумилев.

Яков Агранов выполнил поручение Ленина и Дзержинского — раскрыл тайную организацию, стоявшую за кронштадтским мятежом, готовившую антибольшевистское восстание. С показательной жестокостью он настоял на массовой экзекуции.

Из дневника Таганцева: «Узнал о гибели Володи и Нади (старшего сына и невестки. — *Л. Л.*). Да будет им светлая память. Пусть будут прокляты их мучители и их потомки».

По легенде, в которую хочется верить, перед казнью, когда жертв уже выстраивали вокруг рва, чекист закричал:

«Поэт Гумилев, выйти из строя!» Николай Степанович вышел, а потом показал на людей, которые за ним стояли: «А они?» Агранов закричал: «Не валяйте дурака!» Николай Степанович докурил папиросу и снова встал в строй: «Здесь нет поэта Гумилева, здесь есть офицер Гумилев».

Где находится его могила, мы не знаем. Достоверно известно только, что в лесу была вырыта яма, в которой закопали трупы всех расстрелянных, в том числе и Николая Гумилева.

Судьба поэта — произведение, которое он заранее строит. И конец своей жизни Гумилев предвидел:

«И умру я не на постели
При нотариусе и враче.
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще».

Яков Агранов вернулся в Москву и стал главным специалистом ЧК по работе с интеллигенцией. Он вел следствие по делу об убийстве Кирова. По его указке были высланы и расстреляны сотни видных деятелей искусства и науки. Его расстреляли в 1938 году. И не реабилитировали.

ЛЕНЬКА ПАНТЕЛЕЕВ — СЫЩИКОВ ГРОЗА

В 1922 году Петроград еще не оправился от последствий революции, Гражданской войны, разрухи и голода 1919-го. Город часто погружался в полную темноту — не хватало электроэнергии, и для освещения квартир ток давали только на несколько часов. Из экономии, трамваи ходили медленно, но самое неприятное — была введена плата за проезд. За годы военного коммунизма горожане привыкли, что транспорт бесплатный, а магазинов нет вовсе. И казалось — навсегда.

Английский фантаст Герберт Уэллс, посетивший Петроград в эпоху военного коммунизма, был потрясен: «Прогу-

ливаться по улицам при закрытых магазинах кажется совершенно нелепым занятием. Здесь никто больше не "прогуливается"».

Для Петрограда годы Гражданской войны были почти такими же страшными, как для Ленинграда — годы Блокады. Население бывшей императорской столицы уменьшилось в пять раз. Чудовищный голод, холод, разруха.

В середине 1922 года город чудесным образом начинает выздоравливать: НЭП, частная торговля, омары в витринах бывшего Елисеевского магазина, модницы в ресторане «Крыша» Европейской гостиницы, нарядная толпа на Невском. И резкий взлет преступности. Шумели банды Ваньки Чугуна, Ваньки Белки, Васи Котика. Лиговка покрыта воровскими малинами. Весной 1922 года в Петрограде ежемесячно совершалось от 40 до 50 вооруженных налетов.

В эпоху НЭПа на главной улице города было множество магазинов, возле которых часто образовывались очереди

Газета «Известия» писала в 1922-м: «Магазины... блестят, сверкают, манят к своим витринам и в свои гостеприимные двери толпы гуляющих... Все это для всех видов нэпманов и взяточников». Прилавки ломились от забытых горожанами продуктов: окорока, рябчики, торты, вина. Но для простой семьи купить торт было почти то же самое, что сейчас приобрести автомобиль. Обычное меню рядовых граждан составляли каша на воде и картошка, у людей побогаче на столе бывала селедка и пироги с луком. А в витринах гастрономических магазинов — изобилие и великолепие, недоступное 97 процентам населения Петрограда.

ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ?

И в наше, не самое бедное время, мало кто любит скоробогачей. А тогда, в 1920-е годы, какое могло быть отношение к нэпманам у питерского рабочего, вернувшегося с фронта, где он боролся с мировой буржуазией, или у чекиста, недавно ставившего «контру» к стенке? За что боролись, товарищи? За что кровь проливали? Вот таким фронтовиком и чекистом был Леонид Пантелкин, известный нам как Ленька Пантелеев.

Леонид Пантелкин родился в 1902 году в Тихвине, в семье рабочего. Окончил начальную школу и профессиональные курсы, где получил престижную специальность печатника-наборщика. Хорошо читал и писал, слыл грамотеем. В 1919 году Пантелкин, не достигший призывного возраста, вступил добровольцем в Красную армию и отправился на Нарвский фронт. Участвовал в боях с армией Юденича, попал в плен, откуда бежал и снова воевал за красных. Затем часть, в которой служил Пантелкин, передали в подчинение ВЧК и перебросили на Псковщину для борьбы с бандитизмом в приграничной полосе.

Летом 1921 года Леонид Пантелкин был принят на должность следователя в Военно-контрольную часть дорожно-транспортной ЧК Северо-Западных железных дорог. Но

уже в октябре он был понижен в должности, а в январе 1922-го уволен из рядов ВЧК. Официальная формулировка — по сокращению штатов.

Долгое время советская литература по понятным причинам умалчивала о том, что бандит Ленька Пантелеев был когда-то чекистом. Но до сих пор тайной остается причина его увольнения из органов. По первой, политической, версии, Пантелеев был левым радикалом и выступал против новой экономической политики. По уголовной версии, чекист был нечист на руку и даже заподозрен в участии в бандитском налете, арестован, но выпущен за отсутствием доказательств. На самом деле, обе версии не противоречат друг другу. После работы в ЧК Пантелеев точно так же продолжал бороться с НЭПом и нэпманами.

Резкий взлет преступности в Петрограде начала 1920-х произошел во многом за счет бывшего революционного пролетариата, считавшего, что большевики обманули рабочих. Для таких в ГПУ и милиции был введен специальный термин — «политбандит».

В начале 1920-х годов Советская власть еще пыталась применять к уголовникам классовый подход и те нередко могли рассчитывать на снисхождение. Некоторые теоретики марксизма заявляли, что если кража идет на пользу трудящимся, то не является преступлением. А для уставшего от нищеты обывателя политбандиты представлялись новыми Робин Гудами, которые отбирают у богатых и отдают бедным.

Почти в каждом районе был свой защитник бедных из уголовников. В Коломне ходили легенды о бандите Моте Беспалом, который грабил только буржуев, а бедным оставлял подарки с записками: «Где Бог не может, там Мотя поможет». На Васильевском острове рассказывали о графе Панельном, который не позволял воровать у пролетариев. Благородный аристократ обитал где-то на пустыре со своей невестой, редкой красавицей, звали которую Нюся Гопница. Блатная романтика и жаргон стали популярны не только среди уголовников, но и простых обывателей.

«Зырит урка:
"Псюра иль майданчики"?
Зекс, шныряет штымп в тиши ночной.
Вынул шпалер, осмотрел бананчики.
"Зекс, ни с места, стой!"»

Такие романтические баллады печатались, издавались и продавались в книжных магазинах Петрограда в 1920-е.

Милиция сбилась с ног, количество облав и арестов за год увеличивалось втрое. Но результаты все равно были плачевны. Если в 1920 году в городе было зарегистрировано 16 тысяч правонарушений, то в 1922-м — уже 26 тысяч.

В эпоху НЭПа появился новый вид преступников — налетчики. И самым знаменитым среди них стал Ленька Пантелеев.

Елизавета Полонская написала поэму «В петле» — Пантелеев там центральный персонаж:

«Ленька Пантелеев — сыщиков гроза:
На руке браслетка, синие глаза...
Кто еще так ловок, посуди сама!
Сходят все девчонки от него с ума!
Нараспашку ворот в стужу и мороз.
Говорить не надо — видно, что матрос».

Эти строки стали популярной в Петрограде песней. Часто первые строки пелись не так, как в тексте Полонской: «Ленька Пантелеев — **нэпманов** гроза». В глазах многих петроградцев, особенно молодежи, налетчики и бандиты были окружены романтическим, революционным ореолом. Потому и Пантелеев — видно, что матрос.

БЛАГОРОДНЫЙ РАЗБОЙНИК

Свой первый налет банда Леньки Пантелеева совершила 4 марта 1922 года на Казанской улице, где проживал богатый меховщик Богачев. Около 16.00 в квартиру Бога-

чева на третьем этаже кто-то постучал. К двери подошла прислуга и спросила: «Кто там»? В ответ она услышала вежливый мужской голос: «Дома ли мадам с Симой и где Эмилия»? Прислуга сказала, что хозяйки дома нет, а Эмилия лежит больна. И, проявляя присущее женщинам любопытство, поинтересовалась: «А не Ваня-ли это?» Голос из-за двери также очень вежливо сказал: «Да, мадам!» И прислуга открыла дверь.

Ленька Пантелеев

В квартиру вошли два хорошо одетых молодых человека и наставили на дам револьверы. Женщин связали и заперли в одной из комнат. После этого бандиты обшарили квартиру, забирая все: от бриллиантов до пустяков, вроде столового серебра и платьев. Затем они спокойно покинули ограбленную квартиру через парадный вход. Через три часа вернулся из конторы всеми уважаемый меховщик Богачев, а еще через полчаса он был увезен каретой скорой помощи в больницу с диагнозом — сердечная жаба.

Обычно после второго-третьего налета банды ликвидировались уголовным розыском. Но в лице Пантелеева милиция встретила серьезного соперника.

Свой второй налет Ленька Пантелеев совершил всего через 12 дней после первого — на квартиру доктора Грилихеса на Васильевском острове. Схема — та же. В квартиру позвонили, прислуге сказали, что доктору принесли важное письмо. Дверь открылась, прислуга связана, квартира обчищена.

Но Пантелеев не стал бы Пантелеевым, если бы не проявлял в своих приемах разнообразия. В следующий раз, на квартиру доктора Левина налетчики явились в матросской форме, под видом пациентов.

А к ювелиру Аникиеву бандиты нагрянули, представившись сотрудниками ГПУ. Предъявили ордер на обыск, составили протокол на изъятые деньги и драгоценности, копию оставили ювелиру и спокойно удалились. Когда хозяин квартиры пришел в себя, то обнаружил, что копия ордера на обыск составлена за подписью Алексея Тимофеева, а на протоколе об изъятии «вещдоков» тот же человек подписался уже как «Николай Тимофеев». Полночи ювелир Аникиев провел без сна, а рано утром отправился в ГПУ, где выяснил, что его банально ограбили.

Вскоре ограбили владелицу трактира Ишес, обошлось без жертв.

Пантелеев жадиной не был. Добычу продавал, выручку прокучивал вмиг и охотно раздавал деньги и вещи всем кому ни попадя. Типичный благородный разбойник. Большой благотворительностью там не пахло, но выручить из беды бедного студента или голодающую девицу с Лиговского вполне мог. В результате Ленька пользовался немалым успехом среди горничных, домработниц, которые охотно рассказывали о том, где хранятся сокровища их хозяев.

Среди жителей Петрограда ходили легенды о знаменитых налетчиках — Соньке Золотой Ручке, Пан-Валете, Ваньке Советском, Сашке Седом, но Ленька Пантелеев

стяжал неувядаемую славу самого фартового. Будто заговоренный, бандит обходил стороной засады и скрывался от облав. От его имени на улицах появлялись надписи: «До 10 часов — шуба ваша, после 10 часов — наша. Ленька Пантелеев».

Но однажды удача изменила Пантелееву: в трамвае 9-го маршрута, следовавшего по Загородному проспекту, сотрудник Дорожной ВЧК Иван Васильев обратил внимание на человека, похожего по описаниям на знаменитого бандита.

Ленька Пантелеев, обладавший звериным чутьем, тут же заметил, что один из пассажиров слишком пристально разглядывает его, и на ходу спрыгнул с подножки трамвая. Чекист бросился за ним с криком: «Держи его, держи!» Пантелеев юркнул в проходной двор Госбанка, узкий, существующий и сейчас безымянный переулок между Загородным и Фонтанкой.

ПЕРВАЯ КРОВЬ

Когда Пантелеев выбежал на набережную, наперерез ему бросился начальник охраны Госбанка Борис Чмутов. Пантелеев выстрелил дважды, Чмутов упал замертво. Ленька, пробежав еще немного вдоль Фонтанки, свернул в проходные дворы и скрылся. Это было первое убийство, совершенное Пантелеевым. Кровь, пролитая на Фонтанке, словно развязала ему руки. После убийства милиционера рассчитывать на снисхождение уже не приходилось, и Ленька все чаще стал применять оружие, занявшись банальными уличными грабежами.

25 августа 1922 года Пантелеев и его ближайший помощник Гавриков, вооруженные револьверами, остановили пролетку и до нитки обобрали троих нэпманов.

1 сентября у клуба «Сплендид-Палас» на Караванной Пантелеев и Гавриков совершили налет на супружескую чету Николаевых. После приказа отдать деньги и драго-

ценности Николаев полез в карман пальто. Пантелееву показалось, что он сейчас достанет оружие. И муж и жена Николаевы были убиты.

4 сентября 1922 года — роковой день в жизни Леньки Пантелеева, хотя начинался он совершенно обычно. Утром на углу Большой Морской и Почтамтского переулка Пантелеев вместе с Гавриковым ограбили артельщика Манулевича.

В этот день с утра шел дождь, у Леньки промокли ноги, сапоги были никудышные. Около семи вечера он вместе с Гавриковым зашел в магазин «Кожтреста» на углу Невского и Большой Конюшенной (там, где сейчас «Военная книга»). Когда Ленька мерил башмаки, в магазин вошел квартальный милиционер, а за ним — помощник начальника 3-го отделения милиции Бардзай; именно он приказал Пантелееву предъявить документы. Тут же началась перестрелка, Бардзай был смертельно ранен, бандитов удалось задержать. Пантелеева скрутили только после того, как оглушили, поэтому на единственной сохранившейся фотографии он с перебинтованной головой.

Под усиленной охраной Пантелеева и Гаврикова доставили в 3-й Исправдом, более известный как следственный изолятор «Кресты». Через пару дней в облавах, устроенных милицией и ГПУ, были задержаны сообщники Пантелеева, среди которых известный в городе Мишка Корявый (Михаил Лисенков) и Сашка Пан (Александр Рейнтоп).

Следствие вел опытный чекист Сергей Кондратьев. В 1926 году он опубликовал в журнале «На посту» свои воспоминания о беседах с Ленькой Пантелеевым.

Ленька охотно отвечал на все вопросы. Рассказал: налеты его банда совершала с помощью наводчиков. А кто лучший наводчик? Конечно же, женщина. «Каждая наводчица — моя сожительница. Это выгодно, потому что с нею не нужно делиться. Она никогда не выдаст. В благодарность за удачное дело подаришь ей какой-нибудь пустячок — колечко, меховое пальто, шаль, и она тебе по гроб предана».

Сергей Кондратьев. Сыщик Петроградского УГРО

Допросы Леньки Пантелеева проводились в здании управления ГПУ. На последнем допросе Пантелеев, уже уходя в камеру, сказал следователю: «Ну, бывайте, дорогой товарищ! Больше не увидимся. Скоро покину я ваш исправдом, убегу, вот!»

СУД

Следствие продолжалось всего 3 недели, и 10 ноября 1922 года в зале Петроградского трибунала начался суд над бандой Леньки Пантелеева. В зале самая разношерстная публика — от мелкого воришки до богатого владельца магазина — с любопытством рассматривала тех, кто так долго и так много заставлял о себе говорить. Несмотря на все его преступления, Пантелеев произвел, по словам журнала «Суд идет», весьма «благоприятное впечатление». В прошлом наборщик Пантелеев до своих бандитских выступлений «ни в чем дурном замечен не был, вел честный

образ жизни, и нельзя было бы сказать, что в 18-летнем юноше заложены такие "возможности"». Подсудимые выглядели уверенно, посмеивались. Пантелеев вызывал сочувствие зала: зрители шептались — Ленька наверняка убежит. Не может фартовый сдаться так просто.

Пантелеев ничего не отрицал, но и ничего не прибавлял к тому, что было добыто предварительным следствием. Он лишь не признавал умысла в убийстве начальника охраны Государственного банка, говоря, убил де его совершенно случайно. Пантелеев и его спутник Гавриков признали себя виновными по всем вменяемым эпизодам, подчеркнув, что с их стороны «не было вооруженного сопротивления при аресте» (что было неправдой).

Пантелеев жаловался, что ему не везло: в одном случае потратил много трудов, а взял всего ничего; при налете на квартиру доктора Левина была взята крупная сумма, но испортил дело наводчик, племянник доктора — Раев, надувший его и забравший себе бóльшую часть награбленного. Вообще, по рассказам Пантелеева, «деятельность» бандита — удовольствие дорогое: всюду приходится «смазывать», за дешевку продавать маклакам ценности, содержать несколько квартир. «Неприятностей» не оберешься...

Цепь кандалов, которая была на время допроса обвиняемых снята, перед окончанием судебного заседания была вновь скреплена; Гаврикова с Пантелеевым снова приковали друг к другу. Заседание Трибунала было закрыто. Оставались прения сторон, последние слова, приговор.

Конвой удвоен. Револьверы наизготове, шашки наголо. И за этой непроницаемой стеной сверкающих «кольтов» и обнаженных шашек Пантелеев, а за ним и вся его свита, были выведены из здания Трибунала. Пантелеев и Гавриков в 12 часов ночи были приняты начальником Исправдома и районным надзирателем и размещены по камерам, которые закрывались на ключ. Пантелеев был заключен в камере № 196, Гавриков — в камере № 185, обе в четвертой галерее.

Бежать из «Крестов» немыслимо. Но ночь с 10 на 11 ноября 1922 года стала памятной для тюрьмы, так как тогда свершилось то, о чем будут десятилетия рассказывать друг другу заключенные.

Утром, когда заседание Трибунала вновь открыли, зал замер: председатель огласил телефонограмму начальника Исправдома о бегстве Пантелеева и Гаврикова.

Еще никто не знал, как это произошло, но все себе представляли, «что это было какое-то головокружительное» бегство, что и бежал Пантелеев по-пантелеевски».

Трибунал продолжал заседания.

Все были уверены, что Пантелееву далеко не уйти, что его сегодня же поймают. В Петрограде знали: о бегстве сообщено всюду, охраняются вокзалы, агенты Уголовного розыска брошены на поиски.

Оставшиеся на скамье подсудимых обвиняемые старались использовать бегство главаря. Каждый хотел взвалить все на Пантелеева и приписывал ему невероятное влияние, при помощи которого он из них, «честных и порядочных людей», сделал бандитов.

Так бандит Бартуш, скромно потупив глаза, говорил о своем вчерашнем главаре, как о гнусной личности, которая его не то силой, не то нравственным воздействием заставила принять участие в «деле». Он утверждал, что Пантелеев угрожал ему револьвером, и ссылался при этом на участницу шайки Друговейко.

Простачком рисовал себя бандит Варшулевич. Он де жил в одной комнате с Ленькой, но ничего не знал о его деятельности. Да, он продавал меха, взятые при налете у Богачевых, но откуда он мог знать, где их взял на самом деле Пантелеев, и почему ему было не верить Пантелееву, что меха его собственные?!

Наводчицы Франченко и Михайлова совершенно отрицали свою вину, говорили, что показания на следствии они давали под угрозой револьвера ограбленного бандой Пантелеева доктора Грилихеса, который якобы присутствовал при их допросе.

Допрашивался наркоторговец с угла Пушкинской и Проспекта 25-го Октября (ныне — Невского) известный кокаинист Вольман. Пантелееву нужны патроны — Вольман их достает. Нужен револьвер — опять Вольман. Пантелеев и Вольман связаны старой дружбой, знакомством по тюрьме, когда еще Пантелеев сидел по подозрению в налете, а Вольман — по подозрению в спекуляции. И уже тогда Вольман знал, что собой представляет Пантелеев.

Пантелеева нет, и Вольман, отрекаясь от своих показаний на следствии, валит все на то, что говорил он раньше не искренне, а из боязни мести со стороны Пантелеева.

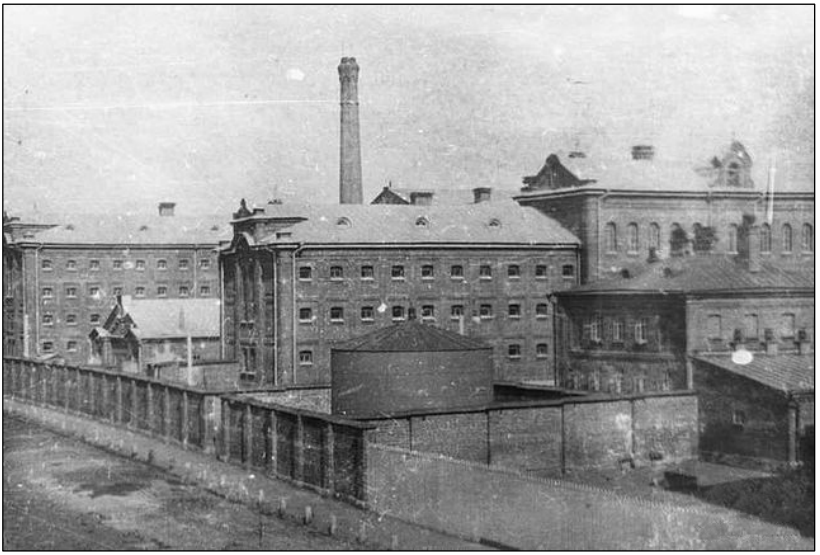
К расстрелу Трибуналом был приговорен только изобличенный убийца Акчурин. Вольман и скупщик краденых мехов Кузнецов приговорены к 6 годам лишения свободы.

КАК ОНИ БЕЖАЛИ

Побег Пантелеева и его подручников из 3-го Исправдома был тщательно разработан, но удался лишь благодаря случайному стечению обстоятельств и не с первой попытки.

Согласно выработанному плану, надзиратель 4-й галереи Иван Кондратьев должен был «заговорить» другого надзирателя; в это время бандит Рейнтоп (он же Сашка Пан) открыть камеры Пантелеева и Лисенкова по прозвищу Мишка Корявый. За содействие побегу Кондратьеву пообещали 20 миллиардов рублей (деньги большие, но не сверхъестественные — вспомним инфляцию начала 1920-х).

7 ноября около 4 часов ночи в камеру Лисенкова вошел Рейнтоп, забрал одеяло и простыни и унес к себе в камеру. Там одеяло было разорвано на длинные полосы и связано. Веревки нужны были для того, чтобы связать надзирателя Васильева, также их планировалось использовать в качестве лестницы. К этому времени надзиратель Кондратьев должен был спуститься вниз, якобы для проверки главного поста, и тут его для видимости тоже должны были связать. Условным знаком для Кондратьева должно было стать выключение в тюрьме света.



Следственный изолятор в Петербурге, в народе — «Кресты»

В этот день, однако, бежать не удалось: надзиратель Васильев, хотя и вошел в камеру налить себе чаю, но пошел пить его в дежурную, и связать его не вышло.

В день суда, 10 ноября, вернувшийся из Трибунала Ленька Пантелеев, проходя по галерее, бросил убийце и грабителю Иванову-Раковскому: «Мне — левак (расстрел. — *Л. Л.*), надо бежать».

По камерам бандитов разместил надзиратель Кондратьев. Пантелеев содержался в камере № 196, Лисенков в соседней — № 195, Рейнтоп — поблизости, в камере № 191, и еще немного дальше Гавриков — в камере № 185.

Некоторое время в Исправдоме царила тишина. Весь следственный изолятор освещался всего одной висячей 500-свечевой электрической лампой, и вдруг эта лампа погасла. Тюрьма погрузилась во мрак. Еще мгновение, и свет снова загорелся. Где-то хлопнула дверь. Затем снова погас свет. Снова зажегся, и так несколько раз.

Свет гас, конечно, неслучайно. Чья-то таинственная рука дотронулась до штепселя, находившегося у выхода из 4-й галереи, почти совсем рядом с тем столиком, где должен был нести дежурство постовой надзиратель Васильев.

Должен был, но именно в это время по странному стечению обстоятельств Васильева на посту не было. Он «ушел греться в дежурную комнату».

В 3 часа 20 минут в Исправдоме тревога: нет электричества. Кондратьев бросается в камеру заключенного Немтина, исполнявшего обязанности монтера Исправдома. Немтин не отзывается. В Исправдоме все еще темно. Вдруг со второй галереи крик: «Вон там какая-то тень!» Это кричит задремавшая было надзирательница 2-й галереи Романова. Кондратьев бросается по направлению к тени. Возвращается обратно. Свет уже горит. В тот же момент обнаруживается побег заключенных.

Наутро в Исправдоме все на ногах. Прокурор и старший следователь осматривают место побега. Устанавливается: камеры, в которых содержались бежавшие, открыты без повреждения замков. Открыта дверь в комнату свиданий. Открыты двери камеры, выходящей на пост и сообщающейся с комнатой свиданий. В коридоре, прилегающем к комнате свиданий, оторвана доска, закрывавшая окошко, ведущее в коридор при кухне. Висячий замок на кухонной двери сбит. Кухонное окно, ведущее во двор, открыто.

В комнате свиданий обнаружен кусок железной трубы. Такой же кусок нашли у лестницы на второй галерее.

Спустившись по винтовой лестнице с 4-й галереи на 1-ю, беглецы прошли к выходу на главный пост и через камеру, ведущую в комнату свиданий, прошли в коридор. Здесь они оторвали доску, прикрывавшую окошечко, которое вело в коридор кухни. Затем проникли на кухню, через окно спрыгнули во двор, через забор вышли на улицу и скрылись.

Гавриков, впоследствии, когда он был пойман, рассказывал, что около четырех часов ночи его разбудил Пан, сказав: «Выходи». Надзиратели во всех галереях крепко

спали. Пан погасил свет в Исправдоме, и они стали спускаться по винтовой лестнице. К ним присоединился Пантелеев. Они спустились в комнату свиданий, Пантелеев стал ломать окно, выходившее на кухню.

Когда все трое уже находились на кухне, они услышали какие-то шаги — это оказался Михаил Лисенков, запоздавший почему-то. Выйдя во двор, беглецы увидели: в пекарне Исправдома идет работа. Их, однако, никто не заметил. Перепрыгнув на улицу, бандиты пожали друг другу руки. По словам надзирателя Васильева, он знал, что в 4-й галерее сидят особо тяжкие преступники и «лишь» на 20 минут вышел погреться, а в это время и совершился побег.

В ночь побега, 11 ноября, погода стояла холодная. Улицы, даже центральные — безлюдны. Лишь изредка вдоль домов и заборов мелькали тени прохожих.

«Выходи, свободно!» — обернувшись назад, во двор Исправдома, сказал Ленька Пантелеев и мягко спрыгнул в снежный сугроб. Вслед за ним один за другим на снег спрыгнули Лисенков (Мишка Корявый), Рейнтоп (Сашка Пан) и Гавриков.

Озираясь по сторонам, четверо несколько мгновений постояли у забора. Затем две тени отделились и, быстро перебегая с одной стороны на другую, направились к Литейному мосту, а оттуда по набережной Невы к площади Жертв Революции (Марсову полю). Это были Лисенков и Рейнтоп, через пару минут в другую сторону отправились Пантелеев с Гавриковым.

ПАНТЕЛЕЕВ СНОВА В ГОРОДЕ

Гавриков и Пантелеев засели в развалинах трехэтажного дома и в жестокую стужу пробыли там больше суток. Выждав, когда все стихло, они отправились ночевать к друзьям, радостно встретившим главаря. Места ночевки все время меняли, крутились преимущественно в районе Пряжки. Там у Леньки Пантелеева были «свои» квартиры.

Ночевали и в воинских кассах вокзала Октябрьской дороги. Когда же приходил контроль для проверки документов, бандиты уходили, а после возвращались туда же.

Пантелеев знал, что агенты стерегут его на каждом шагу и что в случае поимки пощады не будет. В городе бандиты предполагали прожить месяц-полтора, а потом уехать в провинцию.

Первой заботой беглецов стала одежда и оружие. На Обуховской толкучке (там, где сейчас автобусный вокзал) они купили четыре револьвера — Ленька взял себе два браунинга, а Гавриков — маузер и наган. Реализовав бриллиант в два карата, припрятанный с налета на доктора Левина, бандиты оделись: купили сапоги, шинели, кожаные куртки и неизменные «буденовки».

Добыв себе «липы» (фальшивые документы), друзья отправились на заработки: занялись раздеванием запоздалых прохожих.

Они облюбовали широкое Марсово поле и ежевечерне залегали на откосе идущей вдоль него Лебяжьей канавки. Не страшила их маячившая где-то вдали одинокая фигура милиционера, совершавшего обход своего района. Наметив жертву, Гавриков и Пантелеев выскакивали из-за откоса, наставляли револьверы и без малейшего сопротивления донага раздевали прохожего. Ходила легенда, что «Ленька пролетариев не раздевает». Это — чистейшая ложь. Жертвами Пантелеева были все — без различия класса, пола и возраста. Лишь бы у них было хоть какое-нибудь «барахло». Не успевал ограбленный прийти в себя, а грабителей уже и след простыл. Кто был посмелее, тот поднимал крик, а потрусливее покорно шагал по направлению к ближайшему огню. Тем временем наступал черед новой жертвы, которую постигала та же участь.

Совершив несколько таких грабежей, обычно 3—4 за ночь, Пантелеев и Гавриков отправлялись в ближайшую «хазу», куда немедленно вызывали маклака, за бесценок покупавшего награбленное.

Уголовный розыск, узнав, что на Марсовом поле «пошаливают», установил там усиленное наблюдение. Пантелеев поспешил «сняться с якоря». Деятельность бандитов перекинулась в район Сергиевской (ныне — Чайковского) и Кирочной улиц, где в то время было мало милиции.

Был у бандитов сообщник, которому они обязаны были своей свободой, — надзиратель Кондратьев. Бандиты собирались сдержать слово и встретиться с ним, как условлено было еще при побеге, «через три дня», а в случае невозможности, «в среду на каждой неделе». Место встречи — Обводный канал, под Американскими мостами.

Пантелеев не знал еще тогда об аресте Кондратьева. И вся шайка отправилась к назначенному времени на Обводный канал. Уголовным розыском туда же был доставлен надзиратель, находившийся под охраной полдюжины переодетых агентов. Осторожный Пантелеев заметил, что кто-то следит за Кондратьевым, и немедленно скрылся.

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ

Пантелеев с Рейнтопом и Лисенковым наметил для «совместной работы» несколько квартир, которые ему указали его осведомители.

Ими было совершено зверское убийство и налет на Екатерининском канале (ныне — Грибоедова). Пробравшись в квартиру архитектора профессора Романченко, бандиты убили его и тяжело ранили жену. Была также убита бросившаяся на грабителей собака. Разгромив квартиру, бандиты скрылись с добычей. Уголовному розыску удалось установить, что квартиру «дал» проживавший в том же доме соучастник Пантелеева, но следов самих преступников сразу не удалось обнаружить.

Через два дня разгромлена еще квартира, а за ней — третья. Были мобилизованы лучшие опера уголовного розыска и влиты в ударную группу ГПУ. Изучены норы и места, где бывал Пантелеев. Но у него было столько

убежищ, что сразу окружить его и ликвидировать вместе с шайкой, не удалось.

Пантелеев знал о том, что за ним зорко следят, и стал еще более осторожен. Он понимал: кольцо сужается, и метался с одной квартиры на другую, не оставаясь нигде дольше одной ночи. Спал с револьвером в руках. Видел в каждом постороннем агента уголовного розыска.

Однажды, когда он проходил по Столярному переулку, ему показалось: за ним идет агент. Пантелеев обернулся: увидев смотревшего на него матроса, мгновенно двумя выстрелами уложил его на месте. В другой раз он ранил агента Уголовного розыска, не имевшего никакого отношения к поискам шайки. Стрелял Пантелеев метко.

Как рассказывал на одном из последних допросов Гавриков, он с Пантелеевым специально ходил на острова, на Стрелку, пристреливать свои револьверы. Гавриков не расставался с Пантелеевым: вместе готовились, вместе убивали и грабили. Но закончить свою деятельность вместе с Пантелеевым ему не удалось.

АРЕСТ ГАВРИКОВА

Ресторан «Донон» располагался на Мойке, у Певческого моста, в стороне от Проспекта 25-го Октября (Невского), как раз напротив Уголовного розыска (тот находился в здании Главного штаба). Но это не смущало Пантелеева. Посетители «Донона» были богатой добычей.

У «Донона» были запрещенные к продаже вино и водка. Седовласый швейцар «довоенной крепости» особым звонком давал знать о приближении милиции — вино исчезало со столиков, и лишь пьяные лица посетителей напоминали об исчезнувших таинственно бутылках с зельем.

Когда полупьяные Пантелеев и Гавриков ввалились в переднюю «Донона», швейцар сразу же почувствовал неладное. Он дал звонок в зал, мгновенно все засуетились, и были приняты меры предосторожности.

В переднюю выбежал дежурный метрдотель, специальностью которого было улаживание недоразумений. Увидев, однако, не милиционеров, а пьяных, он сам позвонил в милицию, откуда немедленно прибыл наряд.

Когда Пантелеев обернулся, он увидал входивших в длинный двор «Донона» милиционеров. Сразу отрезвев, схватил Гаврикова за рукав и кинулся с ним во двор. Там они спрятались. Но их разыскали между дровами и задержали. Никому и в голову не могло прийти, что это Пантелеев и Гавриков, те самые, которых искали по всему городу. Это и спасло Пантелеева. Когда его под конвоем вели через подворотню, он ударом кулака хватил стоявшего у железной калитки ворот милиционера, ногой ударил в живот дворника и, отстреливаясь, выбежал на набережную Мойки.

Пантелеев был ранен в левую руку. Он побежал по направлению к Марсову полю, к Инженерному замку, побежал по улице Пестеля, перелез через забор и спрятался в колоннах Пантелеймоновской церкви. К этому времени Гавриков был уже опознан.

О происшествии было сообщено в Угрозыск, и буквально через несколько секунд (шутка сказать: Пантелеев!) прибыли на место агенты с собакой-ищейкой. По кровавому следу собака довела до Марсова поля. Дальше след терялся. Наугад агенты и милиция пошли по Пантелеймоновской, мимо церкви, и... не заметили лежавшего там за забором Пантелеева.

Гавриков уже тем временем был допрошен, дал подробные показания — и в целом ряде вчера еще безопасных квартир сидели засады.

Соучастник всех налетов Пантелеева, Гавриков, предстал перед судом Трибунала 31 декабря 1922 года. Он спокойно выслушал приговор трибунала: к расстрелу. На скамье подсудимых он был не один. С ним было еще трое: наводчица на квартиру Богачева — Лидия Луде, пойманная незадолго до суда, и участники ограбления артельщика пожарного телеграфа Абдульменов и Зайцева.

Гавриков покаялся. В прошении о помиловании он признавал, что за преступления, им совершенные, «не должно быть преград для наказания», но он «молод, мало жил и не богат жизненным опытом», и был «в руках Леньки Пантелеева». Просьба о помиловании была оставлена без последствий, Гавриков — расстрелян.

ОХОТА НА ПАНТЕЛЕЕВА

Гавриков в Трибунале был не совсем откровенен. Более разговорчивым он был на тех многочисленных допросах у следователя Сергея Кондратьева. Показания расстрелянного Гаврикова дали Уголовному розыску много данных.

Осторожный Пантелеев это чувствовал. Он решил отправиться в одну из отдаленных квартир на Пряжке. По проспекту Володарского (ныне — Литейному) вышел на пустынный Проспект 25-го Октября (Невский), где уже к тому времени ходили дозоры, искавшие Пантелеева.

Не доходя Садовой, Пантелеев едва-едва не попался. Увидев приближавшийся дозор, он присел на каменную тумбу напротив ворот и, подняв высокий воротник своего тулупа, притворился спящим ночным дворником.

— Не видал ли такого-то? — спросил один из дозорных и сказал Пантелееву его же приметы.

— Не, не знаю, я всего три дня, как из деревни приехамши.

Дозор прошел.

Чувствуя, что терять уже нечего, Пантелеев стал теперь выходить на «работу» не только ночью, но и днем. Последний месяц на свободе стал кровавым — вместе с Мишкой Корявым и Сашкой Паном Пантелеев совершил 8 убийств, 20 уличных грабежей и 15 вооруженных налетов.

В числе этих убийств были бессмысленные, ничего не давшие Пантелееву. Такой жертвой стал возвращавшийся на извозчике вечером с бала с девицей некий Иванов. На Боровой улице извозчик был остановлен грозным окри-

ком. На него наставили два дула револьверов. Лошадь испугалась и понесла. Пантелеев (он был на этот раз один) выстрелил вдогонку и нанес смертельную рану Иванову.

В конце декабря 1922 года была создана специальная оперативная группа ГПУ и милиции для ликвидации банды Пантелеева — это санкционировал сам Григорий Зиновьев. Группа получила устный приказ: ввиду опасности банды Пантелеева живыми налетчиков можно не брать, огонь открывать без предупреждения. Уголовный розыск и ударная группа ГПУ, выделившие на дело Пантелеева лучших работников, каждый день выхватывали у Пантелеева по «хазе».

Агенты в течение последних двух недель буквально не слезали с автомобилей. В начале февраля 1923 года была получена информация, что Пантелеев предполагает покинуть город, перейти границу в районе Пскова, пробраться в Эстонию. Было организовано свыше 20 засад, перекрыты все вокзалы.

И несмотря на то что у Леньки было много убежищ, с каждым днем ему приходилось быть осторожнее и, идя на ночевку, узнавать, цела ли «хаза», не ждет ли его там засада. Теперь ему было уже не до налетов и грабежей. Он видел, как одну за другой ликвидировал Угрозыск бандитские шайки. Он знал, что его ждет расстрел, что развязка близка.

Однажды, рискнув проверить одну из «хаз», он отправился к своему приятелю маклаку на улицу 3-го Июля (Садовую) близ Сенного рынка. Поднявшись на 6-й этаж, позвонил. Дверь отперли. Навстречу ему протянулось дуло револьвера. Пантелеев не растерялся. Секунда — и переднюю заволокло пороховым дымом. Со всех сторон стреляли. Когда дым рассеялся, Пантелеева уже не было. Он исчез, но ненадолго. Он уже был в тисках. Метнулся в другую «хазу» — тоже засада. В третью — и там.

Лишь к вечеру ему удалось найти приют. Но и здесь он пробыл недолго — всего два часа: и об этом пристанище

Пантелеева стало известно Угрозыску. Так прошло еще несколько дней. За день до поимки Пантелееву еще раз, но уже последний, удалось убежать.

В этот же день едва не попался Мишка Корявый, так же как и Пантелеев, метавшийся по городу. Дело происходило в Столярном переулке. Сидевшие уже три дня в засаде в одной из «хаз» агенты услышали звонок. Это мог быть только Пантелеев или кто-то из его друзей. Дверь отворили и предложили неизвестному, тень которого неясно вырисовывалась в темноте, войти.

Но тот не входил. Он всматривался внутрь комнат, стараясь разгадать, друзья там или враги. Вдруг он решительно повернулся и, крадучись, скрылся в темноте. Затем бросился бежать. Агент выстрелил. Осечка! Неизвестный повернулся и выстрелил. Мимо!

Лицо его на мгновенье попало в полосу света. Это был Мишка Корявый. Он спрятался за кучу снега; выход со двора был отрезан. Между агентом и Корявым завязалась перестрелка. Оба были хорошими стрелками, но Корявый находился в тени, а агент освещен слабо мерцавшим керосиновым фонарем. Пули ложились в нескольких вершках от агента. Восемь выстрелов из кольта агента и двенадцать из маузера Корявого не причинили ни первому, ни второму никакого вреда.

Когда у обоих обоймы опустели, наступила тишина. Воспользовавшись тем, что агент стал перезаряжать револьвер, Корявый выскочил на улицу и кинулся бежать. Выбежавшие во двор и на улицу агенты скоро потеряли Корявого.

В это время весело, посвистывая, с гитарой в одной руке и корзиной с закусками в другой Пантелеев, а за ним Лисенков вошли в квартиру на Можайской улице. Пантелеев был уверен в том, что квартира свободна, и не смотрел по сторонам. Вдруг раздался выстрел агента, сразивший Пантелеева. За первым раздался второй, и Пантелеев был мертв.

Лисенков, раненный в шею, даже не пытался сопротивляться. Он тут же сдался. Весть о случившемся на Можайской улице мгновенно облетела весь город.

Чекист Иван Бусько, застреливший Леньку Пантелеева

Из «Красной газеты» от 14 февраля 1923 года: «В ночь с 12-го на 13-е февраля 23-го года Пантелеев был обнаружен в притоне на Можайской, 38. В перестрелке был убит. У него было два револьвера — маузер и наган. Мишка Корявый был ранен и схвачен. Хозяйка притона гражданка Егорова и сожительница Мишки Корявого гр. Мацкевич — арестованы. У Пантелеева было много денег и золотых украшений с бриллиантами. В эту же ночь была облава с собаками-ищейками в других притонах. На Международном (ныне — Московском — *Л. Л.*) пр., 47, кв. 2, был задержан

с оружием главный помощник Пантелеева Александр Рейнтоп по кличке Сашка-Пан. Схвачены и другие участники шайки Пантелеева: Пантелкина Анна (сестра), Кузнецова А., Ефимова В., Богданова М., Ефимова М., Осипова А. Шурин Пантелеева гражданин Климаков и его жена были схвачены в облаве в Столярном пер., 18, кв. 18, в ночь с 10 на 11 февраля. Ударной группе удалось захватить и других членов шайки: Косагонова, Жучкова, Федотова, Савичева, Савишникова, Иванова (он же Федька Портной) и сестер Пантелеева Клавдию и Веру, которые обвиняются в участиях в налетах. В эту же ночь была облава по 10-й роте, д. 1, кв. 1 — задержаны Лежов Иван и его жена Любовь, Лежов был извозчиком членов шайки и помогал в налетах».

6 марта «Красная газета» опубликовала постановление Петроградского губернского отдела ГПК республики о расстреле 17 бандитов из шайки Пантелеева.

ПАНТЕЛЕЕВ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Дело Пантелеева было кончено, но некоторое время среди обывателей ходили слухи, что он жив, что он на свободе и еще себя покажет.

Дошло даже до того, что два налетчика, ворвавшиеся в одну из квартир на улице 3-го Июля (Садовая), назвались Пантелеевым и Лисенковым и этим повергли в неописуемый ужас обитателей квартиры.

Запуганные одним именем Пантелеева петроградцы не верили в смерть бандита, и власти выставили труп Леньки в морге Обуховской больницы на всеобщее обозрение. Лицо покойника загримировали, закапали в глаза глицерин, чуть подкрасили, получался как бы живой Ленька Пантелеев только с несколько странным взглядом.

Этого показалось недостаточно. От трупа отсекли голову и установили в магазине на Невском проспекте. И лишь когда большинство горожан всерьез поверили, что ужасавшему Петроград бандиту пришел конец, голову Панте-

леева поместили в закрытые фонды музея криминалистики, где она и находилась до конца 1970-х годов. Потом голова исчезла и считалась утерянной, а вновь нашлась на кафедре криминалистики юрфака СПбГУ.

Леонид Пантелеев — из класса победителей. Именно такие как он, молодые петроградские рабочие, должны были бы стать хозяевами жизни. Но как раз эти люди практически исчезли к концу 1930-х. Погибли в Гражданскую, стали уголовниками, как Ленька, убили Кирова, как его тезка Леонид Николаев, стали чекистами, как Николай Ежов, расстреливали себе подобных, и, в конце концов, сами встали к стенке.

ЧУБАРОВЦЫ

Четыре года НЭПа чудесным образом преобразили Петроград-Ленинград. Витрины магазинов искушали своим изобилием. Прохожих манили яркие вывески ресторанов и кафе. Работали фабрики и заводы. В городе вышел на линию первый троллейбус. Население быстро увеличивалось и к 1926 году достигло почти двух миллионов человек.

Удалось добиться резкого снижения количества тяжких преступлений, в том числе случаев бандитизма. Больше всего досаждало ленинградцам в это время хулиганье. Особенно в районе Лиговского проспекта.

Лиговка начала XX века — место малоприятное. От Невского до Обводного по западной стороне — Ямская слобода. Извозчики и 13 тысяч лошадей. Запах стоит соответствующий. С другой стороны — пути Николаевской железной дороги. Там ключники, грузчики — все народ пришлый и опасный. Около Обводного канала 12 ночлежных домов. Каждое третье преступление в городе в начале XX века совершалось на Лиговке.

Особую славу проспект приобрел с начала 1920-х годов и сохранял его до конца 1930-х. Рабочая окраина, близость

вокзалов, район, где власти допускали существование последних ночлежных домов в социалистическом Ленинграде. Именно там они были ликвидированы в 1935 году.

Николаевский вокзал (ныне — Московский). Начало XX века

Время от времени милиция совместно с войсками ОГПУ совершает облавы, но это не приносит видимого результата. Питерские хулиганы терроризируют горожан: «бузят», «озорничают», устраивают побоища «стенка на стенку», куражатся почти безнаказанно, потому что в большинстве имеют пролетарское происхождение.

Завод Сан-Галли на Лиговском проспекте существовал с 1874 года. Выпускал водопроводные трубы и арматуру. Франц Карлович Сан-Галли — швейцарец, который разбогател на том, что изобрел батареи парового отопления. Большинство пролетариев Лиговки работали на этом заводе, а до революции здесь же трудились их отцы и деды. И все знали друг друга с детства. После революции завод был национализирован и переименован в «Кооператор». Но ничего не изменилось.

Ребята с «Кооператора» — по-прежнему хозяева Лиговки, очень опасная шпана: и воровали, и грабили, и убивали, и насиловали — все, что угодно. Бороться с ними было тяжело, за ними стояли родные кварталы.

У властей вплоть до середины 1920-х годов до серьезной борьбы с хулиганами руки не доходили. В уголовном кодексе 1922 года сохранился принцип, согласно которому осуждение социально близких советской власти людей было более мягким. Коммунисты длительное время полагали, что социальной опасности от хулиганства нет — «озорное и бесцельное времяпрепровождение». Сначала это преступление наказывалось административно, потом — сроком лишения свободы до двух лет.

Главный корпус завода Сан-Галли

На углу Лиговки и Кузнечного переулка находилось кафе «Тенео» — популярнейшее место, особенно после того, как в 1925 году там стали открыто торговать водкой.

22 августа 1926 года в «Тенео» сидели три хорошо известных Лиговке хулигана — Кочергин, Михайлов, Осипов. Всем около 23 лет, все трое служили в Красной армии и теперь выпивали, отмечая демобилизацию товарища.

Где-то к 21.30 они свое выпили и вышли на закатный Лиговский проспект, понимая, что надо закончить вечер каким-нибудь приключением, и отправились к саду Сан-Галли.

Известно, что многие людские беды происходят от пьянства. После отмены сухого закона в 1923 году, а в 1925-м и легализации водки, получившей в народе название «рыковка», волна пьянства захлестнула Ленинград. Сотни тысяч литров «рыковки» делали свое черное дело. В 1926—1927 годах годовое потребление спиртных напитков на душу населения в Ленинграде составило 59 литров. Каждое второе преступление в городе совершалось лицами в нетрезвом состоянии.

10 вечера, уже темно, около входа в сад Сан-Галли стоят три пьяных хулигана. И вот на свое горе им попадается Любовь Белякова, девушка, приехавшая из провинции и мечтающая поступить на курсы медсестер. Они хватают эту девушку и тащат ее в сад Сан-Галли. Ограда сада была заделана досками и с улицы он не просматривался. И в центре города начинается групповое изнасилование.

Весь этот ужас продолжался несколько часов, что характерно — в саду было полно народа. Здесь выпивали, сидели парочки. Несчастная кричала, звала на помощь, никто не откликался. К трем часам ночи в изнасиловании приняли участие 22 человека и только после этого несчастную отпустили. Приставили к горлу нож и сказали, что если пикнет, то зарежут.

Измученная, истерзанная Любовь Белякова вышла на Лиговский проспект. Недалеко от своего дома, она встретила участкового милиционера и рассказала ему о том, что произошло.

Как только информация дошла до в 7-го отделения милиции на Гончарной улице, по тревоге были подняты все территориальные отделения, прилегающие к району Лиговки — 7-е, 5-е, 11-е, и началась облава на проспекте и в прилегающих переулках.

В течение двух дней были задержаны все, принимавшие участие в зверском изнасиловании. Началось следствие. Было допрошено свыше полусотни свидетелей. В это время в Москве Вторая сессия ВЦИК принимает новый уголовный кодекс РСФСР — самый жестокий за всю историю советского законодательства. В кодексе 46 расстрельных статей. Так 176-я статья о хулиганстве была дополнена третьей частью, предполагающей высшую меру социальной защиты — расстрел.

Уголовное дело банды Чубаровцев

Следствие выяснило, что 18 из 26 привлеченных по делу проживали в Чубаровом переулке (ныне — Транспортный). Они составляли костяк чубаровской банды. В переулке не существовало советской власти, была власть шпаны. Отцы, деды, внуки, сыновья были заодно. Те, кто жил на Чубаровом переулке, входили в банду хорошо спаянную, все знали друг друга с детства.

С февраля 1926 года первым секретарем ленинградского губкома ВКП(б) был Сергей Миронович Киров — круп-

ный политический деятель. И когда он узнал о страшном инциденте на Лиговке, понял — его можно использовать с выгодой для партийной организации и вождя. Восемь лет до Сергея Мироновича Ленинград возглавлял Зиновьев, политический враг Кирова и Сталина. И можно обвинить Зиновьева в том, что именно благодаря ему в среду рабочего класса проникли антисоциальные настроения.

Хулиганство — социальный бич, с ним надо бороться; дело в саду Сан-Галли позволяет начать и политически подкрепить кампанию против хулиганства. Сотрудники милиции с привлечением воинских частей очищали дом за домом, день за днем Лиговский проспект от уголовных элементов. Уже в сентябре 1926 года было заведено 3700 дел против хулиганов.

Заигрывать с рабочим классом партия более не намерена. Хулиганство подрывает основы порядка. Молодой рабочий должен быть комсомольцем и проявлять себя на производстве, а не на улице.

16 декабря 1926 года в самом большом зале Губсуда, вмещавшем свыше 400 человек, начались заседания по делу чубаровцев. К началу процесса общественное настроение в городе, да и в стране, было накалено до предела. Ежедневно ленинградские газеты публиковали гневные письма горожан с требованием «каленым железом истребить хулиганов». Работники правоохранительных органов, представители прокуратуры и суда Ленинграда на страницах газет давали оценки совершенного деяния.

Дело Чубаровцев — пожалуй, самый шумный уголовный процесс в истории Ленинграда. 12 дней по 11 часов заседал суд. Вначале 26 обвиняемых признавались подсудными по статье «нарушение половой неприкосновенности», но по ходу суда произошел сенсационный поворот — дело переквалифицировали в преступление против порядка управления — политический бандитизм. А согласно Уголовному кодексу РСФСР бандитизм считался одним из наиболее тяжких преступлений и входил в число государственных правонарушений.

Все 26 подсудимых были признаны виновными. Семь обвиняемых расстреляны, четверо отправились на 10 лет в Соловки.

Судебный процесс над чубаровцами. Вырезка из газеты 1927 года

Конечно, чубаровцы заслуживали наказания, но квалифицировать их действия как сознательный бандитизм было чрезмерным. Политической подоплеки в их деяниях не было. Власти Ленинграда, окрыленные поддержкой Москвы, где дело чубаровцев рассматривалось на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), принялись активно искоренять хулиганство.

Дело было знаковым для своего времени, оно прогремело на всю страну, потому что ему специально был придан со стороны органов власти значительный пропагандистский эффект. Этот процесс заканчивал предыдущую эпоху — «лихие» 1920-е.

Хулиганство стало рассматриваться как проявление антигосударственных действий. Новое руководство города продемонстрировало свою жестокость, готовность бороть-

ся с преступностью. Вся сталинская эпоха — это непрерывная череда подобного рода кампаний.

ОГПУ — по существу, советская политическая полиция — на рубеже 1926—1927 годов много занималось чубаровским делом. Процесс вызвал необычайно резкую реакцию со стороны рабочих Лиговки. Поступали письма с угрозами судьям. Когда объявили приговор, в знак протеста подожгли завод «Кооператор». В 1927 году была раскрыта целая организация на Лиговке — «Союз красных хулиганов».

Народ и власть оказались на разных полюсах. Власти рассчитывали, применяя очень жесткие репрессии, решить раз и навсегда проблему обеспечения общественного порядка. А горожане прекрасно понимали, что эти операции, проводимые правоохранительными органами, в сущности, никак не решили эту проблему. В руководстве страны все сильнее были видны тенденции к возврату к методам эпохи военного коммунизма — наведению порядка самыми жесткими методами.

Кампания 1926—1927 годов против Чубаровщины действительно привела к временному снижению уровня хулиганства. Но вскоре наступил 1929-й — коллективизация, индустриализация, массовое бегство молодежи из деревни и новый взлет уличного насилия.

Еще в 1960-х годах около «Сан-Галли» стояли ребята в кепках и спрашивали: «Чубаровец или нет?»

Рядом с Чубаровым переулком (ныне — Транспортным) — станция Московская товарная, известная тем, что именно сюда автозаки доставляют заключенных, где их перегружают в вагонзаки. И эти вагонзаки идут в северные зоны. Сюда в 1927 году доставили чубаровцев, отсюда высылали хулиганов в 1930-е, в 1940-е, в 1990-е, и отсюда их будут отправлять в XXI веке. Потому что хулиганство — это такая же часть городской цивилизации, как библиотека, университет. Хулиганство всегда в городе, оно таится в темных подворотнях, в неосвещенных улицах и время от времени проявляет себя такими страшными эксцессами, каким была чубаровщина.

Глава 3
Жить стало веселее

Петербуржцы чувствовали себя в Ленинграде 1930-х какими-то никому не нужными стариками, инвалидами.

Пустота, на которую жаловалась интеллигенция, преодолевалась двояко. С одной стороны, складывалось культурное подполье, старавшееся с государством по возможности не взаимодействовать тесно. С 1930-х это становилось все труднее и труднее. С другой стороны, все же существовали кое-какие профессиональные ниши, которые коммунисты считали периферийными, где идеологический контроль не был тотален. В такой «внутренней эмиграции» зарабатывали детской литературой (как Даниил Хармс или Евгений Шварц), художественными переводами (Михаил Лозинский, Валентин Стенич, Анна Ахматова, Михаил Кузьмин), дизайном и книжными иллюстрациями (ученики Михаила Матюшина и Павла Филонова, Владимир Конашевич, Николай Тырса).

До поры до времени полная лояльность и профессионализм высоко ценились коммунистами. Старую интеллигенцию и ее выучеников следовало или уничтожать (это сделали в основном в годы первой пятилетки), или приручать. Молодые «волчата» из выпускников рабфаков еще не вошли в силу, профессурой дорожили. «Кадры решают все». «Лучшие люди Страны Советов» жили на главных улицах в просторных «сталинских» квартирах, проводили лето на собственных дачах или в служебных санаториях Сочи, Ялты,

Кисловодска. У них были «Форды» и «Виллисы» с водителями. Они получали Сталинские премии, собирали антиквариат, их дома были полными чашами. Эти персонажи — главные герои следующей главы. Конечно, список неполон: в нем нет Абрама Иоффе и его учеников, создавших советскую атомную бомбу; братьев Орбели, физиолога и искусствоведа; Николая Вавилова; артистов Николая Черкасова, Бориса Чиркова и режиссеров Григория Козинцева и Леонида Трауберга. Нет Юрия Германа и Ольги Берггольц.

С середины 1930-х подавляющая часть сталинской элиты концентрировалась в Москве. Там располагались ЦК, министерства, творческие союзы, Академия наук (с 1934 года), издательства, выставочные залы. Ленинград беднел людьми на глазах: разгром знаменитого ДЕТГИЗа заставил перебраться в первопрестольную Самуила Маршака и Корнея Чуковского, из Кировского театра в Большой перешли Галина Уланова и Марина Семенова. Москвичами стали писатели Алексей Толстой, Юрий Тынянов, Николай Тихонов, Всеволод Ива́нов, Вениамин Каверин и будущий чемпион мира по шахматам Михаил Ботвинник.

Но в огромном городе Ленинграде, открытом для иностранных туристов, с мощным оборонно-промышленным комплексом, оставались свои «спецы». Они не занимались политикой, не старались выйти из существующих эстетических и цензурных канонов. Они делали свое дело ответственно, сохраняли культуру и мастерство. И до поры до времени их жизни и работе почти ничто не угрожало.

БОРИС ЗОН

Борис Вульфович Зон — первый постановщик пьес Евгения Шварца, первый педагог, принесший в ленинградскую театральную школу систему Станиславского. Зон вывел на сцену Николая Черкасова. Под руководством Зона начинали работу в театре актеры Павел Кадочников,

Николай Трофимов, Зинаида Шарко, Алиса Фрейндлих, режиссеры Зиновий Корогодский и Лев Додин.

Борис Вульфович Зон. 1940 год

Когда в 1936 году, на Кировском проспекте (ныне — Каменноостровском) архитектор Фомичев построил дом для деятелей искусств, одним из первых получил в нем квартиру именно Борис Вульфович. 30 лет он жил в этом доме, и все 30 оставался важнейшим человеком в театральной жизни нашего города.

В 1930-е годы Борис Вульфович Зон — один из самых успешных театральных режиссеров и педагогов Ленинграда. В неполные 40 лет — заслуженный артист республики, орденоносец, профессор Ленинградского театрального института. Кроме того, у Зона обширные связи в столице:

его двоюродный брат Генрих Ягода — главный чекист страны, а троюродный — прославленный соратник Ленина Яков Свердлов.

Зон абсолютно лоялен к власти, но далек от политики. Его жизненное кредо — владеть ремеслом и служить театру. И до поры до времени казалось, что честное служение искусству принесет успех при любом режиме.

Леонид Мозговой, выпускник мастерской Б. В. Зона 1965 года: *«Он был живой человек, все отдавший театру. Вот у меня в дневнике написано: "БВ (так мы его называли) на занятиях сказал: ради театра стоит испортить себе жизнь". Он сбоку приписывает: "Надеюсь, вы это понимаете?" Я в то время был влюблен в одноклассницу, свою будущую жену. Я подумал, что ни за что не смог бы разорвать наши отношения. Пишу: "Ну, может быть, не стоит окончательно портить себе жизнь?" Он: "Милый, Вы ничего не поняли!"»*

В театр Бориса Зона привело исключительно его природное упрямство, а не семейные традиции или связи. Он родился 24 января 1898 года в городе Сызрани, в семье интеллигентной, но далекой от искусства. Борис Зон с детства грезит театром, но родители не разделяют увлечения сына. Они надеются дать ему более серьезное ремесло. Зона отправляют учиться в Москву, где он поступает в Коммерческий институт, а затем — на юридический факультет Московского университета. Но уже через год, наряду с учебой в университете, Зон тайком от родителей начинает посещать занятия известной театральной студии Федора Федоровича Комиссаржевского.

Лев Додин, выпускник мастерской Б. В. Зона 1966 года: *«Был такой очень крупный режиссер и теоретик, брат Веры Федоровны Комиссаржевской. Его школа достаточно мало нами изучена, но, видимо, это было очень жесткое, во многом формализованное и рационалистское обучение».*

В 1918 году, не окончив ни университета, ни студии, Борис Зон уехал из Москвы, колесил по стране с передвижными труппами. В 1920 году с одним из таких театров он прие-

хал в Петроград. Здесь произошла встреча, навсегда изменившая его жизнь. Борис Зон познакомился с Александром Брянцевым, основателем первого в стране театра для детей.

В 1922 году в бывшем здании Тенишевского училища (Моховая улица, 33—35) открылось новое неслыханное культурное учреждение — Театр юного зрителя. Театров для детей не было в Европе. Не существовали они и в дореволюционной России. В этом самом ТЮЗе, впервые, в роли царского спальника в пьесе «Конек-Горбунок» по Ершову вышел на сцену Зон. Он же преподавал детям театральное мастерство и ставил с ними спектакль «Том Сойер».

В 1920—1930-е годы искусство для детей гораздо меньше подвергалось цензуре, поэтому оно было интереснее и талантливее того, что делалось для взрослых. В Ленинграде работал знаменитый ДЕТГИЗ во главе с Самуилом Маршаком и самый сильный детский театр страны — брянцевский ТЮЗ. На спектакли для юных зрителей с удовольствием ходили и взрослые. В 1924 году Борис Зон поставил здесь свой первый спектакль, а вскоре был назначен ведущим режиссером ТЮЗа.

Зон находил молодых и неизвестных и делал из них знаменитостей. Он обнаружил Николая Черкасова и Бориса Чиркова в одной из ленинградских театральных студий и поставил для них спектакль «Дон Кихот». Чирков — Санчо Панса, а Черкасов — Рыцарь печального образа. Евгений Шварц — никому не известный молодой драматург — ставит свою первую пьесу «Ундервуд» именно у Зона. Был страшный скандал, пьесу сняли за идеологические ошибки, но с тех пор Шварц входит в театральную жизнь города.

В конце 1920-х годов были установлены жесткие репертуарные нормы для детских театров: ставить не более одной классической пьесы в сезон, сказки на сцене исключить. «Ундервуд» запретили. Зон не бунтовал, он приспосабливался. Ставил несколько агиток о роли пионерии в успехах пятилетки и коллективизации деревни. Под этим прикрытием Зон протащил на сцену пьесу Евгения Шварца «Клад». В эти же годы случайно в его руки попала стенограмма по-

следних занятий Станиславского в одной из московских студий.

Лев Додин, выпускник мастерской Б. В. Зона 1966 года: *«Он был так потрясен открытиями Станиславского, что поехал встречаться с ним в Москву. В то время Станиславский вел отшельнический образ жизни».*

Константин Сергеевич Станиславский проявил к молодому режиссеру снисхождение и даже, в виде исключения, разрешил присутствовать на занятиях своей студии.

Лев Додин, выпускник мастерской Б. В. Зона 1966 года: *«Будучи одним из самых знаменитых режиссеров Советского Союза, Зон каждую неделю садился на поезд "Красная стрела" и ехал в Москву, чтобы присутствовать на занятиях студии Станиславского. Так было 4 года вплоть до смерти Константина Сергеевича».*

Тем временем в ленинградском ТЮЗе назревал крупный скандал. Вокруг Бориса Зона, ведущего режиссера, группировались все сильнейшие актеры и драматурги театра. Те, кто не попадал в когорту избранных, образовали противоположный лагерь. В результате в 1934 году ТЮЗ раскололся надвое. Зон создал театр, который назывался Новый ТЮЗ. К нему ушли наиболее талантливые представители старого ТЮЗа и лучшие выпускники его студенческого курса. Среди них будущие звезды театра и кино Павел Кадочников и Борис Блинов.

Лев Додин, выпускник мастерской Б. В. Зона 1966 года: *«Это был настолько яркий выпуск, что он стал основой труппы для популярнейшего театра страны. Сегодня ни один театр не может сравниться по популярности с Новым ТЮЗом тех времен. В 1960-е годы так же известен был "Современник", впоследствии — "Таганка"».*

Новый ТЮЗ быстро стал самым модным в Ленинграде театром. Борис Зон был обласкан и критиками, и властями. Он удостоен ордена «Трудового Красного знамени». Зон писал статьи, в которых славил сталинскую Конституцию 1936 года, поддерживал закрытие театра Мейерхольда. Казалось, чистки 1930-х годов обойдут Зона стороной. Но

в 1937 году арестовали его двоюродного брата, могущественного Генриха Ягоду, затем родного брата — известного ленинградского адвоката Александра Масин-Зона.

Помогать семье врага народа — занятие крайне опасное. И Борис Вульфович никогда не упоминал о судьбе репрессированных родственников. Даже в кругу близких учеников он неизменно демонстрировал преданность власти и лично товарищу Сталину.

Александр Белинский, выпускник мастерской Б. В. Зона 1950 года: *«Он действительно верил в Сталина. На выпускном вечере, когда мы сидели и пили водку, он вдруг громко сказал: "Вы поняли, что такое Сталин?"»*

В 1941 году Зон выпустил свой третий студенческий курс. Его ученики должны были пополнить блистательную труппу Нового ТЮЗа. Но в июне 1941-го началась война, и театр эвакуировали в Новосибирск. Многие артисты ушли на фронт или покинули ТЮЗ ради более хлебного кинематографа. Театр рушился на глазах, но Борис Зон был полон планов и надежд: он возродит ТЮЗ, как только вернется из эвакуации. Но по возвращению в Ленинград Зона ждал новый удар: его театр решено было закрыть.

Александр Белинский, выпускник мастерской Б. В. Зона 1950 года: *«Это случилось в 1945 году. Я был на закрытии. Играли "Тартюфа", вдруг я увидел плачущего Зона, я проводил его домой».*

Зон очень тяжело переживал закрытие своего театра. Работа с другими коллективами не складывалась и, начиная с 1945 года, Борис Вульфович полностью посвятил себя ремеслу, которое более всего ему удавалось, — театральной педагогике.

Лев Додин, выпускник мастерской Б. В. Зона 1966 года: *«Его педагогический метод был удивителен. С одной стороны, была требовательность, с другой — индивидуальный подход к каждому ученику».*

Зинаида Шарко, выпускница мастерской Б. В. Зона 1951 года: *«Он воспринимал нас как собственных детей. Кроме нас у него ничего не было. Если сейчас педагоги обыч-*

но "урывают" времечко для студентов, то Борису Вульфовичу не надо было "урывать": он только нами и занимался».

Алиса Фрейндлих, выпускница мастерской Б. В. Зона 1957 года: *«Это так важно, когда мастер держит учеников под своим крылом. Он интересовался нами: тем, что мы читаем, о чем говорим».*

Профессор Зон — признанный мастер набора. Его выпуски были самые результативные в институте. Многие ученики Зона становились звездами театра и кино: Павел Кадочников, Николай Трофимов, Эммануил Виторган, Леонид Мозговой, Зиновий Корогодский, Александр Белинский, Лев Додин.

Алла Прохорова, выпускница мастерской Б. В. Зона 1957 года: *«Я была высокая и худая, стеснялась этого, кукожилась как-то. Борис Вульфович как-то подозвал меня после занятий и сказал: "Носи каблуки!" Я стала носить каблуки, появилась совершенно другая осанка, новое самочувствие!»*

Леонид Мозговой, выпускник мастерской Б. В. Зона 1965 года: *«Хотели отчислить Наташу Тенякову: у нее якобы было плохо с голосом. Зон, увидев в ней талант, отстоял ее. Он защитил и Алису Фрейндлих, которую тоже хотели выгнать из-за плохой дикции и неподходящей внешности. Он сказал: "Если ее отчислят, я уйду из института!" Представляете, какое отношение!»*

Зинаида Шарко, выпускница мастерской Б. В. Зона 1951 года: *«Он всегда за нас болел. Зон мог пойти к какому-то преподавателю и сказать: "Неужели вы поставите четверку такому талантливому человеку! Ваш предмет вспомогательный, для него главное — актерское мастерство. Не портите человеку диплом! Надо пятерку ставить". Ставили пятерку».*

Зон в политику не лез и избегал всяких разговоров на темы, которые могли показаться хоть сколько-нибудь опасными. Но политика, так или иначе, коснулась и его. В 1949 году начались гонения на так называемых космополитов, то есть, собственно, евреев. Через 2 года его, успешнейшего педагога театрального института, выгнали с работы.

Один из его студентов, Рубен Агамерзян, будущий театральный режиссер, написал в стенгазете института заметку о том, что театр, наконец, избавился от таких гадких космополитов, как Зон. Борис Вульфович остался без работы. Год он перебивался в театре имени В. Ф. Комиссаржевской, а в 1953 году его выгнали и оттуда и объявили, что никакой работы в Ленинграде и Москве у него не будет.

Лев Додин, выпускник мастерской Б. В. Зона 1966 года: *«Он перенес очень тяжелые, голодные годы. У него не было ни работы, ни особых сбережений».*

Александр Белинский, выпускник мастерской Б. В. Зона 1950 года: *«Его поддерживал и спасал Николай Константинович Черкасов. Он не давал ему остаться на улице. Но в те годы даже его авторитета было мало. Зону также помогали Борис Петрович Чирков, Клавдия Васильевна Пугачева».*

В феврале 1953 года Зону ясно дали понять: самое большее, на что он может рассчитывать, — это маленький театр на периферии. Однако через месяц умер Сталин. О борьбе с космополитами забыли. Уже в апреле 1953-го Николай Черкасов и Леонид Макарьев добились восстановления Бориса Зона в должности профессора театрального института. Зон не собирался сводить счеты с клеветниками и обидчиками. Он снова занимался только студентами, и снова ему не было равных в мастерстве открывать и воспитывать таланты.

Алиса Фрейндлих, выпускница мастерской Б. В. Зона 1957 года: *«Талант Зона-педагога был известен всем. Поэтому, когда мы оканчивали институт, нас уже звали во многие театры сразу. За зоновскими учениками охотились главные режиссеры».*

Зинаида Шарко, выпускница мастерской Б. В. Зона 1951 года: *«Потом он нами гордился! Он все наши спектакли смотрел. Я помню, он пришел на "Три сестры". Когда я вышла, Зон сказал мне: "Да, «Три сестры», а две-то — мои!"»*

В 1960-е годы Борис Зон — признанный мэтр театральной педагогики, заведующий кафедрой актерского мастер-

ства. Годы советской власти оставили отпечаток на его биографии, но они не смогли изменить ни образа жизни, ни привычек профессора.

Почти 30 лет прожил Борис Вульфович Зон со своей женой Ниной Александровной Старк, представительницей древнего дворянского рода, в трехкомнатной квартире на Кировском проспекте (ныне — Каменноостровском). Квартира была заполнена антикварной мебелью, которую Зон собирал. В одной комнате только мебель эпохи Павла I, в другой — обстановка времени Александра I, а в третьей — Николая I. Обед, завтрак, ужин искуснейшим образом сервировались. В его доме не было ни пылинки. Он был франт. Ему шили костюмы лучшие портные Ленинграда. Это была буржуазная жизнь в социалистическом Ленинграде.

Алла Прохорова, выпускница мастерской Б. В. Зона 1957 года: *«Его элегантные костюмы серого цвета всегда на нем сидели идеально. А бабочка была его фирменным знаком».*

Александр Белинский, выпускник мастерской Б. В. Зона 1950 года: *«Зон обожал обувь. У него дома была целая выставка сапог. Конечно, он был настоящий барин. Он никогда не пил, не был охотником вкусно поесть, но обожал женщин!»*

Лев Додин, выпускник мастерской Б. В. Зона 1966 года: *«На любую репетицию он приходил одетым парадно и празднично. Казалось, что он всегда был в приподнятом расположении духа. Эту подтянутость обеспечивало его отношение к искусству, которое было для Зона не просто профессией, а образом жизни».*

Только один раз в жизни Борис Зон позволил себе прийти на занятия небритым и в помятом костюме: 30 мая 1963 года после продолжительной тяжелой болезни умерла его жена Нина Александровна Старк.

Ариадна Кузнецова, выпускница мастерской Б. В. Зона 1957 года: *«После кончины Бориса Вульфовича мне посчастливилось прочесть его дневники. Каждая запись начиналась у него со странных ремарок: "день без тебя — второй",*

“день без тебя — пятнадцатый”, “день без тебя — шестьдесят четвертый”. Сначала я не могла понять, что это означает. Оказалось, речь шла о его покойной жене Нине Александровне».

Летом 1965 года Борис Зон выпустил последний в своей жизни актерский курс. Следующий набранный им курс окончил институт под руководством другого мастера. Но свой дипломный спектакль студенты посвятили Борису Зону. Они сыграли «Орфей спускается в ад» Теннеси Уильямса, в память о великом педагоге, хотя сам Зон мечтал о другом посвящении.

Зон придумал такой педагогический прием: у него курс учился все время на одной и той же пьесе, для того чтобы поставить потом дипломный спектакль. И вот в 1965 году он начал работать над «Тристаном и Изольдой». Этот средневековый роман превратила в пьесу Александра Бруштейн. Зон давно мечтал его поставить. Студенты занимались «Тристаном и Изольдой», и вдруг Зон узнал, что без его согласия этот спектакль начал ставить другой педагог на другом курсе. Он был необычайно огорчен. В июне 1966 года на фоне этих огорчений с ним случился удар, и его не стало.

В архиве петербургского телевидения хранится уникальная пленка — это киноверсия дипломного спектакля последнего актерского курса Бориса Зона. Единственная дошедшая до нас работа великого мастера и его учеников.

Лев Додин, выпускник мастерской Б. В. Зона 1966 года: *«На похоронах было очень много людей. Я один из немногих выпускников нашего курса знаю, где он похоронен. Я бываю у него почти каждый год. Это мой духовный отец. Если мне что-то удалось, то это благодаря ему во многом».*

ИСААК БРОДСКИЙ

Сотни и тысячи молодых людей с конца XIX века стремились попасть в Академию художеств, главное учебное заведение нашей страны, которое готовит живописцев и гра-

фиков. Исаак Бродский, молодой человек из украинского местечка Софиевка, поступил сюда в 1902 году. Как и все студенты, он мечтал стать маэстро, известным, хорошо зарабатывающим художником. Исааку Бродскому удалось то, что не удалось большинству его коллег. Он стал не просто известным, но и главным художником Советского Союза.

Исаак родился в 1884 году в семье мелкого торговца. Родители мечтали сделать из сына серьезного человека — архитектора, чтобы мог и на жизнь заработать, и родных в случае необходимости поддержать. Так Бродский оказался в Одесском художественном училище, где вопреки ожиданиям отца с матерью выучился не на архитектора, а на живописца. Но ему мало Одессы. Он талантлив, тщеславен и добивается почти невозможного: поступает в Академию художеств, в класс к самому Репину.

Обучение живописи издавна ведется по принципу: мастер учит подмастерьев. Он прививает свою манеру ученикам. Учитель у Бродского был необычайно сильный человек — самый известный художник России, гений — Илья Ефимович Репин. Естественно, он оказал на Бродского решающее влияние. Репин был мастер, но по своему художественному методу консерватор, лет на 30 отставал от передовой французской живописи.

Став профессиональным художником, Бродский быстро пошел в гору. Отменно чувствуя конъюнктуру и обладая виртуозной техникой, он уже в 1910-е годы стал коммерчески успешным живописцем. Художники начала века стремились к новаторству — фовизм, кубизм, лучизм, а Бродский, воспитанный в репинских реалистических традициях, не рвался в гении. Он хотел не подвига, а обеспеченной жизни. Хотел работать на продажу.

Он делал изумительно красивые пейзажи и портреты, в общем плане их можно назвать символистскими, в плане эстетическом — гобеленными. Это типичное ар-нуво. Очень хорошее салонное, но в то же время выразительное, яркое и очень профессиональное искусство. Недаром антиквары его работы ценили и тогда, и сейчас, Бродский —

очень дорогой художник. В Академии художеств он выработал стиль «ажур». Студентам выговаривали за подражание Бродскому. Этот стиль копировал знаменитый Борис Григорьев, впоследствии приятель Бродского.

Исаак Бродский

Если бы не революция, Бродский с годами стал бы еще более успешным, хорошо продаваемым художником — таким, как Константин Маковский или Генрих Семирадский. Но 1917-й решительно поменял соотношение сил в художественном мире России. Частные заказы почти прекратились. Единственным клиентом стало государство. Художник, не имеющий былых заслуг перед революцией, был вынужден доказывать свою необходимость власти здесь и сейчас — своим мастерством и идеологическим соответствием духу времени. Бродскому это удалось. Уже в годы Гражданской войны он рисовал Ленина и стал официальным хроникером Второго конгресса Коминтерна.

У Бродского не было политических убеждений. Надо писать Ленина — вот вам Ленин, Троцкого — Троцкий. И по-

степенно оказалось — отсутствие политических принципов не отталкивает новую власть, а, наоборот, притягивает. Власть заказывает, художник делает.

На картине «Ленин на трибуне» главный герой изображен рядом с Троцким. Потом Троцкого надо было убрать, потому что он оказался в опале, вместо Троцкого пришлось писать рабочего.

«Ленин в Смольном», «Нарком на лыжной прогулке» — с одной стороны, изображалось официальное лицо, Ленин или Ворошилов, например, с другой — эти фигуры показывались как бы в интимной обстановке, занятые совершенно негосударственными делами. Бродский все это делал очень легко.

В. И. Ленин в Смольном. 1930 год. Исаак Бродский

Он был похож на профессора Преображенского из «Собачьего сердца» Булгакова. Специалист в области искусства самого высокого класса. Жил он как барин — солидный паек, прекрасная квартира, роскошная коллекция. При этом он помогал другим художникам.

В 1920-е Бродский занимал уникальное положение среди своих собратьев-художников. Он официально состоял в Ассоциации художников революционной России, так называемой АХРРе, где группировались реалисты, продолжающие традиции передвижников. Участие в АХРРе во многом было вынужденное, ведь по другую сторону баррикад — леваки-авангардисты, для которых Бродский со своей нарочитой академичностью и идеологической всеядностью являлся персоной нон грата. «Ахровцы» в свою очередь тоже не жаловали Исаака Израилевича. Даже пытались изгнать его из своих рядов — он буржуазный элемент, осколок прошлого. Но у Бродского были высокие защитники, и его так просто не выгонишь.

У Исаака Израилевича Бродского было удивительное качество — он всегда нравился начальству, особенно коммунистическому. Не был исключением и Сергей Миронович Киров. Когда-то Бродский для Бакинского совета написал знаменитую картину «Расстрел 26 бакинских комиссаров». А азербайджанскую коммунистическую организацию тогда возглавлял как раз Сергей Миронович.

С 1926 года Киров начальствовал над Ленинградом, тесно общался с Бродским и издал особое распоряжение — предоставить художнику Бродскому под мастерскую огромное для тогдашнего Ленинграда помещение, которое находилось над его жилой квартирой. Здесь Бродский писал портреты руководителей государства и многофигурные композиции, связанные, прежде всего, с историко-революционными сюжетами, с образом Ленина. На огромном подрамнике стояла картина. Мастер намечал основные контуры, а потом уже его помощники — Вещилов и Спирин — разрабатывали техническую сторону дела.

Бродский был ровесник практически всех крупнейших деятелей русского авангарда, он вышел из той же среды. Но кто-то пошел в супрематисты, кто-то — в кубисты, кто-то — в аналитическое искусство, а Бродский стал главным салонным художником своего времени. Удивительный феномен: оказалось, что правящей элите, старым большеви-

кам, вчерашним заключенным и жертвам царизма пришелся по душе именно он.

Мемуаристы того времени писали, что через Бродского можно было сделать все. Он находился в невероятном фаворе у власти.

В середине 1920-х годов Советский Союз мечтал вернуть из Западной Европы эмигрировавших туда крупных деятелей российской культуры. Для Страны Советов это было бы признанием того, что она выбрала правильный путь. Алексей Максимович Горький после долгих уговоров возвратился с Капри, Алексей Николаевич Толстой вновь приехал в Ленинград, а вот Илья Ефимович Репин колебался. Бродский готов был выполнить любое поручение власти, как художественное, так и политическое. Когда в 1926 году в Кремле возникает идея заманить в СССР Илью Репина, уговорить своего учителя переехать из благополучной Финляндии в коммунистический Ленинград взялся Бродский. Входили в делегацию еще три художника — Григорьев, Кацман и Родимов. И вот в имении Репина «Пенатах»[1], в его кабинете и мастерской, велись долгие разговоры. Бродский описывал, как замечательно живут художники в Стране Советов, и как великолепно мог бы жить Репин, если бы вернулся на родину.

Имя Бродского стало нарицательным. В ленинградской художественной среде 1920-х так называли художников, живущих по принципу: «Чего изволите?» Это не в традициях русского искусства, которые сформированы романтиками; эстетические и этические убеждения для них святы.

В 1930-е Бродский как-то пригласил на обед гонимого властью, вечно нуждающегося Павла Филонова. Хотя для Филонова эта встреча могла быть весьма полезна в житейском плане, да и к Бродскому он относился лучше, чем большинство его коллег, в гости он не пошел — постыдил-

[1] Бывшая территория Финляндии, Куоккала, ныне — поселок Репино, Курортного района Санкт-Петербурга. — *Прим. ред.*

ся. Известно, что Бродский накрыл роскошный стол, а Павел Николаевич жил, по сути дела, впроголодь. Но он отказался и от приглашения, и от этой еды, потому что не хотел портить себе репутацию. Она для Филонова все-таки была чем-то более важным, чем житейские дела.

В начале 1930-х позиция Бродского была чрезвычайно проста: «Делай, что велит начальство, и наслаждайся теми благами, которые оно предлагает взамен». Его квартира и мастерская располагались непосредственно возле Русского музея, в бывших апартаментах Виельгорских, где в пушкинское время был знаменитый литературно-музыкальный салон. У Бродского тоже своего рода салон. Его охотно посещали представители ленинградской художественной интеллигенции, лояльные к власти.

Его роскошная квартира в центре города, занимающая 2 этажа, производила на современников неизгладимое впечатление. Многие ему страшно завидовали, но, на самом деле, по нынешним меркам, ничего особенно роскошного здесь не было. В трех комнатах, кроме Бродского, жили еще 8 человек. Две сестры его жены, у одной из этих сестер был сын. Кроме того, Бродский привез из Бердянска молодого талантливого человека по фамилии Белоусов, который учился в Академии художеств и жил здесь же. Была, естественно, домработница. Здесь поселился сын Бродского от первого брака, Евгений. Семья содержала домашних животных: две собаки и птичку. Так что это был не роскошный комплекс придворного художника, а скорее какой-то Ноев ковчег.

По четвергам в квартиру Бродского вход был свободный: приходили художники, артисты — Павел Андреев, певец Мариинского театра Печковский. Коллега Аркадий Рылов был завсегдатаем.

СССР при Сталине ориентировался на образ великих империй — Францию от Людовика XV до Наполеона или Россию времен Екатерины Великой. Главный поэтический жанр — ода, а главный художественный — парадный портрет вождя. Исаак Бродский рисовал Сталина таким, каким

тот хочет себя видеть, каким должны видеть его подданные. Это канонический образ руководителя великого государства.

В 1930-е карьера Бродского вышла на новый уровень. Ему уже не надо было никому и ничего доказывать. В 1920-е его не принимали авангардисты. Теперь их просто не существовало. Установился соцреалистический канон. В живописи это очередной извод репинской школы, сформировавшей Бродского. Бродский — художник номер один сталинской современности и ученик художника номер один за всю историю русской живописи, каким теперь признают Репина. Именно Бродский возглавил Академию художеств в тот момент, когда перед советскими художниками поставили задачу реалистически изображать успехи страны в построении коммунистического будущего.

Исаак Бродский в первой экспозиции Бердянского художественного музея. 1930 год

Бродскому дали поручение утихомирить академическую среду, наладить нормальную работу в этом учреждении.

Студенты должны были воспринять задачи, которые ставит перед ним советская страна: например, создание портретов вождей (это был высший академический жанр). Важен был хоровой жанр массовых картин, шло обслуживание народных надобностей: натюрморты, пейзажи для ресторанов и гостиниц, дизайн, архитектура и прочее. С этой задачей он справился, все это заработало.

До Исаака Израилевича Бродского директором Академии был некто Маслов, который все, что было создано ранее, то есть великое русское реалистическое искусство, считал хламом, который нужно уничтожить, а на его месте создавать новое революционное искусство. Скульптуры выбрасывали из Академии во двор, разбивали и выкладывали осколками мостовую, картины старых художников резали на куски и давали студентам, чтобы они на них писали — холст был в дефиците. Исаак Израилевич со страшным трудом восстановил Императорскую Академию художеств. Как музей, как храм. Здесь была совершенно особая атмосфера; в кабинетах, в ректорате можно было увидеть подлинную мебель времен итальянского Ренессанса.

Официальное советское искусство 1930-х сделало ставку на так называемых попутчиков — идеологически нейтральных мастеров, готовых качественно выполнить государственный заказ. В литературе это Алексей Толстой, в музыке Исаак Дунаевский, в кино Григорий Александров. В живописи же ставка была сделана на Исаака Бродского. Он стал главным вельможей нашего искусства.

У него была странная рассеянная оптика: даже когда он показывал расстрел демонстраций, изображение разлагалось на цвета, на тени, на линии. Какая-то появлялась нега в этом, как это ни странно. Бродский работал как фотокамера. Именно это и было нужно советской власти.

Политические бури 1930-х миновали Бродского. Ни он, ни кто-либо из его семьи не подверглись репрессиям. В Академии тишь да гладь. В политику Исаак Израилевич не лез, а политике он был интересен только тогда, когда требо-

вался портрет очередного сановника. Он придворный художник, живущий вдалеке от двора, во все более захолустной бывшей столице империи. Единственная страсть, которой он отдавался с неослабевающей силой до последних дней своей жизни, — это коллекционирование.

Исаак Бродский начал собирать свою коллекцию живописи и графики еще будучи студентом Академии художеств, когда его учитель Илья Ефимович Репин, самый модный и самый дорогой тогда художник России, подарил ему 3 своих наброска. Но главную, основную часть коллекции Бродский собрал уже после революции — в 1920—1930-е годы, когда Петроград-Ленинград был настоящим Эльдорадо для собирателей русского искусства. Огромные коллекции остались практически бесхозными, их владельцы были расстреляны в подвалах ЧК, сидели на Соловках, эмигрировали в Париж и Берлин или мыкали горе здесь и продавали последнее. Все это стоило копейки или отдавалось бесплатно. Причем Бродский, как важный человек, в будущем глава Академии, находился в центре всего художественного рынка. Он знал, где и что сдают на государственное хранение, что можно забрать просто так, что купить в комиссионном магазине. Тысячи работ разместились в его квартире-мастерской. Это была вторая по значению в Петербурге коллекция русской живописи, после собрания Русского музея, но принадлежала она частному лицу — художнику Исааку Бродскому.

Единственным местом, где при Советской власти можно было увидеть Шагала, был музей-квартира художника.

Мало кто знает, что конец жизни Бродского был омрачен самым настоящим уголовном процессом по делу антиквариата. Видимо, все же где-то он вступил с властью в конфликт. То ли увел у кого-то из высокопоставленных партийцев вещь, то ли еще что-то такое произошло. Во всяком случае, он оказался под следствием; от позора его спасло то, что было написано завещание, согласно которому он передавал после своей смерти всю коллекцию государству.

Исаак Бродский умер от лейкемии в августе 1939-го. Ему было всего 54 года. После смерти его именем назвали улицу (ныне — Михайловская) в Ленинграде, ведущую от Невского проспекта к площади Искусств, где стоит Русский музей и где в зените своей славы жил сам Исаак Израилевич. О такой чести при жизни вряд ли мечтал уроженец украинского местечка под Бердянском, которого родители отправили учиться на архитектора и который случайно стал художником. Он мечтал о возможности зарабатывать своим трудом и жить в комфорте. То и другое Бродский получил.

Его легко ругать, его просто понять, это вечный тип художника при власти. Человек, который живет на площади Искусств, — это редкая фигура в пейзаже советской культуры. Сравнивать его можно только с Алексеем Толстым или Максимом Горьким. Проживи он еще лет десять, ему было бы уже значительно сложнее сохранять все это.

Слово «художник» употребляется как бы в двух смыслах. Бывает художник с большой буквы — Рембрандт, Малевич, Крамской — то есть человек, который некоторым образом меняет движение развития искусства; а бывает художник с маленькой буквы, то есть человек, который занимается некой специальностью, работает для тех, у кого есть деньги, чтобы купить картину и повесить ее на стену. Исаак Бродский — художник вот в этом, втором смысле слова, человек, которому все равно, что писать, — детей, играющих в Люксембургском саду, или казнь 26 бакинских комиссаров. Это мастер в хорошем, буржуазном смысле слова, художник на все времена.

ДРУГОЙ ТРОЦКИЙ

Ной Троцкий создал самые известные здания Ленинграда 1930-х годов, но в течение многих лет его имя упоминалось только в специальной литературе.

Роковым обстоятельством стало то, что его фамилия совпала с псевдонимом про́клятого в сталинские времена

«врага народа» — Льва Бронштейна, вошедшего в историю как Лев Троцкий. Власти настойчиво предлагали архитектору стать Тронским или Троицким, обещая, что в этом случае в его честь назовут одну из ленинградских улиц. Ной Троцкий отказался. Крамольная фамилия не помешала ему еще при жизни стать классиком.

Архитектора с вызывающим именем в нашем городе по существу знает каждый, потому что он построил «Большой дом» — грозное здание, в котором базировался главный орган по борьбе с преступлениями против государственного строя, в разные времена называвшийся по-разному, — ОГПУ, НКВД, МВД, КГБ. Построено это здание на месте бывшего Окружного суда, сгоревшего в революцию, и являет собой новаторский архитектурный ход. Это грозная архитектура — конец конструктивизма и начало нового архитектурного стиля, сталинского ампира.

«Большой дом». Архитектор — Ной Троцкий

«Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии», — так писал Сергей Есенин, и это чистая

правда. Например, ни Достоевский, ни Некрасов, ни Тургенев не понимали, что они живут в удивительно красивом городе. Им казалось, что это — перелицовка западных архитектурных мод на русский манер. И только в начале XX столетия здешние поэты, художники и скульпторы стали понимать, что русская архитектура — великая. И одними из первых об этом подумали два профессора Академии художеств — Леонтий Бенуа и Иван Фомин. Они и были учителями Ноя Троцкого.

В начале XX века профессия архитектора — модная и денежная. Недвижимость росла в цене. Зодчие были нарасхват. Поэтому неслучайно, что сын печатника Ной Троцкий выбрал эту привлекательную и весьма перспективную специальность.

Троцкий поступил в Академию художеств в 1913 году, но именно этот год завершил период активной строительной деятельности в Петербурге-Петрограде. Началась Первая мировая, за которой последовала революция и Военный коммунизм. Реальные стройки заменили бумажные проекты.

Среди архитектурных замыслов этого времени особое место занимает работа Владимира Татлина, который предложил создать памятник Третьему интернационалу. Это огромное сооружение должно было опираться на два берега Невы и устремляться вверх где-то на 400 метров. В модели этой башни уже были продемонстрированы основные принципы конструктивистской архитектуры: примат конструкции, которая ничем не маскируется, ничем не закрывается от глаза зрителя, примат простой геометрической формы. К наклонной спиральной башне, которую спроектировал Татлин, предполагалось подвесить огромные фигуры в виде куба, пирамиды и цилиндра, сплошь остекленные. Но монумент так и не возвели.

В отличие от авангардиста Татлина, Троцкого не занимала революционная идеология. Он был профессионал, ориентировавшийся в своей деятельности на вкусы заказчика, который определял назначение, масштаб и стиль постройки.

В 1920-е годы заказы получали очень немногие. Страна и частные владельцы вынуждены были экономить на всем. Ну что ж, нет работы по специальности — можно заняться преподаванием.

Елена Серова-Ротшильд, архитектор, дочь сотрудницы Н. Троцкого Терезы Ротшильд (в девичестве — Зеликман): *«Моя мама и ее сестра, близнецы, окончили гимназию и поступили на Багаевские курсы — женские курсы, архитектурные. Вот когда они поступили, пришли в институт, то висел список педагогов, и можно было выбрать себе преподавателя, у которого желаешь учиться. Там были известные, наверное, имена, а Троцкий Ной Абрамович был никому не известен. Но они его видели, и он им очень понравился. Высокий, голубоглазый, кудрявый блондин — как может не понравиться? Потом они в процессе учения поняли, что он не просто красивый молодой человек, а очень талантливый педагог».*

Ной Троцкий

Студентки-сестры Зеликман познакомили профессора Ноя Троцкого со своим отцом Яковом, который являлся в это время одним из организаторов строительства электростанций, предусмотренных планом ГОЭЛРО. В результате, Ной получил свой первый государственный заказ.

Ситуация в архитектурной среде изменилась в 1929 году. Советская власть выкачивала деньги из деревни, распродавала сокровища Эрмитажа, конфисковывала имущество нэпманов. Все средства уходили на капитальное строительство, в том числе и жилое. Архитекторы снова были востребованы. Стиль эпохи — конструктивизм.

Это было поколение счастливых архитекторов. Они создавали новый стиль, они считали, что создают новую жизнь: это было вполне искренней позицией для большинства архитекторов, которые остались в нашей стране и не эмигрировали.

Ной Троцкий стал одним из ведущих советских архитекторов-конструктивистов. После успешного строительства стекольной фабрики и рабочего поселка Белый Бычок на реке Чагода, в 1930 году он начал работу над четырьмя строительными объектами в Ленинграде — это Василеостровский дворец культуры, мясокомбинат, административное здание ОГПУ, прозванное ленинградцами «Большим домом», а также Кировский райсовет.

Кировский райсовет (пр. Стачек, 18) — сочетание параллелепипедов и полуцилиндров, длинное здание, прорезанное так называемыми ленточными окнами, и башня с выступающими балконами. В этой асимметричной башне заложена мощная выразительность. Классический памятник конструктивизма. Может быть, самое удачное здание своей эпохи, построенное в Ленинграде. Огромный авианосец, который вплыл в залив площади и держит ее своим объемом.

Здание Кировского райсовета. Архитектор — Ной Троцкий

Среди других особенно удачных проектов Ноя Троцкого — здание Ленинградского мясокомбината. Троцкий получил за него первую премию и золотую медаль на Парижской выставке 1937 года. Сегодня мясокомбинат на Московском шоссе, который находится около станции метро «Звездная», уже врос в тело города. А тогда он был на самой окраине, даже, по сути дела, на подступе к городу, и поэтому башня служила высотным ориентиром, а весь комплекс вместе с башней, опознавательным знаком, символом индустриализации.

Ной Троцкий был обласкан властью. Он женился на театральной художнице Екатерине Петровой и получил квартиру-мастерскую в центре города на улице Желябова (ныне — Большая Конюшенная). Она стала чем-то вроде дореволюционных архитектурных бюро, где мастер работал прямо на дому со своими учениками-единомышленниками.

Елена Серова-Ротшильд, архитектор, дочь сотрудницы Н. Троцкого Терезы Ротшильд: *«Мама и тетя Роза строили перспективы. Приходили каждое утро и работали. Это было очень увлекательно, страшно им нравилась: перспективы тогда строились очень большие, по всем правилам».*

Екатерина Забинкова, внучка Ноя Троцкого: *«Об этом матушка часто вспоминала и рассказывала разные забавные случаи: "Архитекторы рисовали мелом точку схода, и однажды на эту точку схода написал кот, и они были очень расстроены"».*

В 1932 году Екатерина Петрова умерла от туберкулеза. После ее смерти Троцкий больше уже не женился. Он остался вдовцом с горячо любимой дочерью. Все что происходило за окном мастерской, — репрессии, политические волнения, коллективизация, голод — было исключено из жизни и обсуждения.

Екатерина Забинкова, внучка Ноя Троцкого: *«Разговоры политические дома не велись, а если кого-то из друзей сажали в сталинские лагеря, то дедушка говорил: "Это ошибка, это порядочный человек, эта ошибка будет ис-*

правлена". Впрочем, все предложения вступить в партию категорически отклонялись, дед всегда говорил: "Мне это не нужно"».

Проблемы возникали только с его фамилией. В то время, когда тысячи людей были казнены по обвинению в троцкизме, фамилия Троцкий звучала совершенно неприлично.

Екатерина Забинкова, внучка Ноя Троцкого: *«Ему предлагали изменить одну букву в своей фамилии и стать, скажем, Троицким, или Тронским, после чего обещали назвать улицу в Московском районе его именем. Дед отвечал: "Пусть Лев Троцкий меняет, потому что для него это псевдоним, а для меня фамилия"».*

В конце 1920-х годов в Советском Союзе произошел крайне важный перелом в идеологии. Выяснилось, что нашим предшественником является не Емельян Пугачев, а Александр Невский, не какой-нибудь Малевич, а Илья Репин. А архитектором, на которого надо ориентироваться, стал имперский Росси. Школа при Русском музее была построена Ноем Троцким в 1938 году на площади, которую как раз сформировал Карл Иванович Росси. И Троцкий показал, как встроить современное здание в ампирный ансамбль, при этом не только ничего не нарушив, но и найдя в этом старинном стиле свою собственную советскую ноту.

Здание школы при Русском музее. Архитектор — Ной Троцкий

В 1932 году было опубликовано постановление по строительству Дворца Советов в Москве — административного здания, места проведения Верховных советов, празднеств. В директивном порядке архитекторам предписывалось вспомнить об исторических истоках российской архитектуры. Наглядным примером должен был служить утвержденный проект Дворца Советов, разработанный московским архитектором Борисом Иофаном — огромная башня, на которой стоит колоссальных размеров статуя Ленина, в голове у него должен был помещаться зал заседаний. Представьте масштаб.

Проект Дворца Советов в Москве. Автор проекта — Борис Иофан

В Ленинграде также должна была появиться гигантская статуя Ленина, которую спроектировал в 1936 году Ной Троцкий. Стометровое изображение вождя собирались установить в порту, чтобы, подобно нью-йоркской статуе Свободы, Ленин встречал корабли, прибывающие в город пролетарской революции. Однако, так же как и московский Дворец Советов, этот проект не был осуществлен.

В середине 1930-х ленинградская администрация выдвинула новый строительный план. Жданов захотел преобразовать Ленинград в настоящий социалистический город. Центр должен был сместиться на юг, подальше от старой застройки, напоминавшей о временах Российской империи. На нынешней Московской площади планировалось построить грандиозный политический и культурный центр.

На пересечении двух магистралей — проспекта Сталина (ныне — Московского) и вновь проложенного проспекта, идущего от Нарвской до Невской заставы, возникала огромная площадь. Она должна была превзойти центр имперского Петербурга в разы, в порядки. Здесь должны были происходить демонстрации трудящихся. Здесь должны были построить лучшие театры, дворцы культуры, научно-исследовательские институты. А в центре возвышаться огромный Дворец Советов, место, где будет заседать партийная и советская власть великого города.

Архитектурные проекты такого уровня в XX веке задумывались только в фашистской Германии — это перестройка Шпеером столицы немецкого Тысячелетнего рейха по заказу Гитлера.

В конкурсе на строительство Дома Советов приняли участие все ведущие архитекторы, старавшиеся создать образ максимально роскошного и величественного сооружения. Но еще прежде, чем официально был выбран проект, ведущий ленинградский градостроитель Лев Ильин, заявил: «Нужно сложить оружие, потому что Троцкий сделал лучше, чем мы».

На Урале собирались открыть специальную фабрику по добыванию мрамора для отделки интерьера этого грандиозного сооружения.

Дом Советов по размаху носит какой-то даже не древнеримский, а египетский характер. Кабинеты начальников по 200 метров, с комнатами отдыха, с зимними садами. Театры, конференц-залы, детские сады, фабрики-кухни. Не дом — город. В Доме Советов была предусмотрена телевизионная трансляция. Телевидение только-только еще появлялось, а возможность демонстрации торжественных заседаний уже была предусмотрена. Здание было возведено к 1941 году.

Дом Советов на Московском проспекте в Петербурге. Архитектор — Ной Троцкий

Но в амбициозные планы коренной перестройки Ленинграда вмешалась война. Она не только отложила архитектурные проекты предвоенного десятилетия, но и внесла изменения в саму идеологию. К 1944 году, когда Ленин-

град освободился от блокады, архитектура имперского Петербурга уже не считалась феодально-крепостнической. Сталин провозгласил себя прямым потомком Петра Великого, так что партийные и советские учреждения разместились в имперских дворцах по праву преемственности.

Здание такого масштаба так и не понадобилось. Потребовались только бомбоубежища — они тоже были превосходные. В 1944 году именно в Доме Советов располагался штаб фронта. Отсюда маршал Говоров руководил обороной блокированного Ленинграда.

В 1948 году изменилась концепция генерального плана застройки, решили вернуться к старому проекту концентрического развития города 1935 года Льва Ильина. И участок, который предполагалось застроить как крупный общественный культурный политический центр, оказался на периферии.

Партийное руководство Ленинграда осталось в Смольном, а в здание Дома Советов на Московском проспекте вселилось после войны предприятие оборонного комплекса. К этому времени Ноя Троцкого уже не было в живых. Он умер в 1940 году от сепсиса, полученного им после хирургической операции.

Как архитектор, Ной Троцкий разделил судьбу своего поколения, вынужденного менять творческие принципы в соответствии с требованиями времени. Учитель Троцкого — Иван Фомин, начинавший свою карьеру как создатель дворцов петербургской знати, после революции создавал пролетарские центры, а в 1930-х построил в Киеве один из монументов сталинского ампира, который вызвал искренний восторг у Альберта Шпеера, попавшего в столицу Украины вместе с частями немецкой армии.

Таковы были общие вкусы, парадоксально сближавшие искусство двух соперничавших тоталитарных империй. Несмотря на раннюю смерть, Троцкий заслуженно считается классиком советской архитектуры, работы которого с исключительной выразительностью воплощали дух великой

и страшной сталинской эпохи. Его век совпал с его возможностями.

Время по-новому расставляет вкусы и приоритеты. То, что вчера казалось вызывающе уродливым, помпезным и тоталитарным, сегодня — просто материальное свидетельство прошедшей эпохи. Сталинская архитектура, в действительности, тоже была разная. Мастер архитектуры Ной Троцкий умел работать достойно во всех стилях и во всех направлениях. Его дома, построенные в 1930-х, остались и памятником времени, и памятником архитектуры.

Со времен Петра Великого главный инвестор в санкт-петербургском строительном комплексе — государство. Николай I давал деньги Росси, Екатерина II — Джакомо Кваренги, а вот Ной Троцкий — это архитектор эпохи Жданова и Сталина. Он строил огромные, комфортабельные кварталы на Московском проспекте, спланированные еще до войны, возведенные уже после смерти архитектора его учениками. И это такая же архитектурная реальность, как та, что создавали Росси, Растрелли, Стасов. Это архитектура Ленинграда эпохи расцвета сталинской империи.

СОВЕТСКИЙ СПЕЦ: ЕВГЕНИЙ ЛЕВИНСОН

Город — театр: дома — декорации, люди — актеры. По сцене социалистического Ленинграда несколько десятилетий прогуливался персонаж, которого на улицах узнавали, но не все знали его имя и фамилию. Господин, будто перенесенный в Ленинград из Парижа или Вены, загорелый, прекрасно одетый. Он был актером этого города, и он же строил декорации. Речь идет о замечательном архитекторе Евгении Адольфовиче Левинсоне.

В юности Евгений Адольфович активно занимался спортом, особенно входившим в моду футболом. Он участвовал в соревнованиях Петроградской футбольной лиги, выступая за первые команды «Путиловского кружка спортсменов-любителей» (1914) и «Павловско-тярлевского круж-

ка любителей спорта» (1915—1916), был капитаном команды Института гражданских инженеров.

В начале XX века архитектура — это специальность, которая кормит. В Институт гражданских инженеров и на архитектурное отделение Академии художеств — огромный конкурс. Молодой человек из Одессы Евгений Левинсон сумел стать студентом в Петербурге и получить архитектурное образование. Он учился в Институте гражданских инженеров, но закончил Академию художеств. Его учителем был Иван Фомин — один из лидеров петербургского неоклассицизма.

Иван Фомин дал новое дыхание классической архитектуре. В этом его традиционность, в то же время он и самостоятелен, и монументален. И точен в деталях. Его архитектура — рисованная. Сам Левинсон говорил, что на него наибольшее влияние оказал именно Фомин.

Случилось, однако, так, что когда Левинсон получил диплом архитектора, строить было нечего. Как я уже писал ранее, 1920-е годы для большинства зодчих — время нереализованных проектов. Нескованные практическими задачами архитекторы много занимались самообразованием, в частности, для Евгения Левинсона чрезвычайно важно изучение сценографии. Он был однокурсник Сергея Эйзенштейна, тоже студента Института гражданских инженеров, близкий приятель Николая Акимова.

К 1917 году Каменноостровский проспект, один из самых нарядных в Петербурге, был застроен по существу только до Карповки. На Аптекарском острове — поля капусты и деревянные домишки. Застраивать эту часть города начали в конце 1920-х в ходе первой пятилетки. В 1929 году объявили конкурс на застройку участка на углу Песочной улицы и Каменноостровского проспекта. Конкурс выиграл никому не известный зодчий Евгений Адольфович Левинсон. Когда дом построили, не было ощущения, что это чужак. Казалось, он всегда стоял здесь, на этом углу. С ним перекликаются и башня архитектора Гингера, и ря-

дом стоящий дом архитектора Крыжановского: единый ансамбль маленькой площади.

Здание сугубо функционально: двухкомнатные квартиры, здесь же детсад, общежитие и домашний театр. Заказчик — наркомат торговли — им доволен, Левинсон даже получил в этом ведомственном доме квартиру, в которой проживет до конца 1960-х.

В самом начале 1930-х Левинсон проектировал или строил сразу несколько «жилкомбинатов» такого типа, все в разных районах города. Тогда же возник и творческий тандем — Левинсон находит соавтора, Игоря Фомина. Сын профессора из Академии, учителя Левинсона, аккуратнейший инженер, младший Фомин стал точным менеджером-технарем рядом с рисовальщиком Левинсоном.

Они были друзьями, несмотря на разницу в возрасте — Левинсон на 10 лет старше Фомина. Это были очень разные люди, разные таланты, образ мыслей: Фомин имел неполное высшее образование, он был логик, знал, как правильно все рассчитать; Левинсон интуитивно понимал, как внести в эту правильность художественную неточность и эмоциональность. В творческом тандеме «Левинсон—Фомин» политиком был последний. Он умел разговаривать с заказчиками, что было очень важно. Левинсон творил.

Именно Евгений Левинсон и Игорь Фомин построили знаменитый Первый жилой дом Ленсовета на Карповке. Увидев этот дом, знаменитый американский архитектор Райт сказал, что Левинсон — единственный из советских архитекторов, который и в Америке стал бы миллионером. Это дом, построенный для лучших людей Страны Советов — ответственных работников. Здесь четырехкомнатные квартиры с комнатами для прислуги, галерея вдоль второго этажа, где гуляют дети депутатов горсовета, и специальный детский сад, столовая и ресторан.

Московская архитектура 1920 годов — выдающийся памятник мировой культуры. Абсолютно новые формы, полный отказ от украшательства, торжество чистой стереометрии. Дом — машина для жилья. Ленинградские же

архитекторы того времени не спешили полностью отвергнуть классическое наследие. Они так же, как и многие их современники в Европе, работали в уютном, буржуазном, нарядном стиле, получившем название «декоративное искусство» — ар-деко.

Первый жилой дом Ленсовета на Карповке. Архитектор — Евгений Левинсон

Петербургский авангард отличался от московского. В Москве авангард революционный, он демонстрировал отказ от наследия. У нас, в Ленинграде, напротив, была очень сильна линия неотрадиции. Поэтому эпоха бумажной архитектуры повлияла и на авангард, который в Петербурге был мягче.

Первый дом Ленсовета знаменует отход от аскетического конструктивизма к советскому ар-деко. Обаяние — в изогнутом фасаде. В конце концов, ар-деко — это флакон для духов, а флаконы бывают разные. Этот дом роскошен. Здесь даже хотел поселиться Киров. Он жил на Каменноостровском, 26—28, но был поклонником прекрасных дам и хотел иметь тут гарсоньерку (квартиру хо-

лостяка), где он мог бы встречаться с любимыми женщинами. Страшно скандалил с Левинсоном перед вселением, потому что хотел, чтобы в стены квартиры были вделаны огромные стеклянные аквариумы.

Дом Ленсовета на Карповке. Внутренний двор

Киров не успел сюда въехать, был убит в 1934-м. Впоследствии, когда ремонтировали его несостоявшуюся квар-

тиру, обнаружили, что она была уже оборудована на прослушку. Сам Левинсон тоже хотел получить тут жилье, а потом радовался, что не сложилось — к 1938 году здесь, говорят, были арестованы все жильцы, кроме дворников.

Из всех искусств архитектура больше всего зависит от вкусов и предпочтений заказчика. В СССР заказчиком было государство. Дом на Карповке — единственное из сооружений Левинсона, которое он сумел воплотить в точности таким, каким задумал.

Дворец культуры Промкооперации, позже переименованный в ДК Ленсовета, было уже невозможно построить по первоначальному проекту. Левинсон хотел воздвигнуть многофункциональный культурный комплекс с клубом, театром, обсерваторией, кинозалом, местами для спортивных секций и пятидесятиметровой башней с астрономической лабораторией в ней. Тем временем эпоха менялась, на дворе 1937 год. От архитектурных вольностей конца 1920-х не оставалось и следа.

Как правило, мы судим о здании по фасаду. Но шедевр Левинсона скрыт внутри ДК Ленсовета. Это не имеющий аналогов в Петербурге театральный зал. Архитектора консультировали лучшие режиссеры эпохи — Сергей Радлов и Всеволод Мейерхольд. Не все удалось осуществить. Например, так и не купили в Англии специальный аппарат, способный воспроизводить запахи костра, моря и леса. Не сохранилось и многое из того, что сделали.

В середине 1930-х Сталин фактически запретил прежние архитектурные объединения. Вместо вольных художнических ассоциаций возник единый союз архитекторов, была создана также советская академия архитектуры. Сталин считал, что архитектурный идеал в имперском прошлом России. Для ленинградских архитекторов, выросших на классике, новый заказ власти оказался как нельзя кстати. Классику они знали превосходно.

Московская школа — это школа эллинов, а ленинградская школа — Рим. Именно ленинградцы стали самыми востребованными мастерами. Многие начали работать в Москве

и в других городах, это неслучайно. Ленинградская архитектурная школа рождала не новаторов, а неоклассиков и традиционалистов.

Впрочем, Левинсон выглядел «белой вороной» и на фоне товарищей по Академии художеств. Он был слишком тонок, слишком любил стиль и пропорцию. Несмотря на многочисленные предложения о переезде в Москву, «бюро Левинсон и Фомин» продолжало работать в Ленинграде. Здесь незадолго до начала войны они возвели жилой дом на Петровской набережной. Здание в типично сталинском стиле, получившее в народе название Дома адмиралов, строилось на основе прежней гостиницы «Интурист». К ее аскетичному конструктивистскому корпусу спешно приделывали детали имперского убранства — барельефы, колонны и фигуры советских воинов на крыше. Левинсон шутил: «За несколько лет я придумал машину времени, но не сумел из плохой архитектуры сделать архитектуру хорошую».

С середины 1930-х и вплоть до конца 1960-х Евгений Левинсон — известнейшая в городе и в архитектурных кругах персона. Он руководитель мастерской Ленпроекта, у него около 100 человек подчиненных. Он автор огромного количества престижнейших проектов — павильона СССР на выставке в Париже, павильона Ленинграда на ВДНХ, Дворца Съездов в Москве — человек, обласканный заказами. Лауреат Сталинской премии, профессор Академии художеств. Он выделялся своим европейским видом. Он всегда был одет во что-то необычное. У него был замечательный профессиональный инструментарий. Карандаши ему привозил из Франции режиссер Николай Акимов. Это был человек, достигший признания в полном смысле слова.

В конце 1930-х Левинсон строил целые ансамбли в Московском и Невском районах. Туда, подальше от финской границы, накануне войны планировалось перенести центр города. Он участвовал в программе установки ряда памятников в союзных республиках и в Киеве познакомился с главой украинской парторганизации Никитой Хруще-

вым. В войну много и успешно строил в Магнитогорске — возводил проектные бюро, гостиницы для инженеров, рабочие поселки в стилистике немецкой школы Баухаус. Получал медали, ордена, премии. Он всегда был послушным человеком и никогда не бунтовал. Если выходило постановление, он старался ему следовать, как умел.

Но на душе у него едва ли было спокойно. Левинсон знал, что в условиях сталинского государства успех и награды — самая короткая дорога к аресту. Даже среди близких друзей Левинсона мало кто догадывался, что у архитектора в Нью-Йорке живет родной брат.

Дом на углу улицы Пестеля и набережной Фонтанки.
Архитектор — Евгений Левинсон

Самые большие неприятности в жизни архитектора Левинсона связаны со зданием на углу улицы Пестеля и набережной Фонтанки. Оно не очень выделяется на фоне сталинской архитектуры, разве только сделано изящно, как и все, что строил Левинсон. Придрались неожиданно к сандрикам над окнами двух последних этажей. На медальонах изображены, в частности, символы победы — Нарвские триумфальные ворота, через которые возвращались в Ленинград войска, оборонявшие его. Но контекст был очень опасный. Дело в том, что этот дом находится напротив Музея обороны Ленинграда.

Медальон на фасаде с изображением Нарвских триумфальных ворот

В 1949 году все ленинградское руководство было репрессировано, Музей обороны Ленинграда закрыт. Этот дом воспринимался как напоминание о ленинградском патриотизме, о ленинградской славе. Казалось, еще немного, и Левинсона ждет арест. Но в 1951 году его наградили Сталинской премией за замечательный комплекс привокзальной площади в Царском Селе. Его тектоника была настолько цельна и убедительна, что это покорило всех, в том числе и начальство. Театр, игровая архитектура. В то время как другие слепо копировали, строили по шаблонам, Евгений Левинсон оставался артистом.

Сталинская архитектура необычайно сложна для проектировщика. Здесь требовалась работа с разным материалом, отличное знание традиции. Но уходили старые мастера, исчезали опытные подрядчики и рабочие. Постепенно роскошные дома, растущие как грибы, становились не имперской архитектурой, а пародией на нее. Между тем Евгений Левинсон мог работать в любом стиле, особенно в таком те-

атральном, как сталинский ампир. Кто-то из актеров МХАТа сказал, что большой актер — это 100 штампов, а маленький — 1, 2 или 3. У Левинсона штампов было очень много.

Рубежом для ленинградской архитектуры стало постановление 1954 года о борьбе с архитектурными излишествами. Если дома строятся на железобетонных комбинатах, то мастер-рисовальщик едва ли нужен. Но именно в 1955 году Евгений Левинсон спроектировал свой последний шедевр — станцию метро «Автово».

Он прожил еще больше 10 лет, но его здания 1960-х не слишком удачны — исключение составляет разве что архитектурное решение мемориала Пискаревского кладбища. Левинсон, бывший учителем большинства ведущих петербургских архитекторов, оставил им некий завет — строить изящно, строить в контексте великой архитектуры предшественников.

Станция метро «Автово». Архитектор — Евгений Левинсон

Платформа станции метро «Автово»

Бывают архитекторы, для которых их сооружения — самостоятельные высказывания, независимые от города. Так Эйфель построил свою башню в Париже — ему было абсолютно все равно, что вокруг. Он придумал свой Париж. Левинсон вырос в классицистической Одессе и работал в Петербурге, задуманном Росси. Он строил, как актер играет, — на партнера. Ему чрезвычайно важно было, как вошло здание в контекст, оно должно было петь в общем хоре. Сегодня, когда город перестраивается, каждый архитектор высказывается на фоне — это принцип работы, который придумал Левинсон.

ВЕРА ПАНОВА

Современному читателю она знакома скорее как персонаж и учитель Сергея Довлатова; ее собственные книги

сегодня читают мало. На самом деле, эта женщина была классиком советской литературы, писательницей, чьи произведения были любимы и интеллектуальной элитой, и массовым читателем.

В 1944 году, случайно оказавшись в военном санпоезде, малоизвестная журналистка Панова сделала свой первый шаг к писательской славе. События этой неожиданной командировки оказались поводом для написания повести «Спутники», в будущем известной на весь Советский Союз.

В Военно-медицинском музее в Ленинграде хранится макет того самого Военно-санитарного поезда № 312.

Повесть «Спутники» — самая громкая литературная сенсация 1946 года. Невероятный читательский успех, сопоставимый только с оглушительным успехом повести «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова, вышедшей в том же году. И у Пановой, и у Некрасова — правда почти документальная. Нет ни слова лжи. Через год Панова получила Сталинскую премию — знак настоящего государственного признания. Известно, что «Спутники» высоко оценил главный читатель страны — Иосиф Сталин. Для Пановой это поздний успех. Настоящий литературный дебют состоялся, когда писателю было за 40. Удивительно, что он состоялся вообще.

Марина Вахтина, внучка Веры Пановой: *«Капитально ее жизнь менялась дважды: когда она только-только пошла по журналистской линии и когда она начала писать. В Ростове-на-Дону случилась трагедия с нашим дедом, Борисом Борисовичем, который был арестован, а бабушку вычистили отовсюду. Хорошо, что не посадили, — и то, наверное, только потому, что она, бросив все, просто сбежала, взяв с собой только детей. Она какое-то время скрывалась в безвестности, писала, подавала на конкурс пьесы. Получила за них первую премию и ждала, когда эти пьесы будут поставлены. Уже начались репетиции, и вдруг грянула война».*

Война разрушила планы веры Пановой. О постановке пьесы можно было не думать. Пушкин, где писатель жила с дочерью, оккупировали немцы. Оставаться в городе было

нельзя. Панова по оккупированной территории пробралась в Украину, где в селе Шишаки остались ее мать и сыновья. шла долго, по большей части пешком. Позже написала пьесу «Метелица», основанную на переживаниях этого тягчайшего путешествия.

В 1943 году Украина была освобождена. Панова с детьми перебралась на Урал, в Пермь. Вернулась к журналистике. Работала в местной газете и на радио. Волею судьбы именно Пермь стала для писателя-Пановой точкой старта. Здесь она закончила «Метелицу». Здесь задумала роман «Кружилиха» Наконец, здесь села на санитарный поезд № 312. Залог грядущего успеха — удивительная работоспособность. В невероятных бытовых условиях писала быстро и много. А плохо она работать просто не умела. И так всю жизнь.

Марина Вахтина, внучка Веры Пановой: *«"Спутники", за которые она получила Сталинскую премию, были написаны в коммунальной квартире, где жило все огромное семейство, состоявшее из третьего мужа, Давида Яковлевича Дара, троих детей собственных, двух детей Давида Яковлевича от двух предыдущих браков. С ними жила еще мама, и все они ютились в двух смежных комнатах. Стол был один, за ним обедали, пили чай, дети делали уроки. Там не было места, и "Спутники" были написаны на подоконнике. Были широкие подоконники, где можно было разложиться, поставить чернильницу. Она говорила, что самое большое неудобство состояло в том, что ныли колени, потому что они упирались в стенку. Приходилось время от времени вставать и разминаться».*

В 1946 году на Панову обрушилась слава. Она переехала в Ленинград — город, который всегда любила. В том же году она была принята в Союз писателей. Панова стала частью советского литературного истеблишмента.

Один из Шереметьевских дворцов в Петербурге прежде принадлежал ленинградскому Союзу писателей — организации элитарной, куда брали только идеологически прове-

ренных людей. Вряд ли бы Веру Панову приняли сюда, потому что она была дочь купца, жена расстрелянного врага народа и жила на оккупированной территории. Но у Веры Пановой был читатель, которого не было у многих партийных членов Союза писателей — генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Сталин.

Андрей Арьев, писатель: *«Несмотря на свое прошлое, она никак не старалась сблизиться с властью, загладить свою ненадежную биографию. Люди, бывшие в оккупации, часто скрывали это, если могли. А если не могли, то ходу им никакого не было. Вера Федоровна, не угождая никак власти, написала правдивую повесть о жизни санитарного поезда во время войны, она была издана и почему-то понравилась Сталину».*

Любовь Инфантьева, внучка Веры Пановой: *«Бабушка, как известно, была трижды лауреатом Сталинской премии. Сталинскую премию первой степени получили "Спутники", второй степени — очень хороший роман "Кружилиха", а третьей степени — "Ясный берег". Это произведение (последнее. — Прим. ред.) бабушка сама считала слабым».*

Вера Панова за рабочим столом. 1958 год

В монолите советской цензуры Панова нашла узкую щель, через которую могла просочиться искренность и правда. Ее герои — простые советские люди, обыватели. Они — вне политики, вне грандиозных задач, которые ставит перед гражданами страна. Они не граждане, а люди. Влюбляются — иногда счастливо, иногда нет.

Воспитывают детей. Беспокоятся о близких. Дом для них куда важнее работы. Официально узаконенный соцреализм таких героев не знал, но именно таким было большинство современников писателя Веры Пановой. Партийная критика чувствовала — что-то в этой прозе не то, но и придраться по большому счету было не к чему.

Николай Вахтин, внук Веры Пановой: *«Критика осторожно ее воспринимала. Выходил какой-то новый ее роман или повесть, и несколько дней, а то и недель, было молчание. Ждали, пока какая-нибудь из газет, вроде "Правды", например, не выступала с положительной или, наоборот, отрицательной статьей. Тогда вся критика подхватывала, соответственно, положительное или отрицательное мнение. Она всегда была в зоне риска, потому что позволяла себе, может быть, чуточку больше, чем было разрешено советскому писателю в то время».*

Валерий Попов, писатель: *«Она такая маленькая была, с аккуратной прической, но от нее какая-то сила шла. Чувствовалось, что в ней есть ядро. Она решила, что может сказать лишнее. В советское время свобода ощущалось гораздо сильнее, чем сейчас. Когда можно все, ничего уже не впечатляет. Небольшие такие подвижки, небольшие драки с цензурой производили огромное впечатление. Когда мы чувствовали, что немножко сдвигают стену, мы были очень благодарны. Вера Панова умела это делать, оставаясь при этом лауреатом Сталинской премии».*

Марина Вахтина, внучка Веры Пановой: *«Конечно, она думала о цензуре, как и всякий литератор. Это ее стесняло, она жалела, что не может писать так, как бы ей самой хотелось. Но во многом она настаивала на своем, и это подчас нелегко давалось. Иногда она очень задорно говорила, блестя глазами: "Если бы я писала так, как им нужно, всем бы было хорошо: и Союзу писателей, и райкому партии, и мне"».*

Конец 1940-х годов для ленинградской литературы — время трагическое. Только что прозвучало постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград». Ахматова и Зощен-

ко — изгои. Николай Пунин и Лев Гумилев арестованы. Как раз в это время, в 1948 году, Вера Панова получила квартиру в знаменитом доме Адамини — доме, где когда-то впервые выставлялся «Черный квадрат» Малевича и где квартиры получали только орденоносные писатели, академики, генералы.

Вера Панова, наконец, обрела свой кров. Появились все условия для работы — в первую очередь, собственный письменный стол, о котором она мечтала многие годы. В просторной квартире на Марсовом поле в комфорте разместилась вся большая семья, которая всегда играла для Пановой важнейшую роль. Казалось бы, сейчас наступит абсолютно счастливая жизнь.

Николай Вахтин, внук Веры Пановой: *«Я помню, меня все время гоняли: "Тихо, бабушка работает!" Такой вот был мотив моего детства. Она сама была очень семейственной, домашней. Очень любила детей, очень любила внуков, очень любила дом. Любила то, чего, в общем, была первую половину жизни лишена. Я помню, большой стол, за которым все сидят, а бабушка во главе его. Это такая квинтэссенция нашего семейного быта».*

Станислав Гусев, литературный секретарь Веры Пановой в 1970-х годах: *«По праздникам собиралась вся большая семья: сыновья, жены сыновей, маленькие внуки и так далее».*

Андрей Арьев, писатель: *«Главная ценность, которая была в жизни Веры Федоровны, — это семья. Она всегда была в кругу своей семьи. Это отразилось и во всех ее произведениях. Видимо, поэтому ее так и любили читатели».*

Вера Панова была человек осторожный и дружить умела со всеми. Сюда, в дом Адамини, расписать пульку приходил литературный «палач» Всеволод Кочетов, романист и автор разгромных статей, в том числе и о творчестве самой Веры Пановой. А муж Веры Федоровны Давид Дар отличался исключительной смелостью и острословием. Довлатов рассказывал: как-то в день рождения к Пановой пришли гости, известные советские писатели, начальство; Панова говорит: «Что-то у нас душно», а Дар отвечает: «Да

такой обычный советский воздух». Так что за этим столом, в этой квартире, встречались советские писатели самых разных школ и направлений. Панова была объединяющим и умиротворяющим центром.

Советская литературная критика всегда была ориентирована на разгром. Любая писательская оригинальность неизменно раздражала. Манера Пановой правдиво писать о простых людях не укладывалась в литературные каноны эпохи. Уже роман 1947 года «Кружилиха» вызвал целую дискуссию на страницах «Литературной газеты». За печатной дискуссией, как положено, следовали публичные обсуждения, где специальные «люди из публики» возмущенно вопрошали: «Доколе будут терпеть очернительство этой Пановой?», «Почему на свободе Панова, оклеветавшая народ и партию?»

Николай Вахтин, внук Веры Пановой: *«Критика была опасна. Это было время, когда критическая статья могла грозить, если не арестом, но опалой. Лишение права печататься для писателя означало отсутствие средств к существованию».*

Марина Вахтина, внучка Веры Пановой: *«Ее обвиняли всегда в том, что она описывает реальные людские судьбы, где есть место и трагедии, и недопониманию, и разрывам человеческих отношений. Например, по поводу романа "Кружилиха" много крови ей попортили дурацкие упреки. Было непонятно, почему директор завода, раз уж он хороший коммунист, нечутко относится к своей жене. Она настаивала на своем и старалась сохранить в книгах свое видение человеческой жизни, жизненных сложностей».*

Травля не достигла цели. Вероятно, роман вновь пришелся по душе главному читателю. В 1948 году «Кружилиха» получила Сталинскую премию второй степени. Тут же последовало издание, которое, как и повесть «Спутники», ждал оглушительный успех у массового читателя.

Русская литература сложна. Нельзя сказать, чтобы Андрей Платонов, Осип Мандельштам или Борис Пастернак были народными писателями. А Вера Панова получала

каждый год тысячи писем, на ее книги в библиотеке выстраивалась очередь. Их невозможно было достать. Очень характерная история произошла с ней весной 1954 года в такси. За рулем сидел водитель и читал книгу Веры Федоровны «Времена года». Он узнал писательницу и говорит: «Вы за эту книгу Сталинскую премию получили?» Она говорит: «Нет, за другую». А водитель ей: «А я бы вам обязательно за эту премию бы дал». — «Почему?» — «А по двум причинам: во-первых, правду пишете. Вот начальник такой, как есть начальник. А женщина такая, как есть женщина. А во-вторых, потому что интересно. Читается легко». Вот эти две вещи — правдоподобие и интересный сюжет — и были основными причинами невероятного успеха Пановой.

К началу 1950-х Вера Панова в советской литературе — имя, с которым нельзя не считаться. Сталинские премии и огромный читательский успех давали ей определенный иммунитет против нападок критики. После смерти главного читателя в 1953 году ситуация для Пановой стала куда хуже. На место мелких стервятников, на идеологическую службу заступил матерый литературный волк — критик Всеволод Кочетов, опытный погромщик и бывший сосед Пановой по даче в Комарово.

Любовь Инфантьева, внучка Веры Пановой: *«Наверное, сейчас мало кто помнит имя Всеволода Кочетова, но именно его травля и довела бабушку до инфарктов. Наверное, еще обиднее было то, что Кочетов, когда жил здесь, в Ленинграде, казался другом. Он был вхож в дом и играл с бабушкой в преферанс. Вдруг он превращается в оголтелого врага, который поливает грязью Панову и ее книги».*

В советские времена рассказывали, что между знаменитым Большим домом и ленинградским отделением Союза писателей, которые располагались друг от друга на расстоянии всего метров ста пятидесяти, существует подземный тоннель, по которому якобы ходят агенты и чекисты, обмениваются информацией. Но, так или иначе, члены

Союза писателей были людьми запуганными, понимавшими, что любой шаг в сторону может означать для них непоправимое. В 1958 году советская общественность осуждала совершившего «грубую идеологическую ошибку Бориса Пастернака». За роман «Доктор Живаго» он получил Нобелевскую премию. И Вера Федоровна Панова тоже вынуждена была выступить с осуждением. Она этого себе никогда не простила.

Травля Пастернака — единственная разгромная кампания, в которой вынужденно участвовала Панова. Она испугалась за судьбу близких. Страх в людях ее поколения укоренился очень глубоко. Слишком многое пришлось пережить. Панова всегда оставалась беспартийной и демонстративно держалась в стороне от власти и всякой политики.

Николай Вахтин, внук Веры Пановой: *«Как можно терпеть власть, которая убила твоего любимого мужа? Она никогда не говорила на эту тему. Это было то, с чем пришлось смириться».*

Станислав Гусев, литературный секретарь Веры Пановой в 1970-х годах: *«Все-таки она была человеком советской эпохи, поэтому она понимала многое из того, что происходило в стране. Тем более что Борис Борисович, ее сын, достаточно был в те времена известен как почти профессиональный диссидент. Вера Федоровна старалась это не акцентировать, я думаю, она, действительно, ко многому относилась критически».*

В 1960-е Вера Панова становится одним из самых популярных в стране кинодраматургов. Ее повесть «Серёжа» привлекает внимание начинающих режиссеров Георгия Данелии и Игоря Таланкина. Им удается уговорить писателя принять участие в создании сценария. Фильм «Серёжа» имеет оглушительный успех и получает Большой приз на международном кинофестивале в Карловых Варах. Проза Веры Пановой идеально встраивается в кинематограф оттепели, в центре которого не государственная машина, а человеческая душа.

В 1965 году выходит новый фильм по сценарию Пановой — «Рабочий поселок». В центре сюжета — судьба спивающегося рабочего Плещеева, потерявшего зрение на войне. В новой действительности рефлексирующий слепой оказывается лишним. Но не по своим глазам и даже не по юной жизни, которую искалечила война, тоскует Плещеев. Безжизненный взгляд его черных очков — это горе утраченных иллюзий послевоенного времени, иллюзий, которым не было суждено сбыться. Для советского кино картина «Рабочий поселок» стала прощанием с оттепелью.

Чем популярнее становилась Панова у публики, тем с большим удовольствием трепала ее имя официальная пресса.

Станислав Гусев, литературный секретарь Веры Пановой в 1970-х годах: *«Я помню, она мне рассказывала со смехом, что ее забрасывали письмами, желая узнать, что происходило с ее героями дальше. Она отвечала, что беспокоиться не надо, эти женились, эти мебель покупают и так далее».*

В начале 1960-х Панова в зените славы. Ее книги переводят, пьесы экранизируют, читатели ее боготворят, молодые писатели, для которых она признанный мэтр, просят напутствия в большую литературу. Сама Вера Панова чувствует, что не успела сказать еще что-то очень важное. Постепенно она приходит к исторической прозе.

Марина Вахтина, внучка Веры Пановой: *«Прекрасно помню, как она рассказывала об изгнании Лжедмитрия из Москвы и о том, как Марина Мнишек во время этого погрома пряталась под юбками своей фрейлины. Бабушка все это живо изображала. Мы, конечно, слушали, затаив дыхание. Очевидно, тогда зрели замыслы заняться историческими повестями — тем жанром, который она очень любила. Остается только жалеть, что вот эта линия ее творчества оборвалась с ее уходом».*

С приближением старости Вера Панова все чаще говорила близким, что смерти не боится, но боится быть парализованной. Этот страх был ненапрасным. В 1967 году случился инсульт. Она оказалась прикована к инвалидному

креслу. Это ничего не изменило — как и прежде, Вера Панова работала на износ и руководила жизнью своей большой семьи. По-другому просто не могла.

Советскую, прежде всего ленинградскую, литературу 1960—1970-х годов мы представляем себе по остроумнейшим произведениям Сергея Довлатова. Это был человек злоречивый, и о ком бы он ни писал, его персонаж сразу же становился героем какого-то комического и не очень приятного театра. Довлатов прекрасно знал Панову. В конце 1960-х он работал у нее литературным секретарем. Со страниц прозы Довлатова Панова предстает воплощением абсолютной нормы. О ней не было сказано ни одного дурного слова. Она единственный положительный персонаж в прозе Довлатова.

Николай Вахтин, внук Веры Пановой: *«У нее были очень простые и очень твердые представления о том, что такое хорошо и что такое плохо. Любовь и уважение — это хорошо, а ненависть и злоба — это плохо. Семья — это хорошо, а развод — это плохо. У нее были очень простые нравственные позиции и представления. Поэтому, наверное, она могла писать так, как она писала, и, наверное, поэтому ее любили».*

18 марта 1973 года Веру Федоровну Панову отпели в Никольском морском соборе, а потом похоронили по православному обряду на Комаровском кладбище. Таково было ее завещание. И это, пожалуй, был ее первый открытый конфликт с советской властью. Потому что советский писатель должен быть предан земле после гражданской панихиды, а не после православной молитвы. Так или иначе, Вера Панова прожила жизнь, как призывал советских писателей их коллега, великий Александр Солженицын — не по лжи.

РЕКТОР

Профессия «ректор» не предполагает, что нужно читать огромное количество обязательных курсов, много напря-

мую работать со студентами и быть великим ученым. И уж тем более советский ректор не должен способствовать преподаванию лженауки генетики и приглашать в университет весьма сомнительных специалистов вроде Льва Гумилева. Однако все это не имеет никакого отношения к ректору ЛГУ имени Жданова — Александрову, который все делал наоборот. И это рискованное «наоборот» десятилетиями спасало наш университет.

Петербургский университет существует очень давно: по одним сведениям, с 1725 года, по другим — с 1819 года. За всю историю у университета был, пожалуй, один великий ректор — Александр Данилович Александров.

Александр Данилович Александров, ректор ЛГУ с 1952 по 1964 годы

В начале 1950-х Ленинградский университет переживает глубочайший кризис. Борьба с космополитами и Ленинградское дело обернулись увольнением, арестом и гибелью десятков блестящих профессоров, закрытием целых научных направлений, административным хаосом. С конца 1940-х ректоры меняются каждый год — это временщики, которые боятся собственной тени. В эту логику совершенно не вписывается очередное кадровое решение. В апреле 1952 года ректором ЛГУ назначают Александрова, блестящего математика-геометра без всяких заслуг перед властью, молодого, жесткого и принципиального. Что это — чудовищный недосмотр или изощренный ход конем?

Игорь Кон, социолог: *«Он был абсолютно неподходящий для этого времени человек. Как он на это согласился, тоже непонятно».*

Даниил Александров, сын А. Д. Александрова: *«Когда его вызвали в Москву и проводили с ним беседу, он сказал: "У меня есть один крупный недостаток". "Какой?" — спросили у него. "Я мало управляем, я стараюсь делать то, что считаю нужным". "Ну, мы с этим разберемся", — сказали ему спокойно в Москве, и назначили ректором».*

На момент назначения Александрову 40 лет. Он самый молодой ректор в истории университета, но в его жизни все было рано. В 24 года — доктор наук, в 30 — лауреат Сталинской премии. Член-корреспондент — в 34 года, ректор — в 40 лет. Сумасшедшая карьера, тем более удивительная, что Александров — человек с небезупречной анкетой — он потомственный дворянин, на стенах рабочего кабинета развешаны портреты предков, еще мастер спорта по альпинизму, а еще англоман — на досуге переводит Шекспира. На дворе же начало холодной войны и пик послевоенных репрессий.

Людмила Вербицкая, ректор СПбГУ с 1994 по 2008 годы: *«Александра Даниловича спас только 1953 год, когда умер Сталин. За год с небольшим Александров успел сделать очень многое. Он помог огромному количеству людей».*

Даниил Александров, сын А. Д. Александрова: *«Не прошло и полугода его работы на посту ректора, как на него пошли доносы. Например, он, по мнению некоторых, недостаточно борется с космополитизмом в университете. Его вызывали в Москву и наставляли на путь истинный, говорили, что он должен всех космополитов выгнать. Его спас министр образования Столетов, который решил, что если в ЛГУ будут непрерывно меняться ректоры, то под ним самим может кресло зашататься».*

Хрущевская оттепель стала для Ленинградского университета эпохой Александрова. Он был полон сил. Читал лекции в объеме рядового доцента. Вел аспирантов. Не оставлял науку — в эти годы совершил ряд важнейших

геометрических открытий. Летом ходил в горы. Зимой вместе со студентами катался на лыжах в Кавголово под Ленинградом. Университет при нем ожил. На филфаке проходили открытые диспуты, куда стекался весь город. На матмехе — философский семинар. Человек на своем месте — так говорили про Александрова в Ленинграде.

Каждый год 1 мая и 7 ноября на Марсовом поле около дома Адомини собиралась огромная толпа студентов, которые кричали: «Александр Данилович, Александров Данилович, ректор, ректор!» Александров выходил на балкон, удовлетворенно смотрел на собравшихся — это были студенты, которые ждали его на демонстрацию. А после праздничной демонстрации его часто качали. Александров был настоящий любимец студенчества — такой вождь, человек скорее 1920—1930-х, чем послевоенного времени.

Анатолий Вершик, математик: *«Его действительно качали на руках, я в этом участвовал. Это было наше любимое занятие. На демонстрацию он всегда приходил со студентами, иногда приводил дочку. Я очень хорошо помню одну из демонстраций, где мы вели откровенные разговоры, и он мне сказал: "Знаете что, давайте мы здесь не будем об этом. Позвоните мне, поговорим в другой обстановке". Он был человеком открытым, в нем абсолютно не было чиновного чванства».*

У Александрова была репутация либерального ректора. Брал на работу политически неблагонадежных. Не боялся конфликтов с партийным начальством. На биофаке поддерживал генетиков, которых травили по всей стране.

Людмила Вербицкая, ректор СПбГУ с 1994 по 2008 годы: *«В нашем университете курс генетики читался всегда. Сотрудники кафедры генетики — настоящие герои. Тогда студенческое братство было просто удивительным. Лектор знал, есть ли кто-нибудь посторонний или нет в аудитории. Если нет — он читал генетику. Если кто-то появлялся — ему давали знак, и он читал о великом Лысенко. Это все знал Александр Данилович».*

Дарья Медведева, дочь А. Д. Александрова: *«На самом деле, еще в 1954 году Хрущев, будучи на совещании в Смольном, когда отец защищал генетику, кричал: "Как это ректор приказы не выполняет, за это с работы снимают, в военное время расстреливают!" Но в те годы отец мог перебороть это и надеялся, что еще многое и многое сможет сделать для университета, что ему и удавалось».*

Анатолий Вершик, математик: *«Он старался, чтобы в университете было больше сильных ученых. Он вытаскивал людей из провинции в Ленинград и давал им возможность быть профессорами университета. Один из таких примеров — Владимир Романович Рохлин, один из моих учителей, человек удивительной судьбы, который был в немецком лагере, потом — в сталинском. В конце концов, он долгое время работал в Архангельске, а Александров решил пригласить его сюда, в Ленинград».*

Кадровая политика ректора встречала отчаянное сопротивление на факультетах, где в деканатах по-прежнему заправляли номенклатурные мракобесы, громившие университетскую науку в последние годы сталинского правления. Давило и партийное руководство. Для любого начальства благонадежность ценнее научных заслуг. Александров вынужден был идти на компромиссы. Он вел сложную игру, где-то уступая, где-то оставаясь непреклонным. Нажил врагов среди реакционеров, но при этом не в чести был у особенно рьяных либералов. Его не понимали. Мог взять на работу опального Льва Гумилева, а мог явиться на студенческий диспут и резко оборвать вольнолюбивое выступление неосторожного романтика.

Игорь Кон, социолог: *«В университете была смертоносная для студентов традиция. Вдруг администрация факультета говорила: "Ребята, говорите свободно все, что вы думаете". Ребята начинали говорить, никто из этой администрации не выступал против. Они тихо молчали. Потом донос шел куда следует, и после этого молодого человека убирали с "волчьим билетом". Люди, которые все это разрешили и, больше того, провоцировали, уходили в кусты.*

Александр Данилович никогда в этом не принимал участие и потому пытался опасные выступления пресекать».

Несмотря ни на что, такой свободы в Ленинградском университете, как в период ректорства Александрова, не было никогда. Тон задавал сам Александр Данилович. Он был частым гостем в студенческих общагах. Известно, что с глазу на глаз с ним можно было говорить на любые темы. А еще ректор интересовался философией и взгляды у него свои — не из учебника диамата.

Про А. Д. Александрова, как и про всякого популярного человека, рассказывали массу анекдотов. Вот один из них. Однажды в большой аудитории матмеха на 10-й линии В. О. Александр Данилович принимал зачет. Тот затягивался. Студентов сидело много. Вдруг неожиданно ректор встал и сказал: «Вот три стула, если кто-то хочет сдать зачет автоматически, нужно перепрыгнуть через все». Студенты замерли в недоумении. Тогда ректор разбежался, перепрыгнул через три стула, правда, разбил очки при этом. Нашелся смельчак, который вызвался перепрыгнуть и сделал это. Он был единственным, кто получил автоматом зачет. Эту историю рассказывали много раз. Как-то на вечере встречи выпускников один из мемуаристов повторил ее. Все начали говорить, что про Данилыча столько мифов рассказывают, а это просто очередной. Тогда встал почтенный доктор физико-математических наук и сказал: «Да что вы говорите? Это именно я перепрыгнул через стулья и получил зачет досрочно!»

Даниил Александров, сын А. Д. Александрова: *«Шел он по коридору, а навстречу ему — студент в шапке. Александров ему сказал: "Молодой человек, снимите шапку, здесь храм науки". Тот ответил: "Не пошел бы ты на хрен!" Тогда ректор сбил с него шапку, они собирались драться, и их растащили какие-то профессора, после чего молодой человек пошел заниматься. Довольно быстро он был вызван к ректору и обнаружил в качестве ректора человека, которого он чуть не побил в коридоре. Александров ему сказал: "Больше так не делайте, снимайте шапку*

и идите". Эту историю мне рассказывали студенты того времени».

С середины 1950-х Александров часто выезжал заграницу. Он видел, как организованы университеты в других странах, и многое ему нравилось. В ЛГУ не все шло благополучно — огромный ВУЗ требовал радикальной реформы, и дело было не только в учебных программах и кадровом дефиците.

В конце 1950-х годов ЛГУ стоял на распутье. Здесь училось уже 9000 человек, студенты и преподаватели просто не помещались в квартале вдоль Менделеевской линии. Александрову предстояло принять принципиальное решение. Нужно было или расширять площади в городе, чтобы университет превратился в своего рода ленинградскую Сорбонну, огромный квартал внутри города, или переселять весь университет в какой-то прекрасный тенистый город, чтобы это было что-то вроде ленинградского Кембриджа. Попытка увеличить площади на Стрелке не увенчалась успехом. Тогда Александров, исходя из обещаний городских властей, что в конце 1960-х в Петергоф придет

Здание ЛГУ. 1960-е годы

метро, решил перевезти университет постепенно, факультет за факультетом за город.

В конце концов, только часть университета оказалась в Старом Петергофе, часть осталась на Стрелке. Какие-то факультеты разбросаны по всему городу. В результате Петербургский университет не образует компактного целого, за что многие до сих пор винят именно Александрова.

Никита Нецветаев, профессор, заведующий кафедрой геометрии матмеха СПбГУ: *«Он объяснял это тем, что в Петергофе была инфраструктура, кроме того, там давали самые большие площади. С моей точки зрения, эти площади использованы абсолютно нерационально. Там построены малоэтажные здания, растянутые на километры. С другой стороны, органы вроде бы запрещали строить высокие здания, чтобы они не были ориентирами при стрельбе».*

Заниматься строительством и переездом университета в Петергоф Александрову было не суждено. Малоуправляемый ректор в начале 1960-х вызывал все большее раздражение у городского начальства. Понятно было, что долго ему не продержаться.

Игорь Кон, социолог: *«Был момент, когда в университете вдруг за неуплату отключили телефоны. Сомнений в том, что университет заплатит, ни у кого не было, это было в отместку за то, что где-то не приняли дочку какого-то "телефонного" начальника».*

В сталинское время такие люди, как Александров, либо попадали в лагерь, либо становились начальниками. Это был властный человек, убежденный коммунист, который, что называется, умел решать вопросы. После смерти Сталина начальство стало мельчать. И хотя Александров ладил с разными первыми секретарями Ленинградского обкома — и с Адриановым, и с Козловым, и со Спиридоновым, и с Толстиковым — его независимая манера поведения постепенно начинала выводить такое присмиревшее партийное чиновничество из себя. В 1964 году, получив третий строгий выговор, он решил покинуть Ленинград и уехать в Новосибирск.

Даниил Александров, сын А. Д. Александрова: *«Что бы ни происходило в университете — выступление студента, дискуссия на филфаке — его вызывали в обком и с порога кричали на него матом. 12 лет он уже был ректором и больше не выдержал. Он уже, по-видимому, думал об отставке, но тут ему предложили работу в Сибирском отделении Академии наук, в Академгородке, куда он и переехал».*

Отставка сопровождалась избранием в академики. Такой ценой, наконец, официально были признаны его огромные заслуги перед наукой. Александрову непрозрачно намекали — занимайся своей геометрией, никуда не лезь, наслаждайся статусом. Александров, действительно, в Новосибирске сразу же с головой окунулся в науку и преподавание. Научить же он мог многому.

Анатолий Вершик, математик: *«Он в геометрии, на самом деле, — целая эпоха. Его появление в конце 1940-х годов означало совершенно новую главу — то, что называется наглядной геометрией».*

Дарья Медведева, дочь А. Д. Александрова: *«Кроме того, он занимался теорией относительности всерьез. Он по образованию физик. У него были выдающиеся открытия в теории относительности, которые отразились в теоретической философской статье в 1958 году. Тогда постарались этого не заметить, потому что возражать Эйнштейну было не положено. В 1990-е годы американские физики просто доказали это экспериментально. Узнав об этом, он был совершенно счастлив и сказал: "Ну, я все-таки физик!"»*

В Новосибирске неуживчивый характер Александрова тоже быстро дал о себе знать. Он вступил в конфликты с местной академической, а также партийной номенклатурой. Не готов был играть по правилам. В 1970-е в математике царил дух антисемитизма. По «пятому пункту» зарубали диссертации, оставляли без работы. Александров был марксист — национализм ему отвратителен. Он яростно вступался за ученых с неблагозвучными на начальственный слух фамилиями.

В Ленинграде Александрова никто не ждал. В брежневское время такие смутьяны были не в чести, даже если это заслуженные академики. В родном университете он оказался персоной нон грата. Здесь отчаянно пытались вытравить дух александровской вольницы. Его выдвиженцы давно переехали в Москву, либо притихли на своих кафедрах. Удавалось наездами читать лекции в Пединституте, но это был не масштаб Александрова. В начале 1980-х желание вернуться в родной город уже стало навязчивой идеей. Серьезно ухудшилось здоровье. В Ленинграде жили повзрослевшие дети, внуки, старые друзья.

Вельможа в опале — очень русская история. Это Суворов при императоре Павле или маршал Жуков при Брежневе и Хрущеве. Александров был научный вельможа в опале. Он академик, знаменитый математик, но в Ленинграде его на работу не брали даже в его родной университет. Он мог работать только в Институте математики имени Стеклова, причем не на руководящей должности, а просто ведущим научным сотрудником.

Возвращение Александрова в Ленинград совпало с началом перестройки, которую он воспринял с энтузиазмом, но путь, по которому пошла страна после 1991 года, казался ему катастрофой. Он не поменял своих взглядов, как не менял их никогда, воспринимая все происходящее как личную трагедию.

Михаил Медведев, внук А. Д. Александрова: *«Деду представлялось, что жертвы советской власти оказываются как бы преданными. Зачем весь этот кошмар был, если к тому же тот позитив, который из него можно было бы извлечь, оказывается так же уничтожен?»*

Только в 1990-е теперь уже не Ленинградский, а Петербургский университет восстановил отношения с Александровым. Бывшего ректора стали приглашать на официальные торжества, к его мнению прислушивались. Слишком поздно. Александров был тяжело болен. Вскоре он стал практически обездвижен. Пока силы окончательно не оставили это-

го могучего человека, он рвался в горы, разлука с которыми была невыносима для старого альпиниста.

Дарья Медведева, дочь А. Д. Александрова: *«Я очень жалею, что его не удалось вывезти в горы. Он так мечтал о них в последние годы. К сожалению, это по многим причинам не удалось».*

Людмила Вербицкая, ректор СПбГУ с 1994 по 2008 годы: *«Летом умер Александр Данилович. Мы очень хотели попрощаться с ним в университетском актовом зале по всем нашим традициям. Но семья захотела, чтобы это было в Академии наук. Когда я пришла туда, подумала: бывает, что каких-то поп-звезд хоронит весь мир, а человека, который столько сделал для науки, для культуры, для молодежи, похоронили так тихо и скромно».*

Александр Данилович Александров ушел из жизни в июле 1999 года. С легендарным ректором прощались друзья, семья, ближайшие ученики. Город и страна не были ажитированы. Как будто и не было 12 лет, когда имя Александрова гремело на весь город, а Ленинградский университет буквально возрождался из пепла. Как будто не было тысяч студентов, обожавших ректора и носивших его на руках. Сегодня об этом напоминает лишь бюст ректора Александрова, установленный в знаменитом коридоре в здании Двенадцати коллегий, среди бюстов других великих ученых, прославивших город и его главный ВУЗ.

Человек неудобный, мощный, порождающий легенды эпической силы. Поневоле вспоминаешь: «Да, были люди в наше время! Не то, что нынешнее племя...».

Глава 4
Ленинградский холокост

После «Большого террора» в жизни Ленинграда наступил относительно благополучный промежуток. Сажали много меньше, более того, кое-кого из лагерей выпустили.

Бывшие «вредители» благополучно преподавали в университете: на истфаке — Евгений Тарле, Борис Романов, на филфаке — Владимир Пропп, Виктор Жирмунский, Борис Эйхенбаум. Был положен конец разорению Эрмитажа и загородных резиденций. Драматическими театрами руководили Сергей Радлов, Николай Акимов, Борис Зон. В Кировском танцевали Вечеслова, Дудинская, Сергеев, пел Печковский. Литература заметно поредела, но в силе и печатались Михаил Зощенко, Евгений Шварц, Борис Жидков, Вениамин Каверин. У Анны Ахматовой впервые после 15-летнего перерыва вышел сборник «Из шести книг». В Ленинграде были сильнейшие в стране физика и физиология: школы Абрама Иоффе, Леона Орбели, ученики Ивана Павлова.

Тон в городе задавали квалифицированные рабочие и их дети — будущие врачи, офицеры, инженеры. Социальные лифты работали. Послереволюционный хаос и ужас «ежовщины» был позади. Но надвигались еще более страшные испытания: осенью 1939-го началась Зимняя война, потом — блокада, а с 1949 года — последовательные и жесто-

кие чистки ленинградского партийного начальства и ленинградской интеллигенции. Окончательное превращение Ленинграда в «великий город с областной судьбой».

ЧТО ПОСТРОИЛ МАННЕРГЕЙМ?

Финская линия обороны на Карельском перешейке — самая знаменитая и самая загадочная в мире. Ее фантастическую боевую мощь превозносили советские и зарубежные писатели, политики, военные.

Рассказывали о многоэтажных крепостях, зарытых в землю и вырубленных в граните, о дотах, покрытых толстым слоем резины, от которых отскакивают снаряды, о подземных ходах, пронизывающих весь Карельский перешеек. Линию Маннергейма называли самой мощной в Европе. Некоторые писатели утверждали, что даже современная армия не смогла бы прорвать ее без применения ядерного оружия. Однако таинственным образом чудо финской фортификации как будто провалилось под землю.

Постройкой оборонительных сооружений на Карельском перешейке финны озадачились сразу после обретения государственности. До 1918 года Финляндия была частью Российской империи. После Октябрьского переворота Ленин признал ее независимость, но тут же попытался вернуть финнов обратно, под красный флаг. Большинство финских социал-демократов склонялось к большевизму. В Финляндии вспыхнула пролетарская революция, а затем гражданская война.

Очень многие считают, что страшная война между убежденными и жестокими «красными» и не менее мотивированными и страшными «белыми» была инспирирована партией Ленина. Это не так. Наших добровольцев было меньше, чем шведов и немцев на стороне «белых».

В гражданской войне победили белофинны под командованием бывшего русского генерала, барона Карла Густава Маннергейма. Уже в 1918 году по его приказу военные

инженеры разработали первый план линии обороны Карельского перешейка от Красной армии. Но Маннергейм вскоре ушел в отставку, и план остался лишь на бумаге. Долговременные оборонительные сооружения на Карельском перешейке финны начали строить только в 1920 году совсем по другому проекту и без всякого участия Маннергейма — это была линия Оскара Энкеля.

Карл Густав Маннергейм

Строились доты фронтального огня по германской модели (амбразура обращена в сторону противника). Они были из некачественного бетона, и тогдашняя артиллерия могла их легко разрушить.

В 1924 году строительство линии Энкеля закончилось, и долгое время никаких работ на Карельском перешейке не проводилось. Только в 1932 году финны приступили к постройке еще 6 пулеметных дотов улучшенного типа. В 1936 году начали частичную модернизацию дотов. В 1937-м построили первый дот-«миллионник» (он стоил 1 000 000 финских марок). Инициатором работ стал вернувшийся в большую политику барон Маннергейм.

Маннергейм был человеком властным, он сумел выжать из экономного финского парламента дополнительные деньги на оборону. На линии Энкеля было построено 7 «миллионников». Для страны бедной, не обладающей естественными ресурсами, — это были огромные деньги.

Новые доты отвечали требованиям современной войны, строились из высококачественного бетона, имели амбразуры флангового огня и мощную защиту из стальных плит, установленных под наклоном. Снаряд при попадании в такой дот ударял в щит и отлетал, разрываясь в стороне. Это позже и породило легенду об их резиновом покрытии.

В отличие от остальных дотов Карельского перешейка, «миллионники» имели не только мощную защиту, но и современную систему жизнеобеспечения. Однако вооружение оставалось скромным. На Карельском перешейке финны смогли построить всего 6 артиллерийских дотов. Остальные были пулеметными и не способными противостоять танкам. Ни размерами, ни вооружением лучшие финские доты даже отдаленно, не могли сравниться с оборонительными сооружениями французской линии Мажино.

Линия Мажино — огромный железобетонный комплекс, который уходил вниз на 8 этажей. Мини-крепости по подземным коридорам соединялись между собой железнодорожной сетью, там ходили узкоколейные локомотивы.

Сплошной бетонированной линии обороны на Карельском перешейке финнам построить так и не удалось. Ограничились созданием 22 узлов сопротивления, прикрывающих основные дороги. Советская пропаганда рассказывала про 343 неприступных бетонных крепости на линии Маннергей-

ма. Но исследования историков-краеведов на Карельском перешейке открывают более скромную цифру: около 180.

Советская разведка хорошо знала о реальной мощи линии Маннергейма. Генерал Энквист вспоминал о том, что при строительстве Линии особой секретности не соблюдалось. Финляндия кишела советскими шпионами. Заезжие туристы могли спокойно фотографироваться на фоне возводимых объектов. Поэтому советской разведкой задолго до Зимней войны был составлен альбом финских фортификационных сооружений.

В августе 1939 года СССР становится союзником фашисткой Германии. Согласно секретному протоколу о разграничении обоюдных интересов, прилагавшемуся к соглашению Молотова—Риббентропа, все прибалтийские страны, включая Финляндию, в случае «территориально-политического переустройства» должны были отойти к Советскому Союзу. Первыми в состав СССР входят Западная Украина и Белоруссия. Сталин продолжает расширять империю, добивается размещения частей Красной армии на территории Эстонии, Латвии, Литвы, и вскоре эти страны становятся республиками Советского Союза. Сталин требует отодвинуть границу на Карельском перешейке от Ленинграда и отдать в аренду полуостров Ханко для размещения советской военно-морской базы. Финны готовы обсуждать изменения госграницы, но пускать на свою территорию советские войска категорически отказываются. Договориться сторонам так и не удается. Советский Союз прекращает переговоры и открыто готовится к войне.

В печати звучали призывы обуздать «взбесившихся псов» и освободить финский народ от ига помещиков и капиталистов. Сталин был уверен: Красная армия легко справится с финской военщиной. Сталина можно понять: огромной мощи Советского Союза сопротивляется карликовая Финляндия. Генсек просто не брал в расчет финскую армию.

30 ноября 1939 года части Ленинградского военного округа перешли финскую границу на Карельском перешейке.

Для полномасштабных боевых действий и преодоления мощной линии обороны войск явно было недостаточно. Но всерьез воевать никто и не собирался. Красноармейцы шли на помощь дружественному народу, шли с песней, специально написанной к началу похода:

«Сосняком по откосам кудрявится
Пограничный скупой кругозор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озер!
Много лжи в эти годы наверчено,
Чтоб запутать финляндский народ.
Раскрывай же теперь нам доверчиво
Половинки широких ворот!»

Высота Sormi («Палец), на переднем плане — линия гранитных надолбов с колючей проволокой. 1930-е годы

Надолбы (противотанковые заграждения. — *Прим. ред.*), оборонительные линии, построенные финнами, не имели, с точки зрения командования Красной армии, ни малейше-

го значения. Война с Финляндией — это не война, а продолжение финской революции, задавленной Маннергеймом в 1918 году:

«Мы пришли, чтоб помочь вам расправиться,
Расплатиться с лихвой за позор.
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озер!»

Бойцам Красной армии внушали, что они идут помочь финским рабочим расплатиться с белогвардейцами. И если белогвардейцы станут отстреливаться, Красная армия ответит, и отличившимся бойцам будет дан уже изготовленный памятный знак «За бои на Карельском перешейке». Предполагалось, что это будет шествие через Териоки, Выборг, на Хельсинки, сопровождаемое приветствиями финских трудящихся.

Однако Финляндия встретила Красную армию не цветами, а пулями. С каждым пройденным километром темпы наступления падали. Полный разгром финских войск на Карельском перешейке должен был стать делом 8—10 дней. Но за этот срок наши смогли только подойти к главной линии обороны на западном и восточном флангах.

Для прорыва укрепленных узлов советское командование подтягивало танки и пушки. 17 декабря 1939 года части Красной армии начали решающий штурм. Финские солдаты встретили танки гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

С 17 по 25 декабря 1939 года на высоте 65,5 метров, неподалеку от нынешней трассы «Скандинавия», произошло самое кровопролитное сражение начального этапа советско-финской войны. 20-я тяжелая танковая бригада пыталась взять дот на линии Маннергейма. Атака за атакой, неслыханные жертвы с нашей стороны.

На многих участках фронта части Красной армии не смогли даже подойти к линии долговременных сооружений. Из 200 финских дотов в зоне боевого контакта находилось

всего 55. На восточном участке фронта, в районе Тайполе, советские войска быстро уничтожили все бетонные сооружения, но прорвать оборону не смогли. Она держалась исключительно на деревоземляных укреплениях и окопах.

25 декабря Сталин приказал штурм прекратить и готовиться к решающему сражению, прорывать линию уже наверняка.

Само понятие «Линия Маннергейма» в России и в Финляндии имеет разные значения. Для финнов — это линия, на которой было остановлено наступление Красной армии, а не укрепления. Настоящей линией Маннергейма была вера финского народа в победу до последнего дня. А у красноармейцев после первых страшных поражений вообще не было желания куда-либо продвигаться. Ясных целей и задач командование не ставило, доверия к нему пропадало.

В запасе у Советского Союза был еще один план — удар из Карелии вглубь Финляндии, чтобы разрезать эту страну на несколько кусков. В карельские дороги, лесные, петляющие, грунтовые, втягивались советские дивизии. Они проходили по 80 километров в день, растягивались на 100 километров. Когда уже передняя часть дивизии находилась в глубине Финляндии, с флангов начинали наступать финские лыжные отряды. Они разрезали наши дивизии на несколько котлов, часть из этих котлов уничтожались, другие были вынуждены сражаться в окружении. Наступление в Карелии провалилось.

Финны разгромили 5 дивизий (причем полностью уничтожили 3) и танковую бригаду Красной армии севернее Ладоги. Это четверть сил, что начали войну против Финляндии. После неудач в Карелии, Красной армии оставался только один путь к победе — прорывать линию Маннергейма. К решающему штурму войска тщательно готовились: разведка выявляла огневые точки, саперы прокладывали дорогу танкам, артиллерия и авиация непрестанно утюжила финские укрепления.

11 февраля 1940 года Красная армия начала наступление на Карельском перешейке. Войска атаковали по всему

фронту. Вся армия, можно сказать, работала на эту бомбежку. Финны уже не могли сопротивляться из-за усталости, потому что им не давали ни днем, ни ночью покоя. При такой плотности огня сидеть в железобетонном доте было невозможно — у кого-то лопались барабанные перепонки, люди сходили с ума.

Прорывали линию Маннергейма специальные штурмовые группы, состоящие из танков, пехоты и саперов. Советские саперы шли на прорыв, обкладывали взрывчаткой амбразуры, подрывали их вместе с собой.

После прорыва линии Маннергейма на главном направлении советские войска развивали наступление на Выборг. Судьба Зимней войны была предрешена. 12 марта 1940 года финское правительство заключило с Советским Союзом мирный договор: Карельский перешеек отходил к СССР вместе со всеми оборонительными сооружениями. После войны большинство финских дотов были подорваны советскими саперами. Железобетонные руины, разбросанные по Карельскому перешейку, остаются сегодня едва ли не единственными памятниками советско-финской войны.

На каждой братской могиле планировалось поставить памятник. Был даже объявлен конкурс в Ленинграде, в нем принимали участие ведущие архитекторы. Но потом Великая Отечественная война просто все заслонила. А дальше свое взяла пропаганда. Дескать, с Финляндией у нас хорошие отношения и не надо эту войну трогать.

Линия Маннергейма — это последняя оборонительная линия в истории человечества, которая сыграла хоть какую-то роль. Вторая мировая война показала, что дело решают не доты и не дзоты, а танки, бомбардировочная авиация, штурмовики и механизация.

Линия Маннергейма — фантом. Для финнов это памятник их героического сопротивления Красной армии, которое привело к тому, что Финляндия осталась независимой. Для советских командиров — это оправдание перед Сталиным за такие огромные потери. Это линия нашей памяти о незаметной, но кровопролитной советско-финской войне.

БЛОКАДА: ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СИНДРОМ

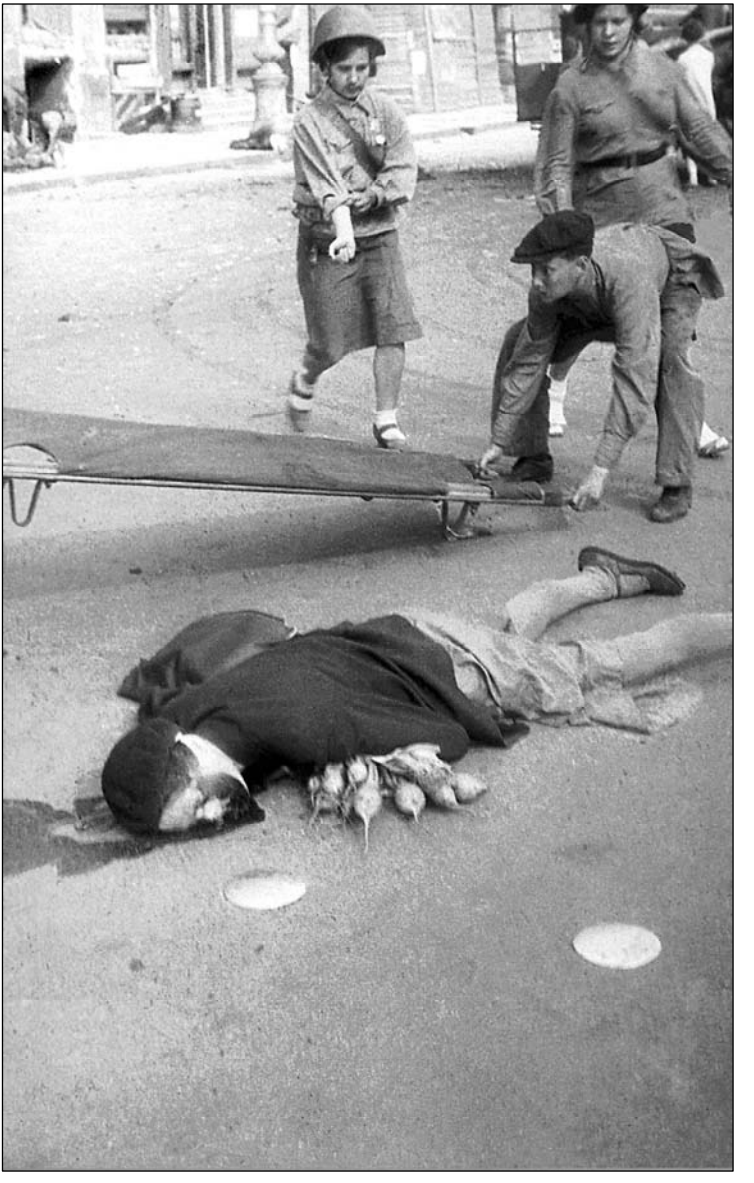
8 сентября 1941 года немецкие войска заняли Шлиссельбург; началась блокада Ленинграда. В 1941 году Ленинград насчитывал 3,4 миллиона жителей, в 1943-м — 600 тысяч. Число жертв значительно превысило число сумевших выбраться из блокадного города по Дороге жизни. По крайней мере, миллион человек гражданского населения умерло от голода. Зафиксированы тысячи случаев людоедства. По последствиям блокада сравнима с Холокостом.

Линия фронта шла по жилым районам, по летним резиденциям российских императоров. Ни один город Европы не испытывал в годы Второй мировой таких трагических опустошений.

Блокадный посттравматический синдром требовал законченного мифа, люди нуждались в оправдании своих личных страданий и мучительной смерти близких. Такое большое число жертв — результат зверства нацистов, трагической неподготовленности Красной армии, преступной беспечности Кремля и Смольного. Но этот честный ответ сочли бы преступлением.

Начальству необходимо было объяснить населению: как допустили гибель ленинградцев, в основном детей и женщин, и не в тылу бесчеловечного врага, а на своей территории. Так возникла концепция «города-героя», где люди идут на смерть ради своей социалистической родины, коммунистической партии.

Между тем, история блокады, как мы теперь ее узнаем, полностью противоречит тому, что написано в учебниках. Первоначально, по плану «Барбаросса», предполагалось Ленинград взять. Таким образом, после соединения с финскими войсками Балтийское море должно было стать внутренним озером Германии. К тому же Гитлер придавал взятию города мистическое значение: «С захватом Ленинграда, большевиками будет утрачен один из символов революции и может наступить полная катастрофа».



Блокадный Ленинград. 1943 год

В августе 1941 года финны стояли на реках Сестре и Свири. Группа армий «Север» захватила Новгород, оседлала Октябрьскую железную дорогу и по кратчайшему пути нанесла удар с неожиданного направления — юго-востока. В то же время немецкие танки с юго-запада вышли к Стрельне, обойдя Лужский рубеж и Красногвардейский укрепрайон.

Сталин требовал от командующих Ленинградским фронтом Ворошилова, а потом и Жукова, подготовить флот и город к боям и возможному уничтожению путем взрывов.

В Ленинград прибыл нарком госбезопасности Всеволод Меркулов с мандатом: «Товарищу Меркулову поручается тщательно проверить дело подготовки взрыва и уничтожения предприятий, важных сооружений и мостов в Ленинграде на случай вынужденного отхода наших войск из Ленинградского района». Были заминированы все корабли военного и торгового флота, мосты, железнодорожные узлы и предприятия.

Цель — нанести немцам максимальный ущерб, пробить коридор по занятому немцами южному берегу Ладоги, чтобы войска фронта могли вырваться из Ленинграда и уйти на «Большую землю». Переиначивая Кутузова, Сталин как бы говорил: «Для нас армия важнее города». Ставка приказывала командованию фронта: «Сосредоточьте дивизий 8—10 и прорвитесь на восток. Это необходимо и на тот случай, если Ленинград будет удержан, и на случай сдачи Ленинграда».

Из блокированного города самолетами и по Ладожскому озеру вывозили стратегические запасы: цветные металлы, Анну Ахматову, ученых, музейные ценности, военное оборудование. В городе подготовили 3 полосы обороны. Фашистам должны были достаться только руины и мирные жители, которым суждено выжить после штурма.

Даже в истории такой жестокой войны, как Вторая мировая, существовала практика объявления городов открытыми — противники негласно договаривались: выдающиеся по культурному значению столицы — не поле для сраже-

ний. Открытыми городами были объявлены Париж и Рим. Город можно было сдать без боя, как Киев, Минск, Ригу. В Ленинграде были те (и их по данным НКВД каждый день становилось все больше), кто мечтал таким образом спасти своих близких и себя. Но выхода для Ленинграда не было. Коммунисты готовы были сражаться за каждый дом, а нацисты не собирались сохранять ни город, ни его жителей.

Уже 8 июля 1941 года Гитлер приказал: «Сравнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов». В августе взрывы в Киеве, Харькове, Одессе, организованные советскими диверсантами, показали вермахту: входить в нашпигованные взрывчаткой советские города смертельно опасно.

В начале сентября Ленинград был уже блокирован, а вермахту требовались танковые части и авиация под Москвой. 6 сентября Гитлер объявил Ленинград «второстепенным театром военных действий». Группе армий «Север» было предписано передать свой боевой танковый корпус и бóльшую часть авиации в распоряжение группы армий «Центр». 7 октября 1941 года генерал Йодль отдал приказ: «Капитуляция Ленинграда не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником. Ни один немецкий солдат не должен вступить в город. Кто покинет город через фронт, должен быть отогнан назад огнем. Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня, точно так же, как нельзя кормить их население за счет германской родины. Эта воля фюрера должна быть доведена до сведения всех командиров».

Ленинград следовало очистить от людей, ограбить и взорвать. Он должен был исчезнуть с географических карт. Мечты многих о том, чтобы ужас медленной голодной смерти заменился хотя бы приходом немцев, были абсолютно тщетны. Гитлер не собирался кормить горожан: в оккупированном немцами Царском Селе смертность от голода была такая же, как в Ленинграде.

Попытки прорвать блокаду вплоть до января 1943 года заканчивались кровавыми поражениями Красной армии. Единственной победой стало взятие Тихвина в декабре 1941-го: оно дало возможность сохранить Дорогу жизни через Ладожское озеро. Собственно, Ладога и спасла тех, кто выжил.

Главное преступление Сталина и Жданова — позднее начало эвакуации. Ледовая дорога до конца января работала не на вывоз людей, а на эвакуацию оборудования и военной продукции. По иронии судьбы больше всего повезло высылаемым из города немцам и финнам, уже в начале блокады почти 60 тысяч человек вывезли из города в Коми и Архангельскую область. Когда же началась массовая эвакуация, с 22 января по 15 апреля из Ленинграда удалось переправить 554 186 человек: больше 50 тысяч за неделю. Если бы эвакуация началась в конце ноября, спасли бы от голодной смерти еще полмиллиона горожан.

Битва за Ленинград — самое долгое и кровопролитное сражение в истории Второй мировой войны. Здесь война шла не так, как везде: с танковыми захватами и мощными авиационными налетами. Она скорее напоминала Первую мировую — ожесточенные, многодневные бои за каждую высотку, траншею, сожженную деревню. Почти 1000 дней непрерывных боев, как минимум миллион убитых.

Победителями в 1944 году стали, прежде всего, обитатели Смольного. Окружение Жданова доказало свою эффективность и полную лояльность Сталину. Победа в Ленинградской битве превратилась для ленинградского руководства в способ получения преференций для себя и города. Глава ленинградской парторганизации Андрей Жданов стал вторым человеком в стране. Начался первый приход в Москву «питерских».

16 января 1946 года руководитель ленинградских большевиков Алексей Кузнецов заявил: «Про нас говорят, что мы, ленинградцы, — большие патриоты своего города. Да, мы — патриоты, мы его любим, лелеем... Да разве такой город можно не любить? Город, первым остановивший

врага, выстоявший 29 месяцев осады и разгромивший гитлеровские полчища под своими стенами, город, слава которого затмила славу Трои!» Трои, а не Каховки или Царицына, даже не красного Петрограда — новая фразеология и подспудно новая идеология.

В 1944 году были изданы два небывалых постановления: первый — о возвращении дореволюционных названий улицам и площадям центра Ленинграда («ряд прежних наименований... тесно связан с историей и характерными особенностями города и прочно вошел в обиход населения»), и второй — о восстановлении (в сущности, воссоздании) полностью разрушенных императорских резиденций Царского Села и Петергофа.

Были заложены Приморский и Московские парки Победы, строился стадион имени Кирова (самый большой в стране!), достраивались по-сталински роскошные южные и юго-западные городские магистрали. Новый Музей обороны стал самым посещаемым в городе. Жуков показывал его Эйзенхауэру. Блокада превращалась в миф о специфической стойкости ленинградцев, их особой преданности традициям русской ратной славы.

Региональный патриотизм ленинградского руководства, его хозяйственная расторопность в борьбе за ресурсы казались населению неким воздаянием за перенесенный ужас. Город неявно становился второй столицей. Росла популярность Ленинграда в стране. В 1945 году Александр Солженицын писал с фронта письмо приятелю: «После войны нужно стараться попасть в Ленинград, пролетарский, интеллигентный, умный город, по традиции чуждый Сталину, а не в Москву, город торгашей».

Возвышение людей Жданова было для Сталина кадровым маневром: возможностью противопоставить новую группу прежнему «близкому кругу», сложившемуся в годы войны, — Берии, Маленкову, Молотову, Жукову. Так возник мощный ленинградский клан с собственной иерархией и идеологией.

Между тем, еще на февральско-мартовском пленуме 1937 года Сталин объяснил опасность кланов на примере Левона Мирзояна — первого секретаря Казахской компартии: «Что значит таскать за собой целую группу приятелей, дружков? Это значит, что ты получил некоторую независимость от местных организаций и, если хотите, некоторую независимость от ЦК. У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы. Вместо ответственных работников получается семейка близких людей, артель».

Мирзоян и его окружение были уничтожены. Но теперь Сталин стоял перед гораздо более мощной ждановской группировкой, куда входили председатель Госплана Вознесенский, зампредсовмина Косыгин, секретарь ЦК Кузнецов, глава ленинградской партийной организации Попков, предсовмина РСФСР Родионов и еще сотни номенклатурных работников в разных республиках и областях.

Мало этого, помимо неформальных земляческих связей у них была своя идеология (кстати, удивительно напоминающая взгляды РКП времен позднего Горбачева): русские в СССР — парии, нужно, по крайней мере, уравнять их в правах с нацменами, необходимо создание отдельной Российской коммунистической партии, надо перенести в Ленинград столицу РСФСР. Об этом в ждановском окружении говорили открыто. А вот какие материалы прослушивания ложились на стол генералиссимусу, мы не знаем. Чего стоила, например, принятая в кругу «ленинградцев» шутка: «Раньше в Политбюро пахло чесноком (намек на евреев), а теперь шашлыком» (в руководстве было трое кавказцев — Берия, Микоян и Сталин).

После таинственной смерти Жданова в 1948 году большинство его приверженцев и приятелей арестовали и казнили в 1950-м после мучительных пыток (Николая Соловьева, партийного руководителя Крыма, забили на допросе ногами). Официальные обвинения — «групповщина», стремление создать «средостение» между Ленинградом и Москвой. Намеки на настоящие причины обрисованы в проекте

так и не разосланного закрытого письма ЦК: «Группа Кузнецова вынашивала замыслы овладения руководящими постами в партии и государстве. Неоднократно обсуждался и подготовлялся вопрос о необходимости создания РКП(б) и ЦК РКП(б) и о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград. Эти мероприятия Кузнецов и другие мотивировали в своей среде клеветническими доводами, будто бы ЦК ВКП(б) и Союзное Правительство проводят антирусскую политику и осуществляют протекционизм в отношении других национальных республик за счет русского народа... Предложения бывших ленинградских руководителей Вознесенскому о "шефстве" над Ленинградом, сделанное ему Попковым после смерти Жданова, было не случайным, а вытекало из существа их антипартийных связей. Ответственность за враждебную деятельность ленинградской верхушки ложится и на Жданова А. А.».

«Великий нормировщик», как называл Сталина Троцкий, видимо, задумывал двухходовку — сначала «Русское дело» ленинградского руководства, потом еврейское «Дело врачей».

После 1949 года тема блокады была табуирована. Музей обороны закрыли, его директор попал во Владимирский централ. Официально заявили: никакого особого героизма, отличного от других советских людей, ленинградцы не проявляли.

Уже в 1954 году ленинградцев реабилитировали, но городскую парторганизацию по-прежнему возглавлял Фрол Козлов, один из тех, кто осуществлял разгром блокадного руководства. Приехавший в Ленинград Никита Хрущев строго указал: «Не делать из Козлова козла отпущения». Поэтому блокаду по-прежнему предпочитали не поминать. Выжившие «ленинградцы» обивали пороги Смольного и не получали ничего. Директор Кировского завода, нарком танковой промышленности Исаак Зальцман вплоть до смерти руководил крохотным заводиком строительной оснастки, а первый секретарь ЦК компартии Карело-Финской

ССР Геннадий Куприянов директорствовал в Царскосельском дворце.

Куприянов вспоминал: «Вернулся псковский секретарь Л. Антюфеев, затем И. Турко — секретарь ярославский. Вернулся из Воркуты Степан Антонов, бывший заведующий отделом Ленинградского горкома партии. Вернулись некоторые из секретарей райкомов Ленинграда. Никому из них не дали прежней работы, хотя они были полностью реабилитированы. Им предстояло еще получить партбилеты, потом выслушать нотации от самодовольных барчат, оставшихся в Смольном».

Только пришедшее к власти брежневское поколение политруков стало использовать войну (а в Ленинграде — блокаду) как основной миф советской власти. Единство партии и народа — причина победы. В 1960-м открылось Пискаревское мемориальное кладбище, в 1965-м — «Зеленый пояс Славы», в 1975-м — мемориал «Героическим защитникам Ленинграда» на площади Победы.

А настоящая блокада, где люди умирали бесцельно и страдания никак не были связаны с идеологией, вытеснялась в подсознание, становилась «скелетом в шкафу». О ней предпочитали не вспоминать и те, кто ее пережил. И дети не от учителей, а от матерей знали о существовании чего-то неслыханно ужасного и о том, что в доме необходимо хранить запас продуктов «на всякий случай». Детали оставались не проговоренными, с этой памятью трудно было жить, и о ней было невозможно рассказать даже дочерям и сыновьям.

«Великий город с областной судьбой» был реабилитирован наполовину, как крымские татары и поволжские немцы. Только в 1985 году награжденные медалью «За оборону Ленинграда» получили те же льготы, что и фронтовики. Остальные блокадники — в 2001-м.

Тень блокады лежит на городе и сегодня, хотя большинство ветеранов не дожили до публичной правды, их воспоминания не записали. Передающийся по наследству ленинградский стоицизм, некоторая угрюмость, память

о чем-то, о чем и вспоминать нельзя, по-прежнему не оставляет горожан.

В Петербурге нет настоящего Музея блокады, сравнимого с музеями Холокоста в Иерусалиме, Нью-Йорке и Берлине. Памятники на Невском пятачке и на Синявинских высотах неухожены. Тысячи тел непогребенных солдат каждый год хоронят праведники из поисковых отрядов.

Но как признак истинного аристократизма, принадлежности к «городу славы и беды», в разговорах всегда всплывают бабушка, эвакуированная по Дороге жизни, прадед, похороненный во рву Пискаревки, дед, погибший на Невском пятачке.

ШПАНА

Был ли в сталинском СССР тоталитаризм, общество, обрисованное Джорджем Оруэллом в знаменитом романе «1984»? Были ли жители страны послушными марионетками режима? Похоже, что это миф. Молчаливое большинство выражало свое недовольство пьянством, анекдотами, произносимыми полушепотом, уходило в частную жизнь. Но были и люди, не боявшиеся МГБ и МВД, — уголовники, бывшие военнопленные, украинские и литовские партизаны. Большинство из них были собраны в штрафных каторжных лагерях. Особой романтики в рецидивистах не было. Ну, да и Емельян Пугачев и Стенька Разин, по-существу, — кровожадные разбойники.

До смерти Сталина улицы больших городов, в том числе и Ленинграда, принадлежали шпане — самому сильному неформальному молодежному движению послевоенного СССР. Пережившие смерь родителей, отчаянные, готовые к тому, чтобы ударить кастетом или зарезать заточкой, они диктовали нравы.

Эдуард Хиль, певец: *«Я помню, шел по Лиговке провожал знакомую девушку. И вдруг подходит несколько человек, такая стайка, группка. Они меня окружили, девушку*

мою вытеснили, вынули финки, и я почувствовал смертельный холод. Потому что перед тобой несколько человек с ножами. Я говорю: "А что надо?" Они: "Снимай пальто и снимай кепку". А тогда в это время были очень модно носить "лондонки", это шерстяные такие кепки. Я как раз купил за пять рублей. Это огромнейшие деньги по тому времени. Сняли с меня кепку, сняли пальто. Потом сказали: "Да нет, пальто рваное, бери себе, а лондонку мы забираем. Ну, молодец, что не пикнул". А кругом, я посмотрел, милиция ходит. А они так вот вас обступают со всех сторон, как будто это группа людей. Я потом подошел к милиционеру, он говорит: "Да здесь каждый час кого-нибудь или насилуют, или убивают". Вот такое время было».

Почему отбирали одежду? 1945 год, легкая промышленность работала едва-едва, одежды у людей просто-напросто не было, большинство мужчин донашивали военную форму. Поэтому на толкучках один из самых ходовых товаров все 1940-е — это одежда, даже ношенная.

Сотрудники Ленинградского уголовного розыска за разработкой операции. 1944 год

Распространены кражи белья с чердаков. Тогда можно было украсть и продать. И покупали. Потому что это был дефицит. Простынка какая-то, бывшая в употреблении — нужная вещь.

Эдуард Кочергин, художник: *«Ленинградские рабочие отдельных квартир не имеют. Живут в бараках, коммуналках и общежитиях, по несколько человек в комнате. В гости ходят в женское общежитие. Вся жизнь на виду. На заводах очень часто под общежитие пустующие цеха приспосабливали, жили в квартирах без стекол, без окон, с дырками в потолках, в полах. Действительно выживали. Часто была ситуация, когда, например, в одной комнате, бывшей кухне, жило по 5—10 семей. Жили буквально под лестницами. В подвалах Андреевского рынка — он был порушен во время войны, туда бомбы попали. А общежития сами их жители называли вертепами и концлагерями. В бараках для неженатых жило по нескольку сотен людей. Для семейных норма была больше, но это не означает, что у них были отдельные комнаты. Занавеской отделились друг от друга, кровати поставили. 2—3 квадратных метра личной жилой площади».*

Уголовный розыск в начале 1946 года работал на пределе сил. Ленинград был переполнен отчаявшимися от нищеты людьми. Город все еще находился на военном положении. Въезд-выезд — строго по пропускам. Власти пытались ограничить поток ленинградцев, возвращавшихся из эвакуации. Но тысячи людей проникали сюда нелегально и оказывались в бедственном положении.

Жилья нет. Деревянные дома на рабочих окраинах либо сожжены, либо разобраны на дрова. Процентов 60 жилого фонда уничтожено или нуждается в капитальном ремонте. Во многие квартиры вселились новые жильцы и не желали отдавать их законным владельцам; правды не найти.

На работу без документов, без выписки с разрешением о въезде в город было не устроиться. Вернувшиеся люди оказались без средств к существованию. И это одна из причин резкого всплеска преступности.

Накопилось много специфической послевоенной злобы. Война разрушила миллионы семей, наполнила страну беспризорниками. Молодежь, пережившая ужасы блокады, эвакуации не очень-то верила в светлое будущее. Каждый выживал сам, в своей стае, по своим, не советским законам. В моде была блатная романтика. Песенка тех лет:

«Мы носили в очередь брюки и подштанники.
Всё на свете семечки, друзья.
Были мы домушники, были мы карманники
Корешок мой Сенечка и я.
Два бычка курили мы, сев в углу на корточки.
Всё на свете семечки, друзья.
В дом в любой входили мы только через форточку
Корешок мой Сенечка и я».

Беспризорники

Варлам Шаламов в «Колымских рассказах» пишет: когда подросток становился перед выбором либо постная официальная идеология, либо контркультура, романтика, тайна, как правило выбирал блатную романтику.

Хотя война закончилась, милицейские отчеты напоминали сводки о боевых действиях. В городе грохотали выстрелы, гибли простые граждане и сотрудники милиции. Раздобыть огнестрельное оружие не составляло проблемы. Четыре года вокруг Ленинграда шли бои. Стволы собирали по лесам, как грибы. А молодые бандиты стреляли не раздумывая.

6 октября 1944 года в кинотеатре «Колос» на Невском проспекте бузила шпана из 206-й мужской школы (там через несколько лет после этих событий будет учиться Сергей Довлатов). Это была тесная интернациональная компания подростков во главе с 17-летним Борисом Королёвым (кличка, понятное дело, Король) — 26 пацанов и подруга Королёва Красовская по прозвищу Королева. Пили водку, матерились, приставали к женщинам. Зрители пытались их одернуть. Был вызван наряд милиции, они и ему не подчинялись, угрожали финками, и успешно бежали.

Банда Королёва начала с ограбления столовой собственной школы. Потом были кражи кожаных пальто в Шувалово, бюста Кутузова из Казанского собора, убийство женщины — школьного сторожа (в той же родной 206-й), ограбления квартир.

Вещи продавали на знаменитой барахолке на углу Лиговки и Обводного канала и пропивали в ресторане «Метрополь».

6 октября после изгнания из «Колоса» в «Катькином садике», в самом центре Ленинграда, «королёвские» изнасиловали бойца штаба МПВО Зайцеву.

Только в октябре милиция серьезно взялась за шайку и одного за другим арестовали «королёвских».

Эдуард Кочергин, художник: *«Вор — это ремесло. Вор профессиональный никогда не обидит прохожего. Ни в коем случае, наоборот, это уголовная интеллигенция. Цеховая. Шпана — это никто».*

Хотя полстраны с наслаждением напевали блатные песни, мальчишки учились говорить по «фене», и Ленинград захлебывался от грабежей и убийств, блатной мир имел к этому самое отдаленное отношение.

Настоящий блатной — это вор. Домушник, медвежатник, карманник. Но не убийца. Потому что профессионал и хорошо знает уголовный кодекс. За воровство — от 1 до 3-х. За убийство — вышка. А ему еще пожить хочется.

Профессиональные блатные на насильственные преступления шли очень редко. А если разбирались с применением оружия, то только в своей среде, за нарушение воровских законов, за стукачество. И то это старались делать негласно, не демонстративно. Поэтому к шпане блатной мир относился очень осторожно.

Ленинград был полон плебейской шпаны. Они носили фиксы — металлические накладки на зубы — финки и кепки, туго натянутые на уши. Когда их стайка пробегала, надо было беречь, прежде всего, карточки. Они выхватывали их на лету и убегали. Излюбленные жертвы шпаны — пьяные: они не будут сопротивляться. Раздевание пьяных в милицейских сводках проходило даже отдельный статьей. Найти потенциальные жертвы бандитам не составляло труда. В послевоенном Ленинграде множество пивных. И они никогда не пустуют.

Александр Городницкий, ученый-геофизик, поэт, бард: *«Когда мы учились в Горном институте, заключались пари — может ли человек дойти по Большому проспекту Петроградской стороны от Тучкова моста до площади Льва Толстого, заходя во все рюмочные, или не дойдет. Очень культурные были заведения, к водке выдавалась закуска какая-нибудь. Обычно — бутерброд. Я помню, что наибольшей популярностью пользовался бутерброд, который назывался «Сестры Федоровы» — на куске хлеба 3 кильки. В пивных ларьках не только пиво было, но и водку продавали».*

Валерий Попов, писатель: *«На углу Маяковской и Некрасова была страшная рюмочная, набитая инвалидами безногими. Оттуда веяло какой-то сырой овчиной, несчастьем, криками, драками, это была страшная рюмочная послевоенная. Такое ощущение, что народ сознательно спаивали, этих обрубков, этих костылей, бывших офицеров, солдат, сержантов. Не нашли способ этот народ пригреть и занять, и это был один из выходов».*

Пивные становились местом встреч, общения, знакомства, ну, и конечно, не только для законопослушных граждан, но и для криминального элемента. Во всех этих заведениях вспоминали, как штурмовали Кенигсберг или Вроцлав, и пили, пока не впадали в беспамятство. Пивные стали постоянным местом встречи шпаны. Собирались, выпивали, высматривали жертву, шли провожать. Потом людей находили избитых, раздетых, умирающих на морозе.

Но не только инвалиды и подростки чувствовали себя обездоленными. Послевоенный стресс — удел многих демобилизованных фронтовиков. Он в 17, 18 лет ушел на фронт, мог быть командиром, офицером, уважаемым человеком. Он возвращается, идет в военкомат, ему дают направление в какой-нибудь лесосплав, где ни жилья, ни пайков. И это толкало людей на преступления.

Вот типичная история из того времени. Ночью 26 января 1946 года на Васильевском острове постовые милиционеры задержали подозрительного гражданина с узлом в руке и доставили в отделение. Потом они припомнят, что впереди задержанного шел еще один человек роста высокого, походка утиная, вразвалочку. Милиционеры не могли знать, что в ту ночь упустили особо опасного преступника. Впрочем, возможно, только благодаря этому они остались живы.

Задержанный оказался рабочим Петром Биюткиным. В узле обнаружилось зимнее полупальто, желтые полуботинки с галошами, одна перчатка на левую руку и записная книжка. Пальто было испачкано кровью. На вопрос о происхождении вещей, задержанный поведал следую-

щую историю: «Зашел в пивную на 1-й линии. Выпил водки. Сколько — не помню. На улице, подошли двое, говорят: купи вещи. Я говорю: мне не надо. А они говорят: купи! Я говорю, у меня денег всего 180 рублей, что я куплю? А он как даст мне в нос. Деньги забрали, а узел этот проклятый оставили. Ну, я и взял».

Печальный рассказ гражданина Биюткина милицию не растрогал. Его тут же взяли под стражу. Узел с одеждой среди ночи — типичная добыча воров и грабителей. В послевоенном Ленинграде каждый день совершалось по 60 краж и минимум одно разбойное нападение. Это только по официальной статистике.

Уже на следующее утро обнаружился владелец краденых вещей, гражданин Теннисон. Он шел вечером из театра. На Васильевском острове на него напали трое. Ударили по голове, повалили, обокрали. Жаль только, лиц нападавших гражданин толком не видел. Оперативникам стало ясно: в городе действует очередная шайка громил и как минимум двое преступников еще на свободе. Необходимо было выяснить связи задержанного Биюткина.

Вояж оперативников по двум общежитиям — мужскому и женскому дал следствию первые ниточки, ведущие к бандитам. Выяснились любопытные факты. Один из друзей задержанного Биюткина последнее время ходил с орденом Красной Звезды, хотя награжден им по-видимому не был. Другой знакомый засветился в женском общежитии с пистолетом. Третий, самый молодой, Женька, носил две пары часов — наручные и карманные серебряные: по тем временам вызывающая роскошь.

Но удалось установить личность лишь одного из приятелей Биюткина — фальшивого орденоносца Александра Луговского. В квартире его жены на Васильевском острове оперативники устроили засаду. Она в первую же ночь принесла успех. На ночлег явился приятель Биюткина Сергей Смирнов. Обыскав гражданина, оперативники обнаружили пистолет ТТ и 7 патронов к нему. Этого было доста-

точно для задержания. Но сознаваться в преступлениях Смирнов не собирался.

Смирнов Сергей Иванович 1922 года рождения, инвалид войны. На фронте пробыл с 1941-го по 1945-й. Четыре ранения, одна контузия. Пистолет остался у него со времен войны. Гражданин Смирнов не обманывал следствие. Он действительно проливал кровь за Родину, закончил войну старшим сержантом. Кстати, и гражданин Биюткин тоже воевал, награжден медалью «За оборону Ленинграда». Забегая вперед, скажу: почти все участники банды оказались фронтовиками. На войне учат убивать и привыкать к смерти. Убивают там каждый день. И не все, кто выжил в этом аду, легко вернулись в мирную жизнь. Испытание миром для многих оказалось непосильным.

Через 2 дня после задержания Смирнова на Васильевском острове тремя выстрелами в упор был убит постовой милиционер Новиков. Очевидцы видели трех молодых людей, разбегавшихся в разные стороны. Перед смертью милиционер успел сказать одно слово: «паспорт». В кармане погибшего оперативники обнаружили паспорт на имя Леонида Ефремова.

В тот же вечер по месту прописки Ефремова устроили засаду. Всякое нападение на милиционера рассматривалось по 59-й статье, как бандитизм. А это обычно высшая мера наказания. В любой стране мира для полиции разыскать убийцу своего коллеги — дело чести. И ленинградская милиция не исключение.

На все управление уголовного розыска в Ленинграде было 6 машин. И опера носились с одного конца города на другой на своих двоих, часто без обеда. И при этом процент раскрываемости тяжких преступлений был чрезвычайно высокий.

Милиционеры сидели в засаде до глубокой ночи. Наконец раздался звонок в дверь. В квартиру вошел тот, кого ждали, — Леонид Ефремов. Его тут же задержали и обыскали. Оперативники не могли представить, что в двух ша-

гах от них в темноте лестничной площадки стоял еще один человек. Он внимательно прислушивался, потом быстро спустился по лестнице. Человек был молод, высокого роста, походка утиная, вразвалочку.

Изъятое у бандитов оружие. 1940-е годы

Задержание Леонида Ефремова дало следствию уникальный шанс. Паспорт этого гражданина был найден в кармане убитого милиционера. Может, он и не убивал, но оказался крайним. И теперь был заинтересован дать правдивые показания. Леониду Ефремову 34 года. Он дал показания: «Это Женька стрелял. Мы в тот вечер с Женькой и Федькой заночевали в школе, дверь была открыта. А утром нас уборщица прогнала. И директор школы выскочила — к постовому: проверьте у них документы! Милиционер к нам: предъявите документы. Я паспорт отдал, я милицию уважаю. А Женька с Федькой: нету у нас документов. Мили-

ционер говорит: пройдемте в 30-е отделение. Мы пошли. А Женька чуть отстал и, вижу, из кармана наган достает. Я кричу: ты чего! А он раз, раз — прямо в спину».

Показания Ефремова подтвердили свидетели. Стрелял самый молодой — некто Евгений Волков. Ефремов познакомился с ним и Сергеем Смирновым случайно месяц назад. Похоже было, что это тот самый Женька, о котором рассказывали в общежитии, знакомый Смирнова и Биюткина. Но допрашивать их снова оперативники не торопились.

Сначала отправили на экспертизу 3 пули, извлеченные из тела милиционера Новикова. Не причастен ли он к другим подобным убийствам? Выяснилось: из этого же оружия при похожих обстоятельствах месяц назад были убиты постовой милиционер Беляев и капитан Мещеряков, который пытался помешать грабителям.

Сергей Иванович Смирнов показал: «19 января 1946 года на улице Гатчинской мы встретили неизвестного гражданина, он шел в парадную дома. Волков и Биюткин забежали за ним, и там послышался шум борьбы. А потом один выстрел. Я лично стоял у дверей, на стреме. Кто стрелял, не знаю, не спрашивал. Убитого капитана Мещерякова не видел. Я услышал выстрел и убежал».

А вот что рассказал Петр Биюткин: «В конце января 1946 года вместе со Смирновым и Волковым около 21 часа поехали на Международный проспект (ныне Московский. — *Л. Л.*). Хотели выпить и, по возможности, ограбить какого-нибудь пьяного. Выпили водки и пива. Заметили гражданина в районе 6-й и 7-й Красноармейской улиц. Стали тащить его. Подошел гражданин и спросил: "Зачем его тащите?" От назойливого гражданина удалось избавиться, но тот привел милиционера. Он стал проверять документы. Волков выстрелил. Все трое разбежались, встретились у Луговского».

Перекрестные допросы Смирнова и Биюткина дополнили уголовное дело новыми эпизодами. Оказалось, банда орудовала с ноября 1945 года. Начинали с мелочовки: на-

падали на женщин, вырывали сумки. Потом осмелели, стали грабить мужчин — стариков и пьяных.

22 января убили милиционера Беляева, убежали. Казалось бы, спрятаться, молиться. Нет. Ребята не слабонервные. В ту же ночь еще одно убийство с ограблением. Через 3 дня опять. Девушка в пивной показалась подозрительной, наблюдала за ними, потом вышла. В милицию что ли побежала? Волков догнал, застрелил. Вечером поживились: избили и ограбили гражданина Тениссона. Хроника волчьей стаи. Хотя у волков кровь горячее. Такими хладнокровными, наверное, только рыбы бывают.

В начале января Смирнов и Волков зашли в буфет на углу Майорова (ныне — Вознесенский проспект) и канала Грибоедова. В пивной было несколько посетителей, один из них был в форме рядового. Здоровый, но крепко выпивший, он едва держался на ногах. За плечами — вещевой мешок военного образца. Волков и Смирнов вышли вместе с солдатом. Пошли в сторону Фонтанки. У Фонтанки Смирнов сбил пьяного с ног. Волков стал наносить удары ногами. Сняли сапоги, брюки, взяли бумажник. Кальсоны решили оставить. Этого солдата доставят в больницу, но спасти не смогут. Следующего фронтовика найдут уже окоченевшим. Как раз с него один из бандитов снял орден Красной звезды. Потом ходил, гордился, будто в бою орден получил.

Евгений Волков в войне не участвовал, но рассказывал сказки, что был в партизанском отряде. Не сработай уголовный розыск, может, дожил бы до седин, рассказывали пионерам о подвигах.

Почти все бандиты оказались за решеткой. Не было только самого опасного — Евгения Волкова. Оперативники выяснили все связи бандита, устраивали засады, каждый постовой знал наизусть словесный портрет Волкова, и особенность — рыжий. Была объявлена тревога по всем отделениям милиции города. Задерживали рыжих, приводили в отделение, проверяли, потом отпускали.

Волков будто сквозь землю провалился. Но оперативники были уверены: скоро бандит проявит себя. Ему надо на что-то жить, где-то ночевать. Оставшись один, Волков вернулся к тому, с чего начинал: грабил женщин, отнимал деньги и продовольственные карточки. Продовольственные карточки — это жизнь. Каждый человек, будь он рабочий, служащий или домохозяйка, получал продовольственную карточку. По ней выкупались товары. Цены по карточкам, то есть по распределению, были раз в 10—15 ниже рыночных. Отсутствие карточки — голод. Хуже чем паспорт потерять, поэтому карточки берегли.

В деле банды Волкова больше половины преступлений — нападение на женщин. Их избивали, порою убивали, награбленное пропивали с размахом. И совершенно безнаказанно. Однако есть высший суд или ирония судьбы. Неуловимый убийца Волков, в конце концов, на этом и попался. Женщины тоже разные бывают.

40-летняя Матильда Безменова пребывала в отчаянном положении. Месяц назад у нее украли продуктовые карточки. Еле выжила, наконец, получила новые. А тут Волков с наганом сумочку отнимает.

Матильда решила, что терять нечего: дралась, кусалась, орала. Волков бросился бежать, отстреливался. Но Матильда не отставала. Дикое зрелище привлекло внимание двух фронтовиков. Дали Волкову по шее, скрутили руки и сдали в милицию.

На допросах Евгений Волков отпирался не долго. Часть убийств пытался свалить на своих подельников, но следствие установило: убийства совершены из его нагана. Врать стало бессмысленно, и он сознался во всем: «Преступления мною совершались для того, чтобы существовать самому. В 1942-м я был эвакуирован с матерью из Ленинграда в Омск. Во время переправы через Ладожское озеро мама погибла. Отец погиб еще раньше, в 1939-м, на войне с белофиннами. В Омске я работал слесарем на МТС. Потом в колхозе. После возвращения в Ленинград в марте 1945-го хотел устроиться на работу, но не брали. Также

невозможно было прописаться. Паспорта у меня не было. Я боялся получить его, чтобы не призвали в армию».

Подготовка подследственного к этапированию
с вещественными доказательствами. 1940-е годы

В 1945 году ему исполнилось всего 17 лет. Этот подросток сколотил банду из взрослых парней лет по 25 и вел себя с ними как старший. За полгода Волков, Смирнов, Биюткин и Ефремов успели совершить 32 преступления. 7 человек, в том числе 2 сотрудника милиции, были убиты. Почти все убийства совершил самолично Евгений Волков. Именно он был инициатором ограблений и фактически главарем банды. Надеяться на снисхождение Волкову не приходилось. Но и терять было нечего.

22 апреля 1946 года произошло невероятное: Евгений Волков бежал из «Крестов». Он дольше всех оставался на

свободе, а когда попал в тюрьму, снова проявил себя. В камере с Волковым сидели 6 взрослых мужиков, среди них матерые уголовники. И он сумел организовать их на рискованное дело — побег. Далеко не все собирались бежать, каждому за соучастие грозило наказание. Но никто не доложил надзирателям, не остановил авантюру, наоборот, участвовали, помогали.

Вынули из стенки железный крюк, который поддерживает батарею. Отломали у кровати ножку. С помощью этих предметов долбили стенку, расшатывали кирпичи. Чтобы раствор лучше поддавался, смачивали водой. Кирпичи складывали под кровать. К батарее привязали веревку, сделанную из обивки матрасов. Волков пролез в дыру с большим трудом, его проталкивали сокамерники. Когда начал спускаться, веревка оборвалась, и он упал с большой высоты. Но Волков был как заговоренный. 40 минут бродил по темному двору тюрьмы в поисках лестницы, а часовые его так и не заметили. Наконец ему удалось поставить на стену деревянный щит и выбраться на свободу.

В Ленинграде объявили тревогу, вся милиция города подключились к поимке беглеца. Опер Чиботурин, проезжая на трамвае по Лиговскому проспекту, увидел рыжего, посмотрел на фотокарточку: это был Волков. Преступник понял что его опознали, выскочил из трамвая, стал убегать дворами. Но Чиботурин выстрелил ему в ногу, и задержал.

В июне 1946 года состоялся суд над бандой Волкова. Соучастники получили от 3 до 10 лет лагерей. Подсудимые Смирнов и Волков были приговорены к расстрелу.

Евгений Волков симулировал сумасшествие. Выпучивал глаза, морщил лоб, на простые вопросы отвечал невпопад. Его спрашивали: «Когда вы родились?» А он отвечал: «Спасибо, я не курю». Впрочем, судебно-медицинская экспертиза признала Волкова вполне вменяемым. В последнем слове сказал просто: «Я преступник большой. Защиты мне не может быть». 2 октября 1946 года смертный приговор привели в исполнение.

МАЛЬЧИКИ ИЗ СХШ

Первая послевоенная параллель СХШ[1] имела двух ярких лидеров, которые, как и полагается в юности, соперничали между собой, — это Александр Арефьев и Илья Глазунов. Со времени их совместного обучения прошло больше 60 лет, и теперь можно говорить о том, что они так и остались парой антиподов. Для широких масс Илья Глазунов — это и есть живопись, так же, как Валентин Пикуль — литература, а Алла Пугачева — музыка. Для искусствоведческого истеблишмента его творчество представляется китчем. Его не принято рассматривать в контексте профессиональной художественной критики. О нем пишут не статьи, а фельетоны. Говорить о нем в светской беседе так же неприлично, как о программе партии «Единая Россия» или о Ваенге.

Что касается Арефьева и его группы, они были открыты для публики только в конце 1980-х годов, одновременно с Филоновым и Малевичем. Они считаются одним из самых интересных и героических явлений советского андеграунда. Русский музей и Третьяковская галерея гоняются за работами арефьевцев, но едва ли купят нового Илью Глазунова раньше, чем лет через 100.

Илья Глазунов — выходец из православной, правой по убеждениям семьи. Александр Арефьев — изначальный «западник», эстетически близкий к появившимся тогда «штатникам», предшественникам стиляг.

Арефьев — мастер цвета, Глазунов — линии. Арефьев и его окружение всегда черпали сюжеты и вдохновение из того, что их окружало, и даже в исторических темах прибегали к современным трактовкам. Глазунов — художник по духу исторический, и даже сегодняшний день интересует его как часть истории.

---

[1] Ленинградская средняя художественная школа (ныне — Санкт-Петербургский государственный академический художественный лицей им. Б. В. Иогансона Российской Академии художеств) — первое в стране детское среднее специальное художественное учебное заведение. — *Прим. ред.*

Арефьевцы называли себя «Орденом непродающихся (нищенствующих) художников», и это не было кокетством: они работали лаборантами, экспедиторами, грузчиками, клееварами, никогда никто из них не занимал должность выше маляра. Константин Кузьминский оставил воспоминания о том, как Арефьев уже в середине 1970-х общался с потенциальными покупателями своих полотен: «Когда, в 75-м, художники стыдливо, из-под полы приторговывали с иностранцами (за вычетом отчаянного Рухина, который устраивал прямо-таки "дипломатические приемы"!), Арех просто "гулял по буфету". Звонит как-то ночью мне: "Кока, у меня тут какие-то косоглазые падлы картинки покупают!" И, слышу: "Ну что лыбишься, желтая морда?" "Арех, — говорю, — они ж дипломаты! Они по-русски секут!" "А мне начхать! Ну, выкладывай, желтая рожа, свои пфеннинги!" Арех все это уснащал крутейшим матом, да и сам был в дупель поддавши». Глазунов, хотя и находился долгое время в опале, в итоге снискал колоссальный успех.

Илья Глазунов

Александр Арефьев

Для того чтобы быть антиподами, необходимо иметь, в первую очередь, что-то общее. Художники арефьевского круга и Илья Глазунов — люди одного поколения, учились в одном и том же заведении, одинаково не принимали официозную эстетику соцреализма. И арефьевцы, и Глазунов стали первыми в СССР художниками, попытавшимися восстановить связь времен с мировым и дореволюционным художественным контекстом. Назвать взаимоотношения между ними только враждебными не верно. В 1977 году опальный левак Арефьев вывез в Париж свои картины при деятельном участии своего однокашника Ильи Глазунова.

Их роднила судьба. Из воспоминаний Ильи Глазунова о блокаде: «Отец и все мои родные, жившие с нами в одной квартире, умерли на моих глазах в январе-феврале 1942 года. Мама не встает с постели уже много дней. У нас четыре комнаты, и в каждой лежит мертвый человек. Хоронить некому и невозможно. Мороз почти как на улице, комната — огромный холодильник. Поэтому нет трупного запаха. Я добрался однажды с трудом до последней комнаты, но в ужасе отпрянул, увидев, что толстая крыса скачками бросилась в мою сторону, соскочив с объеденного лица умершей две недели назад тети Веры».

Та же судьба и у сверстников и одноклассников Глазунова — художников арефьевского круга. Александр Арефьев родился в 1931 году, воспитывался без отца. Всю войну провел в блокадном городе. Владимир Шагин родился в 1932-м, его отец, а потом и отчим, были расстреляны. Мальчик эвакуирован из блокадного Ленинграда. Рихард Васми родился в Ленинграде в 1929 году. Родители умерли в блокаду, сам он был эвакуирован с детским домом. Шолом Шварц родился в 1929-м, осиротел в блокаду, эвакуирован с детдомом. Валентин Громов родился в 1930 году, блокаду провел в Ленинграде. Входивший в группу поэт Роальд Мандельштам родился в 1932 году в Ленинграде. Его отца, американского коммуниста, эмигрировавшего в СССР, репрессировали. Мандельштам всю блокаду провел в Ленинграде. Беспризорничал.

Поколение Арефьева знало: худшее уже позади, страшнее, чем в блокаду, не будет. И это качество позволило им в дальнейшем противостоять могучему и мстительному Союзу художников СССР.

Глазунов и Арефьев поступили в СХШ еще в военном 1944 году (в 1945-м — Шолом Шварц, в 1946-м — Валентин Громов и Владимир Шагин).

Когда-то 80 миллионов лет назад от огромного материка Гондваны отделилась Австралия. С тех пор эволюция животного мира там пошла на особицу: кенгуру, утконосы, дикие собаки Динго. Примерно такое же действие на советское искусство оказала реформа образования 1932 года, когда был создан Союз художников, авангардный ВХУТЕИН (Высший художественно-технический институт) стал Институтом живописи, скульптуры и архитектуры, для которого живопись после Коро и Серова не существовала. Еще в 1920-е годы русский авангард действительно шел в авангарде мировых художественных процессов. Малевич, Филонов, Татлин равновелики Пикассо, Дали, Гроссу. К середине 1940-х годов официальное изобразительное искусство СССР так же выделяется на мировом фоне, как австралийская фауна. Библиотеки и музеи вычищены от идеологически вредного, учебники переписаны. Русские художники поневоле превратились в эпигонов передвижников.

Средняя художественная школа размещалась на Васильевском острове, на 4-м этаже здания Академии художеств. Конец войны, когда наши герои оказались в СХШ, — время противоречивое. Будучи не в силах кормить и снабжать тыл, власть сквозь пальцы смотрела на расцвет колхозных рынков, барахолок, ремесленных артелей. Ослабел и идеологический контроль, стали доступны трофейные фильмы, записи Лещенко и Вертинского, журнал «Британский Союзник», джаз. Позже Арефьев говорил: «Когда мы были 14—16-летними мальчишками, тяжелая послевоенная жизнь отвлекала внимание взрослых от нашего развития. Поэтому мы развивались сами по себе и от себя, серьезно на нас не смотрели, и поэтому наше великое счастье в том,

что когда внимание на нас было обращено, мы оказались уже сложившимися людьми, и те террористические и глупые меры, которые были приняты в отношении нас, только укрепили правоту в себе».

Одновременно с ними в СХШ учился Александр Траугот, а его отец, Георгий Траугот, художник, бывший участник художественного движения «Круг», преподавал. В 1946 году Георгий Николаевич единственный на собрании ленинградского отделения Союза художников воздержался от голосования за резолюцию ЦК партии об Ахматовой и Зощенко. Он и стал тем, кто показал Александру Арефьеву изобразительное искусство, не представленное в Эрмитаже и Русском музее.

Уже на второй год обучения между Глазуновым и Арефьевым существовали разночтения. Класс делился на «передвижников» во главе с Глазуновым и «французов» — арефьевцев.

Как недоброжелательно пишет в своем дневнике 1946 года юный Илья Глазунов, «по выражению Гудзенко (вороватого малого, поклонника Сезанна, Матисса и т. д.), весь 11-й класс делает "под Глазуна", за исключением Траугота (сын лосховца), Арефьева и Миронова. Последние шли на реализм, но снюхались с Трауготом и переняли любовь к "цвету", хлещут без рисунка».

Однако поклонник Ивана Шишкина Илья Глазунов тоже не так прост: «Мне нравился певучий колорит гогеновских экзотических полотен. Его "Ноа-Ноа" — благоуханный остров — лежал на моем заваленном красками и книгами столе. Интуитивное желание уйти от ситуации нашей советской жизни, индивидуализм и неслияние с ней вызывали увлечение пантеизмом и миром неведомым, непонятным и вечным».

В 1949—1951 годах Арефьева и его приятелей одного за другим отчислили из СХШ за «дурное влияние на учащихся». Кто-то из преподавателей сказал: «Они мне весь курс перепортят». По словам Владимира Шагина, «когда исключали из СХШ, Илья Глазунов, учившийся в параллельной

группе, сказал: “Мы еще посмотрим, кто из нас станет хорошим художником, а кто плохим!"».

Арефьев не унывал: «Жалкие, вонючие, желчные одноклассники; художественная школа — формализованное глупое дело, заскорузлое, чахлое — предложила нам бутафорию и всяческую противоестественную мертвечину, обучая плоскому умению обезьянничать. А кругом — потрясения войной, поножовщина, кражи, изнасилования...»

Изгнанники вместе с поэтом Роальдом Мандельштамом придумали «Орден нищенствующих живописцев» — подпольное объединение, построенное на строгом, то ли блатном, то ли монашеском законе: не стремиться вступить в Союз художников, не выставляться на официальных площадках, не работать ни на каких работах, хоть как-то связанных с советской идеологией. Слова Арефьева: «Трагический артистизм, который спасет тебя от бесчестья, когда тебе грозит полное падение в сточную канаву из нечистот, яму с испражнениями и всякую прочую гнилую гадость, в которую как упадешь, так и задохнешься».

Александр Арефьев дважды сидел, один раз за покушение на убийство, другой раз за подделку рецепта на наркотики. Роальд Мандельштам умер от костного туберкулеза. Владимир Шагин годы провел в психиатрических лечебницах. Родион Гудзенко сидел за «приставание к иностранцам».

Между тем, живопись арефьевцев на фоне советского официоза отличается не столько формальными прорывами, сколько исключительной наблюдательностью. Вот что говорил сам Александр Арефьев: «Среди наших ребят не было формалистов — это значит: мы не шли изнутри себя живописным умением, создавая этим свой мир. Так никогда не было. Всегда на первом месте стояло наблюденное, и после делался эквивалент ему красками. Всегда старались для этого выбрать такой объект наблюдения, который уже сам по себе приводит в определенный тонус необычностью видения ускользающего объекта: в окно, в замочную скважину, в публичный сортир, в морг».

Александр Арефьев. «Любовь». 1954 год

Илья Глазунов. «Вечная Россия». 1988 год

Илья Глазунов никогда не скрывал того, что он выходец из православной монархической семьи. Его полотна — послание убежденного человека. Неслучайно ему поставили

тройку за диплом, долго не принимали в Союз художников. Это на словах он поклонник Сурикова и Шишкина. Его живопись восходит к традиции символизма, усвоенной в Англии прерафаэлитами, во Франции — группой Наби, в России, где она была искусственно прервана советской властью, — художниками Нестеровым и Николаем Рерихом. Союзниками Глазунова в 1960—1970-е годы были не только Сергей Михалков и Екатерина Фурцева, но и Солженицын, Астафьев, Белов. Другое дело, что идеология верхов постепенно становилась все менее коммунистической и все более глазуновской, и он естественным образом стал любимцем сначала первых секретарей обкомов, а потом — губернаторов и олигархов.

В начале карьеры полузапрещенный Илья Глазунов рассматривался как Евгений Евтушенко от искусства (они и дружили в ту пору). И, действительно, при всей разнице в их жизненных позициях, они близнецы-братья: оба много работают, оба стремятся быть просветителями, и тот, и другой жаждут любви народа и власти. В параллельном жизнеописании арефьевцев и Глазунова важно то, что первые остались навсегда в Ленинграде (за исключением самого Арефьева, последние полгода проведшего в Париже), а Глазунов уехал в Москву. «Главное — величие замысла», — говорил Иосиф Бродский. В Ленинграде трудно продаться: тебя не покупают, в Москве проще идти на оплаченные компромиссы.

Для зрителя в конечном итоге важно не разобраться в споре, а отстраниться от него. Сейчас не имеет значения, что думал Крамской о Семирадском. С уверенностью мы можем говорить только одно: в 1944 году в Средней художественной школе учились два человека, сыгравшие огромную роль в русском искусстве второй половины XX века, один — для его внутренней эволюции, другой — в качестве популяризатора и пропагандиста «русской идеи».

ПОЭТ, ТИРАН, ШПИОН

Из третьего посвящения к ахматовской «Поэме без героя»:

«Полно мне леденеть от страха,
Лучше кликну Чакону Баха,
А за ней войдет человек...
Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый век».

«Милым мужем» не стал Ахматовой знаменитый английский философ и литературовед сэр Исайя Бе́рлин. «Смущение» века — начало холодной войны. Ахматова считала: именно ее встреча с британским дипломатом в Фонтанном Доме привела мир к грани ядерного уничтожения. И хотя поэты, порою, склонны придавать провиденциальное значение происшедшему с ними, в данном случае Ахматова была права.

1 июня 1944 года Анна Андреевна вернулась из эвакуации в Ленинград. С осени 1944-го поселилась там, где жила до войны, — во флигеле Фонтанного Дома, в квартире своего бывшего мужа искусствоведа Николая Пунина. Ей выделили 2 комнаты, 2 другие занимала семья Пуниных.

В годы войны официальная советская идеология претерпела довольно существенные изменения. Коммунистическая риторика сдавала позиции, открывались многие закрытые в 1930-е годы храмы, было восстановлено патриаршество, огромными тиражами переиздавалась русская классика. Чтобы сплотить народ против Гитлера, власть прибегала к помощи тех, кого еще недавно уничтожала и клеймила. Военными корреспондентами центральных газет работали Борис Пастернак, Андрей Платонов, Василий Гроссман, Илья Эренбург. Война изменила и официальный статус Ахматовой. В предвоенное время власть рассматривала поэтессу как родимое пятно прошлого, как внутреннего эмигранта. С середины 1920-х годов ее не печатали, а вышедший в 1940-м

сборник «Из шести книг» конфисковали из библиотек вскоре после выхода. С начала войны Ахматова активно печаталась в периодике, в том числе и в центральных газетах. В 1943 году в Ташкенте, где она находится в эвакуации, после долгой волокиты вышел маленький сборник ее «Избранного», в основном — военная лирика.

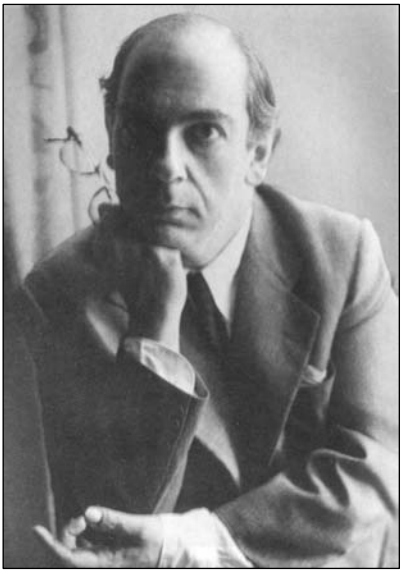
По возвращении в Ленинград она подготовила к печати сразу 3 поэтических сборника. Ахматова выступала с чтением стихов публично, с колоссальным успехом. Ее стихи производили потрясающее впечатление на читателя еще и потому, что совершенно лишены какой-либо коммунистической риторики. И сам факт ее публикации и доступа к трибуне обещал какие-то новые, более свободные и честные времена, на которые надеялись очень многие люди, пережившие войну.

Флигель Фонтанного Дома. Музей Анны Ахматовой

Столовая во флигеле Фонтанного Дома

Иосиф Сталин внимательно следил за всем, что печаталось в Советском Союзе. Его отношение к писателям вообще было не совсем обычным. Он уничтожал их очень избирательно, после раздумий. Известно о его телефонных разговорах с Булгаковым, Пастернаком. Сталин, несомненно, знал, кто такая Ахматова. В 1935 году, когда были арестованы ее муж Николай Пунин и сын Лев Гумилев, Ахматова сумела передать письмо Сталину — и они были освобождены. В это время Генрих Ягода по указанию Сталина отказал ленинградским чекистам в санкции на арест Ахматовой. Вероятнее всего, генсек не боялся Ахматову как

идеологического врага, а относил к тем достижениям дореволюционной культуры, которые могут быть сохранены при советской власти в качестве музейного экспоната; для него это было что-то вроде классической музыки или балета. Словом, 1945 год был для Ахматовой во многом счастливым: победа, возвращение репрессированного, а потом отпущенного на фронт сына, контакт с читателем.



Исайя Берлин

Гай Берджес

Между тем, в 1945 году в Британском посольстве в Москве появляется новый, временный сотрудник — второй секретарь Исайя Берлин. Он родился в Риге в 1909-м в семье лесопромышленника. Во время Первой мировой войны семья переехала в Петроград, на Васильевский остров, 22-я линия, дом 5, там, где помещалась известная всему городу мозаичная мастерская Фролова. В 1919 году он с родителями эмигрировал в Англию. Исайя учился в знамени-

той частной школе Святого Павла, потом в Оксфордском университете, по окончании которого стал там же преподавателем. Круг его интересов — европейская философия XIX столетия, по преимуществу русская. Любимые русские литераторы — так называемые западники: Герцен, Тургенев, Белинский. Исайя Берлин — человек светский. У него множество знакомых среди английских интеллектуалов. Его сверстники из английских университетов испытали сильнейший коммунистический искус. В годы войны большинство британских интеллигентов сочли долгом помочь своему народу и правительству в борьбе с фашизмом, стали военными, дипломатами, разведчиками.

Один из приятелей Берлина, тоже выпускник Оксфорда Гай Берджес, был завербован в 1934 году иностранным отделом НКВД (агентурная кличка — Метхен). Он был сын боевого офицера британской армии, полиглот, интеллектуал, пьяница, гомосексуалист, самый талантливый из знаменитой «кембриджской пятерки», возглавлявшейся Кимом Филби. В центре внимания советской резидентуры в Лондоне — информация, которую получают Форин-офис[1] и британская разведка о Советском Союзе.

В 1940 году Берджес пытается устроить Берлина в английское посольство в Москве, рассчитывая, что сможет получать от того интересующую Лубянку информацию об общем направлении британской политики в Советском Союзе, о контактах посольства с советскими гражданами. Однако в 1940-м его назначение в Москву сорвалось. В результате Исайя пробыл годы войны в английском посольстве в Вашингтоне. Берлин стал сотрудником Британского посольства в Москве только летом 1945-го.

Первое послевоенное лето — время, когда союзнические отношения между СССР и странами Запада еще существуют. Как писал позже Берлин, «колоссальная волна симпатий к России заставляла замолчать многих критиков

[1] Министерство иностранных дел и по делам Содружества (англ. Foreign and Commonwealth Office; неофициально: англ. Foreign Office). — *Прим. ред.*

советской системы и ее методов. Я выехал в Москву как раз в разгар этого периода добрых чувств». Цели, поставленные перед Берлином Форин-офисом, совпадали с его собственными интересами. По существу, он играл роль атташе по культуре и должен был составить доклад о положении советской творческой интеллигенции и ее настроениях.

В 1945 году у советских деятелей культуры немного уменьшился давящий страх перед встречами с иностранцами. В Москве Берлин общался с Корнеем Чуковским, Сергеем Эйзенштейном, Александром Таировым, Ильей Сельвинским, Самуилом Маршаком. Берлин провел несколько длинных разговоров с Пастернаком, и в Москве, и в Переделкине.

15 ноября 1945 года Берлин приезжает в короткую командировку в Ленинград в сопровождении представителя Британского Совета в Советском Союзе мисс Бренды Трипп. Если они в тот день, как полагается дипломатам, бросили взгляд на местную утреннюю газету «Ленинградская правда», то могли лишний раз убедиться, что отношения между СССР и Великобританией по-прежнему были неплохие: газета печатала доброжелательный отчет о пребывании британских представителей в социалистической Югославии и восторженный репортаж о матче московского «Динамо» с «Челси», закончившимся счетом 3:3.

Остановившись в гостинице «Астория», Берлин отправился на Васильевский остров, на 22-ю линию — поглядеть на дом, где провел детские годы. Он был наслышан о том, что в ленинградских букинистических магазинах масса антикварных дешевых книг. Поэтому затем поехал в «Лавку писателей» на Невском проспекте. Там британский дипломат разговорился с интеллигентным посетителем, его собеседником оказался литературовед Владимир Орлов. Берлин спросил про судьбы писателей-ленинградцев. Орлов предложил ему сходить к Ахматовой. Для Берлина это предложение было ошеломляющим. Он немедленно согласился. Орлов позвонил в Фонтанный Дом и спросил у Анны

Андреевны разрешение прийти с иностранным гостем. Ахматова разрешение дала. Середина ноября 1945 года была для поэтессы драматическим временем. 14 ноября вернулся с фронта сын. По словам Пунина, Ахматова «бегала по всей квартире и плакала громко».

Анна Ахматова

Берлин с Орловым пришли к Ахматовой 15 ноября в три часа дня. Берлин вспоминал, что Ахматова держалась с необыкновенным достоинством, она выглядела и двигалась, как королева в трагедии. Он поклонился ей — это показалось уместным. Ахматова была не одна — у нее сидела приятельница. Они не успели поговорить — Берлин услышал, что кто-то его окликает из сада по-английски. Выглянув в окно, он с ужасом и изумлением увидел, что это Рэндольф Черчилль, сын английского премьер-министра. Берлин извинился перед Ахматовой и выбежал в сад.

Узнав, что перед ним сын бывшего премьер-министра, Владимир Орлов в панике сбежал. Оказалось, что Рэндольф, который находился в СССР как репортер, приехав в Ленинград, по студенческой привычке с утра набрался виски и, узнав, что здесь находится его старый знакомый Берлин, отправился искать его в Фонтанный Дом. Проводив Черчилля в гостиницу, Берлин по телефону попросил у Ахматовой разрешения вернуться и вновь отправился в Фонтанный.

Поэт и дипломат проговорили всю ночь. Их диалог был прерван только однажды, когда вернувшийся домой Лев Гумилев принес им угощение — блюдо вареной картошки — все, что было съестного в доме. Между собеседниками воз-

никло чувство полного доверия и абсолютное понимание: они говорили на одном языке. Тем для разговоров было столько, что их не могла вместить одна ночь.

Ахматова расспрашивала Берлина о своих друзьях-эмигрантах, о которых она ничего не слышала уже десятки лет. И в свою очередь, она поведала ему о своей жизни, об арестах друзей и родных, о гибели Николая Гумилева, прочла ему «Реквием» и «Поэму без героя». Чувство, которое возникло между ними в эту ночь, проще всего описать как мгновенную любовь, вроде солнечного удара. До конца своих дней оба считали эту встречу ярчайшим событием своей послевоенной жизни.

Они увиделись еще раз, когда Берлин, покидая Советский Союз, снова был проездом в Ленинграде. Он подарил ей томик Кафки на английском, а она ему — свои книги. На одной из них были стихи, которые впоследствии вошли в посвященный ему цикл «Cinque»:

«Истлевают звуки в эфире,
И заря претворилась тьмой.
В навсегда онемевшем мире
Два лишь голоса: твой и мой.
И под ветер с незримых Ладог,
Сквозь почти колокольный звон,
В легкий блеск перекрестных радуг
Разговор ночной превращен».

После первой же их встречи на Ахматову было возобновлено «Дело оперативной разработки», заведенное в 1939 году «с окраской» «скрытый троцкизм и враждебные антисоветские настроения». В тот же день на «Деле» появилась другая зловещая надпись — категория «Ш» (шпионаж). Всякий дипломат рассматривался в России как шпион. Следовательно, многочасовая ночная несанкционированная встреча Ахматовой с Берлином один на один была чем-то экстраординарным.

Вскоре после встречи с Ахматовой Берлин пишет доклад для британского правительства «Литература и искус-

ство в России при Сталине». Можно не сомневаться, что как и все документы, пришедшие в Англию из Британского посольства в СССР дипломатической почтой или радиограммой, доклад оказался в руках «кембриджской пятерки». В 1944—1945 годах Берджес, в то время — сотрудник Форин-офиса, переслал в СССР 4404 секретных документа. На Лубянке не хватало дешифровщиков и переводчиков, чтобы освоить весь этот материал. Поэтому точно не известно, как и когда доклад Берлина лег на стол к Сталину.

На генералиссимуса не могли не произвести впечатления следующие мысли английского дипломата: «На писателей смотрят обычно как на людей, за которыми нужен основательный надзор, их надо тщательнее ограждать от личного контакта с иностранцами, поскольку только из разговоров с писателями иностранцы, например автор этого доклада, могли получить связные представления о том, как воздействует советская система на их частную жизнь и на жизнь искусства». Или: «Старшие интеллектуалы выказывают признаки того, что скоро снова выйдут на поверхность»; «Солдаты на фронте передавали один другому переписанные от руки стихи... Пастернак и Ахматова начали получать с фронта потоки писем... Ахматова и Пастернак были слишком популярны, чтобы избежать подозрений».

Между тем, в апреле 1946 года в Москве с невероятным триумфом прошли поэтические чтения Ахматовой. После выступления в Колонном зале Дома союзов в Кремле публика стоя приветствовала Ахматову 15-минутной овацией. По словам Анны Андреевны, Сталин потом спрашивал свое окружение, кто организовал вставание. Так должны были приветствовать только его самого. Ахматова для Сталина превращалась в символическую фигуру — кумира молодежи, в том числе и прошедшей войну, человека, осуществлявшего прямые контакты с западными дипломатами. Как раз тогда же, весной 1946 года, Уинстон Черчилль произнес знаменитую Фултонскую речь, где впервые употребил выражения «железный занавес» и «свободный мир» и призвал Запад к бескомпромиссной борьбе с коммунизмом.

Весна-лето 1946 года стали поворотными и во внешней политике СССР. Сталин, никогда не оставлявший мысли о мировом господстве, сразу после войны колебался: у СССР не было ядерного оружия, Запад предлагал экономическую помощь. Может быть, имело смысл до поры до времени сохранять с бывшими союзниками хорошие отношения. Но в начале 1946-го он решает: война неизбежна. Министр иностранных дел Молотов получает выговор за либерализм. Форсируются коммунистические перевороты в странах Восточной Европы, огромные деньги СССР вкладывает в создание собственного атомного оружия. Подготовка к войне подразумевает чистку внутри страны. Постановление об идеологических недостатках в «толстых» журналах было подготовлено Андреем Ждановым загодя. Оно было направлено против московского журнала «Новый мир». Но в начале 1946 года главным объектом расправы стали ленинградские журналы «Звезда» и «Ленинград», а непосредственными жертвами — Анна Ахматова и Михаил Зощенко.

В поведении Сталина по отношению к Ахматовой чувствовалась какая-то странная непоследовательность. С одной стороны, оскорбительная формулировка «полумонахиня-полублудница», произнесенная Ждановым, изгнание из Союза писателей, лишение пайка, ежедневные нескрываемые подслушивание и слежка, а через 3 года после постановления — арест сына Льва Гумилева и бывшего мужа Николая Пунина. С другой стороны, сама Ахматова арестована не была.

С августа 1946-го ожидания тех, кто надеялся на мирную, чуть более свободную жизнь, были разрушены. Впереди — борьба с космополитизмом, разгром генетики, «Ленинградское дело», Берлинский кризис, Корейская война.

Анна Ахматова считала, что именно ее встреча с Исайей Берлином послужила толчком к началу всех этих роковых событий.

В этой войне Ахматова чувствовала себя не объектом, а субъектом. И, выражаясь метафорически, Ахматова эту войну выиграла.

В 1953-м умер Сталин, едва ли не отравленный своим ближайшим окружением. В 1951 году под угрозой неминуемого разоблачения агент Метхен (Берджес) бежал в Советский Союз. Ему не позволили жить в Москве и отослали в Куйбышев (ныне — Самара). Он жестоко пил. Не избавился от этого порока и в Москве, где ему, в конце концов, дали квартиру. Он публично выражал разочарование своей судьбой. Пытался вступить в контакт с английскими дипломатами. И в 1963 году умер при загадочных обстоятельствах в Кремлевской больнице. Многие его товарищи по службе считали, что его отравили из-за болтливости и потенциальной опасности информации, которой он обладал.

Анна Ахматова после торжественной церемонии присуждения звания доктора литературы. Оксфорд. 1965 год

В 1956 году Исайя Берлин снова приехал в СССР. На этот раз Ахматова не пожелала с ним встретиться — только что вышел из тюрьмы ее сын. Они поговорили по те-

лефону (Берлин звонил по уличному автомату, боясь прослушивания). Во время короткого разговора Ахматова сумела передать интонацией неудовольствие, что герой нескольких циклов ее лирических стихов женился.

В 1965-м после 19 лет разлуки поэт и лирический герой встретились в Оксфорде, где Ахматова стала почетным доктором филологии. К этому времени Берлин был знаменитым либеральным философом, автором многих книг, влиятельным политиком и сэром — рыцарем английской империи. Ахматова оставалась крупнейшим из еще живущих в России поэтов, живым классиком.

Через год Ахматовой не стало. Берлин же дожил до того времени, когда ученик Ахматовой Иосиф Бродский получил Нобелевскую премию, а имя Ахматовой в полной мере вернулось в русскую литературу.

Нет памятников Сталину, Жданов превратился в атрибут Ахматовой, о Берджесе помнят только историки разведки.

Негоже тиранам ссориться с поэтами. Одну из своих статей о Пушкине Ахматова завершила словами, которые, несомненно, относила и к себе:

«За меня не будете в ответе.
Можете теперь спокойно спать.
Сила — право. Только ваши дети
За меня вас будут проклинать».

ЗАЛЬЦМАН — КОРОЛЬ ТАНКОВ

Фамилию Зальцмана, наркома танковой промышленности в годы войны, вы не найдете в Большой советской энциклопедии. Однако именно благодаря ему существовал легендарный Танкоград, обеспечивавший изготовление и бесперебойное поступление на фронт танков и танковых ди-

зелей. Но орденоносца, героя-тыловика ждали все тяготы послевоенных репрессий.

Исаак Зальцман

В середине 1970-х годов один мой приятель оказался на Механическом заводе в Московском районе Ленинграда. Он преподавал историю и пришел вербовать учеников в Школу рабочей молодежи. Во время его разговора с рабочими выскочил какой-то пожилой человек и страшным голосом с еврейским акцентом начал кричать: «Вы отвлекаете рабочих, надо выполнять производственные планы!» Приятель спросил: «А кто это такой?» Ему сказали: «Это Зальцман». И тут мой приятель сообразил, что это король танков, бывший нарком танковой промышленности, бывший директор Кировского завода, легендарный Исаак Зальцман. Он заканчивал свой трудовой путь на никому не известном маленьком заводе.

15 сентября 1916 года впервые в истории танки использовались англичанами в сражении на реке Сомма. Отныне все ведущие мировые державы должны были развивать этот новый вид оружия. Советский Союз не исключение. На заводе «Красный путиловец» уже в 1924 году осваивалось производство тракторов — наиболее близкой к танкам мирной техники, а в феврале 1932 года заводу было поручено изготовление танка Т-26, принятого на вооружение Красной армией.

В 1933 году на «Красный путиловец» пришел устраиваться выпускник Одесского политехнического института, молодой специалист Исаак Зальцман. Определили его мастером в ремонтный цех, довольно быстро он обратил на

себя внимание невероятной энергией и инженерной сметкой. Он стал заместителем начальника важного Турбинного цеха, потом — главным инженером, а с 1938 года Зальцман — директор Кировского завода, главного оборонного предприятия страны.

Зальцман продвигался по служебной лестнице, а в мире в это время происходили события, которые ставили перед производством Кировского завода новые задачи. В 1936 году началась Гражданская война в Испании, и здесь проходили боевое испытание советские танки.

Легкие танки Т-26 и БТ-5 в боях с франкистами показали полное превосходство над машинами противника. Но выяснилось, что их броня легко пробивается противотанковой артиллерией.

Специалистам Кировского завода была поручена работа над многобашенным танком «Сергей Миронович Киров». По собственной инициативе Конструкторское бюро, которым в тесном контакте с Зальцманом руководил конструктор Жорес Котин, создало танк «Клим Ворошилов» — знаменитый КВ. Во время войны с Финляндией Зальцман и Котин выезжали на боевые позиции, чтобы своими глазами увидеть, как их танки проламывают укрепления линии Маннергейма. По итогам боев первенство осталось за КВ, и он был принят на вооружение. На его позднейшей модификации — КВ-2 — установлено столь мощное оружие, что даже танкисты пугались отдачи.

Руководство Советского Союза не сомневалось в превосходстве своего танкового вооружения, и для этого были все основания. Когда 22 июня 1941 года немецкие войска перешли границу СССР, они обнаружили, что снаряды их полевой артиллерии неспособны пробить броню советских тяжелых танков. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер этому преимуществу русских просто не поверил.

Немцы не знали ни про Т-34, ни про КВ, поэтому появление таких машин для них было шоком. Их спасло только

то, что экипажи были не совсем подготовлены. А также не хватало солярки, снарядов.

Советские войска стремительно отступали, оставляя на полях сражения вооружение и боеприпасы. К концу 1941 года из 20 000 советских танков предвоенного времени осталось всего 1300 машин. Армия была фактически разоружена. Производство новых танков стало условием выживания.

Кировский завод в сентябре 1941 года по существу находился на линии фронта. Хотя передовая проходила в четырех километрах к югу, прямо на территории завода уже была построена оборонительная линия. Все цеха были заминированы, так как было понятно, что завод могут в любой момент занять немцы. Тем не менее, предприятие работало и выпускало танки КВ, которые шли прямо на фронт. Работать было возможно, потому что, хотя немцы и обстреливали завод, делали они это с каким-то идиотским педантизмом — в одно и то же время. Поэтому можно было организовывать работу так, чтобы риск подверг-

Сборка танков КВ-1 на Ленинградском Кировском заводе. 1941 год

нуться артиллерийскому обстрелу был минимальным. Зальцман продолжал руководить заводом в самое тяжелое для Ленинграда время и, вероятно, оставался бы в блокированном городе, если бы не звонок от Сталина.

Танкоград. Боевая машина сходит с конвейера. 1942 год

Сталин высоко оценил заслуги «кировцев» и поручил Зальцману организовать производство танков в Челябинске. Зальцман немедленно вылетел. Вслед за директором на Урал переправили кадровых рабочих Кировского завода, и Сталин приказал присвоить челябинскому производству привычное для ленинградцев имя Кирова. Однако в военное время это предприятие чаще называли Танкоградом.

Леонид Зальцман, сын Исаака Зальцмана: *«В первое время было много оборудования установлено просто на территории, без корпусов. Люди работали под открытым небом».*

Татьяна Штанько, дочь Исаака Зальцмана: *«Я помню землянки неподалеку от нашего дома. На заводе работало 75 тысяч человек, а жило здесь 300 тысяч, учитывая семьи».*

Рабочая смена длилась по 11 часов, люди трудились без выходных и отпусков. Сам Зальцман даже ночью находился на заводе. Не справившихся с заданием начальников цехов увольняли и ставили работать у станка. Во время обсуждений важных вопросов директор завода клал на стол пистолет, грозя провинившимся расстрелом. Впрочем, все знали, что пистолет этот ни разу не выстрелил. В работе Зальцмана строжайшая взыскательность сочеталась с бережным отношением к рабочим.

Леонид Зальцман, сын Исаака Зальцмана: *«Когда собирались ветераны, они вспоминали, что во время войны на заводе было много совсем молодых людей, стоящих у станка. Они трудились по 10 и по 12 часов и физически еле это выдерживали. Тогда отец ввел специальные пайки для молодых людей, они назывались УДП. Люди шутливо называли их: "Умрешь днем позже"».*

Евгений Зданчук, начальник I отдела ОКБТ Кировского завода: *«Время было жесткое, поэтому приказы, тем более верховного главнокомандующего, должны были выполняться, не взирая ни на что и ни на кого. Однажды позвонил Зальцману Сталин и сказал, что, по-моему, 50 танков через 2 или 3 дня должны быть под Москвой. В Танкограде не было двигателей. Зальцман, пользуясь правами замнаркома танковой промышленности, остановил проходящий*

мимо эшелон с авиационными двигателями и нужное количество взял. Ночь работали конструкторы Котина, и указание верховного главнокомандующего было выполнено в срок. Правда, потом это чуть не закончилось печально, поскольку Министерство авиационной промышленности курировал Берия, а Зальцман увел у Берии его товар. Пришлось заступничества у Сталина просить».

После того как Зальцман организовал работу в Челябинске, в феврале 1942 года его перебросили в Нижний Тагил, где за 2 месяца он наладил массовое производство Т-34.

Летом 1942-го Сталин назначил Зальцмана наркомом танковой промышленности. На своем самолете новый нарком отправился в Сталинград (ныне — Волгоград), организовал производство в Горьком (Нижний Новгород) и Свердловске (Екатеринбурге). При наркоме Зальцмане советская военная промышленность выпускала больше 100 танков в день.

С немецкой стороны производством танкового оружия занимались солидные старые фирмы «Порше», «Круп», «Рейнметалл», однако они были не в состоянии достичь подобного результата.

Поздней осенью 1942 года в кабинете Зальцмана раздался звонок по ВЧ. Вызывал Сталин. Зальцман был очень встревожен, потому что думал, что рабочий день уже закончен и принял 100 грамм, а Сталин этого не любил. Когда он с Жуковым и начальником бронетанкового управления Федоренко оказался в кабинете Сталина, то вот это и составляло предмет его волнений — как бы не унюхал Хозяин. Но Сталину было не до этого. У немцев появился тяжелый танк «тигр». Все свои надежды немецкое командование возлагало на его боевые достоинства. И Советская армия должна была создать оружие, которое бы превосходило бронетанковую мощь немцев.

Летом 1943 года, когда куратором танковой промышленности стал Берия, Зальцману пришлось оставить должность наркома и вернуться в Танкоград. Перед ним была поставлена задача — создать оружие, способное остано-

вить «тигры», броня которых была неуязвима для пушек Т-34 и КВ. Танкоград за месяц освоил производство самоходок «Зверобой». А когда в конце 1943 года на полях сражений появился танк «Иосиф Сталин», стало очевидным: в соперничестве с советскими оружейниками немецкая промышленность проиграла.

На территории Кировского завода стоит танк ИС — «Иосиф Сталин». Это и есть наш ответ «тиграм», танк, с которым Советская армия вошла в Берлин и выиграла войну.

Сборка танков ИС-2 в Танкограде. 1944 год

Сергей Нетребенко, историк: *«Есть воспоминания немецкого танкиста Отто Кариуса. Он пишет, что танк ИС-2 являлся единственным достойным соперником танку "Тигр". Немецких танкистов их командование заставляло уклоняться от открытых боев с этим танком, нужно было действовать только из засад».*

Татьяна Штанько, дочь Исаака Зальцмана: *«Это был в своем роде звездный час для многих промышленников того времени. Для моего отца эта огромная работа была счастьем».*

В музее Кировского завода хранится мундир генерал-майора Зальцмана. Он весь — в орденах и медалях. Меж-

ду своими тридцатью и сорока годами Зальцман возглавлял Кировский завод, потом — знаменитый Танкоград в Челябинске, затем начинал производство танков в Нижнем Тагиле, после был наркомом танковой промышленности, потом — снова вернулся в Челябинск. Всего под руководством Зальцмана было выпущено 18 000 танков. Неслучайно на Западе журналисты назвали его королем танков.

Танки, которые были изготовлены под руководством Зальцмана, дошли в 1945 году до Берлина. Именно они следовали по Красной площади во время Парада Победы. Но начиналась новая жизнь. И боевой Танкоград был превращен в мирный Челябинский тракторный завод.

Татьяна Штанько, дочь Исаака Зальцмана: *«Этот переход на трактора было очень трудно осуществить. Это было значительно труднее, чем перейти с тракторов на танки в военное время».*

Зальцман, как обычно, справился с поставленной перед ним задачей. Кажется, этот человек мог все, но через несколько лет легендарный директор Челябинского тракторного завода столкнулся с проблемой, в решении которой он бессилен.

В 1945 году руководители Ленинграда заложили парк Победы за Московской заставой — это памятник победе советского народа. Вторым человеком в государстве стал Андрей Жданов, в Москву перебрались первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии Алексей Кузнецов и председатель Госплана Николай Вознесенский. Зальцман тоже ощутил плоды этого возвышения своих недавних друзей. Так продолжалось до 1949 года, когда был арестован Яков Капустин — второй секретарь Ленинградского обкома и ближайший приятель Зальцмана по Кировскому заводу. Вскоре Капустин признался в том, что он английский агент. Так началось «Ленинградское дело», и так начались неприятности в жизни Зальцмана, которые могли закончиться его казнью.

Леонид Зальцман, сын Исаака Зальцмана: *«Отца все время вызывали в ЦК и уговаривали дать показания про-*

тив Кузнецова. Отец отказался, хотя обещали сделать его министром».

Татьяна Штанько, дочь Исаака Зальцмана: *«От него требовали, чтобы он подписал кое-что на ленинградское руководство на Кузнецова, на Капустина, которых уничтожили тогда. Он отказался и всегда считал, что очень правильно поступил».*

Арестованные в 1949 году руководители Ленинграда осуждены и расстреляны, но тесно с ними связанному Зальцману оставили жизнь. Его исключили из партии и уволили с должности директора завода.

Евгений Зданчук, начальник I отдела ОКБТ Кировского завода: *«Он рассказывал, что сначала его пытались арестовать под тем предлогом, что у него был пистолет. Оказалось, что им его наградил то ли маршал Рокоссовский, то ли Жуков. Зальцман его накануне сдал военпреду, и липа не удалась».*

Леонид Зальцман, сын Исаака Зальцмана: *«Рассказывают, что, когда докладывали Сталину всю эту эпопею Зальцмана, он спросил: "А кем он начинал?" Сталину ответили: "Мастером на Кировском заводе". Вождь решил: "Вот пусть и вернется к этому занятию"».*

После увольнения прежнего наркома танковой промышленности назначили мастером цеха на небольшом заводе в городе Муроме под Владимиром. Собственности и сбережений у Зальцмана не было. Семья бедствовала. Чтобы как-то продержаться, жене короля танков пришлось заниматься огородом.

Исаак Зальцман был рядовой мастер и выполнял свою работу, не лез в дела начальника цеха, тем более — директора завода. Но когда наступали праздники, он надевал генеральский мундир и все свои ордена и медали. А он был Герой Социалистического труда, трижды кавалер ордена Ленина, кавалер орденов Суворова и Кутузова. Начальство — столбенело.

Муромское руководство на дух не выносило орденоносца Зальцмана. Вскоре ему пришлось перебраться на другое

производство в город Орел. Ситуация изменилась только после смерти Сталина. В 1955 году Исаак Зальцман был восстановлен в партии. Он мечтал о возвращении в Ленинград, где учатся его дети. Однако секретарь Ленинградского обкома партии Фрол Романович Козлов не желал даже разговаривать с прежним директором Кировского завода. Через секретаря он рекомендовал тому оставаться в Орле. Помогло только удачное стечение обстоятельств.

Леонид Зальцман, сын Исаака Зальцмана: *«Он шел по улице, вдруг останавливается машина и выходит оттуда Смирнов, который был в то время председателем Ленинградского исполкома. Он узнал папу, расспросил отца о его делах и сказал: "Давай, возвращайся в Ленинград, я тебе дам квартиру"».*

В 1958 году Зальцману поручили организовать новое производство. В Советском Союзе разворачивалось массовое жилищное строительство. Страна остро нуждалась в специальном оборудовании. Чтобы решить эту проблему, в системе Ленинградского исполкома создали Механический завод.

Виктор Толстов, генеральный директор ОАО «Механический завод»: *«32 года назад я, тогда токарь этого завода, познакомился с Исааком Моисеевичем Зальцманом. Достаточно было одного звонка, чтобы решить любой вопрос, и мы действительно оказались первыми и нужными в городе для создания той продукции, профиль которой сохранили в течение 50 лет — это башенные краны и радиаторы. Мы гордимся тем, что мы 50 лет производим продукцию, которая нужна людям».*

Татьяна Штанько, дочь Исаака Зальцмана: *«Его стали вспоминать, поднимать на щит в 1965 году, когда праздновали 20-ю годовщину Победы. Он был приглашен на центральную трибуну Дворцовой площади, надел все свои ордена на штатский костюм, поскольку он был выведен в запас в 1949 году».*

После XX съезда в Советском Союзе вспомнили о военных заслугах попавших при Сталине в опалу героев войны. Судьба Зальцмана сходна в этом отношении с судьбой его старого знакомого — маршала Жукова. Однако и после реабилитации советское начальство продолжало относиться к Зальцману с подозрением. Сама фамилия этого человека казалась партийным бонзам какой-то неприличной.

Виктор Толстов, генеральный директор ОАО «Механический завод»: *«Когда я стал секретарем партийной организации завода, я обратился с просьбой о награждении Зальцмана орденом Октябрьской революции в честь его юбилея. Галина Ивановна Баринова тогда возглавляла отдел обкома партии. Естественно, при подаче документов было четко отказано: этот человек не может претендовать на такую награду, поскольку у него есть некое прошлое, о котором все знают».*

Сегодня уже забыты имена тех партийных начальников, которые отказали в ордене боевому наркому танкостроения. Их решения ничего не значат. Исаак Зальцман — один из тех, кто выиграл войну, и этот подвиг выше любых наград.

Зальцман был директор по призванию — бывает такое. Он был директором на Кировском заводе, он был директором в Танкограде и он оставался директором на маленьком предприятии Московского района. 17 лет он здесь отработал, и до сих пор его помнят. У его мемориальной доски — это единственный памятник Зальцману — всегда живые цветы.

РАЗГРОМ ФИЛФАКА

Дмитрий Лихачев делил ленинградскую гуманитарную науку 1920-х годов на два берега, на два направления. На левом берегу — Государственный институт художественной культуры, там Малевич, Татлин, Филонов — русский авангард; Зубовский институт, там так называемые фор-

малисты, люди, которые прокладывали новые пути в гуманитарных науках. В 1930-е годы советская власть с авангардистами и формалистами покончила.

Но оставалась в Ленинграде замечательная наука правого берега, наука Академии художеств, университета и Академии наук, но и над ней разразилась гроза. Это произошло в 1949 году.

Филфак Ленинградского университета первенствовал среди советских гуманитарных ВУЗов.

После войны на ленинградском филфаке преподавала целая плеяда выдающихся ученых. Уже в конце 1940-х он был фактически разгромлен в ходе кампании по борьбе с космополитизмом.

Главное здание ЛГУ

Начало было положено достопамятным докладом Жданова о Зощенко и Ахматовой, о журналах «Звезда» и «Ле-

нинград», затем это переросло в кампанию, посвященную Александру Николаевичу Веселовскому — профессору и академику, создателю школы историко-сравнительного литературоведения.

Как это часто бывало у Сталина, он нанес двойной удар: с одной стороны, кампания имела ярко выраженный антисемитский характер, но с другой, — конечно, она была задумана более широко — это был удар по свободомыслию, по попыткам какого-то независимого выражения своего мнения.

Власти всегда относились к гуманитарным наукам с большим вниманием, потому что они видели в них слабое место, через которое какие-то свободолюбивые идеи могут просочиться и оказаться востребованы, не дай бог.

После войны Филологический факультет ЛГУ не уступал по количеству профессоров с мировым именем ни одному западному университету — ни Сорбонне, ни Гарварду, ни Оксфорду. Здесь одновременно работали пять знаменитостей: фольклористы Владимир Пропп и Марк Азадовский, специалист по западной литературе Виктор Жирмунский и два русиста — Григорий Гуковский и Борис Эйхенбаум. Эти имена сейчас известны не только каждому студенту в России, но вообще любому, кто интересуется литературоведением в Гёттингене, Принстоне, Кембридже.

С 1949 года началась кампания против «безродных космополитов», на самом деле, имелись в виду евреи. Гнев Сталина обрушился на евреев, как прежде он обрушивался на латышей, поляков, чеченцев и калмыков. Причина — создание государства Израиль, у евреев как бы появилась вторая родина. А это недопустимо. Доценты и профессора евреи должны были быть уволены с факультета. К тому же разворачивалось «Ленинградское дело», вскоре арестовали и ректора ЛГУ Александра Вознесенского. Ясно, что все, кто был близок к ленинградской партийной верхушке, тоже должны были быть выкинуты с работы.

Нанести главный удар по космополитам во второй столице было необходимо, чтобы еще раз преподать городу

урок: «Не высовывайтесь!» Ну и, наконец, громить гуманитариев легче: их работы не имеют оборонного значения, зато имеют — идеологическое.

Нужно было по кому-то ударить и так, чтобы страшно стало всем. Лучше всего было бить по наиболее ярким, наиболее авторитетным, популярным людям, потому что резонанс был бы наибольший.

Лидия Михайловна Лотман, филолог: *«Гуковский был человек популярный, очень веселый, во всех отношениях прелестный. Он был всегда окружен людьми, к нему было не пробиться. А когда у него начались такие большие неприятности, то народ отхлынул. И я к нему подошла, когда был в Пушкинском Доме какой-то вечер, и сказала: "Григорий Александрович, вы не огорчайтесь, ну, это все может пройти, но вы помните, что вы Гуковский, которого так любят, такой человек замечательный". Он сказал: "Это все слова"».*

Григорий Гуковский

4 апреля 1949 года в актовом зале филологического факультета ЛГУ прошло закрытое партийное собрание и было определено, кто подвергнется чистке и как она будет происходить. Подробно рассматривались кандидатуры тех, кого будут чистить, и коммунисты-филологи были поставлены перед альтернативой — или они обличают своих учителей, клевещут на них или сами подвергаются опале. Выбор должен был сделать каждый.

Коммунисты в своей массе — те, кто пришел с рабфаков, фронта — люди из другой социальной страты, чем их учителя. Советский режим с самого начала поддерживал это противопоставление: наша новая советская интеллигенция и вот эта старая. Понятно, кто пользовался бóльшим доверием власти. Чистку возглавил декан филфака Георгий Бердников, ученик Гуковского.

Лидия Михайловна Лотман, филолог: *«Григорий Александрович был во многих отношениях идеалист. И он считал, что Бердников — парень из рабочей среды, простой, чистосердечный. Но это было совсем не так. Бердников — фигура сложная. Я училась с ним в университете, знала в студенческие годы, когда он ходил в шляпе (отдельно одевались поля, отдельно — верхушка) и в уличном костюме; был беден, демократичен. Он был способный человек, умный. Но он избрал такой путь, поскольку это был путь легкий. И он свои способности сюда отчасти употребил. У него не было никаких моральных ограничений».*

5 апреля 1949 года в историческом актовом зале Главного здания университета состоялось мероприятие под названием «Открытое заседание Ученого совета филологического факультета». Повестка — обсуждение идеологических ошибок четырех великих русских филологов: Гуковского, Азадовского, Жирмунского и Эйхенбаума. В зале присутствуют только двое из них. Эйхенбаум и Азадовский больны. А вот Гуковскому и Жирмунскому пришлось выслушать гадости, несправедливые обвинения в низком научном уровне их работ, в космополитизме, низкопоклонстве. Их обвиняли

ученики — Бердников; в будущем знаменитый писатель Федор Абрамов; никому не известный Лапицкий, специалист по погромным выступлениям; их клеймил будущий либеральный редактор «Нового мира» Александр Дементьев; академик Николай Пиксанов. Это не было ученое собрание: митинг, судилище. Для ученого собрания не требуется огромный зал с людьми, исполненными самых дурных намерений.

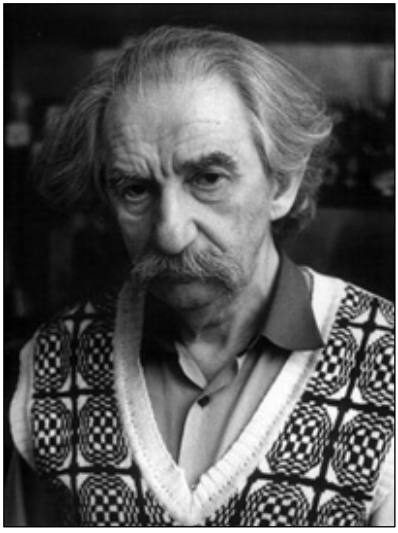
Георгий Бердников патетически восклицал, выступая против Жирмунского: «Виктор Максимович, вы написали 16 книг — назовите хоть одну из этих книг, которая нужна сегодня советской науке!» Очевидцы рассказывали мне, Жирмунский вытер пот со лба и тихо ответил: «Все 16».

Виктор Максимович Жирмунский

Профессор Борис Егоров: *«Между прочим, была буря аплодисментов не меньшая Жирмунскому, чем Бердникову и другим громилам. Хотя там тоже были аплодисменты, потому что было много специально приглашенных. Мне кто-то сказал: "А вы знаете, вот такой-то даже со своей женой пришел, как на спектакль"».*

Лидия Михайловна Лотман, филолог: *«Иван Грозный хотел, чтобы казни обязательно посещались большим количеством народа, особенно казни знаменитых и богатых людей — вельмож, крупных государственных деятелей. Очевидно, после этого заседания Пиксанов понял, что он ошибся и пришел к Николаю Ивановичу Мордовченко на квартиру и принес пол-литра водки, и они ее распили. Он*

извинился перед Мордовченко, что его упомянул. Мордовченко мне это рассказал. Я ужасно возмутилась и сказала: "А зачем вы с ним пили водку?!" А Николай Иванович так растерянно сказал: "А куда же водку-то девать?" И добавил: "И потом он на четвертый этаж лез, старый человек. Ну, и какое-то раскаяние у него все-таки было". Но главное, у Николая Ивановича было в лице смятение, что он пил эту водку с Пиксановым, а этого делать не следовало. У Томашевского была совершенно другая реакция. Он по коридорам, забитым публикой, ходил и говорил громко: "Вот безобразие! Уборная занята! Руки надо вымыть — я подал руку Пиксанову"».



Юрий Михайлович Лотман

Георгий Пантелеймонович Макогоненко

Только двое — учитель Юрия Лотмана профессор Мордовченко и будущий знаменитый пушкинист, а тогда аспирант Макогоненко бесстрашно публично заступились за своих учителей.

Четырехсотметровый коридор Главного здания университета в 1949 году был заполнен грустными людьми, которые забирали из ректората свои документы — их вычистили. Это были не только филологи. Чистили биологов, если они не были согласны с «великим» учением Трофима Лысенко. Выгоняли экономистов, так как среди них было много друзей арестованных и расстрелянных по «Ленинградскому делу» братьев Вознесенских. Чистили космополитов историков и философов. Среди них моего деда — знаменитого античника Соломона Лурье. Удар прошелся по всем факультетам ЛГУ.

Уволить Виктора Жирмунского из университета не решились, но не потому что любили, а потому что он был членом-корреспондентом Академии наук, а государство в ту пору старалось быть иерархичным, ведь это была империя. Константин Азадовский вскоре после увольнения скончался — не выдержал. Немного времени прожил и Эйхенбаум, он тоже был сердечником. Григорий Гуковский был арестован и в тюрьме вскоре умер.

Очень редко когда в университете на одном факультете собираются такие звезды, такие выдающиеся умы. Не понимая этого, нельзя осмыслить, что произошло в 1949-м с филфаком. Потому что действительно — ну, уволили четырех профессоров, но ведь на факультете работает несколько сот преподавателей. Одни ушли, другие остались — собственно, что случилось? Но дело-то в том, что, когда уходит один такой человек, это может быть равнозначно катастрофе, а тут 4 — это очень много, хватит двух, может хватить даже одного, чтобы радикально понизился уровень университета или факультета.

Нина Жирмунская, филолог, дочь Виктора Жирмунского: *«Я хочу с благодарностью вспомнить имя ученика моего отца, Лазаря Ефимовича Генина, который тогда был молодым перспективным аспирантом-германистом, членом партии — его вызвали в партком и оказывали на него давление с тем, чтобы он выступил против своего учителя. Он отказался это сделать. За это он был изгнан из аспи-*

рантуры, устроился работать библиографом в Публичную библиотеку и спустя несколько лет стал лучшим библиографом, который знал все и который всю жизнь проработал там. Вот такова была судьба тех, кто не согласился стать Иудой Искариотом».

Борис Михайлович Эйхенбаум

Андрей Аствацатуров, филолог, внук Виктора Жирмунского: *«На сегодняшний день, как мне кажется, основная проблема нашего факультета, как и всей филологической науки, заключается в том, что наука потеряла ощущение своих перспектив, ощущение своей судьбы, ощущение как прошлого, так и будущего. Она развивается по инерции. Почему нет таких ярких фигур, как Гуковский,*

Жирмунский, как Азадовский и Эйхенбаум? Ну, наверное, потому, что все-таки у этих людей было ощущение перспектив, ощущение судьбы и осознание того времени, в котором они жили.

В конце 1940-х произошел настоящий слом. В сущности, Сталин провел в филологических науках, вообще в области гуманитарного знания, то, что он произвел в конце 1930-х среди государственного партийного аппарата и среди военачальников — произошла как бы смена поколений. Но если в государственной жизни, может быть, там действительно поколение технократов типа Маленкова и Косыгина могли лучше управлять страной, чем старые революционные кадры, то, конечно, наука устроена совсем по-другому».

Лидия Михайловна Лотман, филолог: *«Это было очень вредно в общегосударственном смысле. Все эти походы против науки — это вреднейшие мероприятия, потому что наука является основой жизни людей. Все общество стоит на науке, и если эта наука в забвении, то общество идет назад».*

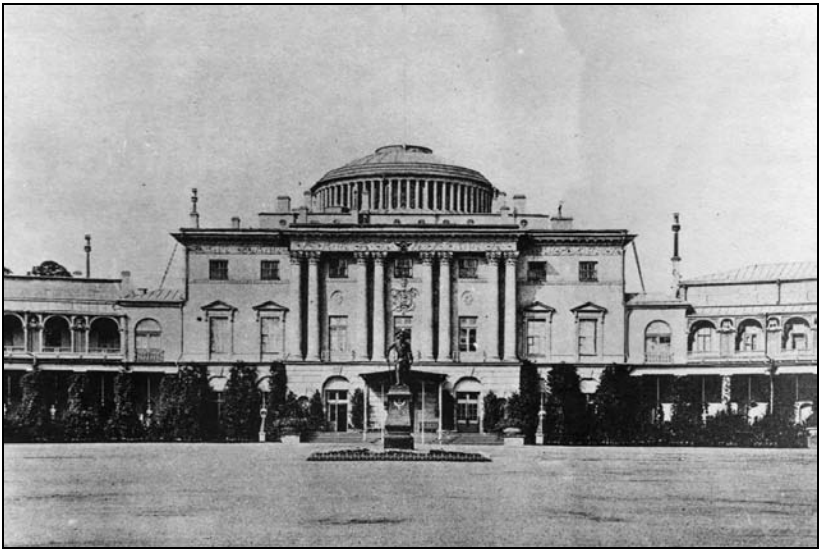
По недавнему рейтингу, Санкт-Петербургский университет не входит в первую сотню университетов Европы. Уступает, скажем, университету в Ювяскюле — это финская глубинка.

Глава 5
Хранители

В войну гибнут и страдают не только люди. После окончания Второй мировой загородные парки и дворцы Ленинграда — в руинах. Еще в 1920—1930-е к уничтожению художественных собраний приложила руку и партийная верхушка, тогда ценности шли на Запад или продавались «заслуженным» людям. В 1940-е коллекции музеев чистили от всего «декадентского», то есть мировой живописи, начиная с Коро, и русской — с Серова. Закрылся Музей обороны Ленинграда. Город избавляли от лучших искусствоведов-музейщиков. В Академии художеств и на истфаке ЛГУ преподавали недоучки, напирающие на партийность и народность. Книги дореволюционных авторов пылились в спецхранах. Новейшей западной литературы просто не было. Спасению, сохранению и восстановлению императорского Петербурга мы обязаны нескольким подвижникам. О них пойдет речь в этой главе.

СПАСЕНИЕ ПАВЛОВСКА

Петербург — императорская столица. К югу от города расположены 4 летние императорские резиденции: Петергоф, Гатчина, Царское Село и Павловск. Во время войны они оказались на линии фронта и были почти полностью уничтожены. Быстрее и лучше других восстановили Павловск.



Павловский дворец, 1911 год

Николай Третьяков, бывший президент ГМЗ «Павловск»: *«После революции нужно было создать профессию музейного хранителя. Слава богу, в России было достаточно много искусствоведов. Они раньше возглавляли музейные комиссии, а теперь стали перестраивать бывшие императорские резиденции в музеи».*

Александр Марголис, историк: *«Возникло совершенно героическое движение, которое продолжалось примерно лет 10, до тех пор, пока его не затушили. Это было так называемое золотое десятилетие для музейного мира, для краеведения. Титаны этого движения — Александр Бенуа, Иван Гревс, Николай Анциферов».*

В 1920-е годы музеи дворянского быта появлялись повсеместно. Музейный статус помогал уберечь коллекции от разграбления и спасти дворцы от вселения разнообразных учреждений. Даже личные комнаты семьи последнего императора в Царскосельском Александровском дворце хранителям удалось на некоторое время отстоять.

Виктория Плауде, научный сотрудник ГМЗ «Царское село», внучка искусствоведа Анатолия Кучумова: *«Они сохранили комнаты Александры Федоровны и Николая II, причем мотивация была очень смешная. Комнаты эти были сохранены не как художественные, исторические, а как образец дурного вкуса семьи последнего императора».*

В 1920-е годы Советской России достались невероятные сокровища. Аристократические семьи были уничтожены, а те, кто эмигрировал, не вывезли ни мебели, ни картин — самые богатые музеи быта были созданы именно в СССР. Здесь были предметы всех стилей, огромной ценности.

Эти музеи, которые хранили уничтоженную или уничтожаемую культуру, кололи глаза и власти, и части подданных. Зачем сохранять то, что связано со старым строем? Это что, памятник крепостничеству? Памятник финансовой олигархии эпохи империализма?

С 1929 года музеи быта один за другим закрываются. Несчастье постигло и Павловск. Отсюда сундуками вывозили вещи, для того чтобы продавать за границей. Из Царского Села в Кремль забрали императорский бильярд. Все, что сохранилось от старой России, обречено было на полное уничтожение, если бы не хранители.

Виктория Плауде, научный сотрудник ГМЗ «Царское село», внучка искусствоведа Анатолия Кучумова: *«Все продавали по ценам среднерыночным: не как произведение искусства, а как простые бытовые вещи — стулья, столы».*

Алексей Гузанов, главный хранитель ГМЗ «Павловск»: *«Естественно, это был большой удар по коллекции и по людям, которые ее хранили. Мне посчастливилось разговаривать с Анатолием Михайловичем Кучумовым, и он рассказывал такую историю: когда подъезжала партийная машина, некоторые сотрудники, хранители лихорадочно старались прятать какие-то мелкие вещи высокохудожественной значимости».*

Продажи продолжались вплоть до середины 1930-х годов. С молотка ушли примерно две трети пригородных коллекций, — потери, сопоставимые с военным временем.

Музейщики не имели возможности уберечь дворцы от узаконенного мародерства: их, хранителей буржуазной культуры, легко могли обвинить во вредительстве на идеологическом фронте.

Николай Третьяков, бывший президент ГМЗ «Павловск»: *«Их преследовали. Один — князь, другой — потомственный дворянин, третий связан с чем-то не тем. Во всех документах отмечено: в Эрмитаже, например, партийная организация состояла только из людей технических профессий: электрик, плотник, столяр, а специалистов по искусствоведению в ней не было. Откуда им было взяться?»*

Все же, несмотря на непрестижность работы хранителей, именно в мрачные 1930-е годы в пригородные дворцы пришли работать два молодых сотрудника — Анатолий Кучумов и Анна Зеленова. Оба они стали преемниками старых мастеров, первоклассными музейными специалистами, фанатиками своего дела.

В апреле 1932 года, по Царскосельскому парку, прогуливался 20-летний любознательный ленинградский рабочий Анатолий Кучумов. Заглядевшись на местные красоты, он провалился под лед в пруду напротив Александровского дворца и пошел во дворец просить помощи.

Сотрудники, люди любезные, «со старого времени», угостили его чаем с малиной. Завязался разговор. Кучумов сказал: «Как бы я хотел работать у вас в музее, как я мечтаю вообще заниматься чем-нибудь, связанным с историей и искусством. Я рабочий, но хожу на курсы экскурсоводов при Эрмитаже». Сотрудники посоветовали: «Сходите к нашему директору, может, он вас куда-нибудь и возьмет». Так Кучумов начал работать в музее инвентаризатором. В 1938 году он стал его заведующим.

Стремительный взлет Кучумова был предопределен — пролетарское происхождение, лояльность к советским принципам работы, но главное — феноменальные способности к музейному делу: чувство стиля, любовное отношение к каждой музейной вещи и фотографическая память.

Виктория Плауде, научный сотрудник ГМЗ «Царское село», внучка искусствоведа Анатолия Кучумова: *«Он имел удивительную зрительную память, запоминал каждую вещь. При беглом взгляде он мог охарактеризовать любой экспонат. Причем это касалось не только вещей наших дворцов, но и предметов из Лувра или Версаля. Он и эти музеи знал, как свои пять пальцев, хотя ни разу там не был, по книгам, по фильмам, по фотографиям».*

Анатолий Михайлович Кучумов

Как и Кучумов, Анна Зеленова была человеком 1930-х годов.

Анна Ивановна Зеленова, 1940-е годы

Она не боялась никакой работы и не отделяла общественное от личного. Появившись в Павловске в 1934 году 20-летней студенткой факультета искусствоведения, через 4 года энергичная и толковая Анна Ивановна возглавила научный отдел музея. К 1940 году Зеленова, руководившая генеральной инвентаризацией Павловских ценностей, знала каждый экспонат музея и каждую тропинку парка. В августе 1941 года, после увольнения предыдущего директора, именно ей поручили спасение Павловска от надвигающейся войны.

Аделаида Ёлкина, старший научный сотрудник ГМЗ «Павловск»: *«Эвакуация музейных ценностей не была заранее подготовлена, потому что хранителей вовремя не информировали. Это одна из самых трагических страниц в истории музеев петербургских пригородов».*

Иван Саутов, директор ГМЗ «Царское село» с 1987 по 2008 годы: *«Существовали очень жесткие инструкции и рекомендации органов НКВД — забирать наиболее ценные предметы, содержащие драгоценные металлы, ювелирные изделия».*

Алексей Гузанов, главный хранитель ГМЗ «Павловск»: *«Но музейщики во многом поступали по-своему, они понимали ценность предметов. Естественно, старались упаковать, эвакуировать все, что возможно. Женщины на своих плечах выносили тяжелейшие ящики с экспонатами».*

22 июня 1941 года прозвучала речь Молотова, стало известно, что фашистская Германия напала на Советский Союз. С этой минуты в Египетском вестибюле Павловского дворца началась эвакуация экспонатов. По плану вывезти нужно было примерно один процент, но 28-летний директор Анна Ивановна Зеленова и сотрудники «Павловска» паковали предметы, пока могли. Всего вывезено было 29 процентов экспозиции. Причем предметы для эвакуации подбирались очень тщательно: из гарнитура брали один стул, чтобы по нему потом можно было восстановить остальную мебель. Работа здесь продолжалась до 16 августа. В этот день в Павловск со стороны самого большого района парка — Белой березы — вошла Четвертая немец-

кая танковая группа; мотоциклисты уже были видны со стороны дворца, когда последняя подвода с частью архива и библиотеки покинула дворец. Анна Ивановна Зеленова и хранитель Вайс пешком направились в сторону Ленинграда. Через 10 дней в Египетском вестибюле дворца разместилось гестапо. Так закончилась эвакуация Павловска.

Бо́льшая часть эвакуированных коллекций из Павловска, Пушкина и других дворцов находилась в Сибири. Главным хранителем этого собрания, фактически огромного музея, устроенного в тылу, оказался Кучумов. Анна Ивановна оставалась с частью экспонатов в Ленинграде и всю блокаду поддерживала с Кучумовым дружескую переписку. Мучительный быт в ее письмах описан сдержанно, вопросы хранения экспонатов — с научной щепетильностью.

Весной 1942 года южный портик Исаакиевского собора представлял собой странное зрелище. Между колоннами висели веревки, на них сушились гобелены XVIII века; прямо на площади стояла мебель эпохи Регентства. В блокаду именно в подвалах Исаакиевского собора хранились экспонаты пригородных музеев, в том числе и Павловска, которые не успели вывезти на Большую землю. Здесь провели 3 блокадных года Анна Ивановна Зеленова и другие хранители. Они перебирали «свои» вещи, сушили их, старались сберечь, ходили в Публичную библиотеку, потому что продолжали аннотировать их. Эти предметы в некотором смысле спасли им жизнь, потому что музейщики чувствовали ответственность и каждый день думали о том часе, когда советские войска, наконец, освободят загородные резиденции и можно будет начать восстанавливать коллекцию.

Всю войну парки были закрыты, вокруг них стояли посты. Висели таблички, которые гласили, что гражданскому населению вход строго запрещен. На территории парка и в самих дворцах находились штабы немецких подразделений.

Павловск, как и другие оккупированные пригороды, стал жертвой беспримерно жестокой оккупационной политики фашистов.

Трудоспособное население планомерно отправляли на работу в Германию, остальные были обречены на голодную смерть. То, что не вывезли из дворца, растаскивали немцы и солдаты испанской «голубой дивизии». Покидая Павловск, немцы нашпиговали минами парк и дворец, вскоре начался пожар.

Немцы в Павловске. 1941 год

Аделаида Ёлкина, старший научный сотрудник ГМЗ «Павловск»: *«Конечно, когда она (Анна Ивановна Зеленова. — Прим. ред.) пришла сюда, на милые руины, пришла пешком, потому что транспорта не было, она испытала шок, потрясение. Она решила не превращать Павловск в памятник фашистской жестокости. Павловск должен быть уникальным образцом роскошной архитектуры».*

В феврале 1944 года Анна Зеленова была директором музея, которого не было. В парке было вырублено 70 тысяч деревьев, дворец догорал на ее глазах. Оказавшись на родном пепелище, она немедленно принялась за работу.

Первоочередной задачей стало разминирование дворца и парка. Мины обезвреживали неопытные девушки. Ежедневно погибало несколько человек, так что руководство саперных отрядов даже дало негласную директиву: не больше 30 подрывов в день. Продолжалась работа по консервации дворца, каждая новая находка подтверждала возможность возрождения музея.

Алексей Гузанов, главный хранитель ГМЗ «Павловск»: *«Например, коллекция античной скульптуры в Павловске, лучшая в стране после эрмитажной, была спрятана в подвале. Ее засыпали песком, заложили кладкой, замазали специальной грязью, чтобы фашисты не нашли. Они знали об этой коллекции и искали ее, но обнаружить не смогли».*

Аделаида Ёлкина, старший научный сотрудник ГМЗ «Павловск»: *«Анна Ивановна говорила, что когда, после снятия блокады, ей удалось попасть в подвал, она увидела эту замызганную стенку, но это было совершенно неважно, главное, что она сохранилась. Зеленова впервые за все*

Павловский дворец (Северный корпус) в 1944 году, после освобождения

900 дней блокады почувствовала, что у нее как-то странно двигаются щеки, а потом она поймала себя на том, что это непривычная для ее лица улыбка. Эти мускулы лица атрофировались, она разучилась улыбаться».

Павловский дворец, 1944 год

Открытие захоронения скульптуры в подвале дворца, 1944 год

Николай Третьяков, бывший президент ГМЗ «Павловск»: *«Она говорила, что наша страна тем и важна, что в ней нет ничего невозможного. Нужно только знать, куда и сколько раз обращаться».*

Иван Саутов, директор ГМЗ «Царское село» с 1987 по 2008 годы: *«В истории личность многое значит. Анна Ивановна Зеленова, будучи очень жесткой и принципиальной дамой, знатоком своего дела, ездила в Москву, многое выбивала и настояла на том, чтобы дворец в Павловске реставрировали в первую очередь».*

Когда в 1944 году приступили к восстановлению Павловска, сам шаг этот вызывал большие сомнения. Страна в годы войны потеряла 27 миллионов человек, люди жили в землянках, шалашах, разрушенными стояли целые города. При этом нужно восстанавливать царскую резиденцию. Зачем? Если и восстанавливать, то следует сделать здесь учебное заведение или научно-исследовательский институт. Но Анна Ивановна Зеленова с самого начала решила, что здесь будет дворец. Она ходила в Павловском из Ленинграда пешком, возила на саночках продовольствие для сотрудников, убедила жителей давать молоко строителям, которые недоедали, надавила на органы НКВД, и здесь работали немецкие военнопленные. Инженеры, которые должны были восстанавливать военные аэродромы, работали на строительстве дворца. Откопали скульптуры, которые зарыли в 1941 году, постепенно начали возводиться стены Павловска, и к середине 1950-х стало ясно, что музей-заповедник будет восстановлен.

К 1956 году были готовы первые залы дворца. Воссоздавать экспозицию Зеленова пригласила своего давнего коллегу Анатолия Кучумова.

Валерия Беланина, бывший заместитель директора по научной работе ГМЗ «Павловск»: *«Анатолий Михайлович был очень нужным человеком, потому что знал все вещи наизусть. Он досконально знал экспозицию еще до войны. Кроме того, он трижды пересматривал все предметы, когда хранил коллекцию в эвакуации».*

После возвращения Кучумов возглавил Центральное музейное хранилище, где были собраны вещи из всех не восстановленных еще пригородных дворцов. Кроме того, Кучумов по всей Европе разыскивал украденные вещи и возвращал на родину.

Алексей Гузанов, главный хранитель ГМЗ «Павловск»: *«Он проехал Восточную Пруссию, Германию, территорию Эстонии, Латвии. Он искал эти вещи, подобно детективу-фанатику. Кучумов рассказывал, что однажды он заглянул на чью-то кухню в Эстонии и увидел огромную фарфоровую чашу, в которой чистили картошку. Он сразу же узнал чашу и купил ее».*

Николай Третьяков, бывший президент ГМЗ «Павловск»: *«В Германии он зашел в какой-то трактир, где сидели немцы с кружкой пива, и сразу понял, что они сидят за столиком из Гатчинского дворца. Он встал на колени и полез под этот стол, чтобы посмотреть инвентарный номер, и увидел его».*

Валерия Беланина, бывший заместитель директора по научной работе ГМЗ «Павловск»: *«Он мог по какой-то детали определить, что эта вещь стояла там-то, и столько-то вещей было эвакуировано».*

Музейный мир на первый взгляд лишен соревновательности. Можно ли всерьез ссориться из-за старой мебели, 200-летних архивных документов? На самом деле, здесь кипели страсти и борьба честолюбий. В 1950-е годы Анна Ивановна Зеленова заставила Павловск воскреснуть из пепла, по ее методикам восстанавливались остальные пригодные дворцы. Кучумов к концу 1950-х был таким же непререкаемым авторитетом в музейном сообществе. Хотя делали они общее дело, искренней дружбы между ними не было.

Валерия Беланина, бывший заместитель директора по научной работе ГМЗ «Павловск»: *«Они были очень разные и оба необычайно талантливы. Анатолий Михайлович был взрывным человеком, а Анна Ивановна очень размеренно смотрела на жизнь и на людей, с которыми общалась».*

К 1977 году, к 200-летнему юбилею Павловска, для посетителей дворца было открыто 50 залов, но Зеленова не желала останавливаться на достигнутом. Предприимчивость и принципиальность, благодаря которым она добивалась всего, что было нужно Павловску, вызывали раздражение чиновников. В 1950-е она писала Молотову, Косыгину, Вышинскому, лично побывала в кабинете Ворошилова. Свободомыслие директора ощущалось в музее, и Зеленовой стали настойчиво предлагать уйти на пенсию.

В управлении культуры Ленгорисполкома и в Смольном решили: надо от нее избавляться, потому что она слишком энергичная, все время чего-то хочет, засыпает начальство предложениями, жалуется. Брежневское же время тихое — живи и давай жить другим.

Вскоре после Павловского юбилея Зеленову сняли. Она оказалась вне музея, вне своих любимых экспонатов, и через 3 года, в 1980 году, выступая на партийном собрании в Павловском дворце, умерла от удара.

Анатолий Кучумов в 1977 году тяжело заболел и вышел на пенсию. Несмотря на недуг, он сохранял ясный ум и подсказывал хранителям, чем обставлять новые залы в Пушкине, Гатчине и Петергофе. В 1985 году его и еще 5 реставраторов Павловского дворца наградили Ленинскими премиями.

Почему абсолютно разрушенный Павловск превратился в лучший в мире музей ампира? Это триумф воли двух людей — Анны Ивановны Зеленовой и Анатолия Михайловича Кучумова. Несмотря на экономическую ситуацию, войну, они, не щадя здоровья, нервов, сделали Павловск. Здесь работали реставраторы, строители, им помогали жители города, но в целом Павловск — это памятник этим двум замечательным людям.

ФЕЛЬДМАРШАЛ ЭРМИТАЖА

Михаил Илларионович Артамонов — тезка знаменитого фельдмаршала Кутузова, который, как известно, выигры-

вал скорее не тактическим гением, а стоицизмом и здравым смыслом. И Артамонова отличали эти же качества.

Захват большевиками прежней царской резиденции — Зимнего дворца — ознаменовал наступление новой эпохи российской истории. Дворец превратился в музей. Тверскому крестьянину, солдату Михаилу Артамонову было в это время 19 лет. Весной 1917 года он оказался в революционном Петрограде, где присутствовал на выступлении Ленина. Много лет спустя, когда партийное начальство истфака попросило Артамонова поделиться этими воспоминаниями со студентами, получился конфуз. Выступление Артамонова до сих пор пересказывают как анекдот.

Михаил Илларионович рассказывал так: «Наконец вышел один странный человечек, маленький, очень живой, лысый (правда, вокруг его головы были видны рыжие волосики), и стал говорить, отчаянно жестикулируя. Я спросил своего товарища: "Кто это?" Мне шепнули: "Главарь большевиков, Ленин". Бóльшую часть слов было не слышно, а те, которые до нас доносились, были как-то непонятны. В общем, мы постояли, постояли и разошлись».

После демобилизации молодой Артамонов оказался перед выбором жизненного пути. Он занимался рисунком у знаменитого художника Петрова-Водкина. Однако возобладал интерес к истории. В 1921 году Артамонов поступил в Петроградский университет на отделение археологии и истории искусств. В 1924 году его окончил.

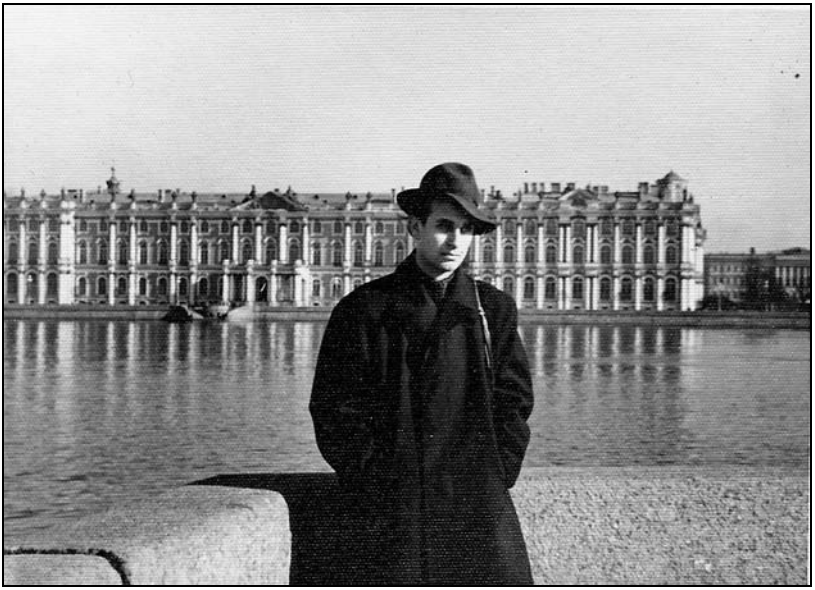
Крестьянский сын из Тверской губернии за 30 лет сделал невероятную карьеру: знаменитый археолог, первооткрыватель хазарских древностей, исследователь скифов, заведующий кафедрой археологии в Ленинградском государственном университете. Одно время он даже исполнял обязанности ректора ЛГУ.

Наиболее значительные открытия Артамонова связаны с исследованиями таинственного народа — хазар, которому славяне одно время даже платили дань. Уже в 1929 году в ходе первой самостоятельной экспедиции Артамонов открыл хазарский город Саркел. Но изучение Хазарского ка-

ганата только начиналось. Михаил Илларионович возглавил Волго-Донскую археологическую экспедицию. В августе 1951 года на хутор Попов, где находилась база экспедиции, мотоциклист доставил «красную» правительственную телеграмму: Михаилу Артамонову предписывалось до 1 сентября принять руководство Эрмитажем.

Должность замечательная, но вот время и место не благоприятствовали новому директору. 1951-й — это год борьбы с низкопоклонством и космополитизмом. А в Эрмитаже — главным образом западноевропейское искусство.

Портик Нового Эрмитажа. 1950-е годы



Вид на Эрмитаж со Стрелки Васильевского острова

Михаил Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа с 1992 года: *«Безусловно, постоянно шли разговоры о том, что Эрмитаж, как нечто западное, противостоит русскому духу. В те времена нельзя было сказать: "Вы что, с ума сошли? Это же главный памятник российской государственности, Российской империи!"».*

У ленинградских властей возник проект «исправления» Эрмитажа — превращения его в настоящий советский музей. Особо раздражали партийных идеологов картины религиозного содержания, интерес к которым расценивался как «религиозная пропаганда». В эту категорию попали даже мадонны Леонардо и Рафаэля. Этим планам противостоял прежний директор музея — академик Орбели.

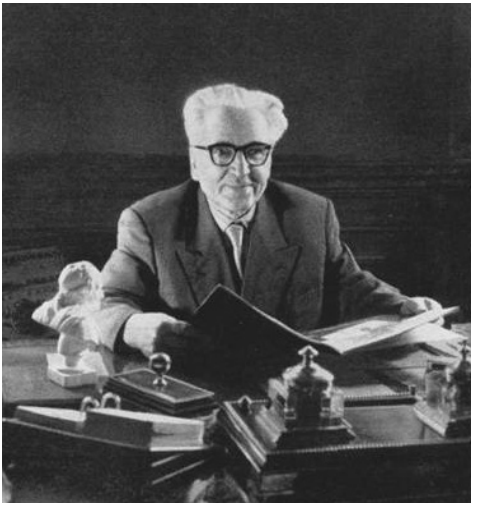
Абрам Столяр, доктор исторических наук: *«Иосиф Абгарович Орбели был очень яркой фигурой. Он был известен всей стране как руководитель колоссальных всенародных*

чествований Руставели, Пушкина. Эрмитажу Орбели был предан бесконечно и отдал ему большой кусок своей жизни. Он выставил из Эрмитажа Музей революции и Музей Ленинского комсомола».

Поэтому власти и решили заменить Орбели Артамоновым. Крестьянский сын казался самой подходящей фигурой для разгрома музея, созданного российскими императорами. Однако инициаторы этого назначения не понимали, кого они выбрали.

Михаил Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа с 1992 года: *«Его крестьянско-пролетарское происхождение казалось безупречным. При этом он был причастен к авангардному искусству и, будучи ведущим археологом, хорошо знал эрмитажников, которые занимались изобразительным искусством».*

Новый директор Эрмитажа начал свою деятельность с того, что отменил увольнение сотрудников с неподходящими анкетами, о котором уже объявил райком партии. Вместо чистки экспозиции от мадонн и святых Артамонов занялся укреплением научной репутации Эрмитажа.



Михаил Илларионович Артамонов

Михаил Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа с 1992 года: *«Это был очень серьезный период, когда Эрмитаж становился на ноги, когда в нем развивалась наука, издательская и выставочная деятельность».*

Эрмитаж стал прибежищем специалистов, которых выгоняли за неблагонадежность из других научных учреждений. Был в их числе и сын опальной Ахматовой и расстрелянного Гумилева — Лев Николаевич Гумилев.

Абрам Столяр, доктор исторических наук: *«Артамонов всегда его именовал только Лёвушкой, опекал. Гумилев был у Михаила Илларионовича первым в экспедиции 1930 года. Когда Лёва вышел в 1956 году из очередного заключения, он снова повис в воздухе. Михаил Илларионович его четырьмя последовательными приказами 6 лет держал в Эрмитаже без рабочих нагрузок».*

Михаил Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа с 1992 года: *«Я думаю, этот период можно условно назвать возвращением из лагерей, и одна из главных заслуг Михаила Илларионовича состоит в том, что он приютил Льва Гумилева здесь, у себя».*

Наряду с Гумилевым в Эрмитаж были приняты освобожденные из ГУЛАГа археолог Борис Латынин, историк-медиевист Матвей Гуковский. Эти назначения вызывали недовольство Ленинградского обкома, однако Артамонов считался только со своей совестью. Директор Эрмитажа являлся фигурой международного уровня — он представлял коллекцию музея президенту Финляндии Урхо Калева Кекконену и президенту Индонезии Ахмеду Сукарно, индийскому лидеру Джавахарлалу Неру. Иностранцы относились к Артамонову с самым глубоким уважением, но вот его встречи с советскими руководителями иногда заканчивались скандалами.

Один из самых красивых залов Зимнего дворца — Николаевский. Здесь российские императоры устраивали знаменитые зимние балы. На красоту этого помещения обратил внимание первый секретарь Ленинградского обкома партии Фрол Козлов. Он знал, что в Москве залы Большо-

го Кремлевского дворца используются для приемов, и решил, а почему не использовать и Николаевский зал для партии, для трудящихся и организовать здесь приемный зал Смольного.

Козлов появился в Эрмитаже в выходной день в сопровождении своего помощника Василия Толстикова. Партийные начальники вызвали Артамонова в Николаевский зал и изложили ему свои планы: «Да, слушай, директор, еще Ленин писал: "Искусство должно принадлежать народу!" В Ленинграде нет ни одного подходящего помещения для того, чтобы устраивать настоящие приемы. Николаевский зал превращается в зал приемов. На Петровской галерее — будет удобная буфетная. Внизу у нас галерея Растрелли, как раз кухня. Настоящий будет дворец для народа».

Михаил Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа с 1992 года: *«Такие идеи всегда могут возникнуть: а почему бы нам не устроить здесь бал? А почему бы нам не сделать зал приемов? Царям можно, а нам нельзя? Тогда приходится объяснить, царям было можно, а вам и нам нельзя».*

Козлов, считавший себя преемником Хрущева, привык к беспрекословному подчинению, однако Артамонов заявил: «Пока я директор Эрмитажа, этого ничего не будет». Козлову пришлось отступить.

Олег Артамонов, сын Михаила Артамонова: *«Эрмитажные дела и разногласия с руководством он дома не обсуждал. Дома он занимался домом: у него были дети, потом внуки появились. Что-то иногда прорывалась, какая-нибудь фраза о том, что удалось от Козлова отбиться. Но это было скорее исключением».*

Подобные ситуации повторялись неоднократно. С той же непреклонностью поставил Артамонов на место мужа министра культуры Екатерины Фурцевой, Николая Фирюбина, который явился в Эрмитаж вместе с иностранными дипломатами и потребовал, чтобы директор продемонстрировал гостям эрмитажную коллекцию порнографии. Ничего не добился даже Никита Сергеевич Хрущев, распоря-

дившийся устроить в Эрмитаже конный манеж для развлечения партийных работников.

Абрам Столяр, доктор исторических наук: *«Примерно так: "Слушай, директор, ты думаешь, что мы ничего не знаем? Мы знаем все! Вот здесь, внизу, находится конюшня и дворцовый ипподром, а ты тут держишь разную рухлядь, то есть дворцовые кареты XVIII века. Так вот, быстренько всю рухлядь оттуда выкинуть, а я дам самых лучших лошадок". Артамонов, не повышая голоса, сказал: "Пока я директор Эрмитажа, ничего этого никогда не будет". Возникает гоголевская ситуация, все столбенеют».*

Реформаторский зуд партийного руководства не ограничивался только Эрмитажем. Вместе с Д. С. Лихачевым Артамонов добился отмены коренной модернизации Невского проспекта, который партийное начальство собиралось одеть в алюминий и стекло. Удалось также добиться отказа от возведения высотной башни-ресторана у фонтанов Петергофа и от первоначального плана строительства гостиницы «Ленинград».

Красота Петербурга определяется контрастом между широкой рекой Невой, заключенной в гранитные набережные, и относительно невысокой застройкой этих набережных. Дома не должны быть выше карниза Зимнего дворца. И вот в начале 1960-х принцип должен был быть нарушен. На мысе между Большой Невкой и Невой собирались воздвигнуть 27-этажную гостиницу «Ленинград». Михаил Илларионович Артамонов был категорически против этого проекта.

Хрущев, начало правления которого ознаменовалось либеральной оттепелью, позднее отказался от этой политической линии. Начало 1960-х стало периодом новой идеологической кампании. Шла борьба за утверждение истинно социалистического искусства, и директор Эрмитажа оказался на передовой линии этого идеологического сражения.

В 1956 году на третьем этаже Эрмитажа для всеобщего обозрения была выставлена часть коллекции московских купцов Щукина и Морозова. Собирали они французскую живопись начала XX столетия. Зритель, привыкший к со-

циалистическому реализму, впал в шок: оказалось, что живопись — это не только «Ходоки у Ленина», но и «Танец» Матисса. Советские художники это прекрасно понимали. Писать, как Матисс, они не умели и не хотели. Поэтому в Москве созрело решение — снять эту живопись, чтобы ее вообще не видели. В Эрмитаж направилась делегация во главе с председателем Академии художеств Владимиром Серовым.

Серов — автор образцовых соцреалистических картин «Ходоки у Ленина» и «Зимний взят», не допускал даже мысли, что директор Эрмитажа посмеет ему возражать. В составе комиссии, которую он привез в Ленинград, был любимый скульптор Хрущева Евгений Вучетич, старый приятель Артамонова, в 1920 году они делили мастерскую при Русском музее.

Абрам Столяр, доктор исторических наук: *«Этот старый друг ему сказал: "Михаил, тебе что больше всех надо? Ты герой соцтруда и состоишь в двух академиях!" Артамонов ответил: "Тверские не продаются"».*

Артамонова поддерживала бесстрашная Антонина Изергина, лучший в стране специалист по западноевропейскому искусству.

Михаил Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа с 1992 года: *«Она зачитала в присутствии большой комиссии текст о том, что коллекция Щукина и Морозова имеет громадное значение для воспитания и составляет огромную культурную ценность».*

Абрам Столяр, доктор исторических наук: *«Неграмотность Серова и всей этой компании доходила до того, что он, не разбираясь в речи Изергиной, прервал ее криком: "Ахинея! Это провокация!" Тоня говорит: "Не знаю. Подписано: В. И. Ленин". На этом все закончилось, комиссия удалилась и отбыла в Москву».*

Артамонов оказался крайне неудобным директором, и начальство только ждало повода для сведения с ним счетов. Повод появился 30 марта 1964 года, когда в галерее Растрелли открылась предназначенная для сотрудников музея

выставка эрмитажных такелажников, в числе которых прославившиеся позднее художники-авангардисты — Шемякин и Овчинников.

Владимир Овчинников, художник: *«Мы собрали экспозицию, расставили картины по стенкам в соответствии с тем, как мы предполагали их повесить. Естественно, нужно было начальствующего благословения получить, но Артамонова в то время не оказалось в Эрмитаже, он был в отъезде. Мы пригласили его заместителя по научной части Владимира Францевича Левинсона-Лессинга. Это был изумительный человек, прекрасный ученый. Он пришел, осмотрел наши опусы и попросил убрать одну или две обнаженки, которые ему показались несколько вызывающими. Естественно, это было беспрекословно исполнено, и мы их удалили с экспозиции».*

Выставка такелажников проработала только один день. После доноса в райком в Эрмитаж срочно приехала идеологическая комиссия, которая сняла картины. Партаппаратчики требовали увольнения Левинсона-Лессинга, однако вернувшийся из отпуска Артамонов взял всю ответственность на себя.

Галина Смирнова, доктор исторических наук: *«Я помню эту страшную тревогу, которая возникла после того, как его сняли. Я тогда к нему пришла и спросила, чем мы, его ученики, можем помочь. Он сказал: "Вы понимаете, дело ведь не в том, что мы открыли выставку, а в том, что я не угоден ни министерству, ни партийным органам". Были и проводы, все научные сотрудники собрались, все его благодарили и плакали даже».*

Артамонов проработал на посту директора Эрмитажа 13 лет — с 1951 по 1964 год. В 1964-м на Дворцовой набережной наблюдалась процессия. Артамонов вышел из Эрмитажа, он был уволен, а за ним шли сотрудники. Они провожали своего директора. И нельзя сказать, чтобы он был какой-то мягкий человек, чтобы он кого-то числил в своих любимчиках. Наоборот, это был человек аристократический, мужественный. Между ним и сотрудниками была

определенная дистанция. Но они понимали, кого они теряют. Артамонов сдал свой пост следующему директору — Борису Пиотровскому.

Олег Артамонов, сын Михаила Артамонова: *«В этот же день ему позвонил Мавродин, декан исторического факультета, и сказал: "Михаил Илларионович, для вас всегда кафедра открыта". Наверное, отец все в себе держал, но такие небольшие знаки поддержки, конечно, для него были важны. На него тогда навалилась вся эта государственная машина. Можно было уйти только в науку, чтобы обо всем этом забыть».*

Артамонов вернулся в археологию. Он стал кумиром студентов истфака ЛГУ. Последнее напутствие начинающим археологам Артамонов произнес в июле 1972 года, за несколько дней до своей смерти.

Андрей Алексеев, доктор исторических наук: *«Он сказал, что трудности, конечно, существуют, но если вы твердо встали на этот путь и выбрали его сознательно, не хотите сворачивать с него, надо проявлять смелость и твердость. Только тогда вы достигнете желаемых результатов».*

Олег Артамонов, сын Михаила Артамонова: *«Всю нашу семью очень радовало, что даже через 30 лет после его смерти они всегда приходили на день рождения. 5 декабря у нас появлялись все, кто мог прийти, люди даже приезжали из других городов. Все очень тепло его вспоминали».*

Андрей Алексеев, доктор исторических наук: *«До сих пор мы так или иначе работаем под портретами Михаила Илларионовича, особенно в Эрмитаже. Конечно, здесь его всегда будут помнить».*

В истории нашего Отечества очень часто встречаются моменты, которые в мореходном деле называются «поворот все вдруг». Все, чему страна поклонялась, проклинается. Меняются экспозиции, перевешиваются портреты, разрушаются памятники. В такие моменты важно, чтобы нашелся человек, который сказал бы: «Не трогай, положи на место, сохрани». Именно таким человеком был Михаил Илларионович Артамонов — фельдмаршал Эрмитажа. Бла-

годаря ему сохранилась коллекция этого великого музея, он старался всеми силами не превратить Ленинград в заурядный советский мегаполис.

КОМЕНДАНТША

Осенью 1993 года посетители сквера в Соляном городке, рядом с Музеем обороны Ленинграда, стали замечать, что каждое утро сюда приезжает пожилая женщина. Она гуляет по скверу, сидит на скамейке. Вечером за ней приезжает машина. Будто рабочий день здесь проводит.

Сотрудники музея узнали в даме своего бывшего директора, Людмилу Николаевну Белову, человека очень известного в Ленинграде, легендарную комендантшу Петропавловской крепости, основавшую Музей истории Петербурга, создательницу самой могучей музейной империи города. В конце сентября Белова перестала приходить в этот сквер, а в октябре город узнал о том, что ее больше нет, она умерла.

Людмила Николаевна Белова

Монументальная фигура Людмилы Николаевны Беловой, моющей пол на новой экспозиции, распекающей подчиненных, устраивающей их бытовые дела, хохочущей над музейным капустником, навсегда останется важнейшим воспоминанием нашей, сотрудников Петропавловской крепости, общей молодости[1].

Она напоминала большую русскую барыню — нечто среднее между капитаншей Мироновой из «Капитанской дочки» и Хлестовой из «Горя от ума». Недаром сотрудники Петропавловской крепости иронично называли себя «крепостными». Но в Людмиле Николаевне присутствовали не только произвол и своеволие (хотя и их хватало), но и неожиданная для брежневско-романовского Ленинграда яркая индивидуальность.

В начале 1950-х краеведение в Ленинграде и всякие занятия историей города были не в чести — после «Ленинградского дела» это просто небезопасно. Советский областной центр не должен был кичиться своим прошлым имперской столицы. Нет города с уникальной судьбой, все города советские.

Но после смерти Сталина Петропавловская крепость, бывший военный объект, стремительно превращалась в главный исторический музей Ленинграда. Масштабы работ совершенно не смущали энергичную директрису. К крепости у Беловой было особое отношение. Именно здесь отбывал заключение при последнем императоре ее отец, народоволец Николай Белов.

Надежда Белова, дочь Людмилы Беловой: *«Это известная в нашей семье история. Дедушка, войдя в эту камеру, сказал: "Думал ли я, когда здесь сидел, что моя дочь будет руководить этой крепостью?"»*

Из ярких черт Людмилы Николаевны нужно выделить уважение к специалистам, терпимость к человеческому своеобразию и страсть к работе. Она создала целую музейную

[1] Автор книги работал экскурсоводом и научным сотрудником в Музее истории города. — *Прим. ред.*

империю, включавшую множество самых неожиданных экспозиций и учреждений — от музея-квартиры Петра Козлова до краеведческого музея в Пушкине, от Смольного собора до крепости Орешек, от Инженерного замка до Комендантского дома.

Петропавловская крепость

Людмила Аксенова, старший научный сотрудник ГМИСПб в 1974–2003 годах: *«Она создавала историю города по тем крупицам, которые можно было собрать, как из кусочков смальты складывают огромную мозаичную картину».*

Именно при Людмиле Николаевне фонды музея увеличились до необычайности. Были спасены десятки тысяч объектов интерьера и архитектурных деталей, обреченных погибнуть в пору комплексного капитального ремонта.

Для нее персонами грата были и почитательница русского авангарда Алла Повелихина, и исследовательница боевой организации партии эсеров Маргарита Идельсон, и поклонница «Народной воли» Альдина Барабанова. Они получали свои небольшие музейные зарплаты именно за то, что занимались предметами, совершенно не вписывавшимися в номенклатуру идеологически правильных тем. Взлет ленинградского краеведения, начавшийся в 1970-е, напрямую связан с книгами, статьями, лекциями и экскурсиями музейных сотрудников. За широкой спиной Беловой скрывалась своеобразная афинская академия, где всякий интерес поощрялся и расцветали сто цветов.

Белову не интересовали анкетные данные, недостаточная «скромность в быту», идеологическая невыдержанность и моральная нестойкость. Она терпела слабости, своеобычность, даже эксцентризм подчиненных. В крепости при ней сосуществовали и работа, и «гулянка». Молодые сотрудники флиртовали, выпивали, играли в преферанс, проводили рабочий день в домашних заботах или дружеских посиделках: это не слишком волновало Белову (более того, как мне кажется, она даже слегка гордилась их лихостью). Другое дело — экспозиция, срочная командировка в провинцию, справка для инстанции. Работа, если она действительно считалась важной, должна была быть выполнена качественно и в срок.

Музей считался «передовой линией идеологического фронта». Но защищенные крепостными стенами и авторитетом директора музейщики невольно сравнивали свое положение с положением коллег в других гуманитарных институциях. И всегда в свою пользу.

Тюрьма Трубецкого бастиона, место заключения отца директора Беловой, открылась для посетителей в 1954 году. И это было только начало. Каждый год — новая экспозиция. Показывать всегда было что. В музее собраны прекрасные дореволюционные коллекции. Тут подлинные чертежи Растрелли и Трезини и здесь же все, что осталось от ликвидированного Музея обороны Ленинграда. Главный

принцип Беловой — музей не должен быть скучным. Она собрала под свое крыло всевозможных чудаков и оригиналов, энтузиастов истории города, перетасовав их с матерыми профессионалами музейщиками и выдержанными партийцами. В результате получился своего рода краеведческий НИИ с сильным кружком самодеятельности.

Хотя музей, которым руководила Белова, назывался Музеем истории Ленинграда, собственно исторической экспозиции в нем десятилетиями не было. Она появилась в Комендантском доме только 14 декабря 1975 года, в день, когда отмечали 150-летие Восстания декабристов. Первую экскурсию вел молодой научный сотрудник Александр Давыдович Марголис. Он знал, что несколько залов впереди еще не очищены от строительного мусора, и Людмила Николаевна Белова собственноручно моет там пол. Она не боялась абсолютно никакой работы.

Александр Марголис, историк: *«У нас не было никакого застоя. Здесь, на Заячьем острове, шла какая-то другая жизнь, царила атмосфера какой-то другой планеты. Белова была антизастойная по сути своей, она никогда не стояла, все время была в движении».*

Борис Кириков, историк архитектуры: *«Я сам испытал на себе воздействие энергетики Людмилы Николаевны Беловой. Она умела так говорить, что тебе уже самому хотелось почему-то идти и работать».*

Большинство советских граждан знало Музей истории Ленинграда как Петропавловскую крепость. Сюда на экскурсию неминуемо попадал каждый турист, а были их миллионы со всего света. В Стране Советов самостоятельный осмотр экспозиции не приветствовался. Экскурсовод должен был сопровождать осмотр экспонатов изложением основ марксистско-ленинского учения. Так, согласно методичке, за время экскурсии по Петропавловской крепости экскурсовод обязан был процитировать Ленина 17 раз. С легкой руки Беловой эта норма ее подопечными откровенно не выполнялась.

Всеволод Грач, сотрудник ГМИСПб: *«Значение этих экскурсий было невероятным, ведь через Петропавловку проходило порядка двух миллионов человек в год».*

«Здравствуйте, дорогие товарищи! Меня зовут Лев Яковлевич Лурье, я экскурсовод Музея истории города Ленинграда. Сегодня мы проведем экскурсию по части нашего музея, Петропавловской крепости, историко-культурному, историко-революционному памятнику, месту, где был основан город Ленинград. Наша экскурсия займет полтора часа, мы посетим с вами Петропавловский собор, где покоится основатель нашего города Петр I, посмотрим тюрьму Трубецкого бастиона, где томились революционеры всех трех периодов русского революционного движения (революционеры-дворяне, революционеры-разночинцы и представители пролетарского периода русского освободительного движения). Закончится наша экскурсия вот здесь, на Нарышкином бастионе, у Флажной башни, где Петропавловская крепость принимала участие в величайшем событии XX века, Великой Октябрьской социалистической революции», — сотни экскурсий, сопровождаемые примерно такими словами, каждый день от Иоанновского равелина уходили вглубь крепости.

Экскурсовод получал 2 рубля за полуторачасовую экскурсию. В сезон гид проводил 4—5 экскурсий в день. Труд каторжный, но и зарплата, если не лениться, неплохая, как у водителя автобуса. Научным же сотрудникам платили копейки. При этом попасть в научный отдел считалось счастьем — Белова разрешала заниматься всем — от русского авангарда до русского террора. Главное — качество работы, а монархист ты, троцкист или художник-авангардист — твое личное дело.

Всеволод Грач, сотрудник ГМИСПб: *«Сотрудники получали какие-то смешные деньги — 110—130 рублей — просто полный минимум. Люди работали на энтузиазме, поскольку они были настоящими учеными».*

Борис Кириков, историк архитектуры: *«В музее работали очень глубокие специалисты и люди, по-настоящему*

увлеченные, преданные своему делу. Некоторые из них были немного чудаковатыми людьми. Например, Маргарита Владимировна Идельсон, замечательный исследователь революционного движения партии эсеров. Уникальным специалистом была Альдина Ивановна Барабанова, которая как никто знала все про Народную волю».

Вадим Воинов, художник: *«Каждый маленький путеводитель, который выпускался раз в 5—10 лет, был для нас огромным событием. Главным в жизни была наука о городе».*

Атмосфера в крепости в 1970-е годы обеспечивала расцвет ленинградского краеведения. Белова не только исключительно терпимо относилась к своим подчиненным, но и умело оберегала их от излишнего интереса курирующих органов. Основу научного отдела составляли люди молодые и не слишком дисциплинированные. Белова была начальница строгая, но строгая по-матерински.

Людмила Аксенова, старший научный сотрудник ГМИСПб в 1974—2003 годах: *«У нее не было начальственного высокомерия, хотя, конечно, она могла очень решительно поставить человека на место».*

Всеволод Грач, сотрудник ГМИСПб: *«Она напоминала Екатерину II, у которой были свои слабости. Она всегда любила того же Вадика Воинова — ныне известного художника-коллажиста».*

Вадим Воинов, художник: *«Когда я в первый раз нелегально выставился с художниками-нонконформистами, с учетом всех других моих "заслуг" она по всем правилам должна была меня выгнать. Но она этого не сделала и, проведя какую-то интригу, перевела меня в фонды».*

Примерно с 1960-х годов началось великое переселение внутри Ленинграда. Старые дома ставили на капитальный ремонт, люди выезжали в Купчино и на Комендантский аэродром, а вещи с собой не брали. Всю эту рухлядь, сохранившуюся со времен их бабушек и дедушек, все, что не было уничтожено в годы блокады и военного коммунизма, они попросту выкидывали. И вот вокруг этих покинутых обитателями домов ходили сотрудники Музея исто-

рии города, которых властная рука Беловой посылала на поиски чайников, ножичков, фрагментов сантехники — всего, что казалось абсолютным сором времени. Таким образом, постепенно в Музее истории города собралась крупнейшая коллекция бытового предмета рубежа XIX—XX века, коллекция, который нет равных в мире.

Вадим Воинов, художник: *«Собирали образцы паркетов, лестничных ограждений, печек, каминов, дверей».*

Людмила Аксенова, старший научный сотрудник ГМИСПб в 1974—2003 годах: *«Брали тарелки, мебель, все, что касалось жизни города. Естественно, очень много покупали, хотя финансы были ограничены».*

Белова по натуре была империалисткой. Все, что ей предлагали, она немедленно брала. Полуразрушенная древнерусская крепость Орешек в устье Невы или квартира Блока, памятник защитникам Ленинграда на Средней Рогатке, Пискаревское кладбище, квартира, где выпускалась газета «Правда», — все шло в огромный механизм Музея истории города.

Ольга Чеканова, старший научный сотрудник ГМИСПб: *«Она понимала, что если музей не возьмет, то погибнет здание, никто не сможет ничего сделать. Были и недовольные тем, что все время у нас какое-то прибавление, все время какие-то новые заботы, по 5 экспозиций в год».*

Пик карьеры Беловой пришелся на конец 1970-х. В 1979 году ей дали Госпремию за создание мемориала защитникам Ленинграда, а в следующем 1980-м Музей истории города открыл очередной филиал — на улице Декабристов в год 100-летия со дня рождения поэта была воссоздана квартира Александра Блока. Чтобы сделать музей, пришлось расселить две коммуналки, а главное, — добыть деньги на покупку у частного коллекционера огромного собрания материалов, связанных с жизнью Блока.

Людмила Аксенова, старший научный сотрудник ГМИСПб в 1974—2003 годах: *«Как она смогла купить эту коллекцию, на которую покушались многие, в том числе и сам Симонов, тогда еще живой? В Москве! Как она смогла найти*

такие деньги, по тем временам совершенно безумные — 15 тысяч? На основе этой коллекции и был создан музей Блока».

Мысли о работе посещали Белову в самых неожиданных местах. Однажды она пошла к своей портнихе шить шубу на Большой проспект Петроградской стороны и решила, что именно эта улица должна стать первой в Ленинграде пешеходной зоной. Но Большой сделать таковым было невозможно из-за напряженного движения машин. В конце концов, Белова остановилась на «квартале 100», вдоль Мойки от Аптекарского переулка до Конюшенного моста. Здесь все дома должны были быть расселены, а в квартирах — воссоздана обстановка рубежа XIX—XX веков. Огромный бытовой фонд Музея истории города позволял создать такую уникальную, не имеющую равных в мире экспозицию.

Валерий Наливайко, художник: *«Это должна была быть целая серия музеев. Хотели восстановить торговый центр старого образца. Предполагалось, что там будут торговать сувенирной продукцией».*

Ольга Чеканова, старший научный сотрудник ГМИСПб: *«Планировалось восстановить старые ручки, дубовые двери, фонари».*

Проект «квартала 100» стал последним масштабным начинанием Беловой на посту директора Музея истории города. Ее 30-летнее правление подходило к концу. У многих давно уже вызывала раздражение ее чрезмерная широта взглядов, а особенно своеволие.

Александр Марголис, историк: *«1988 год уже не был временем Людмилы Николаевны Беловой. Уже заканчивалось время шестидесятников, не говоря о пятидесятниках. Она очень не любила начальство среднего уровня, Управление культуры на дух не переносила, предпочитала иметь дело с хозяевами Смольного. Естественно, тем, кто был на среднем уровне, понравиться это не могло, поэтому она там нажила очень много врагов. В конце концов, они оказались сильнее ее, когда хозяин Смольного ослаб».*

Из своего кабинета в здании гауптвахты Петропавловской крепости Людмила Николаевна Белова более 30 лет управляла империей Музея истории Ленинграда. Сюда к ней 1987 году, когда повеяли уже ветры перестройки, пришел пионерский отряд. Эти пытливые дети задавали Беловой неудобные вопросы. Они были озабочены охраной памятников и считали, что Белова недостаточно хорошо заботится об архитектурных сооружениях, которые находятся в ее ведении. Белова была человек жесткий, старой школы, и она сразу послала детей по матушке, чтобы они шли в школу и учились и не задавали дурацкие вопросы. Они пошли, но не в школу, а в райком партии, и в кармане у них была запись со страшными табуированными словами, которые произносила Белова, словами, недостойными коммуниста во время перестройки. В 1987 году Белову сняли с должности директора Музея истории города, потому что на нее, эту должность, претендовали очень многие важные люди. Партработники искали новые места службы.

Покидая свой пост, Белова оставляла наследникам один из богатейших музеев страны. Была сформирована бесценная бытовая коллекция, сохранены и восстановлены десятки памятников архитектуры. С ее уходом музейная империя рухнула, многочисленные филиалы стали независимыми. После 33-летнего управления главным городским музеем она еще 4 года руководила возрожденным Музеем обороны и блокады Ленинграда в Соляном городке. Отношения там не сложились, и Белова была вынуждена уйти на пенсию. Без работы легендарная комендантша прожила лишь несколько месяцев.

Сотрудники Петропавловской крепости любили иронически называть себя «крепостными». Действительно, правление Людмилы Николаевны Беловой напоминало времена XVIII века, золотого века крепостничества. Белова была барыней, которая сама женила своих подданных, разрешала их конфликты, кого-то миловала, кого-то жестоко наказывала. Когда в 1987 году Белова была вынуждена оставить место, многие из ее бывших подданных вздохнули

с облегчением. Они подумали, что наступают свободные времена. Но сейчас уже абсолютно ясно, что именно время правления Беловой было самым счастливым в истории Петропавловской крепости.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ Д'АРТАНЬЯН

Жизнь этого человека определила любимая книга его детства — «Три мушкетера» Александра Дюма. Прочитав ее, Леонид Тарасюк еще школьником выучил французский и стал заниматься историей в Эрмитаже.

Рыцари, доспехи, турниры, Дюма и Вальтер Скотт — это то, на чем воспитан каждый настоящий мальчик. Главная экспозиция западного оружия, самая мальчишеская в нашей стране — Рыцарский зал Государственного Эрмитажа — придумана Леонидом Тарасюком. Потом он повторил эту же экспозицию в музее «Метрополитен» в Нью-Йорке. В жизни ленинградского Д'Артаньяна, Леонида Тарасюка, было, пожалуй, даже больше приключений, чем у знаменитого героя Дюма.

Рыцарский зал Эрмитажа. Конец 1950-х

Шестнадцатилетним блокадным школьником Лёня Тарасюк организовывал комсомольский отряд «Ленинградские Д'Артаньяны». Вместе с другими юными поклонниками Дюма он сбрасывал бомбы-зажигалки с ленинградских крыш. В 1944 году его призвали в армию. Он освобождал Венгрию, а в Чехословакии — немецкий концлагерь с французскими военнопленными, за что и получил орден Почетного легиона. Старшим лейтенантом он возвратился в родной Ленинград, демобилизовался и стал студентом кафедры археологии Ленинградского государственного университета.

Арсений Березин, кандидат физико-математических наук: *«Его любимой книгой была "Три мушкетера" Александра Дюма. Он прочитал ее в возрасте 8 лет, и до самого конца жизни она оставалось главной его книгой. Ради романа Дюма он выучил французский язык. Еще школьником он пошел в Эрмитаж и стал заниматься там историей».*

Сергей Белецкий, доктор исторических наук: *«Он был блестящим историком. Я читал его дипломную работу. Он окончил кафедру археологии университета в начале 1950-х годов и защищал диплом по скифам, он начинал с этой тематики. Его диплом — готовый макет кандидатской диссертации. И то, что он переключился на оружие, насколько я понимаю, оказалось неожиданным для очень многих».*

Интерес Тарасюка к оружию изначально носил не только исторический, но и практический характер. Поступив в университет, он буквально сразу же записался в секцию фехтования.

Арсений Березин, кандидат физико-математических наук: *«Мы впервые встретились 2-го сентября, записываясь на фехтование, а 3-го отправились на секцию. Надо сказать, что я уже тогда чуть-чуть фехтовал, никаких особенных надежд не подавал, и для меня это не было чем-то особенно захватывающим. А для Тарасюка это была часть его жизни: он считал, что должен хорошо драться на шпагах, и это он освоил. Он прекрасно стрелял, как и полагается каждому мушкетеру».*

Тарасюка долго не брали в Эрмитаж — у него была неподходящая анкета. Он был еврей, а стояли 1950-е годы, время «Дела врачей». К тому же у Тарасюка была репутация страшного задиры и эксцентрика. Он мог пройти по Невскому проспекту в рыцарских латах — на карнавал исторического факультета ленинградского университета.

Леонид Ильич Тарасюк

И, тем не менее, звезды сложились в его пользу. Предыдущий хранитель Рыцарского зала Коссинский был арестован, кстати говоря, уже в третий раз. Взвесив все, партийная организация Эрмитажа пришла к выводу — надо брать Тарасюка. Все-таки он хоть и еврей, но старший лейтенант в отставке, фронтовик, орденоносец и, к тому же, крупнейший знаток средневекового оружия.

Став сотрудником Эрмитажа, Тарасюк за несколько лет создал не имеющую аналогов в мире экспозицию средневекового западного оружия. Досконально изучив огромную, но не систематизированную эрмитажную коллекцию, «ленинградский Д'Артаньян» в одночасье стал специалистом номер один в своей области.

Михаил Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа с 1992 года: *«Он был, конечно, блестящий специалист. Оружие — это романтично, но изучение его требует много сил и времени. Нужно знать две вещи: как все это работает и как это вписывается в историко-культурный*

контекст. Так что изучение оружия требует громаднейшей эрудиции и очень цепкого мозга и взгляда».

Профессиональная карьера Тарасюка в 1950-е годы — парадокс. В Эрмитаже он — скромный МНС, младший научный сотрудник, это низшая каста в советской академической иерархии. В то же время Леонид Тарасюк — первый советский ученый, избранный в действительные члены Туринской Академии Марчиано, объединяющей крупнейших специалистов по изучению старинного оружия. Членом этого элитного клуба был потомок герцогов Лотарингских генерал де Голль.

Арсений Березин, кандидат физико-математических наук: *«Де Голль вступил в переписку с новым членом академии Тарасюком, и эта переписка продолжалась вплоть до 1960-х годов. Они переписывались, переписывались — сначала младший сотрудник Эрмитажа Тарасюк и генерал де Голль, а потом переписывались уже куратор старинного оружия Ленинградского Эрмитажа, доктор, академик Тарасюк, с президентом Франции Шарлем де Голлем».*

Профессионально занимался Тарасюк зажигательными механизмами пистолетов времен царя Алексея Михайловича, отца Петра Великого. Но хранил он в своем хранилище все: и мечи, и щиты, и шлемы, и арбалеты, и сабли дамасские. Золотая страна мальчишеской мечты.

Сергей Белецкий, доктор исторических наук*: «Тарасюк приходил в мушкетерском плаще, в широкополой шляпе с перьями, причем из-под нее торчали, естественно, нормальные цивильные брюки, обычные ботинки. Под мышкой у него несколько шпаг, кинжалы, и читал он нам, пацанам, лекцию под названием "Как и чем Д'Артаньян убивал своих противников"».*

Юрий Ефимов, хранитель отдела оружия Государственного Эрмитажа: *«Мы, мальчишки, работая в хозяйственной части, конечно, стремились к нему попасть, надеть доспехи, взять в руки меч, а я еще слушал спецкурс у него. Он все нам разрешал».*

В Эрмитаже Тарасюк — фигура легендарная. Гений эпатажа с каким-то невероятным мушкетерским чувством юмора. Одну из молодых сотрудниц он убедил в необходимости заспиртовать скончавшегося сотрудника музея — на память потомкам.

Любовь Фаинсон, кандидат искусствоведения: *«Я была бестолковой и доверчивой. Ничего не поделаешь, я еще плоховато соображала и стала ходить от должности к должности, объясняя — нужен спирт, чтобы заспиртовать заведующего отделением графики Евгения Григорьевича Лисенкова».*

Михаил Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа с 1992 года: *«Одно из последних моих воспоминаний о Тарасюке — как он стреляет из пушек на юбилее моего отца. Он рассказывал, как он, якобы, давал указания пулеметчикам, которые сидели на 3-м этаже во время парадов. Я думаю, что никаких пулеметчиков во время парадов на крыше Зимнего дворца не было, хотя рассказ его казался очень правдоподобным».*

Утром 1 апреля 1956 года Эрмитаж облетело трагическое известие — скончался хранитель Рыцарского зала, выдающийся знаток средневекового западного оружия Леонид Ильич Тарасюк.

Любовь Фаинсон, кандидат искусствоведения: *«В малом подъезде есть щит с объявлениями. Если, не дай бог, кто-то уходил из жизни, то именно там был портрет в траурной рамке. Однажды Леня повесил свой портрет и написал, что он скоропостижно скончался после автокатастрофы. А рассчитано было на то, что я приду рано и начну собирать деньги на похороны. А тут он живой и явится и денежки мы совместно прокутим».*

Михаил Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа с 1992 года: *«Это был стиль, который и шокирует, и нравится всем».*

Шутки Тарасюка — всегда на грани фола. В стенах Эрмитажа со временем к ним привыкли, но Ленинград — это не только Дворцовая площадь. Когда генеральным секрета-

рем партии был избран Леонид Ильич Брежнев, полный тезка «ленинградского Д'Артаньяна», эксцентричный хранитель не выдержал и вышел в народ. Теперь ареной для его розыгрышей стал весь город.

Георгий Вилинбахов, заместитель директора Государственного Эрмитажа: *«У него был приятель, тоже историк, который занимался Средневековьем и мистикой, Владимир Ильич Райцис. Когда они с ним спускались в метро, Райцис шел впереди, а Тарасюк — сзади. Они громко вели диалог такого содержания: "Владимир Ильич, Владимир Ильич, ну куда же Вы? Я не успеваю за Вами, подождите, я Вас сейчас буду догонять". — "Леонид Ильич, догоняйте, догоняйте, Леонид Ильич, догоняйте". Так они и беседовали, до тех пора пока их не останавливал милиционер».*

В смелости Тарасюку не откажешь. Ко времени, когда Леонид Ильич устраивал эскапады в ленинградском метро, у него за плечами были 3 года лагерей.

Жил Леонид Тарасюк на Невском, 100. На его двери друзья написали: «Здесь живет наш лучший друг Д'Артаньян де Тарасюк». И вот отсюда в 1959 году его и увели оперативники Комитета государственной безопасности. Тарасюка обвинили в том, что в 1952 году, то есть за 7 лет до ареста, он с друзьями в горном Крыму оборудовал пещеру с какими-то продовольственными запасами, где они надеялись пересидеть атомную войну или скрыться от возможного ареста. Шел конец сталинской эры, и Тарасюк естественно опасался гибели или попадания в лагерь. Через 7 лет это вскрылось.

Советская правоохранительная система не любила оправданий, и, несмотря на протест прокурора, обвинительный приговор остался в силе. Срок Тарасюк отбывал сперва в Тайшете, затем в Мордовии. Там он познакомился с униатским кардиналом Иосифом Слипым, который обучал его итальянскому языку. Слипый сказал Тарасюку как-то, что Папа Римский призвал его к Престолу святому, и он скоро уедет: «Я вас приглашу, и вы приедете к нам в Ватикан».

Освободившись в 1963 году, Тарасюк даже не мечтал попасть в Ватикан — это из области фантастики. Перед ним стояла только одна цель — вернуться в Эрмитаж, и она, ко всеобщему удивлению, осуществилась.

Любовь Фаинсон, кандидат искусствоведения: *«У нас был необыкновенный директор — Михаил Илларионович Артамонов, археолог и человек больших знаний, очень простого происхождения, очень твердый. После того как Леня вышел из тюрьмы, он взял его снова на работу».*

В знаменитой оружейке Ленфильма, где хранятся рапиры и другие образцы холодного и огнестрельного оружия, Тарасюк был всегда своим человеком. Он консультировал исторические фильмы, такие как «Двенадцатая ночь» Яна Фрида, «Гамлет» Григория Козинцева, «Начало» Глеба Панфилова (эпизоды с Жанной д'Арк). Он умел фехтовать, как фехтовали в XV—XVII веках. Он не просто перевоплощался в своих героев, он жил этой жизнью, и этим отличался от тех, кого сейчас называют «ролевиками», когда человек становится на время, предположим, дружинником, а потом садится за компьютер. Тарасюк жил в Средних веках. Он был Д'Артаньяном в Ленинграде XX века.

В 1972 году Леониду Тарасюку исполнилось 45 лет. Казалось, все плохое осталось позади. Он был директором музейного хранения Эрмитажа, блестящим переводчиком-синхронистом, консультантом художественных фильмов. Романтическая фигура, известная всему городу и любимая им. Но ему не хватало одного — возможности увидеть те священные камни Европы, которым он всю жизнь поклонялся. И он подал заявление на отъезд из Советского Союза.

Георгий Вилинбахов, заместитель директора Государственного Эрмитажа: *«Он написал не просто заявление в духе: "Прошу меня уволить в связи с тем-то и с тем-то". Он решил сначала передать коллекцию».*

Михаил Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа с 1992 года: *«Это был исключительно порядочный и деликатный человек. Он всегда старался учитывать интересы Эрмитажа и тех, кто работал вместе с ним. Сде-*

лать все так, чтобы никто в результате его действий не пострадал, было очень важно для него».

Два года Тарасюка не выпускали. В конце концов, вмешалась международная общественность, в частности, знаменитый американский сенатор Джексон[1]. И в 1973 году Леонид Ильич покинул Россию навсегда.

Тарасюк обосновался в Соединенных Штатах. Во всемирно известном нью-йоркском музее «Метрополитен» он работал над экспозицией средневекового оружия, руководствуясь теми же принципами, что и при создании Рыцарского зала в Эрмитаже.

Михаил Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа с 1992 года: *«"Метрополитен" — это серьезнейшее учреждение, туда берут специалистов экстра-класса. Я много раз бывал в "Метрополитене" и слышал отзывы о Тарасюке. Он был сразу же воспринят как ученый очень высокого уровня».*

Вырвавшись из-за «железного занавеса», Тарасюк наверстывал упущенное. Европа, которую он знал по книгам и артефактам, открылась перед ним во всей своей невероятной подлинности. Он много путешествовал. В Ватикане его принимал старый знакомый по мордовским лагерям кардинал Иосиф Слипый. Слипый предложил Тарасюку обвенчать его с женой Ниной Ростовцевой на память о встрече.

Арсений Березин, кандидат физико-математических наук: *«Нина сказала, что это невозможно, потому что они уже зарегистрированы. Слипый ответил: "Где? Ваш советский брак? Он не имеет никакой силы в глазах святой церкви!" И кардинал торжественно их обвенчал в Сикстинской капелле».*

В Нью-Йорке, как и в Ленинграде, Леонид Тарасюк стал всеобщим любимцем. Этот энциклопедист-эксцентрик

---

[1] Один из инициаторов поправки 1974 года к закону о торговле США, ограничивающей торговлю со странами, препятствующими эмиграции, а также нарушающими другие права человека. — *Прим. ред.*

буквально притягивал к себе неординарных людей. В числе его ближайших друзей была знаменитая Жаклин Онассис-Кеннеди. Тарасюк помог ей подготовить и издать книгу о русском костюме.

Арсений Березин, кандидат физико-математических наук: *«Жаклин очень просто сказала: "Да, я любила его. Это было не то, что я любила как любовника. А как человека!" Это было сказано совершенно открыто, с чувством».*

В августе 1990 года Тарасюк отправился в Шотландию на международный конгресс оружейников. Там он — главная звезда. В профессиональной среде его буквально боготворили и готовы были носить на руках.

Георгий Вилинбахов, заместитель директора Государственного Эрмитажа: *«Со всех сторон к нему неслись радостные участники этого конгресса обниматься, целоваться. Вообще, приезд Тарасюка — это было событие, вокруг него моментально сразу все начинали крутиться, все его знали, и всех он знал. Это были профессиональные отношения, которые легко переходили в дружеские. Я не думаю, что кто-нибудь из старых оружейников тех времен к нему относился не по-дружески. Шведы, финны, поляки, американцы, англичане, немцы, итальянцы, в общем, казалось, что все оружейники мира — его друзья».*

Из Шотландии Тарасюк отправился во Францию, страну мушкетеров. Каждая поездка туда, как паломничество в Мекку. На родине Д'Артаньяна 11 сентября 1990 года Леонид Тарасюк погиб вместе с женой в автомобильной катастрофе.

ВЛАДИМИР МАЛЫШЕВ

Наш город основан Петром Великим, поклонником Запада, и здесь ничего, пожалуй, кроме Спаса на Крови, не напоминает о Древней Руси. Но именно здесь, на берегах Невы, было сделано больше, чем где бы то ни было, для

изучения древнерусской культуры. В этом очерке речь пойдет о собирателе древнерусских рукописей замечательном ученом Владимире Ивановиче Малышеве.

В 1933 году Малышев поступил на филологический факультет Ленинградского университета, тогда он назывался ЛИФЛИ[1], но суть от этого не меняется. Специальное место — обитель самых красивых студенток и самых больших снобов в городе. И на этом фоне Малышев невероятно выделялся. Этот парень из провинции, закончивший рабфак, умел выпить, отматерить, если надо, и одновременно не терялся в любой аудитории.

Илья Серман, доктор филологических наук: *«Нас удивили два обстоятельства. Во-первых, он круглый год ходил в валенках, не потому что ему было холодно, а потому что не было смены. Во-вторых, он разговаривал на равных с Александром Сергеевичем Орловым, академиком, на которого мы смотрели, конечно, с удивлением и уважением».*

Лидия Лотман, доктор филологических наук: *«Однажды наш студент, отвечая у доски, написал фразу "как ныне* взбирается *Вещий Олег" вместо "как ныне* сбирается*". Володя мне потом сказал: "Вот видишь, он говорит,* взбирается *Вещий Олег!" Для него Вещий Олег — фантом, а для меня это живой человек". Он был очень приобщен к древности».*

Заниматься Древней Русью в 1930-е было немодно и политически опасно. Средневековые тексты на 90 процентов духовного содержания и те, кто к ним обращался, вольно или невольно противостояли антирелигиозной пропаганде. Малышева это не останавливало. Он с головой погружался в летописи и первопечатные книги. Научное чутье подсказывало ему, что значительная часть древних рукописей еще не найдена, поиски надо вести в северных старообрядческих деревнях.

---

[1] Ленинградский институт истории, философии и лингвистики — гуманитарный вуз университетского типа, существовавший в Ленинграде с 1931 по 1937 год. Был выделен из ЛГУ и, в конечном счете, снова с ним слит. — *Прим. ред.*

В начале XX века, после того как старообрядцам разрешили открыто строить свои храмы в городах, в том числе и в столицах, стали появляться такие дивные сооружения, как церковь иконы Божьей Матери «Знамение» на Тверской улице в Петербурге. В каждом из этих храмов, в каждом старообрядческом приходе хранились древние рукописи, иконы XIII—XV веков, первопечатные книги. Каждый из этих приходов был таким складочным местом русской старины.

Владимир Иванович Малышев в первой археографической экспедиции на Печору. 1934 год

Старообрядческий мир, как град Китеж, — скрытая от глаз цивилизация. С середины XVII века, со времен патриарха Никона, ревнителей старой веры поставили вне закона. С тех пор в каждой из многочисленных общин староверов копировали и собирали древние иконы, сохраняли и воспроизводили уникальные письменные памятники.

Иерей Геннадий Чунин, настоятель Покровской старообрядческой общины Санкт-Петербурга: *«Старообрядцы были вынуждены постоянно подтверждать своими делами, своей жизнью веру. Постоянно нужно было вступать в полемику или с новообрядцами, или с теми старообрядцами, которые, скажем, испытывали какие-то колебания. То есть постоянно были вынуждены дискутировать на тему сохранения старого обряда, и книги были в этом, в таких разговорах, необходимы. Они были главным и основным инструментом. Поэтому, конечно, книгам и их сохранности уделялось много внимания».*

Вскоре после окончания университета Малышева призвали в армию. От пуль он не прятался. Жесточайшая Финская кампания, затем бои на Невском пятачке. В 1946 году Малышев демобилизовался и поступил на работу в Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Новый сотрудник сразу начал осаждать начальство, требуя организовать археографические экспедиции по сбору древних рукописей. На него смотрели, как на сумасшедшего. Какие рукописи? Все найдено или давно погибло, да и кому они нужны.

Владимир Бударагин, заведующий Древлехранилищем Пушкинского Дома: *«С 1946 года он становится сотрудником Пушкинского Дома, но первая официальная экспедиция оказалась возможной только в 1949 году. И то были свои сложности, чисто административные. Экспедиция организуется на деньги московского Института истории. Академик Тихомиров, личный знакомый Малышева, выделил деньги на поездку. Материалы же поступали в Пушкинский Дом. Это были первые 32 рукописи».*

Глеб Маркелов, старший научный сотрудник Древлехранилища Пушкинского Дома: *«До 1949 года в Пушкинском*

Доме не было древнерусских рукописей, вообще ни одной. И в 1949 году, когда Малышев впервые поехал в экспедицию в Усть-Ильму (это большое старообрядческое село в Печоре), он привез оттуда рукописи, которые положили начало этому фонду. Фонд стал расти».

Настойчивость Малышева приносила свои плоды. В Пушкинском Доме он создал Древлехранилище, особое собрание древних рукописей. Появились ученики и последователи. С ними каждый год он отправлялся в археографические экспедиции. Три столетия староверы хранили свои книжные сокровища, скрывая от всего мира и не доверяя никому. Они открылись только этому простоватому на вид мужичку, потому что показался он им человеком дела и человеком призвания.

Глеб Маркелов, старший научный сотрудник Древлехранилища Пушкинского Дома: *«Малышев как-то умел расположить этих людей к себе. Он нам завещал, и это было повсеместно принято, чтобы мы никогда не врали. Приезжали в какую-нибудь старообрядческую деревню и никогда не врали, что мы и кто мы. Мы говорили, что мы сотрудники Академии наук, занимаемся изучением старины, старых книг. И объясняли, почему мы их собираем, для пользы дела. Вот это понятие — польза дела — может быть, одно из основных понятий, которым руководствовались и старообрядцы в том числе. Для пользы дела можно отдать книгу».*

В послевоенном Советском Союзе старина просто гибла. Она никому не была нужна. Церкви разрушены, поэтому никого не волновали ни иконы, ни древнерусские книги, ни утварь. И главным для Владимира Ивановича было спасти эти предметы умирающей деревни. А с середины 1960-х ситуация стала меняться. Появились московские собиратели с деньгами, фарцовщики, для которых икона или древнерусская книга была модным предметом или вещью, которая может быть обменена на конвертируемую валюту. Но Малышев и его экспедиция выигрывали у подпольных предпринимателей и в 1960—1970-е просто пото-

му, что они знали предмет, знали, где искать, и главное — им верили.

Владимир Бударагин, заведующий Древлехранилищем Пушкинского Дома: *«Часто мы оказывались на фоне заезжих собирателей, которые действовали по принципу: у тебя товар, а я купец. И эти не очень понимавшие суть вопроса люди частенько отправлялись за порог дома. И кого-то другого в этот дом уже не хотели пускать. Поэтому, в известной степени, здесь, конечно, знание бытовых особенностей жизни старообрядцев нам было необходимо».*

Владимир Иванович Малышев. 1960-е годы

Русская гуманитарная наука XX века сделала два, несомненно, великих открытия — это берестяные грамоты и подлинный список «Жития протопопа Аввакума». Эта книжечка была написана протопопом и его соузником Епифанием в Пустозерской земляной тюрьме. Они ожидали сожжения на костре. У Епифания уже был урезан язык и отрублены пальцы на одной из рук.

Протопоп Аввакум — один из лидеров старообрядчества и главный противник реформы Никона — создал первый образец автобиографической прозы на русском языке. Его «Житие» — литературный памятник мирового значения.

Глеб Маркелов, старший научный сотрудник Древлехранилища Пушкинского Дома: *«Он описывает совершенно немыслимые мучения, которые ему пришлось пережить, и он их не только переживал, но еще и с Божьей помощью преодолевал. То есть жизнь Аввакума — это образец нашей русской твердости. И во многом благодаря тому, что у раскола был такой великий вождь, как протопоп Аввакум, благодаря этому обстоятельству русское старообрядчество оказалось таким стойким».*

Подлинный автограф Аввакума появился в Древлехранилище. Разыскать его удалось рижскому коллекционеру-старообрядцу Ивану Никифоровичу Заволоке. Единственный, кому Заволока решился передать бесценную рукопись, был Владимир Малышев. Рижский собиратель прекрасно знал Малышева и знал, что для него поиск текстов Аввакума был делом всей жизни.

Глеб Маркелов, старший научный сотрудник Древлехранилища Пушкинского Дома: *«Первая экспедиция Малышева на Печору. Он ехал туда, совершенно не подозревая, что там такое. Но он знал, что там он может найти Аввакума. Рукопись "Пустозерский сборник", которую подарил нам Иван Никифорович Заволока, это тоже была своего рода победа Малышева. Он искал Аввакума и все-таки нашел — вот главный итог его жизни».*

Илья Серман, доктор филологических наук: *«Он же говорил неофициально, что старообрядцы, если бы начальство разрешило, поставили бы в Пустозерске Аввакуму золотой памятник».*

Владимир Иванович был крупным академическим ученым и одновременно человеком народной среды. Он вырос в маленьком районном городке Наровчат в Пензенской области и никогда не изменял тем обыкновениям, к которым приучился в детстве. Он любил слушать народный хор. Любил

выпить в рюмочной и поговорить с соседями за столиком. И очень любил прийти в воскресенье в один из ленинградских скверов или парков, где тогда собирались деревенские люди и пели частушки, плясали, знакомились, танцевали. И он чувствовал себя абсолютно своим в этой среде.

Илья Серман, доктор филологических наук: *«Он с академиком и дворником говорил одинаково. Для него не существовала иерархия чинов и положений, для него были только люди, в той или иной степени его интересующие».*

Лидия Лотман, доктор филологических наук: *«Наш чванливый директор с ним в машине куда-то за город поехал, и что-то стал директор говорить. Малышеву это очень не понравилось, и он сказал: "Поганый ты мужичонка, Николай Федорович!" А дальше, как ни в чем не бывало: "Останови машину!" И вышел посреди луга».*

Начиная с 1949 года и до тех пор, пока позволяло здоровье, Малышев ежегодно возглавлял археографические экспедиции. Благодаря чему в Древлехранилище числились уже не десятки и сотни, а тысячи единиц хранения. Его пример вдохновлял. По всей стране стали организовывать группы по сбору древнерусских рукописей.

Лидия Лотман, доктор филологических наук: *«Мы были в гостях у моей приятельницы, там же был Ираклий Андроников, такой потрясающий говорун и остроумный человек. И вот Ираклий рассказывал, как он организовал с пионерами поиск рукописей. Владимиру Ивановичу это не понравилось. Почему? Потому что он не любил игрушек, он любил всерьез».*

В середине 1950-х сектор древнерусской литературы в Пушкинском Доме возглавил Дмитрий Сергеевич Лихачев — не только великий ученый, но и блестящий популяризатор науки. Последовавшие за этим десятилетия стали временем все возрастающего интереса к истории и культуре средневековой Руси. После выхода в свет фильма Тарковского «Андрей Рублев» Древняя Русь окончательно вошла в моду. То, чему посвятил свою жизнь Владимир Малышев, неожиданно оказалось остроактуальным.

Изучение древнерусской литературы в Советском Союзе — очень специальное дело. Духовные тексты — это седая старина. Здесь не надо цитировать классиков марксизма-ленинизма. Здесь вряд ли наградят Ленинской премией или премией Ленинского комсомола, зато занятие приятное, опрятное и честное. И поэтому в секторе древнерусской литературы у Д. С. Лихачева собрались люди исключительно квалифицированные и порядочные.

Сергей Фомичев, доктор филологических наук: *«Владимир Иванович — это легенда Пушкинского Дома. Когда ему исполнилось 60 лет, он вышел на пенсию. Все ему говорили: "Владимир Иванович, вы что, кто вас гонит?". "Нет, я отработал 60 лет, я вышел на пенсию", — отвечал он. И после этого 6 лет до своей кончины так же приходил на работу. Кто так поступает? Только Владимир Иванович».*

Владимир Иванович Малышев всю жизнь оставался человеком бессемейным. Сам он рано лишился родителей и воспитывался мачехой, которую нежно любил и за которой ухаживал до самой ее смерти. Своей же семьи так и не создал. Ее заменила наука.

Лидия Лотман, доктор филологических наук: *«При этом он был очень предан семье, любил в людях семейственность. Я его спросила: "Володя, тебе религия не разрешает жениться?" Он сказал: "Нет, Лида, мне религия разрешает!" Но у меня есть такое ощущение, что он, как святой человек, посвятил себя делу».*

Владимир Иванович парадоксально сочетал в себе подвижническое служение науке, доходящее до аскезы, и поразительное жизнелюбие. Он любил жизнь в самых различных ее проявлениях — любил застолье, общение с простыми людьми, любил русский романс, обожал футбол.

В кабинете В. И. Малышева в Древлехранилище Пушкинского Дома — в основном ученые книги, но есть и маленькая фигурка футболиста. Потому что В. И. Малышев был страстный болельщик. Я — сын коллеги Владимира Ивановича, Якова Соломоновича Лурье. Мой отец не лю-

бил ходить на футбол, и в детстве я ходил на стадион с Малышевым. Я помню массу историй, которые он рассказывал мне между таймами. Например, такую. В 1957 году на стадионе был бунт болельщиков. И диктор объявил: «Коммунисты и комсомольцы, помогите милиции!» А Владимир Иванович был коммунист. Но он подумал: «Нет, милиции я помогать не буду». А рядом проходил милиционер, такой растерянный, совсем молодой, и Владимир Иванович его спас — покрыл плащом, и хулиганы не догадались, что перед ними — сотрудник милиции.

Однажды Владимир Иванович убедил пойти с ним на стадион Дмитрия Сергеевича Лихачева. Академику зрелище категорически не понравилось. Оба вернулись расстроенные. Малышев искренне переживал, что коллега не смог оценить любимой им игры. В последние годы жизни и сам Владимир Иванович был вынужден отказаться от посещения стадиона, но болельщиком быть не переставал.

Малышев растратил здоровье в бесконечных экспедициях за рукописями. В одной из поездок, когда в лодке он добирался до очередной затерянной северной деревни, с ним случился инфаркт. Без медицинской помощи ученый месяц пролежал в забытом богом селе и с трудом вернулся в Ленинград. Малышев понимал, что жизнь подходит к концу, а было ему всего под шестьдесят. Обнадеживало, что воспитались ученики, кому можно оставить Древлехранилище. Учитель он был прекрасный.

Владимир Бударагин, заведующий Древлехранилищем Пушкинского Дома: *«Владимир Иванович мне поручает какую-то статью о Древлехранилище написать, немедленно. Сажусь, честно начинаю чего-то там накапывать, писать на рабочем месте. Потом у меня обеденный перерыв. Ухожу, возвращаюсь, на столе записочка: "А статьи писать надо дома". Вот наука на всю жизнь».*

Вынужденный отказаться от экспедиций, Малышев, тем не менее, продолжал археографические поиски, составлявшие смысл его жизни. Теперь личное общение сменилось перепиской с хранителями древних рукописей. По-

добную переписку он вел и все предыдущие годы. Писал он мастерски и ценил эпистолярный жанр чрезвычайно высоко, считая умение писать письма необходимым качеством ученого.

Глеб Маркелов, старший научный сотрудник Древлехранилища Пушкинского Дома: *«Весьма интересную, существенную часть в его работе составляет переписка с крестьянами-старообрядцами. И, прежде всего с теми, кого он действительно по-настоящему любил, о ком заботился и о ком писал замечательные статьи, очерки. Это были, скажем, усть-цилемские крестьяне. В Усть-Цильме его очень любили».*

Владимир Иванович Малышев ушел из жизни в 1976 году, оставив в Пушкинском Доме крупнейшее собрание древнерусских рукописей. Он стал легендой при жизни. Ни один археограф в мире не сделал такого количества открытий, как Малышев. При этом до конца жизни Владимир Малышев оставался таким, каким пришел на ленинградский филфак в далеком 1933 году — простоватым на вид мужичком из крохотного городка Наровчат, для которого почему-то Вещий Олег и протопоп Аввакум были не исторические персонажи, а живые собеседники.

Владимир Иванович Малышев не был похож на академического ученого. Он не был ни членом-корреспондентом, ни академиком. Не писал толстых книг. И собственно диссертации защитил просто потому, что от него этого требовали ученики и коллеги. Зато он собрал Древлехранилище. Двенадцать тысяч древнерусских рукописей — целая Атлантида.

Сергей Фомичев, доктор филологических наук: *«Владимир Иванович человек был абсолютно неформальный. Просто жил. О нем и книги написаны, и много воспоминаний, и так далее. Великости своей он никогда не подчеркивал».*

Лидия Лотман, доктор филологических наук: *«Я считаю, что Володя был человек призвания, именно как в религии. Его как будто кто-то призвал. Он не просто занимался как ученый, он хотел узнать, где правда».*

ИСТОРИК СТАРЦЕВ

У российских историков изучение Октябрьской революции всегда считалось делом гиблым и неблагодарным. В советские времена приходилось все время лгать. Из истории безжалостно вычеркивались имена героев Октября. После 1991 года вехи поменялись. Победила «белая» идея. Октябрьская революция больше не считается революцией. И только один российский историк с советского времени и вплоть до своей смерти никогда не лгал — это профессор Виталий Иванович Старцев.

Старцев родился в Ленинграде в 1931 году. В юности мечтал стать дипломатом. Но в Ленинграде не было Института международных отношений, и Старцев решил поступать на юридический факультет, специализироваться в области международного права.

Юридический факультет ЛГУ находился тогда в главном здании университета. Факультет был странный, потому что сталинская эпоха не нуждалась в квалифицированных юристах. Несмотря на то что в 1949 году университет подвергся чистке, а ректора просто расстреляли, преподаватели юрфака были довольно сведущие люди. Образование многие из них получили еще до революции. Старцев выбрал себе экзотическую тему для диплома. Он занимался международно-правовыми аспектами китобойного промысла. Студент он был отличный, его ожидала аспирантура. Но, в конце концов, часть его диплома присвоил научный руководитель. Старцев, вместо того чтобы смолчать, устроил страшный скандал. Поэтому путь в аспирантуру ему был закрыт.

Старцеву даже не удалось устроиться по специальности. В течение года он читал лекции на курсах политруков. Наконец, помог случай — его взяли младшим научным сотрудником в ленинградский архив Октябрьской революции. В точной архивной работе юридический диплом — это только плюс, гуманитарный костяк, на который ложатся другие знания.

Татьяна Старцева, вдова Виталия Старцева: *«В архиве, он прошел путь от младшего сотрудника до заместителя директора. Он очень интересовался источниками. Это была в чистом виде история — документы».*

Борис Кипнис, историк: *«Архив — это и есть источник. И только тот, кто хорошо разбирается в архивных материалах, то есть в источниках, может создать концептуальное историческое произведение».*

Почему немногочисленная партия большевиков смогла захватить власть? Какими силами они располагали в Петрограде? Кем были люди, на которых опирался Ленин? Старцев не сомневался в идеях революции, к тому же отмечался очередной Октябрьский юбилей, а в стране наступила оттепель, и о революции можно было говорить свободнее, чем при Сталине. Для диссертации Старцев выбрал тему о формировании Красной гвардии. Его научным руководителем стал профессор Сигизмунд Валк. Выпускник императорского университета, Валк считался лучшим в стране специалистом по работе с источниками.

Борис Кипнис, историк: *«Валк был еще и коллекционером. Он один из тех, кто в свое время спас часть работ Петрова-Водкина, когда его запретили. Валк был очень живой, ироничный, внутренне подвижный. Он был безумно похож на самого Виталия Ивановича».*

Летом 1961 года Виталий Иванович Старцев подвел итоги своих 2-летних занятий. На истфаке ЛГУ состоялась защита его диссертации на тему «Формирование и состав Красной гвардии в Петрограде в 1917 году». Казалось бы, все в этой теме известно. В учебнике истории написано, что Красная гвардия создавалась по приказу большевиков и так далее. Никто не предполагал, что будут какие-то неожиданности. Но диссертация вызвала споры. Один из оппонентов сказал, что она заслуживает присвоения не кандидатской, а докторской степени, а другой назвал ее грубой политической ошибкой.

Геннадий Соболев, историк: *«Он много сделал и по линии датировки, и в отношении комментария к ленинским*

произведениям. Он показал, что его взгляды были совсем не такие, как представленные в историко-партийной литературе и даже в Полном собрании сочинений».

Питерский рабочий с Выборгской стороны, преданный, нерассуждающий ленинец — этот исторический тип революционера хорошо знали и советская наука, и советский кинематограф. Старцев выяснил, что в действительности все было не так просто. Революцию делали не сверху, а снизу и не только большевики, но и анархисты, меньшевики, эсеры, беспартийные. Старцев был участником неформального кружка молодых специалистов по 1917 году, в шутку называвших себя «октябристами». У историков КПСС — официальная демагогия. У «октябристов» — опора на факты.

Белла Гальперина, историк: *«Эти люди почти одновременно пришли в институт: Соболев, Токарев, Знаменский, Старцев. Это была целая гвардия».*

Даниил Коцюбинский, историк, журналист: *«Конечно, он всецело шестидесятник. Это человек, который сформировался в эпоху дней Никитиных (Никиты Хрущева. —* Прим. ред.*) прекрасного начала. Он себя осознавал как последователь того аутентичного социализма, который так и не состоялся».*

Одно из главных исторических достижений Виталия Старцева — восстановление событий 25 октября 1917 года. Именно благодаря ему мы теперь знаем, как происходил Октябрьский переворот, позже превращенный официальными историками в «штурм Зимнего дворца».

В ночь с 25 на 26 октября Зимний дворец представлял собой довольно хаотическое зрелище. В Гобеленовой галерее матросики бросали бомбочки для того, чтобы посмотреть, что же получится. Зимний был полон ранеными, юнкерами, иностранными корреспондентами, ворами, просто шатающейся публикой. И вот через эту толкучку со стороны подъезда Цесаревича пробирались большевики во главе с Антоновым-Овсеенко. Собственно, это был не штурм. Это был проход через толпу. 40 минут ходьбы от подъезда Наследника Цесаревича до столовой Александра III. 40 минут, которые определили 70 лет дальнейшей истории.

Зимний дворец. Петроград, 25 октября 1917 года

«Последние часы» — кадры из этого фильма, снятого к 50-летию Октябрьской революции, сохранились в архиве «Леннаучфильма». Авторы сценария — историки Виталий Старцев и Сергей Семанов, режиссер — Борис Николаев. Можно сказать, что этот проект и есть фирменный Старцев, главное — историческая точность. Но специальная партийная комиссия фильм не оценила.

Белла Гальперина, историк: *«Фильм положили на полку на долгие годы. Но очень интересно, что документалист, снимавший картину, уже после Перестройки получил за нее Гран-при в Соединенных Штатах».*

Даниил Коцюбинский, историк, журналист: *«О Ленине он всегда говорил как о человеке, который заблуждался, но хотел как лучше».*

Все 1970-е годы Старцев активно печатался — он написал несколько книг о Ленине, десятки статей, работу о падении правительства Керенского. Он уже был доктор наук, профессор, ведущий научный сотрудник Ленинградского

отделения института истории, начал преподавать в Педагогическом институте имени Герцена. Но профессор не вызывал доверия у властей и был невыездным. В начале 1980-х годов Старцев решил уйти из ленинской темы, просто заняться другим. И переключился на российско-итальянские отношения эпохи Первой мировой войны.

Сергей Носков, историк: *«Виталий Иванович оформлял командировку в Италию. Я видел, с каким подъемом он ждал этой поездки. Потому что он начал серьезно развивать эту тему, изучать язык. Для него открывались новые перспективы, но ему эту командировку прикрыли, как и саму разработку темы».*

Лучше всего работалось в Ленинградском отделении института истории АН СССР в 1950—1970-е годы, когда его возглавлял специалист по Ивану Грозному профессор Носов. Но в конце 1970-х свободолюбивого, сильного директора сняли. В институте начался раскол, образовались клики, кружки. А Старцев был вне групп. Он остался один, и, в конце концов, у него начались неприятности: не утвердили тему плановой монографии, лишили возможности заниматься любимым делом. Человек с чувством собственного достоинства, он сам решил уйти из места, с которым были связаны лучшие годы его жизни.

Оказавшись вне академической науки, Старцев неожиданно обрел бóльшую свободу и решил заняться явлением, о котором все знали, но никто открыто не говорил, — русским политическим масонством начала XX века.

Борис Кипнис, историк: *«Масоны его интересовали с точки зрения политической ситуации в России. Это была возможность неформального объединения политиков разных направлений прогрессистского лагеря накануне революции. Старцев смотрел на эту проблему очень трезво, без уклонов в мистику, в тайные заговоры».*

В советской исторической литературе о масонах почти не писали. Хотя каждый советский школьник знал, что были такие масоны, потому что Пьер Безухов из «Войны и мира» вступал в масонское общество. Кое-кто пообразо-

ванней слышал, что и Пушкин был масон, и Радищев был масон, и многие декабристы вступали в масонские общества. А вот что было с этими масонами после 1820-х годов — секрет и тайна. Об этом не писали.

В правой эмигрантской среде и среди части диссидентов фигурировал старый миф: большевики тоже были масонами, белогвардейские авторы и большевистскую революцию называли результатом всемирного масонского заговора. Для историков партии никаких масонов вообще не существовало, были пролетариат и буржуазия. Между тем, как известно историкам, 10 из 11 членов временного правительства действительно состояли в ложах. И Старцев решил взглянуть на масонскую тему беспристрастно. Уже в 1990-е он работал с масонскими архивами американского Гуверовского института, получил допуск к собраниям Объединенной ложи Британии.

Белла Гальперина, историк: *«Берберова*[1]*, приехав в Россию, специально заезжала в Петербург, чтобы встретиться с Виталием Ивановичем».*

Сергей Полторак, историк: *«Он мне рассказывал не раз о том, как определял, был ли тот или иной человек масоном. Если он находил в двух, а лучше в трех источниках подтверждение, он писал, что человек являлся масоном. Одного источника ему было категорически недостаточно».*

На истфаке Герценовского института Старцев был абсолютная звезда — на его лекции специально приезжали московские аспиранты.

Дмитрий Жвания, историк, журналист: *«Я студентом подрабатывал сторожем и не всегда высыпался. На его лекциях всегда сидел впереди и ловил каждое его слово. Но как-то усталость взяла свое, и я начал дремать. Он сказал: "Дмитрий, вы поспите-поспите, ничего страшного". После того, как он мне так сказал, я уже не мог заснуть».*

---

[1] Нина Николаевна Берберова (1901–1993) — писательница. Автор книги «Люди и ложи» (1986) о русском масонстве XX столетия. — *Прим. ред.*

В 1990-е годы многие историки, славившие всю жизнь Ленина и КПСС, стали вдруг неистовыми сторонниками монархизма и «белой» идеи. Старцев убеждений не менял. Он опубликовал несколько книг, в одной из которых встал на защиту Ленина. Вождя революции многие историки называют немецким шпионом. Профессор доказал обратное — документы о пресловутых немецких деньгах — это в основном фальшивки, изготовленные польским писателем Фердинандом Оссендовским.

Дмитрий Жвания, историк, журналист: *«Я прекрасно помню лекции о Троцком. Он говорил: "Вы представьте себе фотографию семьи Троцкого: вот две дочери и два сына. Все четверо были погублены"».*

В 1990-е годы Виталий Иванович Старцев был признан не только в России, но и за рубежом. У него выходило множество книг, его приглашали на конференции. Он был крупнейшим специалистом по русской революции и истории масонства в России. Занимал пост заведующего кафедрой русской истории истфака Герценовского университета. У него было множество преданных учеников. Он, несомненно, признавался самым известным и самым популярным преподавателем факультета. Но это многим не нравилось. Первым поводом к неприятностям стало то, что Старцев отказался принять на кафедру некоего Виктора Брачева, работы которого по истории масонства он считал зловредной халтурой. Это вызвало недовольство начальства, которое вообще хотело закрыть истфак и открыть новый факультет социальных наук. Старцев был против. И, в конце концов, бюрократические придирки поставили его в безвыходное положение. Не желая подвергать свое чувство собственного достоинства испытаниям, он подал прошение об отставке.

Сергей Носков, историк: *«Факультет был весь обвешен самодельными листовками с надписью: "Верните Старцева!" Преподаватели и студенты ходили в ректорат и куда только можно. Была организована кампания в прессе».*

Татьяна Старцева, вдова Виталия Старцева: *«Он оказался очень мужественным человеком. Дома ничего не высказывал, но все это его очень подкосило».*

Предельно корректный в общении, Старцев славился своей жесткой принципиальностью. Весь его день обычно был расписан вплоть до минут, и поэтому он успевал так много. Виталий Иванович организовал историческое издательство и сам после лекций склеивал на кафедре книжные корешки. Он создал ассоциацию исторической психологии и читал спецкурсы о Ленине, Троцком, Керенском. Он выдвигался в депутаты, хотя и проигрывал. Он придумал телепрограмму «Парадоксы истории» и исторический радиоклуб — оба проекта стали очень популярны.

Даниил Коцюбинский, историк, журналист: *«Он не был государственником. Его научный метод не являлся продолжением, государственнической традиции, доминирующей в нашей историографии со времен Карамзина, Соловьева, Ключевского. Он не изучал "историю государства Российского", а исследовал общество».*

Сергей Полторак, историк: *«Для меня Старцев был заместитель Господа Бога по историческим вопросам. Это был человек, которым я восхищался. Пионерское детство говорило: возьми себе в пример героя. Для меня Виталий Иванович был таким героем, на которого я хотел быть похожим».*

Историческая наука хороша тем, что если человек написал что-то интересное, когда бы он это ни сделал, он уже не будет забыт, пока люди занимаются историей. Ключевский или Геродот сейчас так же актуальны, как и в тот момент, когда люди впервые озаботились их трудами.

Виталий Иванович Старцев умер в 2000 году. С тех пор его значение только возрастает. Если человек занимается Октябрьской революцией (неважно, где — в Ельце или в Гарварде), он обязательно сошлется на Виталия Старцева. То, что он сделал в области изучения русской истории начала XX века, — это подвиг честного историка.

Глава 6
Системообразующий клуб

Петербург всегда испытывал к Москве тихую ненависть. У нас москвичи считаются людьми шумными, невоспитанными, неглубокими, живущими за чужой счет. Петербург вечно лелеет мечту о реванше. Все слои населения и социальные группы объединяет надежда на неожиданную и беспрекословную победу питерского Давида над московским Голиафом.

При жизни великого баскетбольного тренера Владимира Кондрашина эти надежды сосредотачивались на его «Спартаке», ведшем неравную борьбу с московским ЦСКА Александра Гомельского. Только однажды, в 1980 году, «Спартак» одолел московских армейцев. Ленинградцы болели за Виктора Корчного и Бориса Спасского, пока они не эмигрировали. Увлекались волейбольной «Балтикой» (когда-то «Автомобилистом») и хоккейным СКА.

Питер год за годом делал ставку на тот вид единоборств с Москвой, где у него было особенно мало шансов. Мы могли бы победить первопрестольную в балетном конкурсе, на кинофестивале, в игре «Что, где, когда», в решении олимпиадных задач по математике или в военно-морском сражении. Но почему-то эмоционально зависим именно от футбола (впрочем, когда-то, в кондрашинские времена — еще и от баскетбола). Этот мазохизм является интеграль-

ной частью городского сознания. Скажем, Питер гордо отказывается от строительства парламентского центра, помыслить не хочет о возвращении хотя бы части утраченных столичных функций. Пусть плохонькое, но свое: погода, темные улицы, раздолбанные тротуары, футбольный клуб «Зенит». «Нам целый мир чужбина, отечество нам Царское село».

В советские годы на киевское и тбилисское «Динамо» работали целые республики; за «Днепром» стояли земляки Брежнева. Смольный, начиная со Жданова и заканчивая Яковлевым, никогда не пытался сделать «Зенит» своим приоритетом (не говорю уже о других местных клубах — развалившемся «Локомотиве», сгинувшем «Динамо»). Поэтому, по крайней мере до появления «Газпрома», называться народной должна была по праву именно наша команда, а не обласканный власть имущими «Спартак».

Но как бы то ни было, мы все равно оденемся в сине-бело-голубое и пойдем на «Петровский». У нас нет другого города, другой команды и матча важнее.

«Нет, и не под чуждым небосводом, / И не под защитой чуждых крыл, / Я была тогда с моим народом, / Там, где мой народ, к несчастью, был», — писала Ахматова. Она наверняка сидела бы на матче со «Спартаком» на трибуне «Петровского». И Блок бы пришел с Евгением Ивановым, благо выпивать они любили рядом, на углу Гестлеровского (ныне — Чкаловского) и Большой Зелениной (поэтому станцию метро следовало бы назвать не Чкаловской, а Блоковской). И Хармс с Введенским, и Малевич с Филоновым, и Бродский с Довлатовым — все были бы с нами, на ежегодной Куликовской битве, где петербургский Пересвет противостоит московскому Челубею.

КИРОВСКИЙ СТАДИОН

30 июля 1950 года в Ленинграде открыли огромный стадион. Такого в стране еще не было: больше московского

и тбилисского стадионов «Динамо», и киевского имени Хрущева. Кировский стадион вмещал 100 000 зрителей.

Стадион им. Кирова

И, конечно, открытие имело не только спортивное, но и политическое значение. Город, выстоявший в блокаду, потерявший половину населения, должен был быть возблагодарен. И с 1944-го, года окончательного снятия блокады, Москва для Ленинграда ничего не жалела. Открылись Приморский и Московский парки Победы, на проспекте Сталина (ныне — Московском) строились огромные импозантные жилые здания, начали восстанавливать из руин Царское Село, Павловск, Петергоф. Возвратили старые, исторические названия улицам центра. Проспект 25-го Октября снова стал Невским, площадь Урицкого — Дворцовой, улица 3 Июля — Большой Садовой. Стадион имени Кирова — в этом ряду подарков.

Его строили 18 лет, с 1932 года. Именно тогда по замыслу вождя ленинградских большевиков Сергея Кирова знаменитые Острова на севере Невской дельты должны были стать огромным парком. Каменный остров предназначался для тихого отдыха, Елагин должен был превратиться в ле-

нинградский Диснейленд, а Крестовский отдали спортсменам. Все три острова, в 1935 году их назвали Кировскими, и 100-тысячный стадион на Крестовском, проектировал Александр Никольский и его архитектурная мастерская. К тому времени 50-летний Никольский — знаменитый зодчий, создатель нескольких конструктивистских шедевров — ансамбля Тракторной улицы за Нарвской заставой, Школы имени 10-летия Октября, Круглой бани с плавательным бассейном на площади Мужества.

Начиная с античности, городские стадионы строились в форме «овальных ванн» с амфитеатром внутри и обращенными во внешние пространства высокими стенами, на которые опираются ряды сидений. А вот главная особенность стадиона имени Кирова заключалась в том, что трибуны и спортивная арена были построены не с земли, как обычно, а вынуты из огромного искусственного холма, намытого на берегу залива. Холм с овальной чашей посередине возвышался на 16 метров над уровнем моря и был обращен к парку и заливу озелененными склонами. Пешеходные дорожки образовывали три террасы с широкими лестницами и наклонными дорогами-пандусами. Внутри чаши-холма — трибуны, 55 рядов скамей из кедровой доски. На спортивной арене — футбольное поле, беговая дорожка, площадки для соревнований по легкой атлетике.

На 100-тысячном стадионе особенно важны проблемы безопасности. Никольский разделил амфитеатр на 52 сектора, вместимостью от 1400 до 1650 человек. К каждому из секторов вел один проход. Посетители вначале поднимались на верхнюю террасу, а затем спускались вниз на свои места. Разгрузка стадиона длилась 10—12 минут — скорость невероятная.

Стадион строили долго: деньги шли на социалистическую реконструкцию Москвы и столиц соседних республик. Поэтому, кстати, заложенный в 1932 году московский и ленинградский метрополитены были сданы с такой разницей во времени: московский — в 1935-м, ленинградский — на 20 лет позже, в 1955-м.

Но стадион имени Кирова все-таки построили. Во второй половине 1940-х, как я уже писал, власть не скупилась на поддержку Ленинграда. Тем более что выходцы из нашего города заняли командные высоты в столице: Андрей Жданов был вторым человеком в партии, Алексей Кузнецов курировал от ЦК разведку, милицию, чекистов и армию, Николай Вознесенский стоял во главе Госплана. И деньги на стадион нашлись. Но пока намывали холм и обустраивали амфитеатр политическая обстановка резко поменялась. Таинственно умер Жданов, а других «ленинградцев» и в Москве, и на родине арестовали.

Стадион им. Кирова, 1950 год.
На поле выходят ленинградские «Зенит» и «Динамо»

30 июля 1950 года стадион открывался ленинградским дерби: «Зенит» — «Динамо», ничья — 1:1. Перед ленинградцами, пришедшими 30 июля 1950 года на торжествен-

ное открытие, по словам газет, предстала идиллическая картина: «К западу сверкала на солнце зеркальная гладь залива, по ней скользили яхты; с юга в легкой дымке мерцал золоченый купол Исаакиевского собора; у подножия восточной части холма зеленели молодые деревья парка, созданного в честь победы в Великой Отечественной войне». Но никого из недавнего, блокадного, руководства города на стадионе не было. Их в это время пытали в московской «Матросской тишине». А 1-го октября перевезли в Ленинград и расстреляли.

Эта трагическая история имело прямое отношение и к стадиону имени Кирова, и к судьбе ленинградского футбола вообще. Так и не построили на стадионе ни закрытую галерею, ни 56-метровую башню на верхней террасе.

И судьба «Зенита» становилась все плачевней. Новое руководство Смольного, испуганное судьбой предшественников, боялось лоббировать интересы команды. «Зенит» десятилетиями оставался одной из беднейших советских команд и обычно плелся в конце турнирной таблицы.

Стадион имени Кирова был домашней ареной «Зенита» с 1950-го по 1989-й, и снова стал ею в 1992 году. В 1984-м он стал свидетелем триумфа команды Павла Садырина. 6 июля 2006 года матчем «Зенита» против московского «Динамо» жизнь стадиона закончилась. Он был разобран. На его месте уже который год строят «Газпром-арену».

БУНТ НА СТАДИОНЕ

1957 год: первый советский спутник в космосе, Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Попытка свержения Хрущева обернулась полной победой Никиты Сергеевича. Ленинград, с 4-годовым опозданием (в 1953-м — умер Сталин, не до праздников), наконец, готовился отпраздновать 250-летие.

В 1950-е годы «Зенит» постепенно деградировал. Из крепкого середняка превращался в аутсайдера. Недаром популярнейшие ленинградские эстрадники Рудаков и Нечаев в те годы с неизменным успехом исполняли куплет «Ленинградский наш "Зенит" был когда-то знаменит. А теперь дела в "Зените" не дела, а "извините"». Тренер Аркадий Алов не справлялся с командой.

Станислав Завидонов, дебютировавший в 1957 году в «Зените»: *«Сбор в Гудауте меня поразил. Я ожидал чего-то необычного, а тренировки оказались просто убогими. Ребята занимались кто чем — кто бегал кроссы, кто пил вино... В общем, предсезонку полностью провалили, никакой нацеленности на борьбу, после каждой неудачи опускались руки. Бойцового духа у команды Алова не было».*

В первых 8-ми играх зенитовцы выиграли только однажды, 3 раза сыграли вничью, 4 — проиграли.

14 мая 1957 года на стадионе имени Кирова «Зенит» принимал московское «Торпедо». Ленинградцам противостояла легендарная команда тренера Виктора Маслова. Стадион был заполнен под завязку, несмотря на то что матч проходил во вторник. Выдался первый в году по-настоящему летний день. Матч начался в 19.30, заводы (а среди болельщиков преобладали именно рабочие) заканчивали работу в 16—17. По пути с работы многие болельщики «сообразили на троих» и взяли спиртное с собой на стадион. В то время это не приветствовалось, но и не пресекалось. К тому же посетители стадиона могли выпить по рюмке-другой и в здешних буфетах.

Игра у «Зенита» сразу не заладилась. Главную опасность представлял левый фланг, где полузащитник Юрий Морозов (будущий знаменитый тренер) и защитник Марк Гек не справлялись с молодыми и быстрыми игроками сборной СССР Стрельцовым (19 лет), Ивановым (23 года) и Метервели (21 год). На 12-й минуте Стрельцов со штрафного открыл счет, на 34-й после входа Иванова один на один с вратарем Фарыкиным счет стал 0:2.

После перерыва полузащитник «Зенита» Царицын один мяч отквитал. А потом торпедовцы забили еще 3 — по мячу Иванов, Метервели и Фалин. Счет стал 1:5.

Матч подходил к концу. Результат его был ясен, возмущенный стадион освистывал своих игроков и выкрикивал оскорбления в адрес тренера Алова и вратаря Фарыкина. Неожиданно из-за спины милицейского кордона на поле выбежал пьяный водитель завода «Знамя Труда» Василий Каюков, стал материть вратаря «Зенита» и пытался выгнать его с поля. Снял пиджак, положил его на скамеечку, и сам встал в ворота. Стадион встретил балагура ревом восторга.

Каюкова скрутили два милиционера. Когда вели по беговой дорожке в пикет, он начал вырываться, с одного из постовых сбил фуражку. Ему заломили руки, схватили за волосы. Ударили лицом о бетонный поребрик. Каюков был в крови. Орал «Помогите!» На возгласы: «Эй, что с человеком делаете!», послышалось: «Сейчас и тебя туда же отведем!»

Болельщики начали бросать в милиционеров и солдат пустые бутылки и камни, бросились на поле. Одна из первых брошенных бутылок пробила голову молодому солдату. Началась схватка, закончившаяся полной победой взбунтовавшейся толпы.

Игроки, судьи, милиционеры бежали в тоннель и заперлись во внутреннем дворике. В воздухе повеяло мятежом: раздавались возгласы «Бей милицию!», «Бей гадов!», «Делай вторую Венгрию!» (Только что кровавое восстание в Будапеште безжалостно подавили советские танки.)

Начался штурм ворот во внутренний дворик и раздевалки. С хозяйственного склада разобрали отрезки водопроводных труб, арматуру, лопаты. Прибывшие на помощь милиции курсанты были отбиты и рассеяны бунтовщиками. В огромную металлическую дверь тоннеля били как тараном оторванной многометровой скамьей. Разъяренная толпа опрокидывала машины «Скорой помощи», крушила все на своем пути и требовала выдать ей на расправу тре-

нера «Зенита» Алова и вратаря Фарыкина. Когда ворота были уже сломаны, один из офицеров милиции, наконец, применил табельное оружие. Он выстрелил несколько раз вверх, и уже устремившиеся в южный дворик бунтовщики попадали ничком на пол тоннеля.

Мятеж пошел на убыль, на стадион прибыло подкрепление — конвойный полк, пожарные машины, еще курсанты. Пожарные поливали всех, кто не успел покинуть стадион. А потом на трамвайном кольце (остальные выходы из парка были перекрыты) «мокрых» сажали в подогнанные «воронки».

Прочесывание Приморского парка Победы превратилось в побоище. Милиционеры и курсанты били всех кого ни попадя, не разделяя виновных и невиновных. Итог событий 14 мая: 107 раненых, 16 осужденных (от условных сроков до 8 лет лагерей). О приговоре «хулиганам» сообщили ленинградские газеты. Увеличили число милиционеров и солдат на стадионе. Оперативную работу и координацию действий в дни матчей поручили осуществлять КГБ.

Об этой истории постарались поскорее забыть. Через месяц, 19 июня 1957 года, началось празднование 250-летия города. На площади Искусств открыли памятник Пушкину, на «Авроре» появился музей, снова начала стрелять в полдень сигнальная пушка Петропавловской крепости. Но болельщики годами рассказывали о пережитом на стадионе Кирова после матча «Зенит» — «Торпедо».

АРТЕМ ФАЛЬЯН

В 1967 году в СССР отмечалось 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Центр торжеств — Ленинград. Здесь 7 ноября[1] 1917 года большевики взяли власть. В дни торжеств легендарную «Аврору» сняли с места постоянной стоянки и подвели туда, откуда она совер-

[1] 25 октября по старому стилю. — *Прим. ред.*

шила свой исторический выстрел. Горожанам дарили подарки: открыли дворец спорта «Юбилейный»; пустили «зеленую» линию метро, от «Площади Александра Невского» до «Василеостровской». Наконец, сам город наградили только что учрежденным орденом Октябрьской революции.

И надо же такому случиться, что через 13 дней после праздника, 20 ноября 1967 года, окончательно выяснилось: «Зенит» занимает последнее место в первой группе «Класса А» чемпионата Советского Союза по футболу и впервые в своей истории не будет принимать участие в первенстве страны. Мало того, что это огорчало десятки тысяч ленинградских трудящихся, это могло быть сочтено серьезной политической ошибкой. Первый секретарь обкома КПСС Василий Толстиков обратился в Президиум ЦК и к первому секретарю Леониду Брежневу. Вопросом занялся секретарь по идеологии Михаил Суслов, для «Зенита» сделали исключение. Высшую лигу расширили с 19 до 20 команд, и ленинградским мастерам разрешили снова участвовать в главном турнире страны. Однако надо было что-то менять в игре.

Весной 1968 года состоялась традиционная встреча болельщиков «Зенита» с главным тренером. На сцену дворца культуры имени Кирова вышел невысокий почти квадратный человек в не по-советски отлично пошитом костюме и черных очках. Это был новый старший тренер команды, заслуженный тренер СССР Артем Григорьевич Фальян. С сильным армянским акцентом он произнес фразу, которая потрясла зал и вызвала бурю оваций: «Обещаю болельщикам города Ленина 75% очков на выезде и 100% дома».

Артему Фальяну было 50, он играл в командах мастеров Баку и за мощный удар местные болельщики прозвали его «Пушкой». Но Артем Григорьевич прославился не как игрок, а как тренер. Он работал с юношами и придумал несколько уникальных упражнений. Например, если игрок был правоногий, его заставляли снять правую бутсу, чтобы во время игры тренировать только слабую левую ногу. Для того чтобы юноша-футболист научился видеть поле, на шею ему надевали специальный ошейник. И работало:

среди воспитанников Фальяна был, например, знаменитый форвард сборной Анатолий Банишевский.

В 1965 году Артем Григорьевич возглавил ереванский «Арарат», сумел вывести его в высшую лигу и стал заслуженным тренером СССР. Он имел репутацию грубияна. Похвалу от него футболисты слышать не привыкли. За игру он ставил игрокам «двойки» и «тройки».

Артем Григорьевич Фальян, советский футболист, главный тренер ФК «Зенит» (1968–1970)

О Фальяне ходило множество слухов. Согласно одному из них, тренер недолюбливал полузащитника «Арарата» Аркадия Андреасяна, дядя которого тренировал другую армянскую команду «Севан». И вот когда у игрока прохудились бутсы, он попросил выдать новые. На что тренер ответил: «Пусть тебе дядя новые выдаст!»

Именно Фальяна и решено было пригласить в Ленинград, чтобы подтянуть распустившихся при предыдущих тренерах местных футбольных мастеров. «Зенит» был одной из самых бедных команд, но положение было таким сложным, что случилось неслыханное: Фальяна прописали в отдельную 2-комнатную квартиру в самом центре Ленинграда, за Казанским собором.

Новый тренер привез с собой нескольких футболистов с Кавказа: защитников Георгия Вьюна и Рауфа Юманкулова, нападающих Геннадия Унанова и Сергея Погосова. В центре нападения играли попеременно Владимир Гончаров и Лев Бурчалкин. Бурчалкин — чуть сзади, мощный Гончаров играл роль выдвинутого вперед тарана, а южные

крайки разгоняли атаку и навешивали в штрафную площадку. Команда играла по системе 4-2-4, тон задавали опытные полузащитники Вьюн и Садырин. Ленинградцы шутливо называли тогдашний «Зенит» — «ЦСКА» («Центр Свой, Края Армянские»).

Но Фальян не был вахтовиком. Он находил и приглашал в «Зенит» ленинградских ребят: в команду пришел защитник Владимир Голубев, нападающий Георгий Хромченков. В составе твердо закрепились защитники Владимир Булавин, Михаил Лохов, нападающий Алексей Стрепетов, Юрий Загуменных, позже трагически погибший в авиакатастрофе вместе с «Пахтакором».

В первый же сезон Фальяну удалось превратить «Зенит» из аутсайдера в крепкого середняка. Команда заняла 11-е место в чемпионате. В основном, благодаря игровой дисциплине, упертости, работоспособности, энтузиазму. Удалось победить дома тогдашнего лидера, киевское «Динамо», и тогдашнего чемпиона, московский «Спартак». В 1969 году «Зенит» сыграл еще лучше. Занял 9-е место.

В 1968-м «Зенит» впервые совершил многодневное путешествие в Африку, где выиграл большинство игр. И только игра со сборной полиции Уганды закончилась страшным поражением 1:8.

При Фальяне «Зенит» сыграл 82 игры, выиграл 21, проиграл 33, 28 закончил вничью.

Артем Фальян был человек авторитарный. Помимо тренерского поста, по существу, занимал должность начальника команды. При нем повысились зарплаты, регулярно выплачивались премиальные.

Но как только стало ясно, что «Зенит» не стоит на вылет, сразу осмелели его многочисленные недоброжелатели армянского специалиста. В 1970 году начальником команды стал Владимир Полысаев. Он возглавлял спортивное общество «Зенит», имел крепкие связи в Смольном.

Так как Фальян вел себя как деспот, униженные футболисты с подачи начальника подали жалобу в обком. Сезон

зенитовцы начали слабо. А после того, как в 12-м туре проиграли дома московскому «Торпедо», Фальяна уволили. Тренером «Зенита» стал Евгений Горянский, заместитель начальника управления футбола Спорткомитета СССР.

После ухода из «Зенита» Фальян тренировал донецкий «Шахтер», среднеазиатские команды. Артем Григорьевич Фальян умер в 1977 году и был похоронен в ставшем ему родным Ленинграде. С Фальяна начался медленный путь «Зенита» к первому чемпионству.

ЮАМ

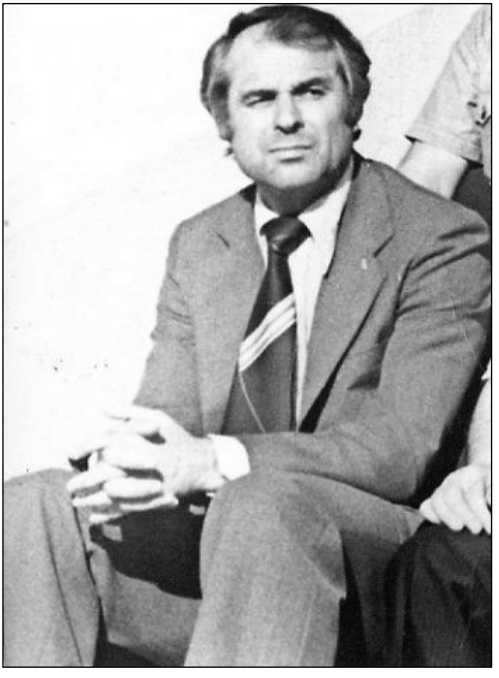
В 1944 году ленинградские футболисты выиграли Кубок СССР. За этим триумфом последовали долгие десятилетия неудач.

Лишь в 1980 году «Зенит», наконец, завоевал бронзовые медали чемпионата страны, и это заслуга гениального тренера Юрия Андреевича Морозова. Более того, недавние победы «Зенита» тоже связаны с его именем, ведь именно он в свое время открыл талантливых футболистов Игоря Денисова и Андрея Аршавина.

Юрий Андреевич Морозов — петербургский народный герой. Мемориальная доска на стадионе «Петровский» создана на деньги простых горожан и является произведением, как говорится, наивного народного искусства. Юрий Андреевич тренировал «Зенит» 10 лет, приходил в наш клуб 3 раза, выигрывал с ним дважды бронзовые медали. Юрия Морозова в Петербурге-Ленинграде до сих пор называют «отцом всех наших побед».

Для Петербурга «Зенит» — не просто футбольный клуб. Это один из главных городских брендов, как Эрмитаж или Мариинский театр. Главный тренер «Зенита» всегда на виду, с него спрос особый. Команда играет — ты национальный герой. Отбывает на поле номер — становишься парией, руки никто не подаст. Так сложилось еще в бытность Петербурга Ленинградом — местная специфика, одна из

многочисленных питерских особенностей. Морозов для этого города — тренер на все времена, лучший и самый любимый, пусть не выигрывал чемпионатов, но стыдно за клуб, который «наше все», при Морозове не было. Авторитарный, не терпящий никаких возражений, суровый отец для игроков, а для болельщиков «дед». Именно так прозвала Юрия Морозова питерская торсида в конце прошлого века. Он был свой — плоть от плоти этого города.



Юрий Андреевич Морозов,
главный тренер ФК «Зенит» (1978–1982, 1991–1992)
и спортивный директор «Зенита» с 1995 года

Ленинград был город суровый. Здесь делали подводные лодки, танки, взрывчатые вещества. И обычный парень, закончивший ленинградскую школу, шел или на военный завод, или в один из вузов, который готовил военных инже-

неров. Технологический институт, физико-химический факультет — место, которое выбрал Юрий Морозов.

В начале 1950-х в Техноложку поступил целый ряд игроков молодежной сборной города по футболу (среди них был и сам Морозов). Проректором в институте был Иван Иванович Синдер, не последний человек в Ленинградской федерации футбола. В большой футбол со студенческой скамьи пробиться смогли не многие. Морозов смог. В 1953 году его пригласили в «Зенит», затем были ленинградские клубы «Адмиралтеец» и «Динамо», так же выступавшие в элитном дивизионе.

Вадим Храповицкий, мастер спорта: *«Когда меня из команды "Класса Б" "Авангард" перевели в "Зенит", Юра там уже играл. Как игрок он был очень работоспособный. Заряженный такой был, лидер, короче говоря. Не обладая, может быть, высокой техникой, он своим желанием, своим заводным характером, вел ребят за собой».*

Совмещать игру в команде мастеров с учебой в серьезном техническом ВУЗе — задача из разряда невыполнимых. Поблажек никаких. Факультеты были закрытые, а студенты по определению невыездные — все-таки холодная война на дворе.

Вадим Храповицкий, мастер спорта: *«Некоторым, конечно, пришлось бросить институт: учебу в Техноложке тяжело совмещать было. Перешли в институт Лесгафта, а он сумел, сумел все-таки окончить».*

Двухжильный Морозов не просто окончил институт, но и поступил в аспирантуру. Более того, диссертацию написал четко в срок. Защищаться же не стал. Честно заявил факультетскому начальству, что видит себя только в футболе. Забрал документы и поступил в аспирантуру Института физической культуры имени Лесгафта[1]. Там впослед-

[1] С 2008 года по н. в. — Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта. — *Прим. ред.*

ствии и защитился. У футболиста 2 полноценные аспирантуры и 2 написанные диссертации — уникальный случай.

Марк Рубин, профессор Университета им. П. Ф. Лесгафта: *«Я познакомился с ним, будучи студентом Института имени Лесгафта, когда Юрий Андреевич пришел к нам аспирантом. Тогда все звали его Юрой, но я его с того момента и до конца жизни называл на "вы" и Юрий Андреевич. Редко были аспиранты по футболу, считалось, что футбол — вид спорта, где диссертацию невозможно написать».*

«Предыгровая разминка как форма готовности футболиста к игре» — так называлась диссертация Юрия Морозова, которую он защитил на кафедре футбола и хоккея Института физической культуры имени Лесгафта. Он так же, как и его друг и коллега Валерий Лобановский, считал, что все есть число, футбол опирается на достижения естественных наук. Это второе поколение советских тренеров. В отличие от москвичей Качалина, Бескова, Якушина, они полагались, прежде всего, на физиологию, спортивную медицину и прочие естественно-научные дисциплины.

Марк Рубин, профессор Университета им. П. Ф. Лесгафта: *«Он стал тренировать нашу институтскую команду и воплощать свою разминку в жизнь, экспериментировал на нас: мы иногда лежали, по несколько раз поднимали вверх левую ногу, правую ногу, вверх, вниз, в стороны».*

Геннадий Орлов, тележурналист: *«Юрий Андреевич — это, конечно, эпоха в тренерском футбольном деле. Я хочу сказать, он один из немногих, а может быть, даже и единственный, кто через науку пришел в футбол».*

В начале 1970-х Морозов был успешный молодой преподаватель Института имени Лесгафта. Ученая степень. Должность доцента. Входил в научную бригаду своего бывшего клуба «Зенит», где игроком провел лишь 15 матчей, зато пригодился в качестве научного спеца. Еще в 1972 году на сборах «Зенита» Морозов познакомился с Константином Бесковым, возглавлявшим национальную сборную. Парадоксально, но в 1974 году в сборной у Бес-

кова, а не в каком-то клубе, Юрий Морозов начал свою профессиональную тренерскую карьеру.

Герман Зонин, заслуженный тренер СССР: *«Бесков, с которым у меня прекрасные отношения были, спросил: "Герман, вот ко мне просится в помощники Морозов Юра, как ты думаешь?" Я говорю: "Константин Иванович, берите, парень умный. Он подходит к тренировке с научной точки зрения, он вам поможет во всем"».*

На смену Бескову в сборную вскоре пришел еще не очень известный тренер киевского «Динамо» Валерий Лобановский. На много лет они с Морозовым стали ближайшими друзьями и соратниками. Оба закончили технические ВУЗы и оба смотрели на футбол через призму науки.

Геннадий Орлов, тележурналист: *«У них была творческая дружба на протяжении всей жизни. Юрий Андреевич и сам мне говорил, что Валерий Васильевич — генератор футбольных идей».*

К концу 1970-х Морозов как тренер созрел для самостоятельной работы. В Ленинграде работал с юношескими командами, затем — в «Динамо», и, наконец, в 1978 году его пригласили в «Зенит». Тогдашний наставник команды Герман Зонин серьезно заболел и надолго выбыл из строя. Поиском нового тренера занимался первый секретарь горкома Борис Аристов.

Герман Зонин, заслуженный тренер СССР: *«Я встретился с Борисом Ивановичем (Аристовым.* — Прим. ред.), *выйдя из Академии. Я пролежал там почти 2 месяца. "Что будем делать?" Я говорю: "Борис Иванович, у нас есть прекрасный тренер, умный человек, кандидат наук — Морозов Юрий"».*

«Зенит» конца 1970-х — крепкий середняк без особых претензий. В команде в основном иногородние. Игра очень нестабильна и для болельщиков непривлекательна. Морозов все изменил на корню. Перетасовал состав. Ввел местных ленинградских парней, едва закончивших школу. Это стало его фирменным стилем — жесткая кадровая политика, упор

на молодежь, бесцеремонное обращение с заслуженными игроками.

Михаил Бирюков, чемпион СССР 1984 года, тренер «Зенита»: *«Юрий Андреевич, наверное, на то время сделал футбольную революцию в Ленинграде, в хорошем смысле этого слова, потому что он один из первых тренеров, который обратил внимание на своих воспитанников».*

Геннадий Орлов, тележурналист: *«Умение распознать в юноше будущую звездочку — это редчайший дар, и он им обладал».*

Хотя «Зенит» считался командой профсоюзной и принадлежал Ленинградскому оптико-механическому объединению, порядки здесь, на базе, при Юрии Андреевиче были военные. Суровая дисциплина, карантины по 2—3 дня перед матчами, дистанция между тренером и игроком очень значительная. Морозов был, что называется, и царь, и бог, и воинский начальник. Он нес ответственность за результаты команды, и он был достаточно жесток со своими подчиненными.

Юрий Желудков, чемпион СССР 1984 года: *«С Юрием Андреевичем было интересно работать. Он был человек, конечно, строгий, но справедливый. Была очень большая нагрузка, но все ребята к этому относились нормально. Если не будешь выполнять требования, не будешь играть в составе. Поэтому все старались и беспрекословно выполняли все его указания».*

Владимир Казачёнок, мастер спорта международного класса: *«Чем был хорош Юрий Андреевич? На каждый вопрос о том, почему же мы 10 раз прыгаем, а не 7, почему мы вот это упражнение делаем, а не то, почему бросаем камни, он имел четкое, научное объяснение».*

Морозов был невероятно требователен. Его стиль работы — это изнуряющие тренировки и бесконечные тактические занятия. Любительского отношения к футболу он не принимал, а в командах средней руки, какой был тогда «Зенит», многие игроки страдали отсутствием профессионализма. Все-таки официально в стране профессионально-

го спорта не было. Каждый сыгранный матч Морозов разбирал скрупулезно, будто контрольную — все-таки бывший доцент.

Михаил Бирюков, чемпион СССР 1984 года, тренер «Зенита»: *«Футболисты сидели по часу, а то и по полтора, разбирали эти игры, но он говорил так: "Я хочу, чтобы если я вас ночью разбудил и спросил: в этой ситуации, что ты будешь делать, — вы бы сразу ответили мне все четко"».*

За 3 года Морозов создал из «Зенита» команду, с которой вынуждены были считаться все гранды советского футбола. Возмужавшие ленинградские игроки составили коллектив, способный не только портить кровь записным лидерам, но и реально претендовать на медали. Игра у «Зенита» была зрелищной, атакующей. Болельщики ликовали. Домашние матчи проходили с неизменным аншлагом. Ждали больших побед.

22 ноября 1980 года Ленинград облетела радостная новость: на поле Спортивно-концертного комплекса имени Ленина команда «Зенит» в завершающем матче чемпионата страны победила алма-атинский «Кайрат». «Зенит» стал бронзовым призером первенства страны по футболу. Впервые с легендарной победы в кубковом финале 1944 года «Зенит» хоть что-то выиграл.

Город готов был носить Морозова и его команду на руках. Следующего сезона ленинградские болельщики ждали, как праздника. Предстоял дебют в Кубке УЕФА, а в чемпионате надеялись на улучшение результата. Последовал провал. Хотя состав удалось почти полностью сохранить, команда в конце сезона отчаянно вела борьбу за сохранение места в высшей лиге, а в Европе вообще не смогла ничего показать.

Владимир Казачёнок, мастер спорта международного класса: *«Мы до 13-го тура шли с опережением графика, бронзового даже, но скудность состава давала о себе знать. В команде появился гепатит, на базе срочно начали делать карантин, покраска-закраска, прочее, выбыло 3—4 игрока».*

Морозов пытался работать, как на Западе, ставя во главу угла профессионализм. Пытаясь решить проблему за счет невероятной жесткости и почти военной дисциплины, тренер наталкивался на непонимание со стороны своих игроков. Добившись определенного результата, футболист не был готов беспрекословно подчиняться тренеру-диктатору.

Марк Рубин, профессор Университета им. П. Ф. Лесгафта: *«Были игроки, воспитанные в любительском духе, — можно потренироваться, потом попить пива, с полной отдачей отыграть, потом расслабиться, можно пропустить тренировку и можно отработать ее не в полную силу. Морозов же требовал всегда максимум в работе».*

Геннадий Орлов, тележурналист: *«Все-таки немножко ребята погуляли зимой, ослабили требования к себе, стали меньше бегать на футбольном поле, и это сказывалось, к сожалению».*

Морозов покинул «Зенит» в 1982 году. В очередной раз на пост тренера сборной страны пришел Лобановский. Вынужденный оставить свое киевское «Динамо», Валерий Васильевич передал бразды правления в клубе Морозову — единственному, кому он доверял, как себе. А здесь, на базе в Удельной, остались найденные и вымуштрованные игроки — Степанов, Бирюков, Долгополов, Желудков, Клементьев, Герасимов. Тот замечательный состав, который расправил крылья при следующем главном тренере, тоже ученике Морозова, Павле Садырине. В 1984 году «Зенит» впервые в истории стал чемпионом Советского Союза.

Юрий Желудков, чемпион СССР 1984 года: *«Когда пришел Павел Федорович Садырин, он немножко расслабил ребят. Игра у нас уже была к тому моменту, просто стали чувствовать себя посвободнее и, в общем, добились результата».*

Михаил Бирюков, чемпион СССР 1984 года, тренер «Зенита»: *«Юрий Андреевич все-таки, наверное, фундамент сделал в доме, а уж Павел Федорович доводил этот дом до ума».*

Пока «Зенит» шел к своим первым золотым медалям, Морозов пытался провести в Киеве реформу, подобную той, что он осуществил в Ленинграде. Ввел в основу несколько молодых игроков — Олега Кузнецова, Павла Яковенко — через несколько лет они стали настоящими звездами. Однако обласканные славой игроки киевского «Динамо» не приняли морозовского стиля работы, и команда в чемпионате заняла только 7-е место, фактически провалив сезон.

К ЛИЦУ МЕДАЛИ ЧЕМПИОНАМ

Сегодня по ленинградской программе телевидения смотрите репортаж о встрече футбольной команды «Зенит» с ее многочисленными поклонниками. В Спортивно - концертном комплексе имени В. И. Ленина состоялось яркое завершение сорок седьмого чемпионата страны по футболу: ленинградским футболистам были вручены золотые медали.

Оказывается, у чемпионов немало поклонников не только в городе на Неве, но и в других городах. Многочисленные поздравления пришли в их адрес из многих уголков нашей страны. Уважение болельщиков, их пылкую, сердечную любовь зенитовцы снискали самобытной, темпераментной игрой.

Ленинградские футболисты получили немало почетных призов на той встрече, самый главный— чемпионский им вручил заместитель председателя Спорткомитета СССР Н. Русак и начальник Управления футбола Всесоюзного спорткомитета В. Колосков. Дипломы первой степени, золотые медали у тех, кто воплотил мечту нескольких поколений ленинградских футболистов и их болельщиков.

На встрече с любимой командой похвальное слово «Зениту» от лица поклонников его красивой игры произнесли дважды Герой Социалистического Труда корабел Балтийского завода имени Серго Орджоникидзе В. Смирнов, народные артисты СССР А. Фрейндлих, И. Горбачев, И. Владимиров и многие другие. Мнение всех выразил заслуженный артист РСФСР Иван Краско, в костюме самого Петра Великого: «Играй, «Зенит», — болельщики помогут!». Вдохновенно сыграли на вечере актеры академических театров драмы имени Горького и Ленсовета. Редакция и многочисленные читатели нашей газеты присоединяются ко всем идущим от сердца словам и говорят: «До новых встреч, «Зенит»!».

НАШИ СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

Фамилию тренера в спортивных отчётах обычно упоминают в скобках после названия команды. Но сегодня ее хочется вынести вперед: Павел Садырин («Зенит»). Впрочем, этот деловой, скромный и отзывчивый человек уже давно популярен не только в нашем городе, но и далеко за его пределами.

С 1965 по 1975 год П. Садырин с успехом играл в «Зените», был активным разыгрывающим, атакующим полузащитником. Он провел 333 матча, забил 37 голов. Входил в число 33 лучших футболистов страны, выступал за сборную РСФСР и нашу олимпийскую команду. Неоднократно избирался капитаном «Зенита».

После окончания Высшей школы тренеров в 1978 году стал одним из наставников «Зенита», а в 1983 году был назначен старшим тренером команды. В прошлом году под его руководством зенитовцы заняли четвертое место, а нынче стали чемпионами.

Спасибо всем, кто верил в нас

— Вот уже десять дней зенитовцы носят почетное звание чемпионов страны по футболу. К радости ленинградцев да и поклонников нашей команды и других городах, «Зенит» уверенно завоевал золотые медали, многие призы чемпионата. Что способствовало этому успеху?

— Многое. Прежде всего то, что в нашем городе за последние годы созданы отличные условия для развития футбола. Может быть, только пот одна у нас еще осталась мечта — соорудить электрооборев поля на стадионе имени С. М. Кирова. Мы стали больше обращать внимание на воспитанников ленинградских футбольных школ. Считаю, что только воспитанники своего клуба способны показывать высокие морально - волевые качества, которые так необходимы для достижения успеха. Желая попасть в основной состав, они быстро обретали мастерство, набирались опыта. Не случайно семеро футболистов, ставших сейчас чемпионами, играли в дубле «Зенита» четыре года назад, когда основной состав нашей команды впервые завоевал бронзовые награды.

— Тренер — он и преподаватель, и воспитатель, и исследователь всего нового, что возникает в игре, и предводитель в дни матчей. Конечно же, тренер является самым страстным и самым объективным болельщиком своей команды. Ваша оценка выступления «Зенита».

— Больше всего я рад тому, что в нынешнем сезоне мы достигли своей игрой удовольствия любителям футбола, повеселили их, если так можно сказать. Важно и то, что в единоборствах со своими главными соперниками, прежде всего со «Спартаком», в решающих матчах зенитовцы взяли верх на их полях. А спартаковцев обыграли и в кубковом матче. Наверное, были у нас и недостатки, но то, что мы весь сезон не покидали ведущей группы, говорит о мастерстве и стабильности игры «Зенита».

— Кто из зенитовцев, на ваш взгляд, наиболее отличился в трудной борьбе за футбольное «золото»?

— Наша победа — это до-

даря полноценному резерву мы смогли решить очень сложные для нас задачи. Ведь подчас ведущие игроки со разным причинам (предупреждения, травмы) вынуждены были пропускать матчи.

— Кто из зенитовцев, на ваш взгляд, мог бы пополнить ряды сборной СССР?

— Думаю, что это с успехом могли бы сделать сейчас вратарь Михаил Бирюков, полузащитник Николай Ларионов, нападающие Юрий Желудков и Владимир Клементьев. Наверное, они могли бы прийти на смену некоторым игрокам сборной старого призыва.

— Когда вы почувствовали, что «Зенит» стал чемпионом?

— За три минуты до конца последнего матча с «Металлистом», когда фотокорреспонденты окружили нас плотным кольцом. Я не видел, что делается на поле, но окончательно убедился в том, что «Зенит» стал чемпионом.

— Ваше хобби?

— Для того чтобы отвлечься от повседневных забот, люблю послушать легкую музыку, посидеть с хорошей книгой, посмотреть новый спектакль в театре. Много времени посвящаю фотографии. Люблю возиться с автомобилем. Люблю свой дом. Люблю жизнь во всех ее проявлениях.

— Футболисты получают медали чемпионов, а тренеры?

— Тренеры получают то, что и прочим благоглупостям я, разумеется, безразличен, как, уверен, и мои коллеги из других команд. Но женщины в автобус, который везет команду на матч, садиться не должны. Другое дело — после игры. И маршрут должен быть обычным, как всегда. Дело здесь не в приметах, а в психике игроков. К числу «тринадцать» отношусь так, как оно заслуживает: когда «Зенит» набирает в семи матчах 13 очков из 14 возможных, то радуюсь, когда наша команда, случалось, занимала тринадцатое место, то и отношение к этому было неважное.

— Много ли получили тренеры и игроки приветствий после победы в чемпионате?

— Очень много пришло приветствий. Вот, например, одна из телеграмм: «Поздравляю дорогих ленинградцев с замечательной победой «Зенита». Желаю дальнейших успехов всему ленинградскому спорту. Анатолий Карпов». Хочу поблагодарить через вашу газету всех, кто верил в нас, кто был с нами вместе в трудные дни, кто разделял с нами радость победы.

— Ваши тренерские концепции?

— От игроков требую: коль скоро связал свою жизнь с футболом, необходимо во имя его жертвовать многим. Исходя из этого, игрок должен быть высокоорганизованным и в быту, и на тренировке, и во время состязаний.

— Как должны строиться взаимоотношения между тренером и спортсменом?

— Прежде всего необходимо полное взаимное доверие, честность и порядочность во всем. Такой контакт помогает росту каждого игрока в отдельности и формированию коллектива в целом. Это, конечно, не должно исключать требовательности и строгости. Команда — это сплав характеров. И у нас порой возникают сложные ситуации. Тогда мы пытаемся найти разумный выход из создавшегося положения.

— Каковы планы на будущее?

— В первой декаде декабря намечен выезд «Зенита» на товарищеские матчи в ФРГ. Предполагается, что в середине января наша команда проведет несколько товарищеских игр в Южной Америке. В феврале «Зенит» примет участие в традиционном турнире команд городов - побратимов, который, как всегда, пройдет на арене Спортивно - концертного комплекса имени В. И. Ленина. На 3 марта назначен старт 48-го чемпионата страны. Нас ждут игры очередного розыгрыша кубка СССР, матчи на кубок сезона, в котором чемпион дважды встретится с обладателем кубка, турнир европейских чемпионов, так что впереди сезон еще более насыщенный, чем только что завершившийся. Сейчас зенитовцы не расстаются с мячом, регулярно тренируются на поле Дворца спортивных игр. Словом, во [illegible]

Газетные вырезки, посвященные победе «Зенита» в чемпионате СССР 1984 года

Леонид Генусов, тележурналист: *«Киевское "Динамо" — как монастырь. Туда очень сложно попасть. Несмотря на то что Юрий Андреевич был очень хорошо знаком с Валерием Васильевичем Лобановским, игроки воспринимали только Лобановского».*

Лобановский не смог вывести сборную в финальную часть чемпионата Европы, и осенью 1983 года был уволен и вернулся в родной Киев. Путь Морозова лежал в московский ЦСКА. Эта команда с Морозовым вылетела в первую лигу в том же году, когда созданный им «Зенит» завоевывал золото. Отныне с Морозовым всегда было так. Пока ЦСКА вставал на ноги в первой лиге, киевское «Динамо» с тем составом, что был в значительной степени сформирован при Морозове, выигрывало Кубок обладателей кубков. В 1987 году Морозов был уволен из ЦСКА, а пришедший на пост его же ученик Садырин через несколько лет выиграл с командой в одном сезоне Кубок и Чемпионат страны. Какой-то злой рок, но жертвой Морозов себя не считал.

Михаил Бирюков, чемпион СССР 1984 года, тренер «Зенита»: *«В глубине души он, наверное, переживал, как любой человек, но в то же время он понял, что самое главное — делать команду».*

Марк Рубин, профессор Университета им. П. Ф. Лесгафта: *«На мой взгляд, это чувство зависти ему присуще не было. И то, что Морозов много трудился, а сливки, как говорится, снимали другие специалисты, еще раз говорило о его таланте».*

В конце 1980-х — начале 1990-х Морозов работал в сборной с Лобановским, недолго тренировал национальную команду Ирака, преподавал в родном Институте имени Лесгафта, трудился в городской Федерации футбола. В 1996 году ему даже предлагали вновь возглавить «Зенит», когда из клуба со скандалом выставили Павла Садырина.

Геннадий Орлов, тележурналист: *«Когда Садырину не продлили контракт в 1996 году, мы, конечно, взяли его сторону, может быть, это было не совсем корректно.*

Юрий Андреевич позвонил мне, меня не было дома, он моей жене Наталье сказал: "Передайте Геннадию, что я отказался быть главным тренером вместо Садырина". Не пошел на место своего коллеги, на живое место, это, конечно, дорогого стоит».

Морозову было под 70, когда президент клуба Виталий Мутко в 1999 году предложил Юрию Андреевичу стать вторым тренером команды «Зенит», и тот согласился. Болельщики уже не надеялись вновь увидеть его на тренерском мостике, но Морозов никогда не поступал так, как от него ожидают.

Леонид Генусов, тележурналист: *«Проблема была в том, что Анатолий Викторович Давыдов, который выиграл кубок, и выиграл его достойно, видимо, не видел дальнейшего улучшения игры команды. И это стало ясно уже в конце 1999 года. Виталий Леонтьевич Мутко, который, несмотря на отстраненность в молодости от футбола, очень чутко и четко понимал и ощущал, что происходит с командой. И для него было понятно, что необходим опытный тренер, опытный наставник. Это был Юрий Андреевич Морозов».*

Чемпионат 2000 года «Зенит» начал провально. Команда оказалась в нижней части турнирной таблицы. В конце апреля, после поражения от «Сатурна», Юрий Морозов сменил Анатолия Давыдова на посту главного тренера. Понимая, что футбол в стране за последнее десятилетие невероятно изменился, Морозов, тем не менее, взялся за реформу команды так, как делал это всегда.

Александр Горшков, чемпион России 2007 года: *«Когда пришел Морозов, поменялся весь тренировочный процесс. Нагрузки стали больше, он пытался подтянуть дисциплину. В быту он тоже был человеком требовательным и немного жестким».*

Леонид Генусов, тележурналист: *«Футболисты почувствовали, что к ним пришел профессионал, и что они способны играть так, как он это хочет, как он их учит играть. Он учил их прессингу. Команда должна прессинговать в зоне соперника, чтобы преимущество в количестве*

своих футболистов на половине поля соперника было почти всегда».

Вновь под руководством Морозова «Зенит» завоевал бронзу. Более того, в 2001 году команда до последнего претендовала на золото или, как минимум, на серебро. Болельщики снова были уверены, что «дед» приведет «Зенит» к долгожданному чемпионству. Случилось же так, что Морозову и вовсе предстояло уйти.

И в 1970-е, и в начале 2000-х Морозов делал ставку на собственных петербургских, ленинградских игроков. И когда он ушел из «Зенита» в последний раз, здесь в основном составе уже играли совсем молодые Аршавин, Кержаков, Малафеев — те, с кем связаны наибольшие успехи в жизни нашего клуба.

Уходу Морозова предшествовала перестройка команды, в которой вместе с руководством клуба «дед» принимал активное участие. «Зенит» вынуждены были покинуть сразу 4 ведущих игрока.

Леонид Генусов, тележурналист: *«"Зенит" завоевал бронзовые медали. Успех? Успех. На фоне успеха в клуб пришли акционеры. Новые акционеры, которые потом стали, как вы знаете, хозяевами клуба. Они готовы были инвестировать в "Зенит" определенные, пусть и небольшие, деньги. Значит, на эти небольшие деньги надо было кого-то купить. Вдруг пришли иностранные футболисты, заняли ведущие позиции, а игру, которая требуется от легионеров, они не показывали».*

В команде произошел конфликт еще до чемпионата. Первую игру «Зенит» проиграл, а в следующем туре случилось невиданное: забив ставший победным гол, Андрей Аршавин подбежал к скамейке запасных и обнял своего тренера.

Вячеслав Малафеев, чемпион России 2007 года: *«Тогда была сложная ситуация. Мне помнится, Юрий Андреевич заявил, что если не изменится отношение в команде, то он покинет ее. И это было сказано перед тем матчем, если мне не изменяет память, и в том матче ребята выложи-*

лись и забили мяч. Нужно было продемонстрировать отношение команды именно к нему...»

В апреле 2002 года Юрий Морозов тяжело заболел. Несколько недель командой руководил Михаил Бирюков. Однако накануне финала Кубка России, где «Зенит» встречался с ЦСКА, Морозов самовольно покинул больницу и во время матча оказался на скамейке запасных. Тот финал «Зенит» проиграл.

Михаил Бирюков, чемпион СССР 1984 года, тренер «Зенита»: *«Я все время приезжал к нему в больницу, советовался. Он не мог не приехать к нам».*

Леонид Генусов, тележурналист: *«Он хотел помочь. Ему казалось, что если он придет туда, то сможет как-то поменять ситуацию и помочь выиграть матч с ЦСКА, клубом, который был тогда, надо объективно сказать, посильнее "Зенита"».*

В руководстве клуба были уверены, что «дед» больше не в состоянии управлять командой по состоянию здоровья. 2 июля 2002-го на «Петровском» Морозов в последний раз вывел «Зенит» на поле. На этот раз это действительно был конец.

Юрий Желудков, чемпион СССР 1984 года: *«Это был настоящий человек. Прямой, честный, всегда говорил в глаза все, что думает».*

Геннадий Орлов, тележурналист: *«За себя он никогда не просил! И у него маленькая зарплата была, когда он был главным тренером в "Зените", это я точно знаю».*

Юрий Андреевич Морозов ушел из жизни в феврале 2005 года. Он не был у руля того «Зенита», который в 2003 году выиграл серебро российского чемпионата. Он не дожил ни до Кубка УЕФА, ни до чемпионства. Он не дожил до колоссального триумфа команды. Но все в нашем городе знают, что «дед» — Юрий Андреевич Морозов — был «отцом всех наших побед».

Глава 7
Новые питерские

«Застой» в Ленинграде начался в 1966—1968 годах, еще до событий в Чехословакии, при первом секретаре обкома Василии Толстикове. Сигналом стали аресты участников социал-демократической подпольной группы «Колокол» и православно-националистического «Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа». Огромный скандал вызвал «Вечер творческой молодежи Ленинграда», состоявшийся 30 января 1968 года в Доме писателей. Выступали Бродский, Довлатов, Марамзин, Уфлянд, Попов, Вахтин, Гордин. Случившееся трактовалось Смольным как «хорошо подготовленный сионистский художественный митинг, форма идеологической диверсии». В результате наиболее талантливая часть тогдашней и будущей творческой молодежи (это касалось не только писателей, но и художников, музыкантов, режиссеров) осталась вне творческих союзов, а значит, лишилась возможности печататься, концертировать, работать в профессиональных театрах.

Продвижение по службе, самореализация, стала невозможна и в науке. Погубили два поколения — тех, кто родился после войны в 1945—1955 годах, и тех, кто появился на свет в конце 1950-х — начале 1960-х. Карьеру определяли не способности, а анкета и лизоблюдство. В 1970-е резко упал уровень вузов, особенно гуманитарных. Искусство и литература уходили в полуподполье — возникла

знаменитая ленинградская вторая культура (об этом подробнее в моей следующей книге).

Те, кто хотел благополучия и достатка здесь и сейчас, вынуждены были приспосабливаться. Карьеру делали не лучшие, а самые морозоустойчивые.

Становление поколения Путина, Матвиенко, Полтавченко, братьев Фурсенко, Кудрина, Сечина пришлось на время Григория Романова, одного из самых жестких и консервативных брежневских первых секретарей обкомов. Он не поощрял кумовства: взятки в Питере брали реже, чем в провинции, и с большой оглядкой. Зато, даже намек на вольномыслие карался волчьим билетом: романовский Ленинград вытеснил в Америку Бродского, Довлатова, Барышникова, в Москву — Фоменко, Райкина, Юрского, Битова. Манера поведения верхов, поощрявшаяся при Романове, сложилась в Ленинграде, вероятно, еще до войны. В брежневской Москве ее репрезентировал, приехавший из Ленинграда, предсовмин Алексей Косыгин. Худощавый, хмурый, с правильной речью, он самой манерой поведения контрастировал с тучными, жизнерадостными брежневскими земляками, изъяснявшимися на восточно-украинским «суржике» с фрикативным «г». «Стиль Косыгина» — внешняя пристойность, чувство номенклатурной меры. Матюги, столь естественные для партийцев Урала и Сибири, употреблялись только в подобающей обстановке: охота, маневры округа, банька после рыбалки. Даже страшную фразу: «положите партбилет на стол» в Смольном произносили тихо, без особой аффектации. Нынешние «московские питерцы» в своем подавляющем большинстве (за исключением чуть более старших по возрасту Геннадия Селезнева и Валентины Матвиенко) к романовской челяди не принадлежали, но делали первые карьерные шаги при господстве этой эстетики.

Каждый шаг наверх в провинциальном Ленинграде давался с невероятным трудом: поездка в Болгарию или ГДР, защита кандидатской, покупка «Жигулей» — все это тре-

бовало усилий и интриг, о которых москвичи и не слыхивали. Правильно выбранная интонация, умение промолчать, выждать, избежать конфликта, подсидеть были условием выживания.

Генерацию гайдаровских министров (а они в среднем помоложе нынешних «московских питерцев») называли поколением завлабов. А большинство путинцев к концу 1980-х и этого карьерного уровня не достигли. Их «хождение во власть» началось только при Анатолии Собчаке, предпочитавшем рекрутировать команду из исполнительных профессионалов, не связанных ни с тогдашним романтическим Ленсоветом, ни с коммунистическим Смольным. Прагматики между 30 и 40. Сегодня им пора на покой.

ПОКОЛЕНИЕ ПУТИНА ВЫХОДИТ НА ПЕНСИЮ

7 октября 2012 года Владимиру Путину исполнилось 60. В этом возрасте можно и на пенсию. Сходит с арены поколение семидесятников — те, чьи родители победили фашистскую Германию; кто родился, когда был жив Сталин; ходил в школу при Хрущеве; тянул служебную лямку в брежневские времена. Первая в XX веке генерация, не знавшая ни большой войны, ни настоящих репрессий. Те, кто правит Россией уже лет 10, даже больше. Те, кто наверху объединены только годом рождения и пропиской. Это ленинградцы 1945—1953 годов рождения. Среди них — выходцы из офицерских семей Николай Патрушев, Дмитрий Грызлов, Владимир Чуров, Владимир Якунин, Геннадий Тимченко, воспитанный матерью-инженером (отец рано умер) Сергей Иванов, сыновья докторов исторических наук Александр Фурсенко и Юрий Ковальчук. Из самой простой семьи Владимир Путин: отец — демобилизованный солдат, мастер на заводе, мать — уборщица. Что год и место рождения определили в биографии Путина и его группы?

В России, где правила игры меняются каждые 10 лет, принадлежность к поколению во многом определяет жизненный путь. Например, старшие братья семидесятников — шестидесятники, поколение, вышедшее из холода. Это поколение Ельцина, Высоцкого, Лужкова, Тарковского, Собчака, Шукшина. Для них годом, определившим жизнь, стал 1953-й — смерть Сталина, после которой заработали социальные лифты. Как во французском фильме «Замороженный»: хранились в холодильнике советской власти в ее самый блестящий и самый мрачный период и вдруг вышли на просторы фестиваля молодежи и студентов и запели «А я иду, шагаю по Москве». Удачливее этой когорты в российской истории не сыскать. Разве что шестидесятники XIX века (выросшие при Николае I и поспевшие в молодости к Великим реформам). Шестидесятникам XX века было около 30, когда они защитили диссертации, возглавили строительные тресты, напечатали первые книги и сняли первые фильмы.

Следующему, путинскому поколению, семидесятникам, выпала гораздо более трудная судьба. Они выросли в коммунальных квартирах на картошке и макаронах с сосисками. Они учились в переполненных школах, работавших в две смены, и проводили лето или в пионерлагере, или у бабушки в деревне.

Владимир Путин в школьные годы

Родители семидесятников, тех, кто появился на свет между Победой и смертью Сталина, — фронтовики. Прошедшие войну, они не боролись с режимом, не обожествляли его, а, как могли, с ним уживались. Не говорили о политике, не критиковали власть. Это отношение было

усвоено детьми и применено в дальнейшем и к советской власти, и к самим родителям. И от той, и от этих уйти в 1970-х было практически невозможно — границы на замке, отдельную квартиру ждут десятилетиями.

Для сверстников Владимира Путина осевым стал 1968-й — год вторжения в Чехословакию и начала застоя. Ни сверхъестественные способности, ни идеальная анкета, ни абсолютное послушание не гарантировали карьеру.

Места завлабов, секретарей обкомов, членов творческих союзов, генеральские должности были плотно оккупированы родителями-фронтовиками и старшими братьями — шестидесятниками. Единственный шанс пробиться

Невский проспект. 1970-е годы

наверх без «мохнатой руки» (выражение Владимира Путина) — служба в КГБ или спорт. В Комсомол шли отчаянные романтики или законченные циники.

Восемнадцать лет «застоя» были относительно мирным временем. Государство закрывало глаза на пьянство и безделье подданных, не лезло в личную жизнь и даже разрешало в кулуарах ругать советскую власть, рассказывать анекдоты про Брежнева, Ленина и Чапаева. Люди не умирали с голоду, могли позволить себе 6 соток и поездку в Крым, их учили и лечили неблестяще, но бесплатно. Они медленно, но верно продвигались по служебной лестнице. Начинали со 80 рублей в месяц, доходили до 150.

Но жизнь прорывов не обещала. Социальный лифт застрял на 150 рублях в месяц. Скрытая инфляция и дефицит уравнивали между собой социальные низы и средний класс. Еще в 1960-е инженер, офицер, врач, преподаватель вуза — почтенные люди, завидные женихи. К 1980-м бармен, продавец, автослесарь — вот карьерные позиции. Именно эти люди ближе всего подобрались к желанной потребительской триаде: «дачка, тачка и собачка».

Единственное условие для нормальной советской карьеры — не высовываться, не говорить вслух гадости о власти и соблюдать изредка ритуалы: сдавать ленинские зачеты, ходить на демонстрации, подписывать письма в защиту Анжелы Дэвис.

Но можно сознательно не делать карьеру: ограничений меньше, сиди в кочегарке или дворницкой. Только не печатайся без разрешения на Западе, не занимайся политикой публично, не размножай самиздатовскую литературу. Можно и фарцевать, и быть гомосексуалистом, и торговать антиквариатом, и писать антисоветский роман или абстрактную картину. Только тихо.

Если нет объединяющей идеи (победить в войне, построить коммунизм), захватывающего дела, возможности продвинуться по служебной лестнице — главным становится личное преуспевание. Основное, можно сказать, ис-

торическое достижение семидесятников к началу 1980-х — приватизация жизни. Они полностью отделили частное, приватное от общественного.

Фарцовщики около Дома книги

Фраза из «Бриллиантовой руки» «чтоб тебе жить на одну зарплату» для 1970-х — ключевая. Сверстники Путина не без цинизма полагали: 100 друзей важнее, чем 100 рублей, потому что блат сильнее рубля.

Семидесятники бились за чешскую плитку, твердокопченую колбасу и польскую косметику. Собирали талоны на макулатуру и покупали на них дефицитные книги. Необыкновенно тщательно планировали отпуск, ныряли с маской, сплавлялись на байдарках. А те немногие, у кого были «Жигули», ездили в Прибалтику. Златы Пясцы в Болгарии — почти недостижимая мечта, доступнее Коктебель, Пицунда, Юрмала.

Мечта юности — «гайка, сейко, лайка» — золотой перстень, электронные часы, кожаный черный плащ, как у Штирлица. Такие были на обогатившихся на мандаринах и мимозах уроженцах Грузии (и не отсюда ли жажда реванша у тех, кто в юности наблюдал зажиточных уроженцев Закавказья в ресторанах и на танцплощадках).

Коммунистическая идеология в 1982 году уже мертва на всем пространстве СССР. Государство — монументальный дубовый шкаф, выеденный изнутри жучками-короедами. Бессмысленные партийные мантры давно утратили связь с реальной жизнью. Даже ребята из комсомола считали Ленина анекдотической фигурой. И офицеры КГБ, слушая брежневскую «Целину» по радио, не вытягивались в струнку — это считалось дурным тоном. Как раз там, в «Большом доме» больше понимали, а оттого были особенно циничны по отношению к режиму.

Союзные республики увлеклись поисками национальных мифов. В России все несколько сложнее — здесь коммунизм сменяется то православием, то истошным западничеством, то верой в пришельцев, уринотерапию и сглаз.

Семидесятники практиковали запрещенное карате, искали шамбалу, читали «Архипелаг Гулаг», Ницше или «Технику секса», покупали джинсы у фарцовщиков, слушали «Битлз», лечились мумиё, переписывали на магнитофоны Жванецкого и Высоцкого. Массовое искусство, которое они выбирали, было вне коммунистической идеологии — Валентин Пикуль, Алла Пугачева, Илья Глазунов, Никита Михалков.

В середине 1980-х жизнь семидесятников, проведенная в КГБ, КБ или кочегарках, близилась к логическому завершению. Те, кто тянул служебную лямку, были в лучшем случае ведущие инженеры, кандидаты наук, майоры. Те, кто сидел в кочегарках, не издали ни одной книги, их картины не куплены ни одним музеем, а философские идеи разделял лишь узкий круг приятелей. Казалось, что семидесятникам скоро будет уготована скромная пенсия и выращивание огурцов на 6 сотках. Однако в России надо жить долго. Вдруг грянула перестройка. А потом рухнул и весь режим.

Году в 1987-м время снова поменялось, социальные лифты заработали. Нашим героям было уже около сорока. Они ходили на митинги, пытались отоварить талоны, рас-

купали толстые журналы, голосовали за Ельцина, смотрели программу «Взгляд», защищали Белый дом, впервые съездили заграницу.

Именно по большинству из них больнее всего ударил кризис 1990-х. Меняться было поздно, жизнь не учила рисковать. Жизнелюбие, пьянство, бесперспективность творческой работы сделали их не слишком привлекательным поколением на новом рынке рабочей силы, где требовались молодые с английским языком. Но время, вообще говоря, еще оставалось — лет 20—30.

Напечатались писатели-семидесятники: Эдуард Лимонов, Татьяна Толстая, Виктор Ерофеев, Сергей Годлевский — разные люди, разные судьбы. В поколении были свои театральные звезды — Александр Абдулов, Николай Караченцов, Михаил Боярский, Константин Райкин, но не было для них ни «Современника», ни «Таганки», разве что московский «Ленком» и здешний «Театр им. Ленсовета». Вместо Высоцкого — Розенбаум.

На россыпь режиссеров-шестидесятников их младшие братья ответили Александром Сокуровым, Александром Рогожкиным, Алексеем Учителем. Никита Михалков и Карен Шахназаров сумели реализоваться еще раньше вопреки времени, благодаря социальному происхождению.

Были и те, кто сумел сказочно разбогатеть: Владимир Гусинский, Борис Березовский, Алишер Усманов, но большинство олигархов на поколение моложе.

Те же, кто, спустя 10 лет, правил государством, в перестройку сидели еще не узнанные страной, на скромных должностях: чиновниками в ректорате ЛГУ — Владимир Путин и Владимир Чуров; завлабами в Физико-техническом институте — Юрий Ковальчук и Александр Фурсенко; в профкоме «Электронприбора» — Борис Грызлов; тренером ДЮСШ — Аркадий Ротенберг; заместителем начальника райотдела КГБ — Николай Патрушев; инженером на «Ижорском заводе» — Геннадий Тимченко. Выше всех забрались к своим сорока Сергей Иванов (резидент в Найроби) и Владимир Якунин (разведчик в Нью-Йорке).

Они не рвались в законодательную власть (как их земляки и сверстники Галина Старовойтова, Сергей Миронов, Сергей Степашин), а оказались в правильном месте — в исполнительной власти рядом с Анатолием Собчаком или в связанном с властью бизнесе. Их имена не были известны почти никому даже в Ленинграде. Они строили кооператив «Озеро», налаживали дела, находили партнеров заграницей.

Владимир Путин (второй справа) и Анатолий Собчак (третий справа) в рабочей командировке. Вырезка из газеты «Правда Востока». 1991 год

Они не верили ни в Ленина, ни в Адама Смита, не были фанатичными православными или отчаянными атеистами. Эта поколенческая группа, воспитанная любовью к материальному, вещественному, оказалась востребованной, когда Россия устала от всякой идеологии, реформ и выборов. Их время пришло в конце 1990-х.

Они происходили из Ленинграда, что само по себе было преимуществом. Москва похожа на США, Петербург — на Англию. На берегах Невы все медленнее; чтобы преуспеть надо уметь ждать, молчать, заводить друзей. Много свободного времени — думать, читать книги, учить языки. На фоне «красных директоров» из окружения Евгения Примакова и Юрия Лужкова, «путинские» смотрелись аристократами: в отличной физической форме, у них правильная речь, они знают английский и немецкий. Они и правда, возможно, самые образованные за последние 100 лет руководители страны.

Мечты рождаются в юности. И всего, чего тогда не хватало, хочется добиваться всю жизнь. Русские эмигранты в Брайтоне искусно реставрировали советскую жизнь, но такую, о которой они мечтали для себя в СССР — с частными ресторанами, кожаными пальто, бриллиантами, Вилли Токаревым и машиной во дворе. Путинская генерация построила для себя страну счастья на родине.

Семидесятники хотели красиво одеваться, ездить за границу, быть стильными и слегка циничными, как герои Юлиана Семенова. Отсюда искреннее непонимание любой идеологии. Мир делится не на «белых» и «красных», не на либералов или сторонников твердой руки.

Поколение Путина воспроизводит «застой», но такой, в котором им хотелось бы жить с юности. Читай что угодно, путешествуй за границу, воруй, но не зарывайся, делись, обогащайся, соблюдай правила. Не любишь власть — пожалуйста, просто не лезь в политику.

Они привозят на дни рождения английских музыкантов своей юности, их развлечениями ведает Владимир Киселев из «Землян», они наигрывают на рояле мелодию из фильма «Щит и меч», живут в Сочи. У них и «гайка», и «лайка», и «сейко», и яхта, и снегоход, и загородные дворцы. Они выиграли войну с Грузией. Их жизнь удалась. Они создали «застой» под себя.

Первой заграницей Владимира Путина стала ГДР. Думаю, ее политическое устройство он и воспроизводит

в России: там ведь в парламенте, наряду со всегда правящей Социалистической единой партией Германии, были фракции Христианских демократов, Либеральных демократов, Национал-демократов и Демократических крестьян. Правда, голосовали депутаты всех фракций единогласно. Такой Путин сделал и нынешнюю Россию: хорошее пиво, все культурно, управляемая демократия. И, к тому же, никакой Берлинской стены.

Эхо революции 1917 года закончилось. Над Москвой благовест, над Кремлем трехцветный флаг. Пришло время реставрации: то ли царской власти, то ли «развитого социализма». Люди, руководящие нами, конечно, приглядываются к истории. Эстетически им близки белогвардейцы или Петр Столыпин. Но Петр Аркадьевич не стремился к материальному благополучию, у него оно было с детства, как и у героев Белой армии. А тем, кто схватил птицу счастья в 50 лет, рисковать не хочется. Как в «Фаусте»: «Остановись мгновенье, ты прекрасно».

Остается пожелать Владимиру Путину и его друзьям брежневского долголетия. И, кажется, памятуя о судьбе Юрия Чурбанова и Галины Брежневой, они уже отправили на всякий случай детей заграницу.

Действительно, некоторый риск есть. В очередь за властью встали уже и выросшее в перестройку поколение «пепси» (те, кто родился в конце 1950-х — начале 1960-х — Михаил Прохоров, Александр Любимов, Михаил Ходорковский), и ровесники Сергея Шнурова, Земфиры и Евгения Чичваркина (им сейчас между 30 и 40), да и следующая генерация — скинхеды и их антагонисты хипстеры, читатели «Афиши» и «Большого города», арт-хулиганы из «Войны» и «Pussy riot».

Будут ли они ждать своей очереди так терпеливо, как Путин и его товарищи?

МАТВИЕНКО: ИТОГИ

Валентина Ивановна Матвиенко не противоречила президенту, как Юрий Лужков, не писала в своем твиттере о червяках, как тверской губернатор Дмитрий Зеленин, и не дружила с бандитами, в чем обвиняли, скажем, новгородского Михаила Прусака. Она была исполнительным, работящим, успешным губернатором и всегда подчинялась воле Кремля. С переходом Матвиенко в Москву из губернаторского корпуса исчезла женщина-праздник, сделавшая карьеру еще при Советской власти. Эдакий барочный завиток на окрашенном серым суриком пространстве российской политики.

В 2003 году, когда под московским нажимом из Смольного выдавили Владимира Яковлева и принялись расчищать пространство под Валентину Матвиенко, группа местных журналистов основала объединение «Петербургская линия». Губернаторов еще выбирали, но наиболее очевидным и популярным претендентам сделали «предложения, от которых они не могли отказаться», и те снялись с дистанции. В результате горожане должны были проголосовать или за малоизвестного полковника милиции Анну Маркову, или отдать свой голос подзабытой и не слишком популярной Валентине Матвиенко.

«Петербургская линия» призывала голосовать «против всех» и, не обладая никаким особым ресурсом, сумела убедить сделать это примерно 12% избирателей. В результате Матвиенко не сумела избраться в первом туре, а вот за день до второго, окончательного, когда агитация уже была запрещена, пожелала увидеться с оппозиционными журналистами: понять что за люди, чего хотят.

В особняке Сухозанета на Невском за длинным столом сидели, с одной стороны — прекрасно выглядящая, спортивная, приветливая, ярко одетая Валентина Ивановна, с другой — 12 мрачных, по-петербургски злоехидных журналистов. Прения шли по кругу: вначале все 12, один за другим, высказывали будущему губернатору свои пре-

тензии. Каждый следующий — более ядовитые, чем предыдущий. Потом она отвечала. Ответ был складен, но не имел никакого отношения к вопросам. Валентина Ивановна в основном упирала на то, что ее оппоненты «проплачены», и она знает кем. Я сидел прямо напротив Валентины Ивановны и видел, как ей обидно. Ее карие глаза не раз наливались слезами.

Но вот дискуссия закончилась. Матвиенко встала, расцвела приветливой улыбкой, пару раз пошутила и как ни в чем не бывало упорхнула из Дома журналистов. С тех пор она жила рядом с нами 8 долгих лет и неоднократно показывала: слова не имеют значения, брань на вороту не виснет, собаки лают — караван идет.

На общественное мнение ей до самого последнего времени было абсолютно наплевать. Она отдала оба телевизионных канала и федеральный «Пятый» (он стал фактически московским) и принадлежащий Олегу Руднову, старинному знакомцу Владимира Путина, канал «100». У нее не было особых рычагов влияния ни на холдинг «АЖУР» («Fontanka.ru», «Тайный советник», «Город», «МК в Питере»), ни на Балтийскую медиагруппу. Казалось, что успешность ее правления настолько очевидна, что не нуждается в информационном подкреплении. Валентина Ивановна до последнего времени не знала поражений. Этот политик прошел огонь, воду и медные трубы. Она была в генеральских чинах, когда нынешняя элита ходила примерно в подполковниках.

Как и большинство сегодняшних «питерских», Валентина Ивановна принадлежит к возрастной генерации, родившихся после войны, «babyboomers», как их называют в Америке, дети фронтовиков и блокадниц. На этом временном отрезке появились Андрей Фурсенко (1949), Борис Грызлов (1950), Илья Клебанов, Николай Патрушев, Александр Бортников, Юрий Ковальчук (1951), Владимир Путин, Геннадий Тимченко, Сергей Степашин, Сергей Чемезов (1952), Сергей Иванов и Сергей Миронов (1953). Сдержанные, подтянутые, правильно склоняющие существительные

и спрягающие глаголы интроверты с началом XXI века вытеснили из правительства и администрации президента москвичей и провинциалов. К этому моменту им было уже по 50.

Валентина Тютина (ныне — Матвиенко).
Конец 1960-х

Валентина Ивановна сделала настоящую карьеру еще при Григории Васильевиче Романове, жестком и консервативном секретаре обкома, на доме которого в Петербурге недавно под шумок открыли мемориальную доску. Выпускница Черкасского медицинского училища, родом из Шепетовки, она поступила в скромный Ленинградский химико-фармацевтический институт и быстро пошла по «комсомольской линии». По воспоминаниям тогдашних комсомольских функционеров она идеально вписывалась в эстетику ВЛКСМ брежневского времени — исполнительная, трудолюбивая, бодрая, с невероятной памятью, уместная и на ленинском зачете, и на загородной пирушке

с шашлыками под водочку. Она говорила те слова, которые принято, не придавая им никакого значения. Главное — чтобы выглядело хорошо. Что значило: «А Ленин такой молодой, и новый Октябрь впереди»? Ничего. И ее прозорливо не интересовали вопросы идеологии. То, что среди комсомольских лидеров преобладали мужчины, ей только помогало, в Валентине не видели конкурента. К тому же она была по-советски порядочна: гадости делала без всякого удовольствия. И в суровом Ленинграде сумела сохранить южные бойкость и задор. Она была эдакой местной Екатериной Фурцевой.

Валентина Матвиенко. Конец 1980-х

С 1984 по 1986 год — первый секретарь Красногвардейского райкома КПСС, с 1986 до 1989 года — зампред Ленгорисполкома. Именно Валентина Матвиенко вела переговоры с молодыми инсургентами из группы «Спасение», организовавшими весной 1987-го первую с 1918 года политическую демонстрацию в Ленинграде. Они протестовали

против сноса гостиницы «Англетер», ложились под бульдозеры. Валентина Ивановна клятвенно обещала — гостиницу не снесут. А когда демонстранты разошлись, «Англетер» тут же сравняли с землей (правда, потом на этом самом месте построили внешне точно такой же отель). В 1989-м, когда ленинградцы дружно провалили всех своих партийных начальников, выдвигавшихся по округам, Матвиенко прошла в Верховный совет по квоте КПСС и убыла из бунтующего города во Дворец Съездов.

Дальше успешная карьера посла на Мальте и в Греции, возвращение в правительство Евгения Примакова на пост вице-премьера по социальной политике, должность президентского полпреда на Северо-Западе и, наконец, губернаторство. Не политик, а колобок. Отступила от сверстников в сторонку, но все равно догнала.

Матвиенко навязали городу: в честной борьбе она вряд ли победила бы Владимира Яковлева, очень ленинградского политика, бесцветного, как местный пейзаж. А бодрая Валентина Ивановна в роскошной шубе в пол, в одежде от «Эскады» ярких цветов, с обязательной вышивкой, постсоветская Барби бальзаковского возраста, не в эстетике родного города Владимира Путина. Здесь не любят шик, блеск и красоту. Но и те, кому не нравилась нарядная губернаторша, должны признать: жить при ней стало если не лучше, то заметно веселее.

Время губернаторства Валентины Ивановны совпало с «тучными годами» президентства Владимира Путина. Бюджет города за 8 лет вырос в 5 раз. В городе перерегистрировались несколько московских госкомпаний — «Совкомфлот», «Газпром нефть», «Транснефтепродукт», огромные деньги из казны пришли на реализацию проектов, которые не давали достроить Владимиру Яковлеву: дамбу, кольцевую автодорогу, Западный скоростной диаметр. Появилось 5 автозаводов крупнейших мировых производителей. В разы увеличилось число иностранных туристов, центр почистили и подсветили.

В акватории Невы с невероятной помпой отмечают праздник выпускников «Алые паруса», День города празднуют чуть ли неделю, открывается ежегодный петербургский кинофорум. «Зенит» становится чемпионом. В городских кафе нет пустых мест. На местной Рублевке — трассе «Скандинавия» строятся все новые коттеджные поселки и видовые рестораны. Всюду фонтаны: вокруг Ленина на броневике и вокруг Ленина у Дома Советов; до последнего времени разноцветный фонтан бил прямо из Невы, украшая вид на Эрмитаж, Биржу, Петропавловскую крепость. Губернатор перерезала ленточки, инспектировала стройки, сидела на стадионе «Петровский», ежедневно давала интервью. Она всегда была на виду: бодрая, веселая, спортивная в цветах «Боско ди Чиллежи». Не «гранитный город славы и беды», а какой-то приполярный Сочи.

В южнорусских домах и у цыганских баронов есть такая комната — зала. Обычно она закрыта от детей, собак, случайных посетителей. Двери открываются только для важных гостей: и они видят и домашний кинотеатр, и сувениры из Турции, и румынскую дутую мебель, все, чем семейство гордится, что демонстрирует достаток. Зато в жилые комнаты ходить не надо — мало ли что там происходит.

При Матвиенко Петербург превратился именно в такую «залу». Посыпавшийся на город золотой поток пошел в значительной степени на всяческие «прибамбасы». Город приодели, сделали подтяжку и чистку лица. Но вот из того, что обещала Матвиенко в 2003 году, почти ничего не сделано. Куда ушли деньги разбухшего бюджета — непонятно.

За 8 лет — всего 4 станции метро. «Новая Голландия» стоит без крыши, и который год не ясно даже, по какому проекту она будет реконструирована. За Мариинским театром стройплощадка — там уже лет 10 воздвигают вторую сцену. Не построили ни одного нового пешеходного перехода под Невским, ни одного моста через Неву. Никак не закончат новый футбольный стадион «Газпром-арена». Не прорыли Орловский туннель. «Пулково» выглядит, как

аэродром небольшого областного центра. Улицы перманентно разрыты (даже зимой), но покрытие от этого никак не улучшается. В четвертом по населению городе Европы нет даже слона, дети видели его только на картинке, а зоопарк — чудовищная тюрьма для зверей.

При Владимире Яковлеве строили мало, денег не было. Зато в 2000-е город рос, как на дрожжах. Высотное регулирование (в центре — не выше карниза Зимнего дворца — 22 метра) презрели. За Исаакием, Елагиным дворцом, Смольным собором высятся уродливые подражания бахрейнской архитектуре. Роскошных открыточных видов больше нет.

Обещан был чуть ли не полный отказ от уплотнительной застройки. Но бизнес-центры и дома класса люкс выросли в каждом подходящем скверике. В большей части исторических кварталов зеленые насаждения исчезли как класс. А если места для постройки просто нет, дома переводят в аварийные и сносят или надстраивают мансардами, ломая исторический облик.

Дворы стали почище (потому что жильцы на свои средства установили входные ворота и домофоны), но жилой фонд чудовищно запущен. Деньги на ремонт регулярно разворовываются. Большая часть протечек в две предпоследние лютые зимы пришлись на кровли, только что прошедшие капитальный ремонт.

Разрыв в доходах и возможностях между Петербургом и Москвой только увеличился. Врачи и учителя получают в 2—3 раза меньше, чем их столичные коллеги. Что бы ни говорили о культурной столице, конкурентоспособными остаются только Малый драматический, Мариинский и Михайловский театры да Эрмитаж. Молодые и талантливые берут билеты на «Сапсан» в одну сторону — там, где уже обосновались Хабенский и Пореченков, Ургант и Собчак. Например, фактическое закрытие телепроизводства в Петербурге немедленно дало «НТВ» большую часть журналистов передачи «Центральное телевидение». А все, что происходит в городской культуре интересного, — фестиваль

«Стереолето» или интенсивная клубная жизнь к Петербургу отношения не имеет. На праздниках, финансируемых Смольным, поют не наши Юрий Шевчук, Борис Гребенщиков или Сергей Шнуров, а Дима Билан.

Довлатов писал: *«Ленинград обладает мучительным комплексом духовного центра, несколько ущемленного в своих административных правах. Сочетание неполноценности и превосходства делает его весьма язвительным господином».*

В Петербурге власть привычно и спокойно не уважают. Никогда в городе не было и не могло быть губернатора популярного, как в Москве в свое время Лужков. Начиная с 1989 года, любая власть получала в городе относительно плохие электоральные результаты. Объясняется это просто — город невеселый, северный, вечно ревнующий к Москве. Что называется, overeducated: много читают, думают, ходят в музеи, а в деньги это никак не конвертируется. Здесь по-настоящему не готовы протестовать ни из-за маленькой зарплаты, ни против плохой политики. Петербуржцы ценят свой печальный город и именно и только за него готовы к коллективным действиям.

В Ленинграде не было и не могло быть диссидентов: всякого выражавшего открытое несогласие с властью немедленно сажали. Поэтому попытки Дмитрия Лихачева вступиться за панораму Невы, на берегу которой строили отвратительную советскую гостиницу «Ленинград», и за Екатерининский парк Царского Села вызвали у местной власти несимметричный ответ. Академика избили и попытались поджечь его квартиру.

Но Лихачева в городе потому и ценили, что он вступался за главное петербургское достояние: для нас 15 тысяч домов, построенных до 1914 года, все равно, что нефть для Сургута или лоза для Кахетии. Консенсус: забирайте себе столичный статус, Владимира Путина, Ивана Урганта, Анастасию Волочкову и Михаила Пореченкова, но город портить не надо.

Когда в 2006 году «Газпром» и Валентина Матвиенко решили построить «Газоскреб» — гигантскую башню на Охте, город взбунтовался. Вождем масс стала абсолютно неизвестная до той поры молоденькая учительница литературы Юлия Минутина. Увидев новодел на Невском проспекте — уродливое навершие универмага «Стокманн» (в створе улицы Марата), она создала «ВКонтакте» организацию под названием «Живой город». Минутина и ее сотоварищи открыли для борьбы с Башней сайт «SOS — Петербург», где против строительства выступило 30 тысяч горожан (включая Эдиту Пьеху, Елену Образцову, Светлану Крючкову, Игоря Скляра, Дуню Смирнову, Олега Басилашвили). Отдельно протестовали Борис Гребенщиков, Юрий Шевчук и Михаил Пиотровский. На стороне Смольного оказались Михаил Боярский, Сергей Мигицко, Валерий Гергиев, Дмитрий Месхиев.

Между тем, еще один скандал вспыхнул из-за строительства на Васильевском острове делового центра «Финансист», убившего один из лучших видов России, — после его возведения с Троицкого моста и Невы над Биржей виднелся уродливый параллелепипед. Фотография этого безобразия появилась на сайте fontanka.ru, самом читаемом и влиятельном петербургском СМИ. Скандал дошел до Москвы. По городским слухам, в историю вмешалась Светлана Медведева. Так или иначе, власть приняла беспрецедентное решение — 2 верхних этажа «Финансиста» снесли.

Это решение показало, что власть не монолитна и идет на уступки. 10 октября 2009 года у дворца спорта «Юбилейный» состоялся митинг против постройки небоскреба «Охта-центра». Пришло, вероятно, тысячи 3 человек; столько митинги не собирали с середины 1990-х.

В 2009—2010 годах в городе случилась суровая зима. Многие, пережившие блокаду, сравнивали ее со знаменитой зимой 1941—1942 годов. На прохожих падали сосульки, лед не скалывался, начались протечки, были человеческие жертвы. Моя мать, пережившая в городе блокадную

зиму 1941 года, утверждала — улицы тогда были точно так же завалены льдом и снегом, правда сосульки не падали на головы пешеходов. Она погибла 15 декабря 2010 года по пути в больницу, где работала, несмотря на свои 89 лет. Обходила заваленный льдом тротуар и была сбита снегоуборочной машиной.

Меж тем, Валентина Ивановна проводила Рождественские каникулы в Швейцарии, а вслед за ней устремились и другие обитатели Смольного. Город был предоставлен сам себе.

Зима 2010 года доказала полную недееспособность петербургской системы ЖКХ. Обильные снегопады, чередование сильных морозов и оттепелей парализовали работу коммунальных служб. Тысячи квартир в Петербурге подверглись протечкам и затоплению.

Валентина Ивановна объясняла ропщущим горожанам: Петербург пережил катастрофические, небывалые снегопады. Метеорологи писали — это не так, бывали зимы похуже. Но пусть прав был Смольный. Тогда почему не объявили чрезвычайное положение, не запросили помощи от Москвы?

1 мая 2010 года состоялся митинг «За отставку Валентины Матвиенко». Был организован сайт http://piter-bez-matvienko.ru, и к осени там уже собралось 40 тысяч подписей с яркими комментариями.

Растерянная Матвиенко решилась хоть в чем-то уступить. Башню «Газпрома» решили не строить. Создали общественный градостроительный совет при губернаторе, куда вошли Александр Сокуров и Юлия Минутина.

Но тут грянула такая же трагическая следующая зима 2010—2011 годов. В марте 2010 года студент 3-го курса факультета социологии СПБГУ Федор Горожанко запустил сайт http://zalivaet.spb.ru/ с интерактивной картой. Сайт фиксирует протекающие крыши, приписки при их ремонте и беспомощность ЖКХ. Жалкие попытки оправдаться, знаменитая идея «срезать сосули лазером» привели к полной дискредитации власти. Между тем, впереди были вы-

боры. И в мае 2011 года в Петербурге появился новый градоначальник Георгий Полтавченко.

Петербуржцы обрели веру в собственные силы: именно они остановили «Газпром» и убрали Валентину Ивановну.

Когда Матвиенко снимала Яковлева, ее пропагандисты придумали лозунг «Город устал». Потом он явно устал еще больше от Валентины Ивановны.

Жизнь приучила нас, что не все изменения к лучшему. Может быть, когда-нибудь мы еще будем вспоминать губернатора, как россияне — императрицу Елизавету: веселую, милосердную, модную, особенно не вникающую в дела. Да и сама Валентина Ивановна проявила такие способности делать карьеру при любом режиме, что еще наверняка будет востребована.

ЧТО ДЕЛАЕТ ГЕОРГИЙ ПОЛТАВЧЕНКО НА МЕСТЕ ВАЛЕНТИНЫ МАТВИЕНКО

22 августа 2011 года Георгий Полтавченко был назначен временно исполняющим обязанности губернатора Санкт-Петербурга. 31 августа он возглавил город и юридически.

Георгий Полтавченко — ленинградец. Отец, капитан первого ранга Сергей Полтавченко, в 1960-е, после отставки, стал освобожденным парторгом Северо-Западного речного пароходства, то есть комиссаром огромного коллектива, регулярно отправлявшего суда типа «река-море» в загранку. Уровень первого секретаря райкома, не меньше. Мать будущего губернатора директорствовала в центральных кассах «Аэрофлота» на Невском. Кто жил при Брежневе, знает, что значило заведовать продажами билетов на самолеты в многомиллионном городе. Градоначальников из таких благополучных семей, как у Георгия Полтавченко, у нас в Питере с 1917 года не бывало. Прекрасное детство, на всю оставшуюся жизнь никаких комплексов.

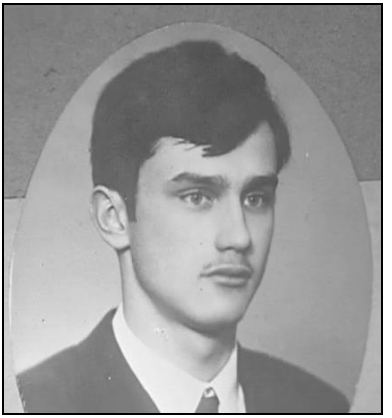


Фото из выпускного альбома Георгия Полтавченко. 1970 год

Все остальное укладывается в обычный путь «питерского чекиста»: технический вуз, распределение на оборонное предприятие, комсомольская работа, школа КГБ. В 1994 году — отставка, депутатство в Ленинградском областном совете, руководство петербургской налоговой полицией. Ротвейлер, новая квартира на Петроградской стороне в одном парадном с Алексеем Германом, сын — в Финансовой академии.

Никаких ярких черт, чудачеств, компромата. Сослуживцы и друзья детства единодушны: «нормальный, спокойный, взвешенный». Из благоприобретенного одна странность — редкая для высокопоставленного чиновника религиозность. Людей поколения и круга Полтавченко трудно не увидеть в храме. Для них, веривших или делавших вид, что верят в Научный коммунизм, стоять со свечкой на Пасху и в Рождество — такой же признак хорошего тона, как любить итальянскую кухню, «Битлз» и родину.

Но религиозность нынешнего, 59-летнего Георгия Сергеевича, кажется абсолютно искренней. Как-то, прогуливаясь по Васильевскому острову, петербургский губернатор со свитой зашел в церковь Ксении Блаженной на

Смоленском кладбище (в этом храме в 1921 году отпевали Александра Блока) и встал на колени. Новые подчиненные были этим жестом потрясены; вышли на паперть, чтобы не мешать Георгию Сергеевичу.

Или вот такая новость: «Губернатор Петербурга Георгий Полтавченко и президент ОАО "Российские железные дороги" Владимир Якунин посоветовали всем православным петербуржцам приложиться к Поясу Пресвятой Богородицы. По словам Полтавченко и Якунина, молитва перед Поясом Богородицы особенно помогает бесплодным супругам». Не о пешеходных переходах над рельсами думают — о душах людских.

Нежданно-негаданно, волей высших инстанций Георгий Полтавченко, никому, в общем, не известный, без особых примет, истово верующий, честный, скромный, стал губернатором третьего по величине (после Москвы и Лондона) города Европы. И, надо сказать, неожиданно вызвал спокойную симпатию горожан. Петербург осознанно не любит ярких политических персонажей.

Петербуржцы в свое время дважды прокатили похожего на героя венской оперы Анатолия Собчака. Сначала на выборах мэра, потом и по думскому округу. Местные избиратели предпочли блестящему думскому оратору, венчавшему Пугачеву с Киркоровым, танцевавшему с Лайзой Миннелли, Владимира Яковлева — невыразительного человека из ЖКХ с внешностью финского лыжника. Пусть власть будет любой, лишь бы она оставалась незаметной. И хотя Москва хотела снять Владимира Яковлева, город не стал голосовать против «Анатольевича». На повторных выборах 2000 года губернатора перевыбрали уже в первом туре. Операция по его замене Валентиной Матвиенко завершилась только осенью 2003-го.

Но те, кто годились в 2000-х, не подходят в 2010-х. Многое в губернаторше начало раздражать сначала народ, а потом и власть. Непомерные траты, непрерывные праздники, проваленные зимы, сын Сережа, падающая популярность в годину выборов Думы и Законодательного соб-

рания. И в Смольном при Анатолии Собчаке она не работала, и в КГБ не служила, и одежда у нее броская, и в телевизоре мелькает поминутно. Скромнее надо быть, скромнее.

Кремль любит нынче людей с оборонным сознанием, цвета сурика. Полтавченко — свой, как Собянин, Сердюков, Шувалов. В представлении об образе правильного начальника «питерские», в общем, совпадают с жителями родного города: скромный, неброский, исполнительный.

«Минус-прием» — термин, введенный знаменитым тартуским филологом Юрием Лотманом: впечатление производит не столько новое, сколько отсутствие привычного, ожидаемого. Стиль нового губернатора Петербурга Георгия Полтавченко свеж только в контексте многолетнего правления Валентины Матвиенко и вызывает эффект «минус-приема». Георгий Сергеевич интересен не тем, что он делает, а тем, от чего отказывается.

В нем ничего не раздражает, он не выделяется на фоне нашего северного пейзажа. В городе фриков и искренняя вера, и крайнее безверие считаются нормой. Отрицаются пошлость, потуги на популярность, откровенное мздоимство. Никаких нарядов из Милана. Полтавченко — мужик: любит рыбалку, баскетбол, не маячит по телевизору, и кепка у него не московская «шестиклинка», а наша ленинградская пролетарская фуражка, в которой и на работу, и на футбол.

При Полтавченко произошла невиданная кадровая чистка. Уволили сразу много начальников: радость всеобщая! Опала коснулась и «старого», и «молодого» дворов губернаторши: тех, с кем она зналась с комсомольской юности, и новых приближенных, пришедших в 2003 году. Георгий Сергеевич сменил всю команду Матвиенко на людей из «Русского афонского общества». Это мало доселе известная православная организация. Возглавляет ее президент ОАО «Российские железные дороги» Владимир Якунин. Членами организации «могут быть лица, достигшие 18 лет, совершившие паломничество на Святую Гору Афон, раз-

деляющие уставные цели Общества, ведущие достойный образ жизни».

В середине октября 2011-го вместо Аллы Маниловой вице-губернатором Петербурга, отвечающим за культуру и СМИ, был назначен бывший заместитель Георгия Полтавченко в Москве, челябинский бизнесмен Василий Кичеджи — активный «афонец». А 9 ноября вместо Михаила Осеевского еще одним вице-губернатором Петербурга стал бывший офицер-десантник Игорь Дивинский — исполнительный директор «Русского афонского общества».

Ответственный пост главы Государственной инспекции охраны памятников оказался у Александра Макарова — генерал-лейтенанта ФСБ, бывшего помощника Полтавченко, выпускника МАРХИ.

Иван Громов, сын еще одного «афонца» Алексея Громова, заместителя Полтавченко в ЦФО, возглавил комитет по информатизации.

И даже не отличавшийся доселе особой религиозностью начальник управления культуры режиссер Дмитрий Месхиев сообщил, что принял нынешний пост исключительно с благословения своего духовника.

В Смольном теперь иконостасы, перерывы на молитву. Полтавченко и Дивинский недавно очередной раз слетали на Афон. Макаров предложил передать Исаакиевский собор (там сейчас музей) церкви.

Очистительная гроза, торжество здравого смысла. В начале 1970-х была сверхпопулярна пьеса Игнатия Дворецкого «Человек со стороны»: новый начальник, честный коммунист, на неизвестном ему прежде предприятии, преодолевая сложившиеся нормы и ценности, навязывает себя коллективу и повышает производительность труда. Вот так и выглядит сегодня Георгий Полтавченко. Но боюсь, в отличие от пьесы Дворецкого, его история не закончится хеппи-эндом.

Существуют 3 силы, способные повлиять на благополучие хозяина Смольного, — население, местные элиты, Кремль.

Хотя граждане и отстранены от прямых выборов главы города, они, как показывает пример борьбы с Валентиной Матвиенко, способны результативно роптать: их голос рано или поздно услышат. Исторически местный избиратель не любит партию власти, будь то коммунисты, НДР (ее в Питере возглавлял тогдашний вице-губернатор Владимир Путин) или «Единая Россия» (результаты единороссов в городе всегда ниже, чем по стране в целом).

С петербургскими элитами у губернатора не все просто. У Полтавченко, кроме тех, с кем он когда-то работал в Ленинградской области или позже в московском постпредстве, своих людей нет. Все сколько-нибудь заметные приятели давно в Москве и о Питере не мечтают.

Настоящее экспертное сообщество им не сформировано, советоваться не с кем. Пока меняются посты в областях, относительно периферийных, — культура, СМИ. А что случится, когда дело коснется крупных инвестиционных контрактов, когда на кону окажутся денежные интересы корпораций? Этот блок Смольного никаких изменений не претерпел, им руководит бывший начальник Путина по отделу международных связей Ленинградского университета Юрий Молчанов.

Любопытно, что, по сведениям slon.ru, сын губернатора Алексей Полтавченко с 2010 года работает директором по развитию в России и СНГ тесно связанной с Афоном греческой строительной компании «Aktor», которая в январе 2011 года выиграла крупный концессионный проект в Петербурге по строительству мусороперерабатывающего завода. Проект будет реализовываться по принципу частно-государственного партнерства.

Кроме того, способному потомку губернатора принадлежат 50% ООО «Алексеевские хлебные заводы», доля в ООО «ЭТИКА и Ко», во владении которой находятся 50% ООО «Бик-Велл». В 2009 году ООО «Бик-Велл» выиграло тендер ОАО «Газпром» на строительство разведочных скважин Чаяндинского нефтегазоконденсатного месторождения. Он же собственник 10% ООО «Эстейт и Ко», ком-

пании, которая оказывает посреднические услуги при покупке, продаже и аренде нежилого недвижимого имущества. Во владении Полтавченко-младшего 30% ЗАО «Биржа грузоперевозок», 40% ООО «ПраймКом» (операции с недвижимостью), доля в ООО «Столичный Мультисервис» (ремонт бытовых изделий и предметов личного пользования). Алексей Полтавченко выступил соучредителем АНО «Межотраслевой институт дополнительного профессионального образования».

Пока что опасения тех, кто боялся установления теократии в городе, не сбылись. «Афонцы» чрезвычайно осторожны и выбрали скорее тактику «неделания». Афонский монастырь — оплот исихазма. Как сообщает нам «Брокгауз и Ефрон»: «Исихасты или Гезихасты, греч., мистики XIV в., среди афонских монахов XIV в., учили о существовании вечного не созданного света, который явился на горе Фаворе близ Назарета; для восприятия этого "Фаворского света" они по целым дням и ночам стояли неподвижно, вперив глаза в живот на место пупа».

Руководство Смольного губит ненужная рефлексия.

Отменены крупнейшие инвестиционные проекты задуманные Валентиной Ивановной — Орловский тоннель под Невой и Новоадмиралтейский мост, который должен был соединить Васильевский остров с континентом. Прекращено финансирование многострадальной «Газпром-арены» — главного городского стадиона. Реже стали заседания городского правительства, журналисты на них больше не допускаются. Лоббисты и депутаты не могут повидаться с нужными чиновниками.

Что касается собственных проектов, тут дело движется плохо. Годичный мораторий на выделение новых участков привел к открытому недовольству мощного строительного лобби. Генерального плана застройки Петербурга как не было, так и нет.

Автомобильный кластер, возникший при Матвиенко, не оправдывает надежд. Предполагалось, что большую часть

комплектующих будут производить местные компании. Но до сих пор фактически ведется отверточная сборка.

Наконец, переезд в Петербург штаб-квартир общенациональных компаний должен был давать значительную подпитку бюджету. Но, согласно новому закону, нефтяники и газовики должны теперь платить налоги по месту своей основной деятельности. В результате, по подсчетам экономистов, доходная часть бюджета города может лишиться 20% поступлений. Недовольство зреет.

НОВЫЕ ЛЮДИ

В Москве в ходе «снежной революции» выдвинулись люди и до того известные, просто не принимавшие прямого участия в политике: Быков, Собчак, Навальный, Парфенов, Акунин. В Петербурге своих медийных фигур не много — петербургский «Пятый», когда-то федеральный, канал с 2008 года принадлежит москвичам и передает в основном фильмы и сериалы из запасников ОРТ.

Юрий Шевчук на митингах не выступает, хотя и сочувствует. Гребенщиков пребывает в буддийской рефлексии. Гранин и Басилашвили немолоды. Поэтому важнейшей частью политической активности стали новые организации, возникшие за прошедшие бурные месяцы зимы и весны 2012-го. Прежде всего, это «Наблюдатели Петербурга» — организация, созданная перед декабрьскими выборами и насчитывавшая перед президентскими 3,5 тысяч активных участников. Координатор и идеолог — Александра Крыленкова (в мирной жизни у нее двое детей, муж-программист и бизнес по изготовлению букетов из шоколада). С апреля 2012-го «Наблюдатели» зарегистрированы как общественное движение и намерены наблюдать за выборами в муниципалитеты, готовить будущих муниципальных депутатов, следить за расходованием бюджетных денег, защищать парки и исторические здания. Акти-

вен уже упоминавшийся «Живой город», возглавляемый Юлией Минутиной.

Любой замысел властей, угрожающий гражданам, встречает решительный и немедленный отпор. Дмитрий Месхиев вынужден был отказаться от создания на месте «Ленфильма» кинофабрики из-за протеста кинематографистов, ведомых Александром Сокуровым и Алексеем Германом. Театральные критики и артисты сорвали задуманную им же театральную реформу. Заручившиеся всеми необходимыми бумагами застройщики вынуждены убираться с полюбившихся им «пятен» зеленых насаждений.

Гласность обеспечивает местный холдинг «Агентство журналистских расследований», газеты «Мой район» и «Деловой Петербург». Смольный теряет влияние. Он все менее интересен.

В Петербурге появилась молодая и самостоятельная политическая сила. 5 марта 2012-го многие из тех, кто впервые познакомился в декабре, оказались в автозаках и отделениях милиции. Эта массовая политическая инициация будет иметь важные последствия.

Петербург — бедный город. Эрмитаж, Публичная библиотека, «Зенит», Алексей Герман, Татьяна Буланова... Ни Аркадия Новикова, ни Виктора Шендеровича. Телекомпаний меньше, чем в Томске. Политики разъехались. Москва для Питера, как миф о загробной жизни: кто там побывал, оттуда не возвращается. От Михаила Шаца и Ксении Собчак до Владимира Путина и Игоря Сечина. Проехали Бологое, прощайте навсегда.

И политическая жизнь у нас не в пример беднее московской. В губернаторах — путинский заднескамеечник Георгий Полтавченко. В Законодательном собрании — пара-тройка дельных депутатов. Все те же, со времен Ленсовета, когда Владимир Владимирович еще ходил в ярком пиджаке и кашемировом пальто в пол цвета «кэмел».

Петербург не любит власть по трем причинам: город портовый, северный, завидует Москве. Мы смещали Анатолия Собчака, не давали избираться Валентине Матвиен-

ко и, в конце концов, добились ее отставки. Последние выборы в Законодательное собрание и Государственную думу эту политическую репутацию города только подтвердили. Несмотря на все ухищрения, за «Единую Россию» проголосовала примерно треть горожан. Но, тем не менее, удивительным образом единороссы получили относительное большинство в местном парламенте, хотя по подсчетам решительно всех наблюдателей побеждали «Яблоко» и «Справедливая Россия».

В столице жульничество на выборах вызвало многолюдные митинги и создание мощной «Лиги избирателей» во главе с общероссийскими знаменитостями. В Петербурге местные политики пребывали в раздрае. Лидеры легальной оппозиции — Оксана Дмитриева, Сергей Миронов, Олег Нилов — живут и работают в столице, те же, кто остался в городе, были заняты выборами и последующим делением мест в ЗАКСе.

Граждане были предоставлены сами себе. Только у «Яблока» и в меньшей степени у КПРФ существуют реальные низовые организации. Но и они оказались не готовы к общественному оживлению, «снежной революции». Ни разу на петербургских митингах не выступил даже депутат местного Законодательного собрания Григорий Явлинский.

Зато важную роль играл «Гражданский комитет», возглавлявшийся харизматичной Ольгой Курносовой. В него входили лидеры внепарламентских партий — бывшие нацболы, националисты, борцы против уплотнительной застройки, троцкисты, анархисты, ингерманландцы, касьяновцы и рыжковцы. Они привыкли 31-го числа каждого месяца мужественно получать по голове полицейскими дубинками у Гостиного двора.

Именно Курносова привозила в Петербург Артемия Троицкого, Алексея Навального, Виктора Шендеровича, Гарри Каспарова и других московских «соловьев». Но у нее же на митинге сначала выступил защитник прав лесбиянок и геев, а встык «белокурая бестия» — националист Николай Бондарик, что закончилось сокрушительным скандалом.

В результате «демократическая» тусовка во главе с энергичной яблочницей Татьяной Дорутиной окончательно рассорилась с «курносовскими» и митинги стали раздваиваться: с националистами и без них. Народ недоумевал и ходил и туда, и сюда.

И везде все те же ораторы, которых все меньше слушали, те же участники, те же плакаты. То, что удалось зимой 2011—2012 годов москвичам на Болотной площади и проспекте Сахарова, не получилось в Петербурге у ТЮЗа и на Конюшенной площади.

Здешние «Справедливая Россия», «Яблоко» и КПРФ, за которых голосовали рассерженные избиратели, никогда не поражали интеллектуальным ресурсом. Слушая их ораторов, вспоминаешь гумилевское: «И, как пчелы в улье опустелом, дурно пахнут мертвые слова».

Ни Сергей Миронов, ни Оксана Дмитриева, ни Григорий Явлинский — не похожи на Льва Троцкого, который, выступая 10 дней подряд в цирке на Каменноостровском, подбил рабочих, солдат, горничных и ресторанных половых взять Зимний.

Наши, словами Достоевского, «сильные губернские головы» суть члены небольших тоталитарных сект, не умеющие привлекать на свою сторону городских знаменитостей. В Петербурге известные люди не хотят быть «в тренде», ходить в общей толпе. Их надо уговаривать, без приглашений они не появятся. Не пригласили.

Не было ни тех, кто выступал против «Газоскреба» — Олега Басилашвили, Алексея Германа, Алексея Девотченко, ни ставшего знаменитым в момент борьбы с матвиенковскими «сосулями» «мента» Михаила Трухина. Что думает полузащитник Роман Широков? На чьей стороне Диана Вишнева? Не споет ли митингующим Анна Нетребко? Не поставит ли все это Андрей Могучий? Надо шевелить мозгами, заниматься хэдхантингом, но делать это у протестующих было некому.

Как журналист, автор этих строк посещал митинги, заседал в различных политических комитетах и до поры до вре-

мени испытывал состояние дежавю. Поколение 1991 года себя исчерпало. Да и сверстники Немцова и Каспарова не сообщали ничего слишком интересного. Из относительно новых лиц выделялись лидер нацболов громкоголосый Андрей Дмитриев и русско-чеченский писатель Герман Садулаев. Слушатели переросли ораторов. И настоящей новостью «снежной революции» в обеих столицах стало появление нового политического поколения. Главную роль в движении сыграли люди, о существовании которых еще несколько месяцев назад никто не подозревал.

5 декабря 2011 года студент 4-го курса факультета международных отношений Петербургского университета Даниил Клубов, уязвленный произошедшей на выборах в Думу и ЗАКС несправедливостью, создал страничку «ВКонтакте», где предложил организовать социальную сеть волонтеров-наблюдателей. Дане 22 года, отец у него — юрист, мать — психолог, 3 брата. Семья скромная, ни машины, ни квартиры у Клубова нет. Он пишет стихи, хороший студент, стажировался в Швейцарии, думает защищать магистерскую в Германии.

К концу февраля страничку Клубова посетили 10 тысяч человек. Вскоре возникла ассоциация наблюдателей «За честные выборы». Запись в наблюдатели шла теперь на специальном сайте. Члены ассоциации быстро разбились на 18 районных групп, готовивших наблюдателей для предстоящих президентских выборов.

Координатором всей этой массы волонтеров стала 33-летняя Александра Крыленкова. В ассоциации прошли обучение 3,5 тысячи наблюдателей (всего по городу за выборами наблюдало 11 тысяч человек).

В далеком 1989 году мы с группой приятелей основали в Петербурге первую с 1918 года (и до сих пор единственную) государственную классическую гимназию. Первый выпуск был в 1995-м. Скоро будет 20-й. Хорошо говорят на 3—5 языках, повидали Европу, работают, что называется, в креативных местах. В общем, хипстеры. Главный ре-

дактор «Афиши — Мир», успешный кинокритик, несколько известных журналистов глянца, человек пять защитили PhD, десяток — кандидатские диссертации. Рекламщики, программисты, пиарщики, маркшейдеры (дико выгодная специальность), юристы, бармены, телевизионщики... Есть даже знаменитый блогер, работающий на власть.

Поэтому молодых людей от Клубова до Крыленковой и их сверстников я знаю неплохо (хотя, как учитель или начальник, вприглядку). Они, как мне кажется, никогда особенно не интересовались политикой, не давали и не брали взяток, чуждались патетики (по контрасту с отцами — любителями Стругацких и Окуджавы). Их старшие братья из «поколения пепси» строили бизнес в бурные 90-е. Они же учились в университетах и школах, когда Владимир Путин стал президентом. Они любят «правильную» одежду, музыку, кино. Это первое поколение, чьи ценности в целом буржуазны: «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботы суетного света он малодушно погружен».

Что-то стало меняться года два назад. Молодые, жившие вне власти, вдруг ощутили, что она «отвратительна, как руки брадобрея». Три очевидные причины вызвали их тревогу. Откровенный обсчет и обвес, учиненный 4 декабря 2011-го. Понимание: Путин — всерьез и надолго. Ощущение обреченности на второразрядность. Они не боятся прокурора, как старшие. Им просто противно.

Того, что случится на этих выборах, несчастные молодые люди даже не подозревали. Но против лома нет приема. Человек с ружьем оказался сильнее. Основное воровство началось после 20:00, когда отключили камеры и удалили всех наблюдателей. По данным Александры Крыленковой, зафиксировано 762 случая нарушения действующего законодательства, 400 незаконных удалений с участков наблюдателей и членов избирательных комиссий, 22 случая фактов вброса бюллетеней, 26 сообщений о «каруселях» и 32 случая бегства от наблюдателей председателей избирательных комиссий вместе с итоговыми бюллетенями.

5 марта множество моих бывших учеников, а также сын и зять работали наблюдателями на избирательных участках. Сына выгнали с участка за то, что он фотофиксировал нарушения. Зять писал в Facebook с загадочного участка, скрытого в глубине Троицкого рынка: «Число избирательных бюллетеней, выданных в помещении для голосования в день голосования — 2197: Жириновский Владимир Вольфович — 0,50%, Зюганов Геннадий Андреевич — 1,27%, Миронов Сергей Михайлович — 0,82%, Прохоров Михаил Дмитриевич — 1,37%, Путин Владимир Владимирович — 96,04%. Простите меня, конечно, но не верю я этим данным. Ну, не может Миронов быть популярнее Жириновского на рынке!»

Ясно, что, когда на людей просто не обратили внимания, они свое недовольство выскажут. В 6 часов вечера 5 марта со своим постоянным финским соавтором и другом Арво Туоминеном я пошел на Исаакиевскую площадь посмотреть на то, что же там происходит. Собственно говоря, кроме невероятного количества ОМОНа, нескольких телевизионных групп и каких-то небольших людских скоплений, скорее зевак, ожидающих чего-то: салюта, драки, проезда английской королевы, — мы ничего не обнаружили.

Впрочем, кто-то знакомый разъяснил: начнется в 7. Мы пошли, выпили по 100 грамм и вернулись. На этот раз народу было много, преобладали люди того социального типа, который как-то разом появился на последних митингах: опрятные, образованные, приветливые молодые люди и девицы. Все было мирно, спектакль не начался, и даже либретто никто не знал. Вдруг ОМОН стал выхватывать из толпы каких-то случайных людей. Первое массовое скандирование: «Позор!» прозвучало только после начала задержаний.

Меня задержали одним из первых. Действовали омоновцы строго, на журналистское удостоверение внимания не обращали. Телефонов не отнимали, я дозвонился до своих товарищей-журналистов и через 2 часа вышел на

свободу возле отделения милиции на углу Тихорецкого и Науки.

Но тех, кому меньше повезло, а это человек 300, держали сутками. Они спали на полу отделений милиции, их не кормили первую ночь, водили в уборную под конвоем. Весь следующий день они ждали мирового суда, сидя в автозаках. Кто-то дождался, кто-то поехал обратно в милицию. «Люди 5 марта» запомнят эти унижения.

Людей оскорбили дважды — сначала замеченными фальсификациями на выборах, а потом на площади, где они против этих фальсификаций пытались возражать. Это их первый совместный экзистенциальный опыт. Как Венгрия для поколения шестидесятников, Чехословакия — для семидесятников, перестройка — для тех, кому сейчас под 40.

Два оскорбления подряд примерно 10 тысячам не худших в Петербурге молодых людей. С этими воспоминаниями они будут жить всю оставшуюся жизнь.

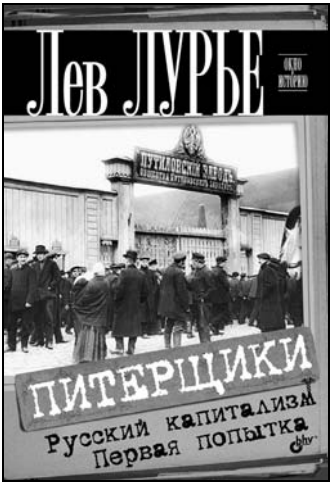
www.bhv.ru

Лурье Л.

Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка

Отдел оптовых поставок

E-mail: opt@bhv.spb.su



Русскому капитализму дали три шанса. Страна бурно развивалась с середины XIX века после освобождения крестьян, но развитие остановила революция 1917 года. Ленинский НЭП ненадолго позволил вздохнуть умиравшей от голода России, но вектор ее развития кардинально изменили коллективизация и индустриализация. Сейчас, на наших глазах, столь же быстро и столь же противоречиво проходит третья попытка построения капитализма в России. Возможно, чтобы лучше понять происходящее, нужно вернуться в прошлое и узнать, как строился капитализм в России в первый раз, и кто такие «питерщики», сыгравшие в этом одну из главных ролей. Как работал «социальный лифт» в стране, где статус в значительной степени определялся происхождением? Как формировался средний класс? Каковы судьбы «олигархов» из простонародья? Этим вопросам и посвящена книга. Время действия — три последних царствования: Александра II, Александра III, Николая II. Место — Санкт-Петербург.

Лев Лурье — историк и журналист. В 1989 г. основал первую в новой России Петербургскую классическую гимназию (школа № 610), где и по сей день преподает историю. Четырежды лауреат конкурса «Золотое перо» и обладатель Гран-при «Журналист года» этого конкурса. В 2006—2009 гг. возглавлял Дирекцию документального вещания ТРК «Петербург — Пятый канал», вел авторские передачи «Культурный слой» и «Живая история». Прошлое, о котором в телепередачах, книгах и статьях повествует Лев Лурье, населяют не памятники, а живые люди. Их можно уважать или, напротив, осуждать, но к ним нельзя оставаться равнодушными.

www.bhv.ru

Отдел оптовых поставок

E-mail: opt@bhv.spb.su

Лурье Л., Маляров Л.

Ленинградский фронт

В 1941—1944 годах на берегах Невы произошла одна из крупнейших в истории человечества гуманитарных катастроф. Миллион мирных граждан, в основном женщин и детей, умерли от голода, холода и бомбежек в блокадном Ленинграде. Еще полтора миллиона красноармейцев и солдат вермахта погибли в битвах за город. В течение многих десятилетий «правду» о войне писали генералы и политработники. В середине 2000-х годов петербургский «Пятый канал» предпринял попытку опросить еще оставшихся рядовых блокадников и фронтовиков. Были взяты около сотни интервью. В 4-серийный документальный фильм «Ленинградский фронт» вошла только малая их доля. В этой книге авторы попытались дать слово всем. Памяти тех, кто лежит на Пискаревском и Серафимовском, в Синявинских болотах и на дне Ладоги, посвящается.

Лев Лурье — историк и журналист. Четырежды лауреат конкурса «Золотое перо» и обладатель Гран-при «Журналист года» этого конкурса. В 2006—2009 гг. возглавлял Дирекцию документального вещания ТРК «Петербург — Пятый канал», вел авторские передачи «Культурный слой» и «Живая история».

Леонид Маляров — журналист, сценарист, режиссер. Вместе со Львом Лурье работал над многими документальными фильмами для «Пятого канала».

www.bhv.ru

Лурье Л.

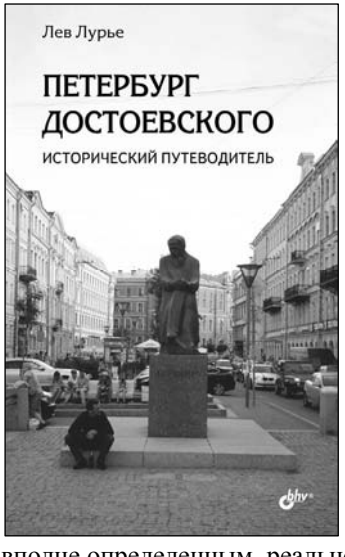
Петербург Достоевского. Исторический путеводитель

Отдел оптовых поставок

E-mail: opt@bhv.spb.su

«Это город полусумасшедших. Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге».

Ф. М. Достоевский



Путеводитель знакомит читателя с Петербургом Достоевского. Это не один, а два города: столица Российской империи между 1837 и 1881 годами, когда здесь жил писатель, город, удивительно хорошо сохранившийся (в отличие от диккенсовского Лондона, Парижа Гюго или Москвы Толстого), и пространство, созданное воображением писателя, где жили его герои. Одна из особенностей творчества Достоевского — необычайно точная топографическая привязка его романов. Писатель мысленно расселял героев по конкретным зданиям, отправлял их в бесконечные блуждания по вполне определенным, реально существующим улицам.

Путеводитель состоит из 5 маршрутов, каждый из которых рассчитан на 2—3-часовую пешеходную экскурсию.

Лев Лурье — историк и журналист, петербуржец в четвертом поколении. Обладатель «Анциферовской премии» за лучшее исследование истории Петербурга. Основатель Санкт-Петербургской классической гимназии, где преподает историю. В 2006—2009 гг. возглавлял Дирекцию документального вещания ТРК «Петербург — Пятый канал», вел авторские передачи «Культурный слой» и «Живая история». Автор 11 книг, среди которых «Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка», «Ленинградский фронт» (последняя — в соавторстве с Л. Маляровым).